

ВОЛГОГРАДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
VOLGOGRAD STATE UNIVERSITY

ISSN 2587-8123 (Print)
ISSN 2658-5995 (Online)

НИЖНЕВОЛЖСКИЙ
АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ
ВЕСТНИК

2026
Том 25. № 1

THE LOWER VOLGA
ARCHAEOLOGICAL
BULLETIN

2026
Volume 25. No. 1

ISSN 2587-8123 (Print)
ISSN 2658-5995 (Online)

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ВОЛГОГРАДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

НИЖНЕВОЛЖСКИЙ
АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

2026

Том 25. № 1

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION
OF THE RUSSIAN FEDERATION
VOLGOGRAD STATE UNIVERSITY

THE LOWER VOLGA
ARCHAEOLOGICAL BULLETIN

2026

Volume 25. No. 1

THE LOWER VOLGA ARCHAEOLOGICAL BULLETIN

2026. Vol. 25. No. 1

Academic Periodical

First published in 1998

4 issues a year

Founder:

Federal State Autonomous
Educational Institution of Higher Education
“Volgograd State University”

The journal is registered in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Registration Certificate **ПН № ФС77-68211** of December 27, 2016)

The journal is included in the following Russian and international databases: **Scopus**, **Russian Science Citation Index** (RSCI, Web of Science), **eLIBRARY.RU** (Russia), **AWOL** (USA), **DOAJ** (Sweden), **MIAR** (Spain), **ROAD** (France), **SHERPA/RoMEO** (Spain)

Editorial Staff:

M.A. Balabanova – Dr. Sc., Prof., Chief Editor (Volgograd);
M.V. Krivosheev – Cand. Sc., Deputy Chief Editor (Volgograd);
K.S. Kovaleva – Executive Secretary (Volgograd);
V.I. Moiseev – Assistant Editor (Volgograd);
A.A. Novozhilova – Cand. Sc., Assoc. Prof., Editor of English Texts (Volgograd);
V.M. Klepikov – Cand. Sc., Assoc. Prof. (Volgograd);
E.V. Pererva – Cand. Sc. (Volgograd);
A.N. Dyachenko (Volgograd);
N.M. Malov – Cand. Sc. (Saratov);
V.N. Myshkin – Cand. Sc. (Samara)

A.S. Skripkin – Dr. Sc., Prof. (Chief Editor of the Periodical from 1998 to 2021) is permanently included in the editorial staff by the decision of the Academic Council of the Volgograd State University due to his outstanding contribution to the Journal's development

Address of the Editorial Office and the Publisher:

Prosp. Universitetsky 100, 400062 Volgograd.

Volgograd State University.

Tel.: (8442) 40-55-35. Fax: (8442) 46-18-48.

E-mail: nav@volsu.ru

Journal Website: <https://nav.jvolsu.com>

English version of the Website:

<https://nav.jvolsu.com/index.php/en>

Editorial Board:

Dr. Sc., Prof. *A.I. Aybabin* (Simferopol); Dr. Sc. *A.Yu. Alekseev* (Saint Petersburg); Dr. Sc., Acad. of RAS *Kh.A. Amirkhanov* (Moscow); Cand. Sc. *A.V. Borisov* (Pushchino); Dr. Sc., Acad. of RAS *A.P. Buzhilova* (Moscow); Senior Researcher *I.O. Gavritukhin* (Moscow); Dr. Sc., Prof. *M.S. Gadzhiev* (Makhachkala); Dr. Sc. *I.P. Zasetskaya* (Saint Petersburg); Dr. Sc. *E.D. Zilivinskaya* (Moscow); Dr. Sc., Corr. Member of RAS *A.I. Ivanchik* (Moscow); Docteur habilité *M.M. Kazanskiy* (Paris, France); Dr. Sc. *A.G. Kozintsev* (Saint Petersburg); Dr. Sc., Prof. *L.N. Koryakova* (Yekaterinburg); Dr. Sc., Assoc. Prof. *V. Kulchar* (Szeged, Hungary); Dr. Sc. *S.I. Lukyashko* (Rostov-on-Don); Cand. Sc. *V.Yu. Malashev* (Moscow); Cand. Sc., Prof. *V.I. Marchenko* (Krasnodar); Dr. Sc., Prof. *S.Yu. Monakhov* (Saratov); Dr. Sc., Prof. *N.L. Morgunova* (Orenburg); Dr. Sc., Prof. *L.F. Nedashkovsky* (Kazan); Dr. Sc., Prof., Corr. Member of RAS *N.V. Polosmak* (Novosibirsk); Cand. Sc. *O.A. Radyush* (Moscow); Cand. Sc. *B.A. Raev* (Rostov-on-Don); Dr. Sc. *N.N. Seregin* (Barnaul); Dr. Sc. *M.Yu. Treister* (Bonn, Germany); Dr. Sc., Prof. *A.M. Khazanov* (Madison, USA); Dr. Sc., Prof. *I.N. Khrapunov* (Simferopol); Cand. Sc. *S.V. Sharapova* (Yekaterinburg); Cand. Sc. *L.V. Yavorskaya* (Moscow)

Editors, Proofreaders: *S.A. Astakhova*, *U.V. Naumova*

Making up by *O.N. Yadykina*

Technical editing by *E.S. Reshetnikova*

Passed for printing on Jan. 12, 2026.

Date of publication: Apr. 23, 2026. Format 60×84/8.

Offset paper. Typeface Times.

Conventional printed sheets 18.4. Published pages 19.8.

Number of copies 500 (1st printing 1–27 copies).

Order 22. «C» 2.

Open price

Address of the Printing House:

Bogdanova St, 32, 400062 Volgograd.

Postal Address:

Prosp. Universitetsky 100, 400062 Volgograd.

Publishing House of Volgograd State University.

E-mail: izvolgu@volsu.ru

НИЖНЕВОЛЖСКИЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

2026. Т. 25. № 1

Научный журнал

Основан в 1998 году

Выходит 4 раза в год

Учредитель:

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Волгоградский государственный университет»

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-68211 от 27 декабря 2016 г.)

Журнал включен в следующие российские и международные базы данных: **Scopus**, **Russian Science Citation Index** (RSCI, Web of Science), **РИНЦ** (Россия), **AWOL** (США), **DOAJ** (Швеция), **MIAR** (Испания), **ROAD** (Франция), **SHERPA/ReMEO** (Испания)

Редакционная коллегия:

М.А. Балабанова – д-р ист. наук, проф., главный редактор (г. Волгоград);

М.В. Кривошеев – канд. ист. наук, заместитель главного редактора (г. Волгоград);

К.С. Ковалева – ответственный секретарь (г. Волгоград);

В.И. Моисеев – технический секретарь (г. Волгоград);

А.А. Новожилова – канд. филол. наук, доц., редактор текстов на английском языке (г. Волгоград);

В.М. Клепиков – канд. ист. наук, доц. (г. Волгоград);

Е.В. Перерва – канд. ист. наук (г. Волгоград);

А.Н. Дьяченко (г. Волгоград);

Н.М. Малов – канд. ист. наук (г. Саратов);

В.Н. Мышкин – канд. ист. наук (г. Самара)

А.С. Скрипкин – д-р ист. наук, проф. (главный редактор журнала с 1998 по 2021 г.) решением Ученого совета Волгоградского государственного университета навечно включен в состав редакционной коллегии в связи с огромным вкладом в развитие журнала

Адрес редакции и издателя:

400062 Волгоград, просп. Университетский, 100.

Волгоградский государственный университет.

Тел.: (8442) 40-55-35. Факс: (8442) 46-18-48.

E-mail: nav@volsu.ru

Сайт журнала: <https://nav.jvolsu.com>

Англояз. версия сайта журнала:

<https://nav.jvolsu.com/index.php/en>

Редакционный совет:

д-р ист. наук, проф. *А.И. Айбабин* (г. Симферополь);

д-р ист. наук *А.Ю. Алексеев* (г. Санкт-Петербург);

д-р ист. наук, акад. РАН *Х.А. Амирханов* (г. Москва);

канд. биол. наук *А.В. Борисов* (г. Пушино); д-р ист.

наук, акад. РАН *А.П. Бужилова* (г. Москва); ст. науч.

сотр. *И.О. Гавритухин* (г. Москва); д-р ист. наук,

проф. *М.С. Гаджиев* (г. Махачкала); д-р ист. наук

И.П. Засецкая (г. Санкт-Петербург); д-р ист. наук

Э.Д. Зиливинская (г. Москва); д-р ист. наук, чл.-кор.

РАН *А.И. Иванчик* (г. Москва); д-р хаб. *М.М. Казан-*

ский (г. Париж, Франция); д-р ист. наук *А.Г. Козин-*

цев (г. Санкт-Петербург); д-р ист. наук, проф.

Л.Н. Корякова (г. Екатеринбург); канд. ист. наук,

доц. *В. Кульчар* (г. Сегед, Венгрия); д-р ист. наук

С.И. Лукьяшко (г. Ростов-на-Дону); канд. ист. наук

В.Ю. Малашев (г. Москва); канд. ист. наук, проф.

И.И. Марченко (г. Краснодар); д-р ист. наук, проф.

С.Ю. Монахов (г. Саратов); д-р ист. наук, проф.

Н.Л. Моргунова (г. Оренбург); д-р ист. наук, проф.

Л.Ф. Недашковский (г. Казань); д-р ист. наук, проф.,

чл.-кор. РАН *Н.В. Полосьмак* (г. Новосибирск);

канд. ист. наук *О.А. Радюш* (г. Москва); канд. ист.

наук *Б.А. Раев* (г. Ростов-на-Дону); д-р ист. наук

Н.Н. Серезин (г. Барнаул); д-р ист. наук *М.Ю. Трей-*

стер (г. Бонн, Германия); д-р ист. наук, проф.

А.М. Хазанов (г. Мэдисон, США); д-р ист. наук,

проф. *И.Н. Храпунов* (г. Симферополь); канд. ист.

наук *С.В. Шаранова* (г. Екатеринбург); канд. ист.

наук *Л.В. Яворская* (г. Москва)

Редакторы, корректоры: *С.А. Астахова*, *У.В. Наумова*

Верстка *О.Н. Ядыкиной*

Техническое редактирование *Е.С. Решетниковой*

Подписано в печать 12.01 2026 г.

Дата выхода в свет: 23.04 2026 г. Формат 60×84/8.

Бумага офсетная. Гарнитура Таймс. Усл. печ. л. 18,4.

Уч.-изд. л. 19,8. Тираж 500 экз. (1-й завод 1–27 экз.).

Заказ 22. «С» 2.

Свободная цена

Адрес типографии:

400062 г. Волгоград, ул. Богданова, 32.

Почтовый адрес:

400062 Волгоград, просп. Университетский, 100.

Издательство Волгоградского государственного университета.

E-mail: izvolgu@volsu.ru

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

- Кияшко А.В.* Культурно-хронологическая и социальная атрибуция ямных и катакомбных погребений донецко-донского региона с металлическими топорами 5
- Гак Е.И., Skorobogatov A.M.* Памятники с керамикой «ямно-репинского типа». Парадоксы историографии, проблемы изучения и новые данные 37
- Смольянинов Р.В., Куличков А.А.* Материалы ямно-репинского культурного типа эпохи бронзы с поселения Карамышево 9 на Верхнем Дону 60
- Перовозчикова А.А., Гончарова Н.Н., Березина Н.Я.* Патология зубочелюстной системы населения Северного Кавказа от железного века до раннего средневековья (по материалам могильника Заюково-3) 82
- Енуков В.В.* Хронология финала роменской культуры «Посемья» по материалам нумизматики 100
- Зиливинская Э.Д.* Многокомнатные дома Самосдельского городища (по материалам I раскопа) 123
- Недашковский Л.Ф., Шигапов М.Б.* Костяные изделия с Багаевского селища 144
- Шিশлина Н.И., Орфинская О.В., Леонова Н.В., Мамонова А.А., Блинов И.А., Кузнецова О.В.* Шелковый средневековый текстиль Северо-Западного Прикаспия и Нижнего Подонья: технологический анализ, ¹⁴C даты и изотопный состав азота и углерода 161

ИНФОРМАЦИЯ О ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

- Очередной А.К., Ремизов С.О., Иванов Я.Д., Клименко П.Г., Мартын В.А., Верхолюмова Д.И., Курбанов Р.Н., Идрисов И.А.* Особенности распространения и степени сохранности культурного слоя среднепалеолитической стоянки Челюскинец II (по результатам работ 2025 г.) 184

ПЕРСОНАЛИИ

- Памяти коллеги и друга
Ивана Ивановича Марченко (1955–2026)
(Коллектив археологов и антропологов
Волгоградского государственного университета
и редколлегии «Нижеволжского археологического
вестника») 196

CONTENTS

ARTICLES

- Kiyashko A.V.* Cultural, Chronological and Social Attribution of Yamnaya and Catacomb Burials with Metal Axes in the Donetsk-Don Region 5
- Gak E.I., Skorobogatov A.M.* Sites with “Yamnaya-Repin Type” Ceramics. Paradoxes of Historiography, Study Problems, and New Data 37
- Smolyaninov R.V., Kulichkov A.A.* Materials of the Yamnaya-Repin Cultural Type from the Bronze Age of the Karamyshevo 9 Settlement in the Upper Don River 60
- Perevozchikova A.A., Goncharova N.N., Berzina N.Ya.* Dental Pathology in the North Caucasus Population from the Iron Age to the Early Middle Ages (Zayukovo-3 Burial Ground Materials) 82
- Enukov V.V.* Chronology of the Final of the Romny Culture “Posemye” Based on Numismatic Materials 100
- Zilivinskaya E.D.* Multi-Room Houses of the Samosdelskoye Settlement (Based on the Materials of the 1st Excavation) 123
- Nedashkovsky L.F., Shigapov M.B.* Bone Wares from Bagaevka Settlement 144
- Shishlina N.I., Orfinskaya O.V., Leonova N.V., Mamonova A.A., Blinov I.A., Kuznetsova O.V.* Medieval Silk Textile from the Northwestern Caspian and the Lower Don Regions: Technological Analysis, ¹⁴C Data, the ¹⁵N and ¹³C Isotopic Composition of Ancient Cloths 161

INFORMATION ON FIELD STUDIES

- Otcherednoy A.K., Remizov S.O., Ivanov Ya.D., Klimenko P.G., Martin V.A., Verkholomova D.I., Kurbanov R.N., Idrisov I.A.* Distribution and Preservation Status of the Cultural Layer at the Middle Paleolithic Site Chelyuskinets II (Based on the Results of 2025 Fieldwork) 184

PERSONALITIES

- In memory of Our Colleague and Friend
Ivan I. Marchenko (1955–2026)
(A team of archaeologists and anthropologists
from Volgograd State University
and the editorial board of the Lower Volga
Archaeological Bulletin) 196

DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2026.1.1>UDC 903'1(47+57):903.5
LBC 63.442.6(2)-7Submitted: 26.09.2025
Accepted: 24.10.2025

**CULTURAL, CHRONOLOGICAL AND SOCIAL ATTRIBUTION
OF YAMNAYA AND CATACOMB BURIALS WITH METAL AXES
IN THE DONETSK-DON REGION ¹**

Aleksey V. Kiyashko

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation;
Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences,
Saint Petersburg, Russian Federation

Abstract. In the first quarter of the 21st century, it became possible to expand research on the key issues of ancient metallurgy and metalworking, as well as related social and cultural processes, based on the database accumulated by Bronze Age archaeology over the previous century. The phenomenal discoveries of antiquities from Maikop, Novosvobodnaya, the dolmens of the Western Caucasus, and the Velikent catacombs have enhanced our understanding of the vibrant cultures of the Ponto-Caspian steppes, including Novotitarovskaya, Yamnaya, Catacomb, and North Caucasian cultures. Nowadays, the interrelationship among all these phenomena is becoming increasingly evident. Over the past five years, a series of seven burial complexes with the numerous gun and weapon inventories has been investigated, which included bronze eye axes that have been explored in the Donetsk-Don region. The high social status of the deceased is highlighted by the frequent finds of silver and gold jewellery. These burials were performed in catacombs and also have signs of a rite (large kurgans, priority layout in the kurgan, large size of the catacomb, etc.), as well as various categories of non-metallic prestigious inventory (stone pommels of maces, pestles and mortars, hammer axes, drilled axes, and flint arrowheads), which make them elite. A typological analysis of these complexes and previously found similar complexes, as well as the search for analogies among stratified kurgan materials and dated Caucasian antiquities, allowed relating them to various stages of the Donetsk catacomb culture. First of all, these burial complexes are related to the early and developed stages corresponding to the Uspensky and Privolnensky stages of Caucasian metalworking. The ceremonial and inventory signs of the elite status of those buried in these catacombs show detailed similarities with such signs from a certain category of graves of the Novosvobodnensky (Late Maikop) period. They belong to “the artefact group 2”, which represents complexes with a set of military-hunting equipment and tools for wood processing according to the classification of S.N. Korenevsky. Taking into account the hypothesis about the genesis of the dolmens and early catacombs based on the megalithic traditions of the burial rite of Novosvobodnaya, this similarity is legitimate.

Key words: burial rite, ancient metallurgy and metalworking, bronze axe, catacomb culture, typology, periodization, chronology, social attribution.

Citation. Kiyashko A.V., 2026. Kul'turno-hronologicheskaya i sotsial'naya atributsiya yamnyh i katakombnyh pogrebeniy donetsko-donskogo regiona s metallichesкими toporami [Cultural, Chronological and Social Attribution of Yamnaya and Catacomb Burials with Metal Axes in the Donetsk-Don Region]. *Nizhnevolzhskiy Arkheologicheskii Vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], vol. 25, no. 1, pp. 5-36. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2026.1.1>

КУЛЬТУРНО-ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ И СОЦИАЛЬНАЯ АТТРИБУЦИЯ ЯМНЫХ И КАТАКОМБНЫХ ПОГРЕБЕНИЙ ДОНЕЦКО-ДОНСКОГО РЕГИОНА С МЕТАЛЛИЧЕСКИМИ ТОПОРАМИ¹

Алексей Владимирович Кияшко

Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация;
Институт истории материальной культуры РАН, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Аннотация. В первой четверти XXI в. на основе базы данных, накопленных археологией эпохи бронзы в минувшее столетие, удалось развернуть исследования ключевых вопросов древней металлургии и металлообработки, а также связанных с ними социокультурных процессов. Феноменальные открытия древностей Майкопа, Новосвободной, дольменов Западного Кавказа, катакомб Великента и т. д. способствовали осмыслению таких ярких культур понто-каспийских степей, как новогиторовская, ямная, катакомбная, северокавказская и т. д. В настоящее время взаимосвязь между всеми этими явлениями становится все более очевидной. В донецко-донском регионе в последние пять лет исследована серия из 7 погребальных комплексов с обильным орудийно-оружейным инвентарем, включающим бронзовые проушные топоры. Неординарный статус умерших подчеркивают частые находки серебряных и золотых украшений. Это преимущественно катакомбные погребения, элитарный характер которых подтверждается признаками обряда (большие курганные насыпи, приоритетная планировка в кургане, крупные габариты катакомбы и т. д.), а также разнообразными категориями неметаллического престижного инвентаря (каменные наверхия булавы, песты и ступы, топоры-молоты, сверленные топоры, кремневые наконечники стрел). Типологический анализ этих и найденных ранее подобных комплексов, а также поиски аналогий среди стратифицированных курганных материалов и датированных кавказских древностей, позволили отнести их к различным этапам донецкой катакомбной культуры. Прежде всего это ранний и развитый этапы, соответствующие успенскому и привольненскому этапам кавказской металлообработки. Обрядовые и инвентарные признаки элитарного статуса погребенных в этих катакомбах обнаруживают детальное сходство с подобными признаками с определенной категорией могил новосвободненского (позднемайкопского) периода. Они относятся к «артефактной группе 2» комплексов с набором военно-охотничьего снаряжения и инструментов деревообработки по классификации С.Н. Корневского. С учетом гипотезы о генезисе дольменов и ранних катакомб на основе мегалитических традиций погребального обряда Новосвободной такое сходство является закономерным.

Ключевые слова: погребальный обряд, древняя металлургия и металлообработка, бронзовый топор, катакомбная культура, типология, периодизация, хронология, социальная атрибуция.

Цитирование. Кияшко А. В., 2026. Культурно-хронологическая и социальная атрибуция ямных и катакомбных погребений донецко-донского региона с металлическими топорами // Нижневолжский археологический вестник. Т. 25, № 1. С. 5–36. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2026.1.1>

Введение. Первая четверть XXI в. в области изучения культурогенеза эпохи бронзы отмечена значительными достижениями [Бочкарев, 2017; Бочкарев, Кашуба, 2018]. В центре внимания исследователей находятся древняя металлургия и металлообработка. В этой сфере все большее значение приобретает комплексный анализ данных. Особо заметны достижения в использовании естественно-научных методов, в частности рентгенофлуоресцентного и изотопного анализа металлических изделий. Следует отметить, что результативность такого подхода повышается, если в изучаемом регионе удастся выя-

вить и исследовать объекты, непосредственно связанные с металлургическим производством (рудники, поселения металлургов, мастерские). Примером такого синтеза данных служат работы по бронзовому веку южноуральского региона [Черных, 2007; Анкушева и др., 2025].

Исследования древней металлургии Северного Кавказа и степей Предкавказья тоже развивались (см., например: [Гак, 2005; Корневский, 2011]), однако активное освоение этих территорий в железном веке уничтожило явные следы вышеназванных объектов металлургии. Ученым приходится в основном до-

вольствоваться изучением самих металлических изделий, в значительной степени используя методы типологии, картографии, вариационной статистики и т. д.

Хорошим подспорьем такому подходу являются различные виды депонирования свидетельств древней металлообработки, прежде всего такие, как клады и погребения. Особое значение имеют большие стратифицированные курганы эпохи бронзы степного Предкавказья, содержащие погребения мастеров-металлургов с производственным инвентарем, а также могилы социальных лидеров с наборами разнообразных предметов из металла.

Актуальность и цель исследования.

В данной статье речь пойдет о последней категории источников, а именно – о захоронениях периода ранней и средней бронзы с проушными металлическими топорами. Актуальность исследования обусловлена недавними открытиями и публикацией значительного количества такого рода комплексов, относящихся в основном к катакомбной культуре донецко-донского региона². За последние семь лет их количество увеличилось почти в 2 раза: от 7 до 13 погребений. Цель работы – определить структуру таких комплексов, особенности их локализации, культурно-хронологическую принадлежность и социальную атрибуцию.

В первой четверти XXI в. в историографии эпохи бронзы юго-восточной Европы возникла и получила развитие тематика элитарных погребений ямно-катакомбного времени с обильным металлическим инвентарем, в частности, с бронзовыми топорами [Братченко, Санжаров, 2001; Кияшко, 2002, с. 32–33; 2024б, с. 136; Богданов, 2004, с. 246–250; Мимоход, 2009, с. 118–122; Моргунова, 2014, с. 206; 2021, с. 294–295; и др.]. Практически все эти исследователи в той или иной степени связывали появление такого рода комплексов с майкопско-новосвободненской социокультурной традицией захоронений представителей племенной знати, которая охватила обширный степной регион от Волго-Уралья до Поднепровья и сохраняла свое значение практически весь период средней бронзы [Кияшко, 2002, с. 20–21; Рысин, 2007, с. 204; Корневский, 2004, с. 78–82].

Разнообразный и богатый ритуал кавказских погребений в степных условиях был ре-

дуцирован, но сохранил свои основные структурные элементы: крупные курганные насыпи и могильные сооружения, более или менее широкий ассортимент металлических орудий в инвентаре и наличие украшений из драгоценных металлов. Любопытно, что первоначально такого рода погребения были исследованы на далекой периферии кавказского влияния, среди ямных памятников Среднего Дона (Павловск, курган 31, погребение 4 и 5) [Синюк, 1983, с. 23–28, рис. 8,5–10, 9,1–21], Средней Волги (Утевка I, курган 1, погребение 1) [Васильев, 1980], Среднего Днестра (Подлесье, курган 1, погребение 2) [Братченко и др., 2000, с. 10–13, рис. 3] и Южного Приуралья (Тамар-Уткуль VII, курган 8, погребение 4) [Моргунова, Кравцов, 1994, рис. 9].

Источники. Большинство рассматриваемых погребений (9 из 13) исследованы в нижнем и среднем течении Северского Донца, по одному комплексу найдено на берегах Нижнего и Среднего Дона и два – на берегах донского притока реки Медведица (рис. 1).

Первые три из них обнаружены на Донбассе: в 1975 г. – Приволье, курган 11, погребение 8; в 1991 г. – Беловодск, курган 6, погребения 2 и 9 (рис. 1,7–9, 6, 7). Эти комплексы были опубликованы в начале XXI в. [Братченко, Санжаров, 2001]. Совсем недавно стала известна еще одна катакомба с бронзовым топором (рис. 1,11, 8,10–14), исследованная в 2002 г. в могильнике Сватово, курган 2, погребение 8 [Санжаров, Черных, 2025, с. 83–86, рис. 31,1–5].

Также в конце XX в. были раскопаны и опубликованы два захоронения с бронзовыми топорами из донского региона в могильнике Павловск, курган 31, погребение 4 [Синюк, 1983, с. 24–27, рис. 8,5–10] (рис. 1,1, 2,1–6) и Большая Дмитриевка II, курган 4, погребение 1 [Матюхин, 1992] (рис. 1,12, 9,1–5). Еще один донской комплекс из могильника Нижняя Добринка II, курган 5, погребение 2 пополнил выборку могил с бронзовыми топорами в 2020 г. [Шинкарь, 2020] (рис. 1,10, 8,1–9).

За последние семь лет фонд элитарных погребений Подонцовья пополнился сразу шестью могилами. В 2018 г. была исследована катакомба 42 в кургане 1 могильника Веселый I у г. Новочеркаска [Кияшко, 2024б, рис. 7,8,9] (рис. 1,3, 3). В 2022 г. выборка увеличилась

сразу на три комплекса. Два из них – катакомбные: Верхний Пиховкин и Березовый III, курган 1, погребение 7 [Востриков, Ильюков, 2023, с. 39–42, 59–65, рис. 17–22] (рис. 1,4,5, 4, 12,4), а один – ямный – Малая Каменка VI, курган 1, погребение 13 [Щипанова и др., 2024] (рис. 1,2, 2,7–15). В 2023 г. А.В. Цыбрий исследовал катакомбу 5 с престижным инвентарем в одиночном кургане «Бородиновский IV» (рис. 1,6, 5) [Кияшко и др., 2025], а в 2024 г. была исследована еще одна катакомба с бронзовым топором у пос. Тарасовский – могильник Вертолетное поле, курган 5, погребение 6 (рис. 1,13, 12,12) [Чечина, 2026].

Помимо донецко-донских погребений (13) мы привлекаем к анализу металлических инвентарь из 6 элитарных комплексов Предкавказья и Северного Кавказа, а также орудия из состава Привольненского клада.

Методика. Погребальные комплексы с металлическими топорами донецко-донского региона отличаются выразительным обрядом и разнообразным инвентарем (рис. 2–8). Почти все рассматриваемые погребения относятся к донецкой катакомбной культуре и в основном датируются ее ранним и развитым этапом. Такая культурно-хронологическая близость комплексов, с одной стороны, затрудняет их разделение, а с другой – дает возможность выявить переходные звенья и детально реконструировать культурный процесс (рис. 12). По совокупности признаков их можно достаточно уверенно отнести к различным хронологическим этапам периода средней бронзы регионов степного Предкавказья, а также Нижнего и Среднего Подонья. Дополнительными критериями относительной хронологии рассматриваемых комплексов является типологический анализ отдельных категорий инвентаря с привлечением аналогий из подобных погребений с металлическими топорами северокавказского региона, а также Привольненского клада бронзовых орудий (рис. 1,14–26, 9, 10, 11,11,1–6).

Погребения с металлическими топорами ямной культуры (рис. 12,1,2). В изучаемую выборку включены два характерных комплекса ямного времени, которые маркируют его основные этапы на Дону (рис. 1,1,2, 2,1–15). Они открывают ряд элитарных захоронений бронзового века с престижным металлическим инвентарем.

Погребение 4 в кургане 31 у г. Павловска (рис. 2,1–6) по обряду и инвентарю относится к раннему этапу ямной культуры. Погребенный в яме умерший лежал скорченно на спине, с разворотом на правую сторону, головой на СВ. С ним был найден круглодонный сосуд с высоким, слегка желобчатым, горлом, орнаментированный в верхней части горизонтальной и двумя рядами встречных косых линий двойных наколов в отступающей технике (рис. 2,2). Нижняя часть тулова имела декор в виде горизонтальных линий густых отпечатков, образующих своего рода рифленую поверхность. А.Т. Синюк видит в этом декоре наследие среднестоговской культуры [Синюк, 1983, с. 76]. Набор металлических орудий, включающий топор, тесло и долото (рис. 2,3,4,6), а также каменная «наковаленка» и серебряное височное кольцо (рис. 2,5), свидетельствуют об элитарном статусе погребенного. С.Н. Корневский относит этот топор к новосвободненскому типу 2–2 [Корневский, 2011, с. 64]. Короткое тесло с трапециевидным клином имеет близкое единичное соотношение длины к ширине лезвия (рис. 2,4, 11,1,1). Оно отличается от майкопско-новосвободненских изделий лишь более резким расширением клина к лезвию. Долото (рис. 2,6), которое правильнее было бы назвать стамеской, находит аналогии в материалах гробниц Новосвободной [Корневский, 2011, рис. 72,1–9]. Близкая по форме и размерам стамеска была найдена в мегалитической докурманной могиле 22 с кромлехом, оказавшейся под насыпью кургана 1 могильника Веселый I³. Ее ритуал и керамика очень близки материалам Павловского комплекса с топором [Кияшко, 2019, с. 24, рис. 4,3–5].

Совокупность указанных признаков дает основание относить погребение 4 кургана 31 могильника Павловск к донской раннеямной культуре с новосвободненскими элементами в инвентаре. Важно отметить, что более древнее основное погребение 5 в этом кургане содержало сосуд и нож-бритву, в морфологии которых исследователи находят подражания майкопским прототипам [Синюк, 1983, с. 28, рис. 9,1–3].

Другой ямный комплекс с выразительным металлическим инвентарем: топор, тесло, долото, кинжал, нож и два стержня из мо-

гильника Малая Каменка VI, курган 1, погребение 13 (рис. 2,7–15) по ряду позиций претендует на более позднюю датировку. Обряд захоронений умерших в больших, широтно ориентированных ямах, в позе на спине, скорченно, головой на З, соответствует ритуальным обычаям позднейшего (так называемого городцовского) времени [Кияшко, 1999, с. 78–79]. Отсутствие керамики является характерной чертой взрослых погребений этого времени. Бронзовый топор (рис. 2,8) можно отнести к «андрюковскому» типу (группа 3 майкопско-новосвободненского времени) [Кореневский, 2011, с. 64–65, 241, рис. 44]. Длинножелобчатые долота со стержневидным насадом (рис. 2,10) характеризуются С.Н. Кореневским, как «одни из немногих вещей майкопско-новосвободненской общности, перешедших в эпоху среднего бронзового века». При этом сколько-нибудь статистически убедительных доказательств принадлежности этих долот к раннему бронзовому веку у автора не приведено [Кореневский, 2011, с. 77]. Мы предполагаем, что подобная форма возникает в постновосвободненское время. Похожее долото было обнаружено в ст-це Андрюковской, в кургане 6, в комплексе с топором, однотипным малокаменскому образцу [Рысин, 2008, рис. 2,10,12].

Если мы посмотрим на остальные металлические предметы из рассматриваемого комплекса: тесло, кинжал⁴, нож с изогнутым лезвием, длинный и короткий стержень (рис. 2,9,11–14), то близкие аналогии каждому из них обнаружим не в круге майкопско-новосвободненских древностей, а в погребении 30 кургана 1 из г. Тимашевска [Рысин, 2008, с. 199, рис. 5,1–4,8], богатый металлический инвентарь которого не содержит проушной топор, но вполне сопоставим с рассматриваемыми элитарными погребениями.

Тесло, имея несколько иное оформление лезвия и пятки, по пропорциям чрезвычайно сближается с изделием из Малой Каменки VI⁵ (рис. 11, 1,2). Большой нож из Тимашевска не столь крупный, как кинжал из Малой Каменки VI, и не имеет специфических насечек на клинке, но аналогичен ему по форме. То же можно сказать и об остальных предметах. Находка же в тимашевском комплексе молоточковидной булавки с прямым стержнем и

горизонтальным поясом орнамента, в сочетании с двумя бронзовыми бляхами с пуансонным орнаментом, окончательно «расставляет все точки над і». Становится понятно, что соответствия инвентарю из Малой Каменки VI надо искать в среде древностей позднейшей культуры Нижнего Дона [Кияшко, 1999, с. 146, рис. 90,13,15,16].

По нашей оценке, хронологически последовательные и взаимосвязанные позднейшие (городцовские) и преддонецкие катакомбные памятники, различаясь обрядово, составляют единство по ряду важных аспектов бытовой культуры (например, керамика, костяные булавки и т. д.). Их металлический инвентарь в целом более архаичный, чем Успенская коллекция (рис. 2,22–28), которая хронологически соответствует раннедонецкому горизонту катакомбных древностей [Кияшко, Лопатин, 2026, с. 71–72].

Это наблюдение возвращает нас к вопросу выделения особого этапа кавказской металлообработки, предшествующего успешному этапу. В свое время он был назван по эпонимному комплексу андрюковским этапом и считался постновосвободненским [Кияшко, 2002, рис. 28]. В этой статье мы сохраняем такое соотношение древностей (рис. 12). Однако новые радиоуглеродные даты позднего этапа древностей майкопско-новосвободненского круга максимально сблизились с датами позднейших и раннекатакомбных древностей Нижнего Дона⁶. Существует традиционное определение комплекса из станицы Андрюковской, курган 6, погребение 1 как новосвободненского [Иессен, 1950, таблица]. Вопрос хронологии этого комплекса («новосвободненский» или «постновосвободненский») должен стать результатом дальнейшей разработки типологии и периодизации майкопско-новосвободненских древностей.

Таким образом, предметы из Малой Каменки VI, а также серия аналогий им из комплексов, приведенных в работе М.Б. Рысина [Рысин, 2008, с. 195, рис. 2, с. 197, рис. 3, с. 198, рис. 4, с. 199, рис. 5, с. 204, рис. 13], дают основание для определения их в качестве металла андрюковского этапа, характерного для позднейшего-раннекатакомбного культурного пласта. Вопрос соотношения металлических изделий раннейшего комплекса из могильника

Павловск с кавказскими прототипами остается открытым до уточнения этапов майкопско-новосвободненской металлообработки.

Погребения с металлическими топорами раннего этапа донецкой катакомбной культуры (рис. 12,3–5). Они обнаружены в трех пунктах донецко-донского региона: Веселый I, курган 1, погребение 42; Березовый III, курган 1, погребение 7; курган Верхний Пиховкин (рис. 1,3–5, 3, 4, 12,5).

Два из них (Веселый I, Березовый III) содержали слабо скорченные на правом боку костяки, ориентированные черепом на ЮВ. Керамика из этих комплексов орнаментирована в раннедонецком стиле: рядами веревочных арочных отпечатков и вертикально-зональной паркетной композицией (рис. 3,1,2, 4,1,2). Захоронения были устроены в больших катакомбах, которые стратиграфически предшествовали могилам развитой донецкой культуры, то есть относились к ее раннему этапу.

Металлические топоры из комплексов Веселый I, Березовый III, Верхний Пиховкин – это изделия, отлитые снизу (в брюшко), с клином, скошенным книзу и расширяющимся к лезвию (рис. 3,3, 4,4, 12,4). Края и поверхности втулок топоров усилены горизонтальными валиками (кроме экземпляра из Березового III). Наиболее близкие аналогии им известны в Западном Предкавказье. Это случайная находка из села Московское на Ставрополье [Корневский, 1981, карта 1,1], а также топоры из комплекса Келермесский, курган 5, погребение 1 и из Успенской коллекции в Закубанье (рис. 2,16,25)⁷. По мнению А.И. Климушиной, эти топоры можно отнести к группе орудий раннекатакомбного времени келермесского типа, тяготеющей к территории Северо-Западного Кавказа. Следует отметить, что топор из комплекса Веселый несколько выделяется своими укороченными пропорциями. Это сближает его с топорами типа подлесье, распространенными западнее, в основном в бассейне Поднепровья [Климушина, 2023, с. 115–117, 123, рис. 4]. Возможно, орудие из Веселого представляет собой гибридную разновидность двух типов.

Обратимся к еще одной категории металлических изделий – топорам-теслам. Для наглядного представления о векторе изменения морфологии тесел необходимо рассмот-

реть не только предметы из названных катакомб, но и из двух более ранних ямных погребений (Павловск и Малая Каменка VI). Плоские тесла могут быть разделены на группы по методу С.Н. Братченко и С.Н. Санжарова в зависимости от индексов соотношения определенных размеров орудий. Этими авторами была установлена слабая вариабельность форм тесел раннего и среднего периодов катакомбной культуры при их явном отличии как от ямных, так и позднекатакомбных образцов [Братченко, Санжаров, 2001, с. 55–66, рис. 34, 35]. Применение этого метода к нашей выборке показало ту же тенденцию (рис. 11,1). Тесла из ямных погребений Павловск и Малая Каменка VI имеют индексы соотношения длины орудия к ширине лезвия (L/вл) и ширины лезвия к ширине пятки (вл/вп) соответственно 1,2 и 1,7, а также 1,4 и 1,9 (рис. 11,1,1,2). Близкие значения обнаруживают индексы тесел из Тимашевска: 1,6 и 1,6 и Андриюковской: 2 и 1,5 (рис. 11,1,3,4) [Рысин, 2008, рис. 2,1, 5,1]. Тесла же из Веселого I, Березового III и Верхнего Пиховкина близки между собой по индексу L/вл, который у них находится в диапазоне 2,2–2,7. Индекс вл/вп у них дает широкий разброс значений 1,6–2,7 из-за экстремальной ширины лезвия орудия из Веселого I, имеющего нестандартную секировидную форму (рис. 11,1,7,8,9). Аналогом изделий этой группы являются тесла из Утевки I, курган 1, погребение 1 и Тамар-Уткуль VII, курган 8, погребение 4 с индексами: L/вл в диапазоне 2,2–2,6 и вл/вп в диапазоне 1,7–1,9 (рис. 11,1,5,6) [Кияшко, 2002, табл. VI,5, X,2].

В двух комплексах из трех (Березовый III, Верхний Пиховкин) встречены долота со стержневидным насадом (соответственно рис. 4,8, 12,4). Они различаются лишь степенью выраженности рабочего желоба, причем хронологический приоритет имеют, по-видимому, длинножелобчатые долота. Таковым является изделие из Верхнего Пиховкина, идентичное изделию из Успенской коллекции (рис. 2,28). В целом тип долот со стержневидным насадом является более архаичным, свойственным позднеямному и раннекатакомбному этапам (например, комплекс Малая Каменка VI (рис. 2,10)), а также Койсугский могильник, Кулешовская группа, курган 1, погребение 2 [Максименко, Яценко, 2012, с. 34, рис. 1,5],

Веселый III, курган 8, погребение 2 [Кияшко, 2002, табл. V,3].

Бронзовые кинжалы и ножи являются обязательным атрибутом инвентарных комплексов с топорами: Веселый I (рис. 3,6); Березовый III (рис. 4,9,10); Верхний Пиховкин (рис. 12,4). В нашем случае кинжал найден в кургане Верхний Пиховкин (общая длина – 22,5 см, длина лезвия – 16,5 см). Для сравнения в упомянутом погребении Малая Каменка VI также был найден кинжал с показателями длины: общая – 21,1 см, лезвия – 15 см.

Как правило, кинжалы сочетаются в погребениях с ножами. Есть комплексы, которые включают два ножа разного размера (Березовый III). В морфологическом отношении и кинжалы, и ножи в целом разделяются на два типа: I – с лезвийной частью, расширяющейся к острию, как правило, пятиугольных очертаний (рис. 4,9, 12,4); II – с лезвийной частью узко листовидной формы, сужающейся от плечиков к острию (рис. 3,6, 4,10).

Такая морфология клинков в наших комплексах с топорами келермесского типа весьма показательна в хронологическом отношении. Мы уже не раз детально обосновывали, что специфические клинки пятиугольной и удлинненно-листовидной (лавролистной) формы маркируют ранний этап среднебронзового периода [Кияшко, 1999, с. 81–82; 2002, с. 25].

Иногда в комплексах с металлическими топорами встречаются втульчатые однозубые крюки. Из трех погребений такое сочетание встречено в Березовом III. У этого крюка верхняя часть оформлена в виде полусвернутой втулки, круглой в сечении. Изнутри ее поверхность украшена тремя рядами «жемчужин», нанесенными пуансоном, что является достаточно ранним признаком для такого рода изделий (рис. 4,6). Подобная технология отличает крюк из Березового III от аналогичного изделия из Успенской коллекции (рис. 2,26). В последнем втулка изготовлена методом литья по утрачиваемой восковой модели.

Следует также упомянуть встречаемость в рассматриваемых погребениях украшений из драгоценных металлов. Это серебряные височные подвески в 1,5 оборота (Веселый I – рис. 3,9), а также кольцевидные серьги, украшенные тремя рядами шишечек (Березовый III – рис. 4,3). Подобные украше-

ния известны в элитарном погребении из Ачхой-Мартана, курган 1, погребение 30. Там три ряда шишечек украшают серебряные серьги в один оборот [Бурков, Ростунов, 2004, с. 139–140, рис. 147, рис. 2,IX,4] (рис. 10,26). Следует отметить, что орнамент в виде тройных рядов шишечек достаточно универсален для разных территориально-хронологических и культурных групп (Березовый III – на Северском Донце, Ачхой-Мартан – Предгорья Кавказа). Еще один комплекс с подобным орнаментом происходит из Среднего Поволжья (золотые подвески из могильника Утевка I, курган 1, погребение 1).

Итак, в донецко-донском регионе впервые определены элитарные комплексы начала периода средней бронзы с бронзовыми топорами (Веселый I, Верхний Пиховкин, Березовый III – рис. 12,3–5), которые соответствуют успенскому этапу металлообработки и раннедонецкому этапу катакомбных древностей [Кияшко, 2002, рис. 28]. В отдельных предметах инвентаря из погребения Березовый III (топор без валиков на втулке, крюк с кованой втулкой) наблюдаются новации следующего, развитого катакомбного этапа.

Погребения с металлическими топорами развитого этапа донецкой катакомбной культуры (рис. 12,6–11). В рамках этого этапа рассмотрим семь комплексов в пяти могильниках донецко-донского региона: Бородиновский IV, курган 1, погребение 5; Беловодск, курган 6, погребения 2 и 9; Приволье, курган 11, погребение 8; Нижняя Добринка II, курган 5, погребение 2; Сватово, курган 2, погребение 8; Большая Дмитровка II, курган 4, погребение 1 (рис. 1,7–12, 6, 7, 8, 9,1–5).

Общими признаками обряда было устройство погребений в обширных и глубоких катакомбах, иногда основных в курганах (Нижняя Добринка II, Большая Дмитровка II). Наблюдается единство в ритуале: умершие лежат в позе средней скорченности на правом боку, ориентированные головой в западный или южный сектор. Интересна планиграфия погребения 5 из кургана 1 могильника Бородиновский IV: оно находится в северо-восточном секторе кургана в начале дуги погребений развитого этапа донецкой катакомбной культуры. Достаточно ранний облик имеет сосуд из него, орнаментированный в типичном «куб-

ковом» стиле (рис. 5,7). Эти признаки, а также особенности металлического инвентаря (см. ниже), определяют ранний, переходный характер комплекса из могильника Бородиновский IV. Еще одним объединяющим критерием данной группы памятников, за исключением погребения из могильника Большая Дмитровка II, являются бронзовые топоры колонтаевского типа [Корневский, 1976, с. 19–23, рис. 6,7] (рис. 5,4, 6,4, 7,9, 8,4,13).

Ядром рассматриваемой группы являются катакомбы Подонцовья из Беловодска и Приволья, опубликованные С.Н. Братченко и С.Н. Санжаровым в 2001 году. Изучив керамический инвентарь погребений (рис. 6,6–8, 7,1,2,4,15–17), авторы пришли к заключению об их принадлежности к кругу позднекатакомбных, бахмутских и манычских памятников [Братченко, Санжаров, 2001, с. 91–96, 105].

Четверть века тому назад я выразил сомнение по поводу этого вывода, усмотрев в ряде керамических изделий из этих катакомб архаические черты, позволяющие отнести их к раннеманычской культуре, синхронной развитым донецким древностям [Кияшко, 2002, с. 28]. Новые материалы и исследования дают возможность для более точного анализа. Например, в погребении 8 из кургана 11 могильника Приволье были найдены хронологически индифферентные по форме нож и шило с упором (рис. 6,2,3), которые могут быть отнесены и к развитому, и позднекатакомбному времени. На этом основании и с учетом классического реповидного сосуда в инвентаре (рис. 6,8) можно допустить вероятность его более поздней датировки (рис. 12,10).

Для оценки морфологии ножей, долот и тесел можно ориентироваться на признаки орудий Привольненского клада (рис. 1,20, 11,II), который стал основой для выделения А.А. Иессеном одноименного этапа кавказской металлообработки [Иессен, 1950, таблица]. В системе координат исследователя это был ранний этап среднего бронзового века, предшествовавший позднему костромскому.

Форма ножей из Беловодска, курган 6, погребение 2 и Привольненского клада практически идентична (сравним рис. 6,13 и рис. 11,II,1). Также не вызывает сомнений полное сходство долот со свернутой втулкой (рис. 6,10 и рис. 11,II,4). То же самое можно

сказать про нож и долото из комплекса Нижняя Добринка II (рис. 8,8,9). А вот долота и клинки из погребения 9 кургана 6 у Беловодска и из катакомбы 5 кургана 1 могильника Бородиновский IV содержат явные рудиментарные признаки предшествующего успенского этапа металлообработки. В Бородиновском IV обнаружено классическое желобчатое долото со стержневидным насадом, а в Беловодске – гибрид такого изделия со втульчатой схемой крепления древка (рис. 5,9, 7,14). Кинжал из Бородиновского IV (длина: общая – 26,5 см, лезвия – 21 см), а также нож из Беловодска имеют архаичную пятиугольную форму лезвия (рис. 5,12, 7,13).

Измерения найденных в бородиновской и беловодских катакомбах тесел позволили определить их индекс L/вл в широком диапазоне 2,6–3,4, а индекс вл/вп – в диапазоне 1,9–2,6. Все три тесла на графике оказались смещены вверх и вправо от позднеамных и раннекатакомбных орудий соответственно андрюковского (рис. 11,II,1,2) и успенского (рис. 11,II,7,8,9) этапов. Эта тенденция связана с ростом значений обоих индексов, отражающих удлинение изделий при сужении их пятки (рис. 11,II,10,14,15)⁸. Также следует отметить группировку индексов изучаемых тесел в зоне размещения индексов трех из четырех тесел привольненского клада (рис. 11,II,16,17,18,19). Если не учитывать параметры экстраординарно длинного тесла из этой группы (рис. 11,II,16), то совокупные диапазоны индексов трех оставшихся (рис. 11,II,17–19) составляют: L/вл – 2,8–3; вл/вп – 1,8–2,2. Эти диапазоны вполне сопоставимы с данными, приведенными выше для бородиновского и беловодских орудий. Таким образом, последние вполне можно считать вариантами тесел привольненского типа [Гак, 2005, с. 81, 82, рис. 47].

В комплексе Беловодск, курган 6, погребение 2 был найден бронзовый крюк небольших размеров с короткой кованой втулкой (рис. 6,15), аналогичный орудию из погребения 2 кургана 13 Власовского I могильника на севере Волго-Донского междуречья [Синюк, 1989, рис. 9,6,7, 10,1,2], которое, если судить по обряду и сосуду, относится к развитому (позднедонецкому) катакомбному периоду. Оба они восходят к более раннему успенско-

му прототипу с орнаментированной втулкой (рис. 2,26) и отличаются от длинных крюков позднекатакомбного времени (например, из комплекса Царицын, 1905, курган, погребение 2 [Кияшко, 2002, рис. 22,10]). Еще более архаично выглядит крюк из Бородиновского IV, который изготовлен методом литья по утрачиваемой восковой модели. Сечение рабочей части прямоугольное, у втулки – круглое. Втулка орудия украшена рельефными валиками в елочном стиле. Устье втулки оконтурено горизонтальной «веревочкой» (рис. 5,11). Следует напомнить, что подобным образом был изготовлен крюк из Успенской коллекции. Его литая втулка была украшена рельефными вертикальными змейками, веревочками и шишечками в виде свернутых спиралей (рис. 2,26).

В эпоху средней бронзы на Северном Кавказе известны аналогии среди материалов дольменной культуры, в частности два литых крюка из дольменов у села Верхняя Эшера [Марковин, 1994, с. 247–248, рис. 70, 22, 23]. Втулки этих крюков украшены рельефным орнаментом, причем один из них по наличию паркетных мотивов близок декору Бородиновского крюка, а второй – по вертикальным змейкам – сближается с крюком из Успенской коллекции. Такое сходство орнаментации в сочетании с технологическим единством дает основание предполагать инокультурное, дольменное происхождение литых втульчатых крюков из комплексов Предкавказья. Судя по всему, временем появления их в степи является раннедонецкий период. Это согласуется с комплексной датой предметов Успенской коллекции, но для погребения в могильнике Бородиновский IV развитой донецкой культуры литой втульчатый крюк с высокой степенью вероятности является пережитком [Кияшко и др., 2025, с. 91].

В ряде погребений данной группы, чаще в восточной части изучаемого донецко-донского региона, были найдены украшения из драгоценных металлов. В комплексе из могильника Бородиновский IV это были серебряная подвеска в 1,5 оборота и серьга-лунница (рис. 5,2,3) Элитарный характер погребения из могильника Нижняя Добринка II подчеркивала находка золотого височного кольца в 1,5 оборота (рис. 8,7), а также присутствие в могиле сразу двух курильниц (рис. 8,2,3). Последний при-

знак присущ захоронениям социально значимых индивидов в катакомбной культуре волго-донских степей (одиночный курган Перекопка V, погребение 7) [Сергацков и др., 2012, с. 38–39].

У погребенного в катакомбе 8 кургана 5 могильника Сватово на кисти правой руки располагался наборный браслет из бус: костяных, каменных (черный гагат), а также изготовленных из раковины (рис. 8,10,12). В могильной камере также были найдены глиняный сосуд, каменная плитка и небольшой бронзовый топорик колонтаевского типа (рис. 8,11,13,14).

Особый, пышно орнаментированный топор из могильника Большая Дмитриевка II представляет собой уникальную для нижневолжского региона находку (рис. 9,5). Серия подобных топоров происходит с территории предгорий Северного Кавказа. Один, предположительно более архаичного облика, обнаружен в погребении 1 раннего этапа северокавказской культуры кургана 2 у поселка Черноморский на Кубани [Тарабанов, 1990, с. 41–42, рис. 14, 15], в комплексе с жаровней из дна глиняного сосуда, бронзовыми подвесками в виде перевитых стерженьков с шариком на конце и золотого височного кольца в полтора оборота (рис. 9,13–17). Еще один такой топор происходит из кургана в городе Георгиевске. Он был найден вместе с высокогорлым сосудом северокавказского облика, орнаментированным веревочными отпечатками и треугольными вдавлениями штампа (рис. 9,6,7). Наконец, характерный экземпляр топоров такого типа был встречен в погребении 19 кургана Андреевский I в предгорной части Центрального Предкавказья [Кореневский, Прокофьев, 2021]. Катакомба с асимметричным сопряжением входного колодца и погребальной камеры содержала скелет умершего, лежавшего вытянуто на спине, головой на З (рис. 9,8). Инвентарь включал бронзовый топор-молот, украшенный рельефным орнаментом из волнистых линий-змеек, прямых шнуровых линий и выступов в виде шишечек. Кроме того, у черепа стоял орнаментированный сосуд северокавказского типа, а на берцовых костях были обнаружены бронзовые бусы (рис. 9,9–12).

Эта категория бронзовых топоров происходит из разнокультурных и, очевидно,

разновременных комплексов, хронологию и взаимосвязи которых еще предстоит исследовать. Можно лишь отметить, что данные изделия имеют северокавказское происхождение, и находка в донецкой катакомбе 2 кургана 5 могильника Большая Дмитриевка II является результатом культурной диффузии.

Подводя итог характеристике группы комплексов с топорами развитого катакомбного периода (привольненский этап металлообработки), следует подчеркнуть их донецкий культурный облик с признаками усиливающегося манычского влияния. В предметах инвентаря элитарных погребений очень тонко отражаются культурные изменения, фиксируя как переходные захоронения с рудиментарными признаками (Беловодск, курган 6 погребение 9; Бородиновский IV, курган 1, погребение 5 – рис. 12, 6, 7), так и классические комплексы данного этапа (Беловодск, курган 6 погребение 2; Нижняя Добринка II, курган 5, погребение 2 – рис. 12, 8, 9). В некоторых случаях признаки обряда и инвентаря не столь однозначны и допускают более широкую датировку (комплексы Приволье, Сватово – рис. 12, 10, 11).

Погребение с металлическим топором позднекатакомбного этапа (рис. 12, 12). Это время в Подонцовье представлено погребальными памятниками ростово-луганской и бахмутской культурных групп, также в курганах эпизодически встречаются комплексы ингульской, батуриновской и западноманычской позднекатакомбных культур. В настоящее время известен лишь один погребальный комплекс с металлическим топором в инвентаре, который обладает признаками позднеманычской культурной традиции. Это большая катакомба 6 в кургане 5 могильника Вертолетное поле у поселка Тарасовский на реке Глубокой, правом притоке реки Северский Донец [Чечина, 2026, с. 147–151]. В могиле был обнаружен расчлененный скелет человека в сопровождении двух курильниц, каменного пестика и ступы, а также бронзового топора, ножа и шила (рис. 12, 12).

Форма топора, при общем сходстве ее с колонтаевской, обладает одним важным отличием: клин топора из комплекса Вертолетное поле укорочен и отсутствует расширение лезвийной части. Эти особенности орудия

сближают его с царвокурганским типом топоров, который наряду с колонтаевским претендует на доживание до самого конца периода средней бронзы [Бочкарев, Кузнецов, 2003, с. 74]. Такой тенденции омоложения даты комплекса соответствует поздняя форма бронзового ножа, который имел «приталенные», не заточенные грани лезвия, сходящиеся к пламевидному расширению острия. Подобные ножи широко распространены в позднекатакомбное время, прежде всего в манычских памятниках. До последнего времени такие клинки, а также другие категории металлических предметов из поздних манычских катакомб, по традиции, идущей от работ XX в., относили к костромскому этапу металлургии [Иессен, 1950, таблица]. По мере разработки вопросов соотношения металлического инвентаря кладов и погребений эпохи средней бронзы Северного Кавказа и степной полосы Восточной Европы стало ясно, что костромской металл характерен для посткатакомбных культур финала периода средней бронзы, в частности бабинской, лолинской, позднедольменной и т. д. [Климушина, 2025, с. 109]. Поэтому для совокупности металлических изделий позднекатакомбного времени предложено наименование «манычская хронологическая группа» [Климушина, 2026, табл. 1, 2].

Периодизация комплексов с металлическими топорами донецко-донского региона, степного Предкавказья и предгорий Северного Кавказа. Результатом рассмотрения погребений донецко-донского региона, а также комплексов более южных предкавказских и северокавказских территорий стала схема периодизации, включающая пять этапов (рис. 12).

Первый этап, условно **новосвободненский**, представлен лишь одним погребением Павловского могильника, курган 31, погребение 4 (рис. 12, 1). Обряд и керамика этого комплекса определяют его в качестве раннеямого, а состав и облик металлического инвентаря датируют его широкими рамками майкопско-новосвободненской общности с некоторым приоритетом ее поздних фаз. Уточнение датировки напрямую зависит от совершенствования хронологии этой общности.

Второй этап – андрюковский. В степи к нему относится пока единичный, но яр-

кий позднейший комплекс Малая Каменка VI, курган 1, погребение 13 (рис. 12,2). На Кавказе его иллюстрирует эпонимное погребение 1 из кургана 6 у ст-цы Андриюковской. Более точная культурно-хронологическая позиция этого этапа: позднейший и раннекатакомбный (преддонецкий) этапы, конец IV – начало III тыс. до н.э., что соответствует новым абсолютным датам памятников поздней фазы майкопско-новосвободненской общности.

Третий этап – успенский. Опорной группой этапа являются комплексы: в степи – Веселый I, курган 1, погребение 42; курган Верхний Пиховкин; в Предкавказье – станция Келермесская, курган 5, погребение 1; коллекция из Успенского кургана (рис. 12,3–5,13,14). Также в этих регионах можно определить погребения переходного облика: в первом – Березовый III, курган 1, погребение 7, во втором – Ильинский I, курган 1, погребение 5 и Бичкин-Булак, курган 6, погребение 2 (рис. 10,1–10,12,5,15,16). Все эти памятники относятся к раннему, успенскому этапу металлообработки периода средней бронзы. В степи он соответствует раннедонецкому этапу катакомбных древностей. Абсолютные даты: в диапазоне конца первой – начала второй четверти III до н.э.

На успенском этапе в донецко-донском регионе намечается ряд видоизменений переходного характера (исчезновение валиков на втулке и появление вислообушности у топоров келермесского типа, удлинение тесел и сужение их пяточной части; появление технологии кованой, свернутой втулки – погребение из Березового III). Такие изменения являются эволюционными, так как происходят внутри гомогенной (однородной) донецкой катакомбной культуры.

В степях Предкавказья и в предгорной зоне культурное развитие происходит в среде северокавказского населения по иной модели, которую можно определить как стимулированную трансформацию. Это связано с большей близостью культур Кавказа как источника инноваций. В рамках успенского этапа становятся известны крюки с богато орнаментированной литой втулкой (Успенская коллекция). Наряду с топорами келермесского типа появляются топоры с более узким, удлиненным и скошенным клином (Бичкин-Булак,

Ильинский). Вероятным центром влияния служит дольменная культура Западного Кавказа (топоры и крюки Эшерских дольменов).

Четвертый этап – привольненский. Наиболее ярко представлен в донецко-донском регионе комплексами Бородиновский IV, курган 1, погребение 5; Беловодск, курган 6, погребения 2 и 9; Приволье, курган 11, погребение 8; Нижняя Добринка II, курган 5, погребение 2; Сватово, курган 2, погребение 8 (рис. 12,6–11). В предгорной зоне Северного Кавказа к этому этапу относятся памятники Ачхой-Мартан, курган 1, погребение 30; Лысогорский 6, курган 3, погребение 4 (рис. 12,17,18). А также Андреевская долина, Бамут, погребение 4; Дзуарикау, погребение № 1/15; Загли-Барзонд I, погребение 24.

В степи примером этого этапа являются погребения с топорами колонтаевского типа, сформировавшимся на основе келермесского типа, тесла привольненских пропорций, долота с кованой, свернутой втулкой. Эволюционный характер этих перемен проявился в пережиточных успенских чертах инвентаря комплексов Бородиновский IV, курган 1, погребение 5 и Беловодск, курган 6, погребение 9. Отдельные предметы – топоры, тесла – маркировали новый этап, но целый ряд других – долота, кинжал, нож, крюк, серебряные украшения – сохраняют признаки предшествующего времени. Как и на предшествующем этапе, культурной средой рассматриваемых комплексов в степи является донецкая катакомбная культура, теперь уже развитого этапа.

На Северном Кавказе на этом этапе возобладали закавказские формы топоров типа Сачхере и Начеркезеви, что также нашло отражение в инвентаре изучаемых захоронений, и в составе эпонимного для этапа Привольненского клада [Климушина, 2026, табл. 2, 15,17–21,23] (рис. 12,17–19). Здесь культурно-хронологический контекст вышеперечисленных погребений с топорами менее изучен и не столь очевиден. В итоговой таблице эта ситуация обозначена вопросительными знаками (рис. 12). Соответственно, датировка этапа в значительной степени определяется хронологией степных древностей. Речь может идти о второй четверти III тыс. до н.э.

Пятый этап – манычский. Характеризуется почти полным исчезновением элитарных

погребений с металлическими топорами. По крайней мере, это очевидно для степных памятников. Отмеченная выше неопределенность с хронологией комплексов Северного Кавказа теоретически допускает их пережиточное бытование на манычском этапе.

Единственным примером изучаемых древностей является комплекс из могильника Вертолетное поле, курган 5, погребение 6 (рис. 12, 12). Его характерные предметы: топор, вероятно, царевокурганского типа и нож с пламевидным окончанием лезвия – однозначно свидетельствуют в пользу позднекатакомбной (позднеманычской) принадлежности комплекса. Датировка его укладывается в рамки третьей четверти III тыс. до н.э.

Социокультурная атрибуция погребений ранней и средней бронзы с металлическими топорами. Для правильного решения вопросов культурно-хронологического определения погребений с топорами необходимо осмысление их социокультурного статуса. Учитывая специфику погребальных источников, я обратил внимание, что в структурном отношении погребения с металлическими топорами имеют значительное сходство по следующим критериям: основное положение в кургане или связь с досыпкой более древнего кургана; большие надмогильные сооружения; большие габариты погребальной конструкции: ямы или катакомбы; стандартизированный состав инвентаря, особенно в части металлических орудий и украшений; традиции размещения инвентаря в погребальной камере. Данная схема анализа должна стать основой отдельного исследования рассматриваемой выборки погребений. Пока ограничимся несколькими исходными наблюдениями.

Ядром изучаемых комплексов является стандартный набор металлических предметов и украшений из драгоценных металлов. Полный список такого инвентаря включает: топор, тесло, долото, два клинка (кинжал + нож или большой нож + малый нож), два стержня: длинный и короткий, стамеска, крюк, золотые или серебряные серьги или подвески. Как правило, в погребениях представлены редуцированные или слегка модифицированные наборы. Тем не менее такие захоронения определяются по всему обрядово-инвентарному комплексу признаков.

Традиции таких погребений коренятся в майкопско-новосвободненской эпохе и чаще всего проявляются в комплексах новосвободненской культуры (могильник Клады: курган 4, погребение 1; курган 15, погребение 1; курган 23, погребение 2; курган 28, погребение 1; курган 30, погребение 1; курган «Разменный» у ст-цы Костромской) [Резепкин, 2012, с. 136, рис. 7, с. 166, рис. 37, с. 169, рис. 40, с. 183–184, рис. 54, 55, с. 190–193, рис. 61–64, с. 307, рис. 179]. С.Н. Корневский установил артефактные группы погребальных комплексов племен майкопско-новосвободненской общности, определив для обозначенного нами кластера артефактную группу 2: «комплексы с набором военно-охотничьего снаряжения и инструментов деревообработки». Он привел еще ряд комплексов этой артефактной группы и интерпретировал ее «как отражение погребений с символикой статусов воинов-охотников, воинов и мастеров по деревообработке» [Корневский, 2004, с. 80].

Принимая в целом такую трактовку этого обряда, мы видим задачу дальнейшего изучения процесса его распространения в обширную степную ойкумену в периоды ранней и средней бронзы. Гипотеза о генезисе дольменов и ранних катакомб на основе мегалитических традиций новосвободненской культуры [Кияшко, 2025, с. 48–49], по всей вероятности, поможет объяснить ренессанс одной из ярких разновидностей майкопско-новосвободненского погребального обряда в донецкой катакомбной культуре.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Исследование проведено в рамках выполнения ФНИ ГАН «Особенности смены археологических культур у скотоводов Евразии и земледельцев Кавказа и Центральной Азии в неолите – раннем Средневековье» (FMZF–2025–0008).

The study was conducted within the framework of the program of the Federal Research Institute of the Russian Academy of Sciences “Features of the Change of Archaeological Cultures Among the Pastoralists of Eurasia and the Farmers of the Caucasus and Central Asia in the Neolithic and Early Medieval Periods” (FMZF–2025–0008).

² Наименование изучаемого региона – «донецко-донской» – приводится в данной редакции по причине концентрации комплексов с металли-

ческими топорами в первую очередь на Северском Донце. В других районах Нижнего и Среднего Дона эти комплексы единичны (рис. 1). В научной литературе это связывают с наличием медной руды (и, вероятно, ее добычи и обработки) на Донбассе и отсутствием этого природного ресурса в других донских регионах (например: [Братченко, Санжаров, 2001, с. 96–98]).

³ До появления кургана на этой площадке существовал грунтовый мегалитический могильник (с каменными закладами могил и кромлехами). При этом принятая в отчете нумерация погребений кургана и могильника общая, так как объект раскапывался изначально как курган [Гугуев, 2019].

⁴ Кинжалы отличаются от ножей крупными размерами, длина их превышает 20 см.

⁵ Здесь и далее по тексту для удобства мы будем повторно именовать уже единожды названные комплексы по названию могильника.

⁶ Постепенно формируется база радиоуглеродных датировок, относящих позднейшие и раннекатакомбные памятники Нижнего Дона к диапазону 31–28 вв. до н.э. [Кияшко, 2024а, с. 26], наряду с этим все больше дат памятников финала майкопско-новосвободненской общности степного Пред-

кавказья, в частности Тамани, приходится на тот же отрезок времени: конец IV – начало III тыс. до н.э. [Рысин, 2025, с. 241, рис. 7; Кореневский, Сурков, 2026].

⁷ Два последних топора происходят, по всей вероятности, из разрушенных курганных погребений. Обстоятельства находки Успенской коллекции (рис. 2, 22–28) подробно рассматриваются в специальной статье [Кияшко, Лопатин, 2025]. О находке из погребения 1 кургана 5 у ст-цы Келермесской сообщается, что «...с подбоем земли обнаружилось погребение; бывшие при нем вещи рассыпались...» [Отчет ... , 1904, с. 96]. Это были следующие предметы: глиняный сосуд (майкопского типа, явно по ошибке присоединенный к этому комплексу); набор бронзовых вещей: топор (рис. 2, 16), нож и клинок малого ножика (рис. 2, 17, 19), тесло, стержень (рис. 2, 18), кольцо, семь подвесок (рис. 2, 20); серебряная спиральная серьга и круглый полированный терочник (рис. 2, 21) [Отчет ... , 1904, с. 96].

⁸ При этом минимальное значение индекса L/вл – 2,65 у тесла из погребения 9 кургана 6 у Беловодска выглядит не случайным, ввиду отмеченной выше архаики долота и ножа из этого же комплекса.

ПРИЛОЖЕНИЯ

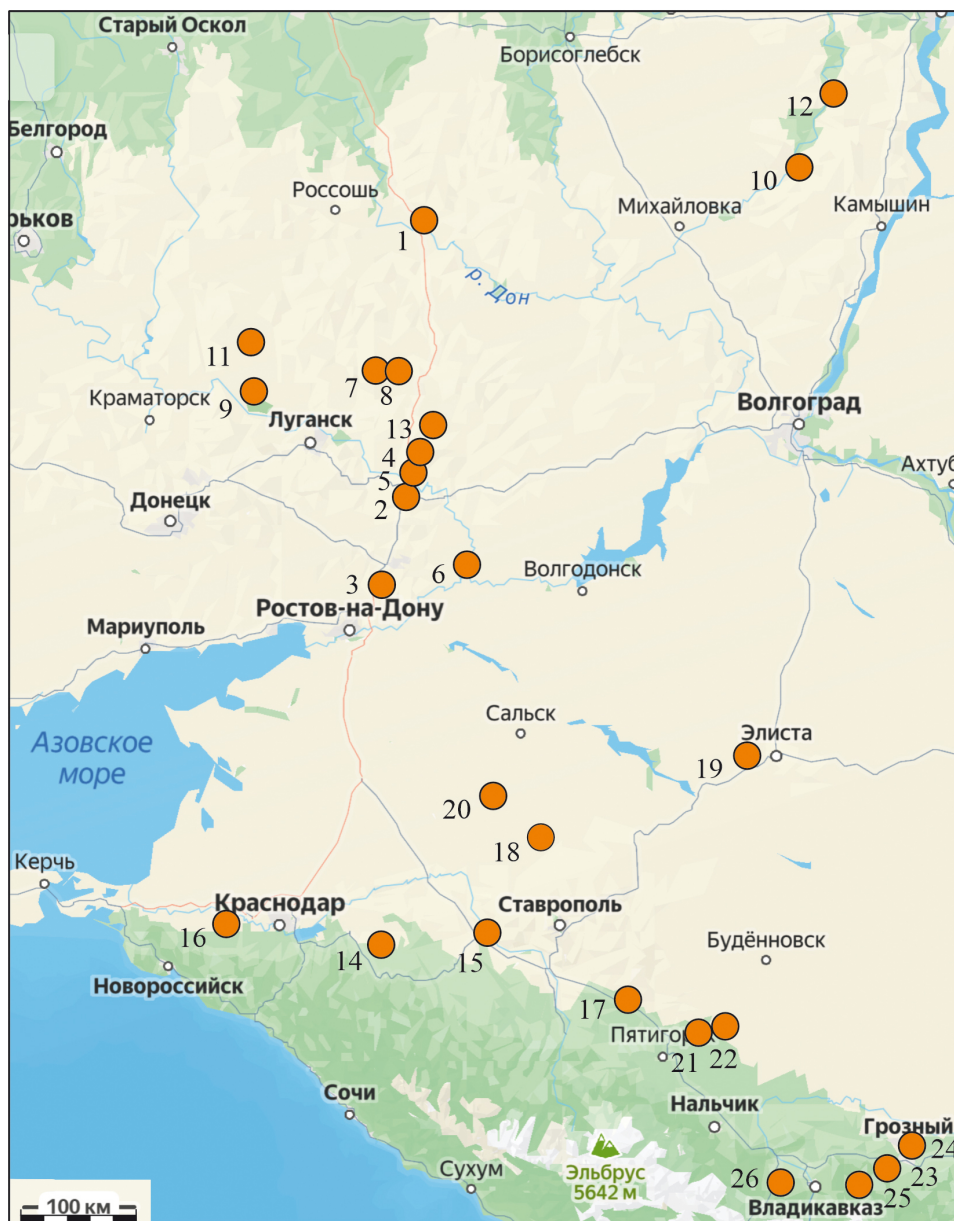

Рис. 1. Местонахождение курганных могильников донецко-донского региона, степного Предкавказья и предгорной полосы Северного Кавказа, содержащих погребения эпохи ранней – средней бронзы с металлическими топорами:

- 1 – Павловск; 2 – Малая Каменка VI; 3 – Веселый I; 4 – Верхний Пиховкин; 5 – Березовый III; 6 – Бородиновский IV; 7, 8 – Беловодск; 9 – Приволье; 10 – Нижняя Добринка II; 11 – Сватово; 12 – Большая Дмитровка II; 13 – Вертолетное поле; 14 – Келермеская; 15 – Успенское; 16 – Черноморский; 17 – Лысогорский VI; 18 – Ильинский I; 19 – Бичкин Булак; 20 – Привольное; 21 – Андреевский; 22 – Георгиевск; 23 – Ачхой-Мартан; 24 – Андреевская долина; 25 – Бамут; 26 – Дзуарикау

Fig. 1. The location of the kurgan burial grounds of the Donetsk-Don region, the steppe Ciscaucasia and the foothill strip of the North Caucasus, containing burials of the Early-Middle Bronze era with metal axes:

- 1 – Pavlovsk; 2 – Malaya Kamenka VI; 3 – Vesyolyu I; 4 – Verhniy Pihovkin; 5 – Beryozovy III; 6 – Borodinovskiy IV; 7, 8 – Belovodsk; 9 – Privolye; 10 – Nizhnaya Dobrinka II; 11 – Svatovo; 12 – Bolshaya Dmitrovka II; 13 – Vertolyotnoe pole; 14 – Kelermesskaya; 15 – Uspenskoye; 16 – Chernomorskiy; 17 – Lysogorskiy VI; 18 – Ilyinskiy I; 19 – Bichkin Buluk; 20 – Privolnoye; 21 – Andreyevskiy; 22 – Georgiyevsk; 23 – Achhoy-Martan; 24 – Andreyevskaya dolina; 25 – Bamut; 26 – Dzuarikau

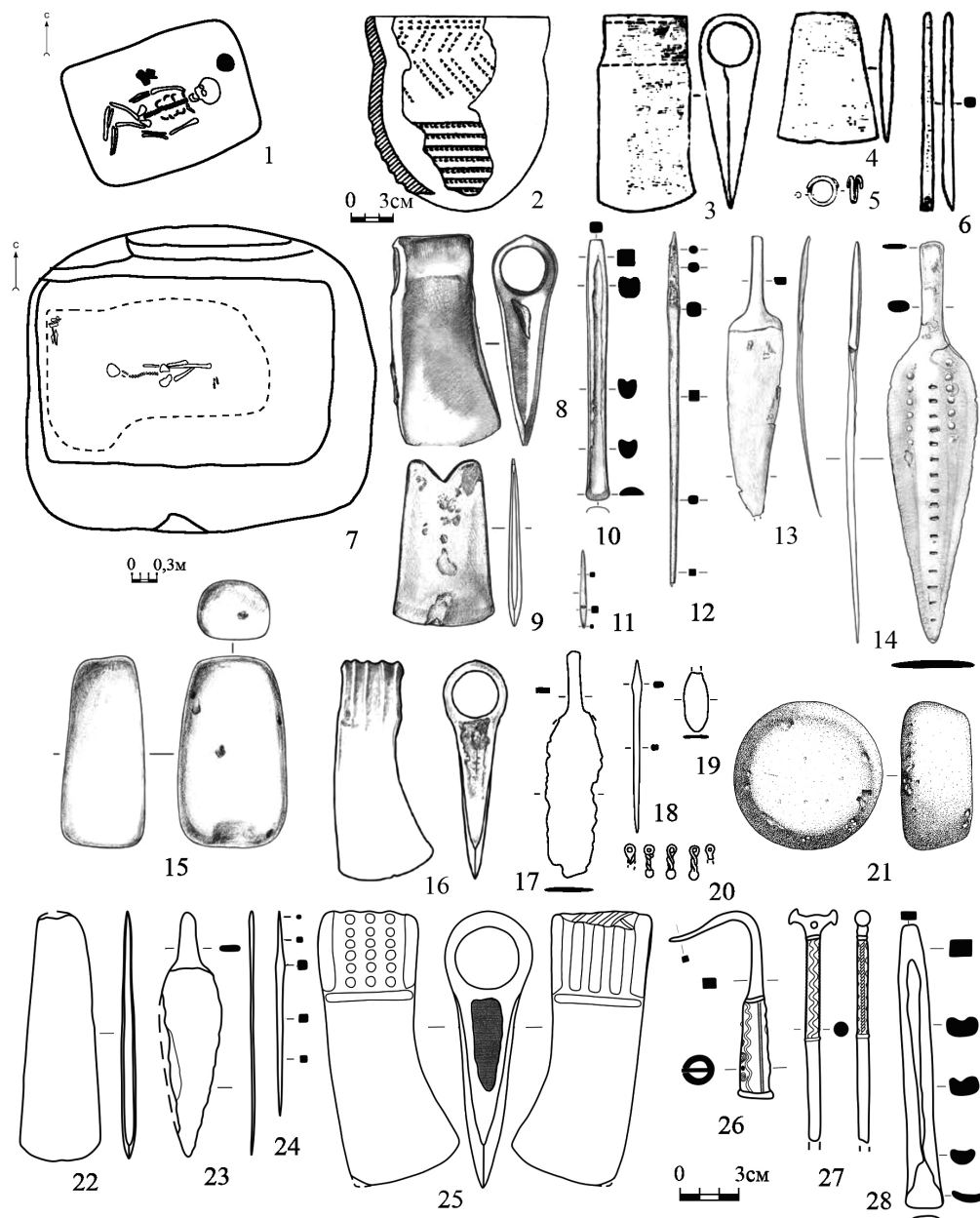

Рис. 2. Погребения с металлическими топорами донецко-донского региона и степного Предкавказья:
 1–6 – Павловск, кург. 31, погр. 4 (по: [Синюк, 1983]): 1 – план; 2 – сосуд; 3 – топор; 4 – тесло; 5 – височная подвеска;
 6 – стамеска (2 – глина; 3, 4, 6 – бронза (медь?); 5 – серебро). 7–15 – Малая Каменка VI, кург. 1, погр. 13
 (по: [Щипанова и др., 2024]): 7 – план; 8 – топор; 9 – тесло; 10 – долото; 11 – стрекало; 12 – стержень; 13 – нож;
 14 – кинжал; 15 – пест (8–14 – бронза; 15 – камень); 16–21 – Келермесская, кург. 5, погр. 1
 (хранение: Государственный Эрмитаж; коллекция № 44; рисунки: топор – И.Ж. Тутаява, остальные предметы –
 А.В. Кияшко); 16 – топор; 17, 19 – ножи; 18 – стержень; 20 – подвески-стерженьки; 21 – терочник (16–20 – бронза;
 21 – камень). 22–28 – Успенское, разрушенный курган (по: [Кияшко, Лопатин, 2025]): 22 – тесло; 23 – нож;
 24 – шило; 25 – топор; 26 – крюк; 27 – молоточковидная булавка; 28 – долото (22–28 – бронза)

Fig. 2. Burials with metal axes in the Donetsk-Don region and the steppe Ciscaucasia:

1–6 – Pavlovsk, kurgan 31, burial 4 (after: [Sinyuk, 1983]): 1 – plan; 2 – vessel; 3 – axe; 4 – adze; 5 – temporal suspension;
 6 – chisel (2 – clay; 3, 4, 6 – bronze (copper?); 5 – silver). 7–15 – Malaya Kamenka VI, kurgan 1, burial 13
 (after: [Shchipanova et al., 2024]): 7 – plan; 8 – axe; 9 – adze; 10 – bit; 11 – goad; 12 – rod; 13 – knife; 14 – dagger;
 15 – pestle (8–14 – bronze; 15 – stone); 16–21 – Kelermesskaya, kurgan 5, burial 1 (storage: State Hermitage Museum;
 collection No. 44; drawings: axe – I.Zh. Tutaeva, other objects – A.V. Kiyashko); 16 – axe; 17, 19 – knives; 18 – rod;
 20 – pendant-rod; 21 – mano (16–20 – bronze; 21 – stone). 22–28 – Uspenskoye, destroyed kurgan
 (after: [Kiyashko, Lopatin, 2025]): 22 – adze; 23 – knife; 24 – awl; 25 – axe; 26 – hook; 27 – hammer-shaped pin;
 28 – bit (22–28 – bronze)

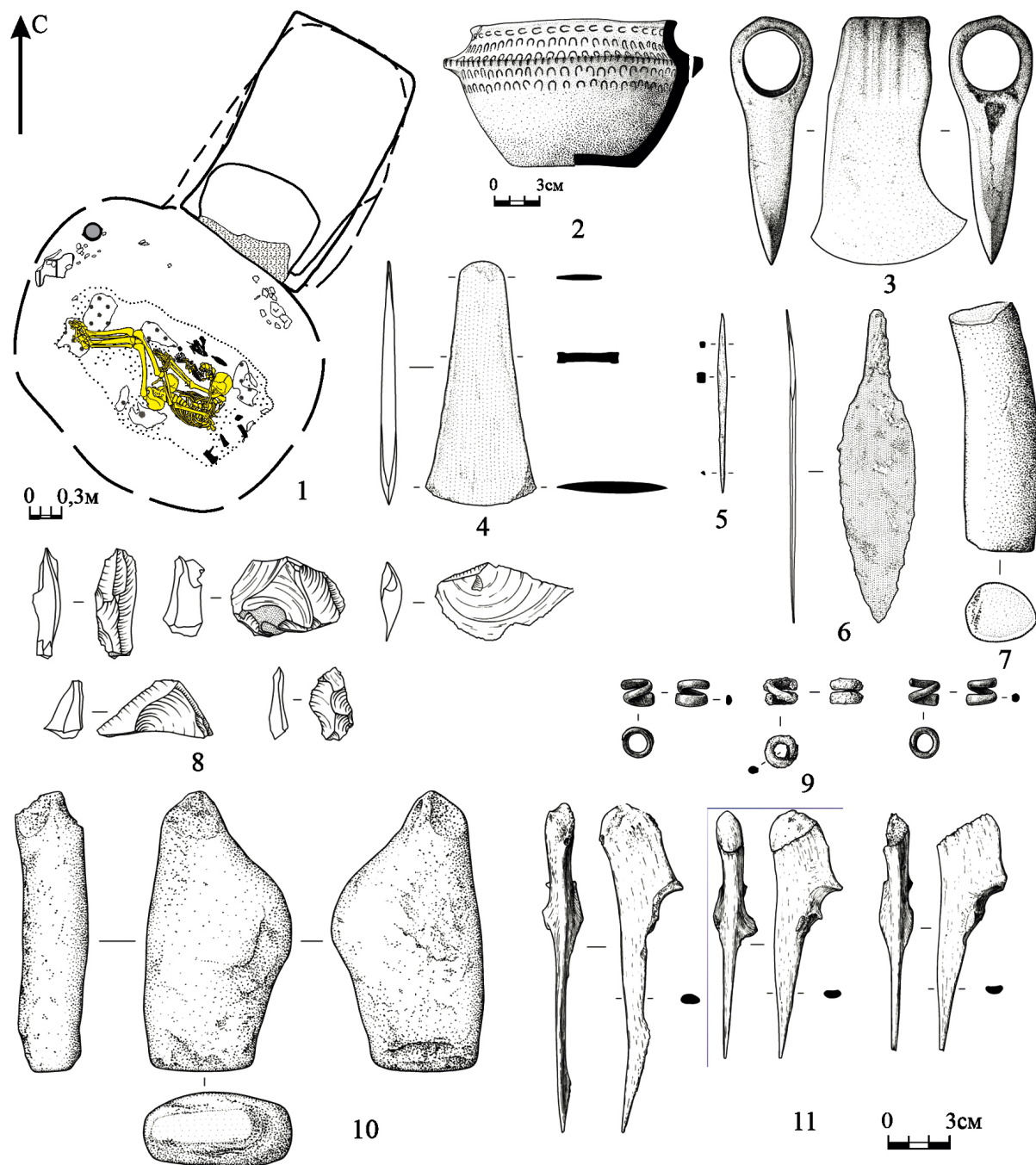

Рис. 3. Погребения с металлическими топорами донецко-донского региона (по: [Кияшко, 2024б]):

1–11 – Веселый I, кург. 1, погр. 42: 1 – план; 2 – сосуд; 3 – топор; 4 – тесло; 5 – стержень; 6 – нож; 7 – отбойник; 8 – отщепы; 9 – височные кольца; 10 – плитка; 11 – острия (2 – глина; 3–6 – бронза; 7, 8 – кремнь; 9 – серебро; 10 – камень; 11 – кость)

Fig. 3. Burials with metal axes of the Donetsk-Don region (after: [Kiyashko, 2024b]):

1–11 – Vesyoly I, kurgan 1, burial 42: 1 – plan; 2 – vessel; 3 – axe; 4 – adze; 5 – rod; 6 – knife; 7 – hammerstone; 8 – flakes; 9 – temporal rings; 10 – tiles; 11 – points (2 – clay; 3–6 – bronze; 7, 8 – flint; 9 – silver; 10 – stone; 11 – bone)

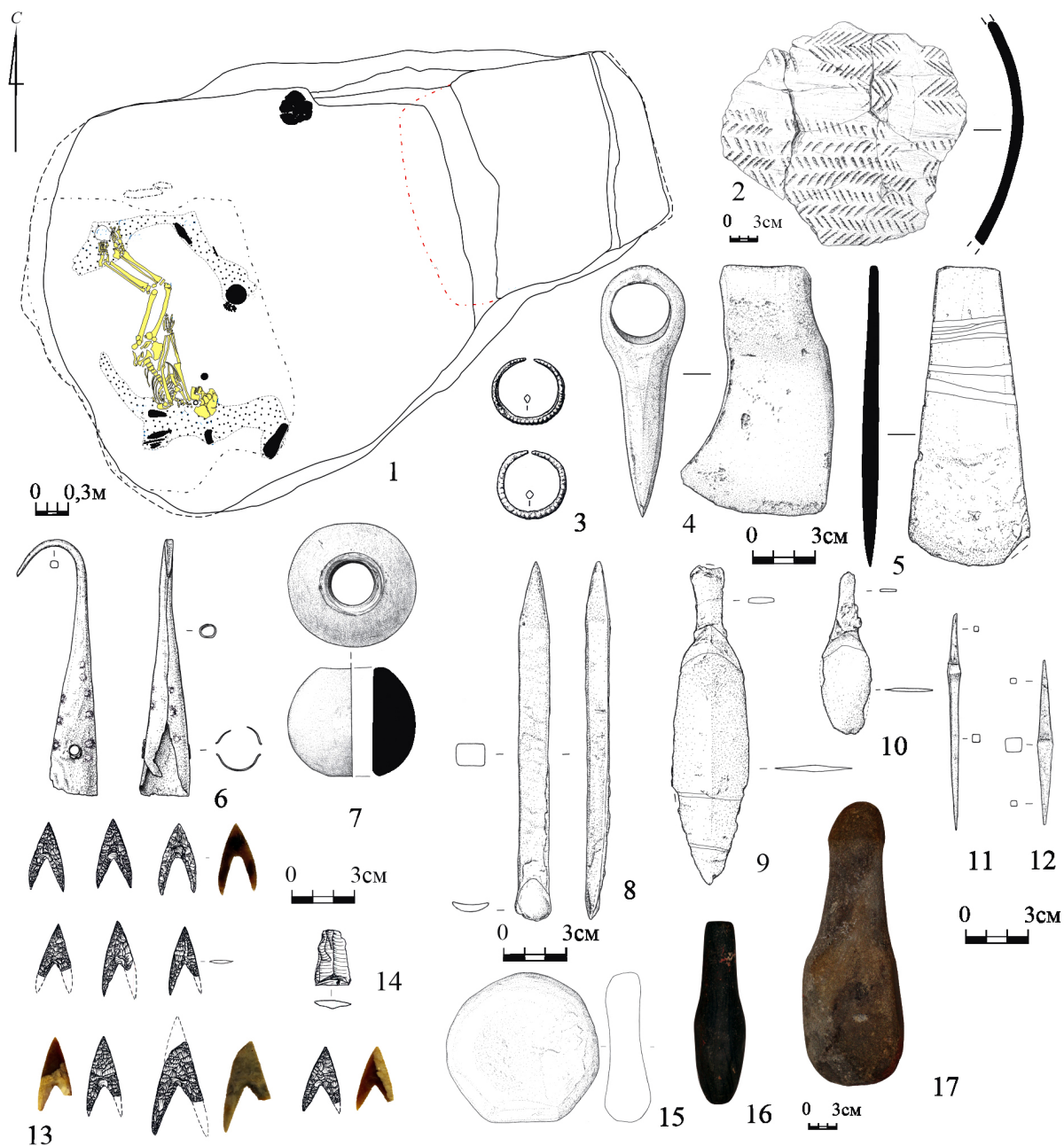

Рис. 4. Погребения с металлическими топорами донецко-донского региона (по: [Востриков, Илюков, 2023]):

1–17 – Березовый III, кург. 1, погр. 7: 1 – план; 2 – жаровня; 3 – серьги; 4 – топор; 5 – тесло; 6 – крюк; 7 – булава; 8 – долото; 9 – кинжал; 10 – бритва; 11 – шило; 12 – стрекало; 13 – наконечники стрел; 14 – ножевидная пластина; 15 – плитка; 16 – пест; 17 – топор-молот (2 – глина; 3 – серебро; 4–6, 8–12 – бронза; 13, 14 – кремнь; 7, 16, 17 – камень)

Fig. 4. Burials with metal axes of the Donetsk-Don region (after: [Vostrikov, Ilyukov, 2023]):

1–17 – Beryozovyy III, kurgan 1, burial 7: 1 – plan; 2 – brazier; 3 – earrings; 4 – axe; 5 – adze; 6 – hook; 7 – mace; 8 – bit; 9 – dagger; 10 – razor; 11 – awl; 12 – goad; 13 – arrowheads; 14 – knife-shaped plate; 15 – tiles; 16 – pestle; 17 – hammer axe (2 – clay; 3 – silver; 4–6, 8–12 – bronze; 13, 14 – flint; 7, 16, 17 – stone)

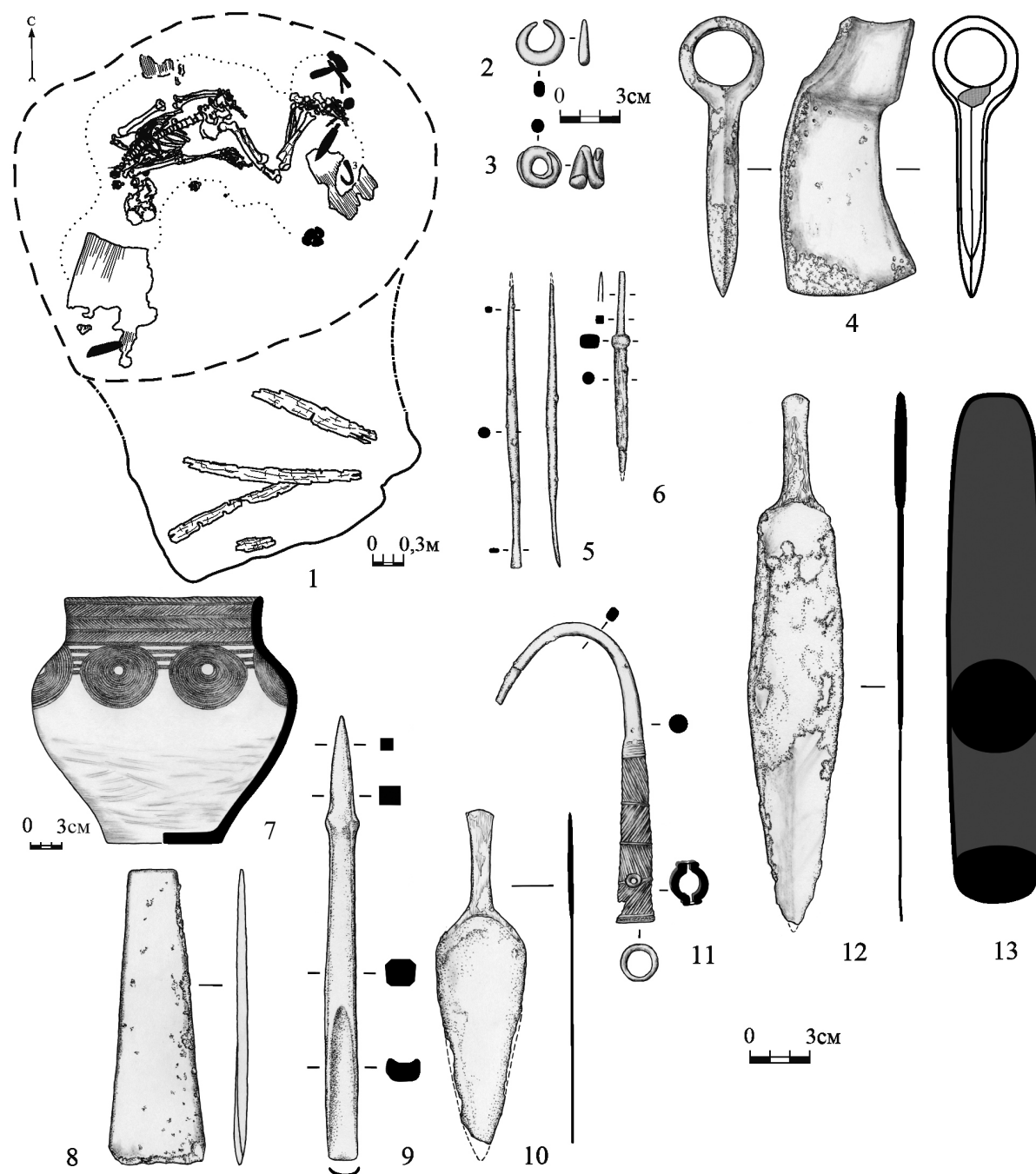

Рис. 5. Погребения с металлическими топорами донецко-донского региона (по: [Кияшко и др., 2025]):

1–13 – Бородиновский IV, кург. 1, погр. 5: 1 – план; 2 – серьга; 3 – височная подвеска; 4 – топор; 5 – стамеска; 6 – стержень; 7 – сосуд; 8 – тесло; 9 – долото; 10 – нож; 11 – крюк; 12 – кинжал; 13 – пест (2, 3 – серебро; 4–6, 7 – глина; 8–12, 13 – камень)

Fig. 5. Burials with metal axes of the Donetsk-Don region (after: [Kiyashko et al., 2025]):

1–13 – Borodinovsky IV, kurgan 1, burial 5: 1 – plan; 2 – earring; 3 – temporal suspension; 4 – axe; 5 – chisel; 6 – rod; 7 – vessel; 8 – adze; 9 – bit; 10 – knife; 11 – hook; 12 – dagger; 13 – pestle (2, 3 – silver; 4–6, 7 – clay; 8–12, 13 – stone)

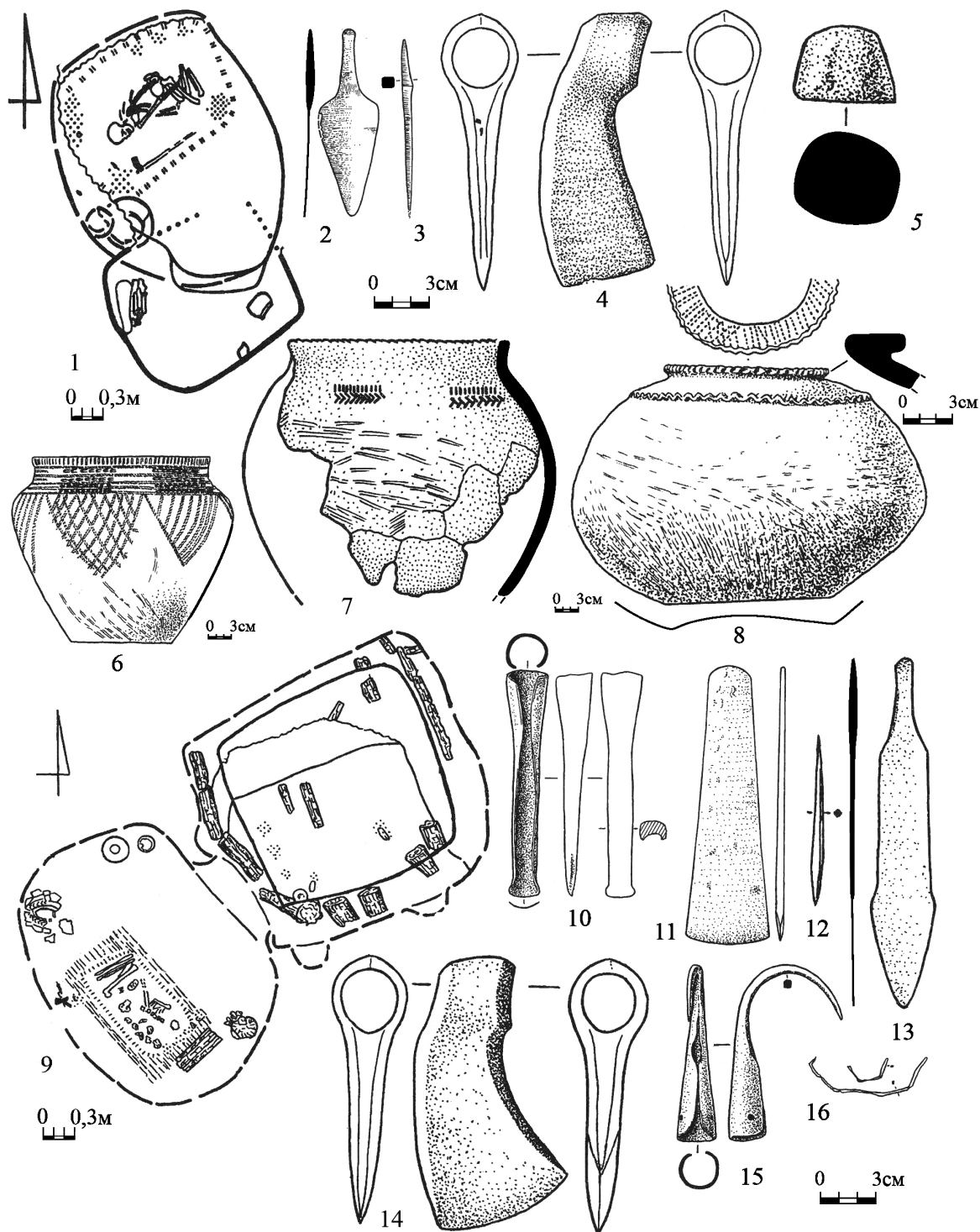

Рис. 6. Погребения с металлическими топорами донецко-донского региона (по: [Братченко, Санжаров, 2001]):

1–8 – Приволье, кург. 11, погр. 8: 1 – план; 2 – нож; 3 – шило; 4 – топор; 5 – пест; 6, 8 – сосуды; 7 – жаровня (2–4 – бронза; 5 – камень; 6–9 – глина). 9–15 – Беловодск, кург. 6, погр. 2: 9 – план; 10 – долото; 11 – тесло; 12 – стержень; 13 – нож; 14 – топор; 15 – крюк; 16 – лента (10–16 – бронза)

Fig. 6. Burials with metal axes of the Donetsk-Don region (after: [Bratchenko, Sanzharov, 2001]):

1–8 – Privolye, kurgan 11, burial 8: 1 – plan; 2 – knife; 3 – awl; 4 – axe; 5 – pestle; 6, 8 – vessels; 7 – brazier (2–4 – bronze; 5 – stone; 6–9 – clay). 9–15 – Belovodsk, kurgan 6, burial 2: 9 – plan; 10 – bit; 11 – adze; 12 – rod; 13 – knife; 14 – axe; 15 – hook; 16 – tape (10–16 – bronze)

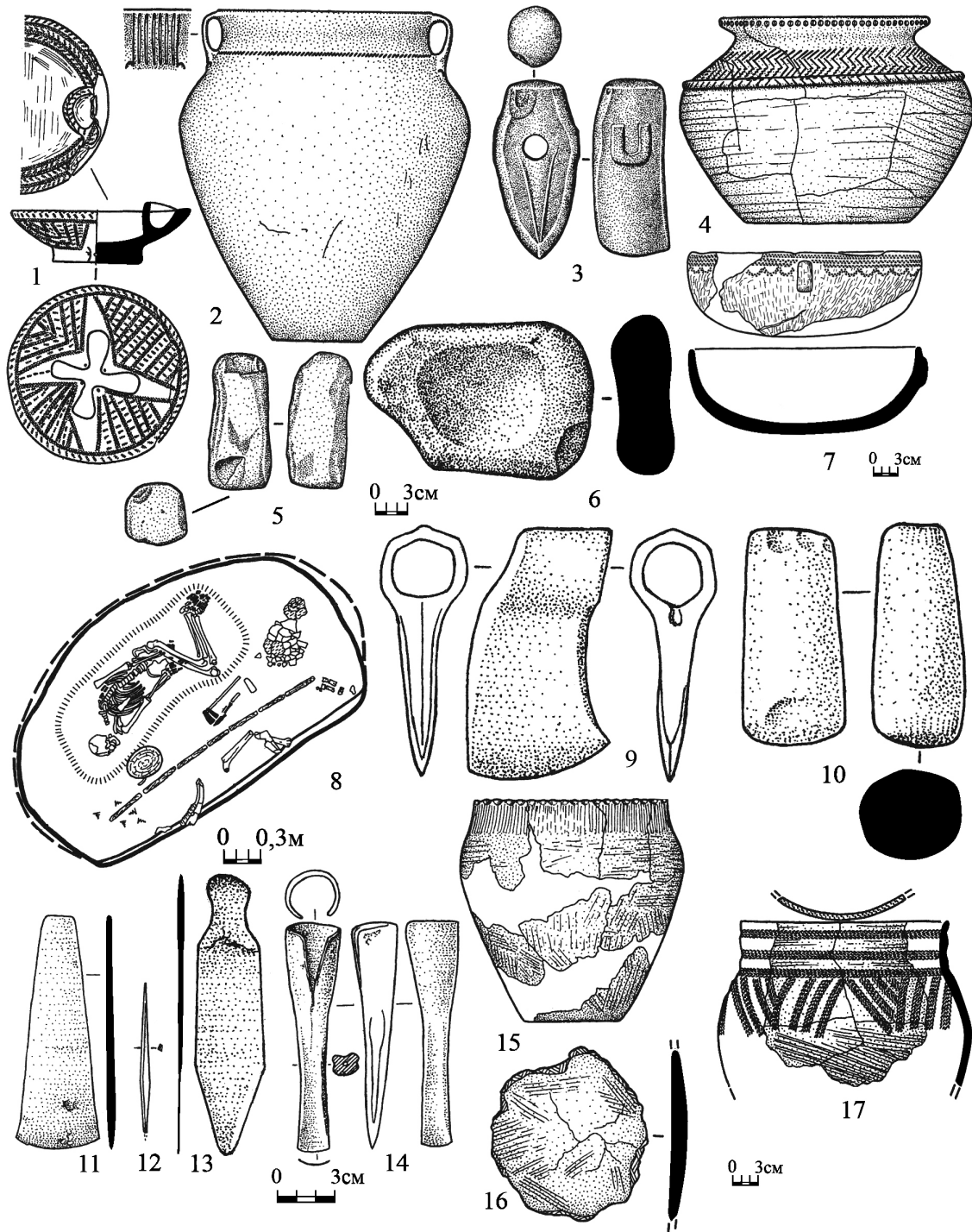

Рис. 7. Погребения с металлическими топорами донецко-донского региона (по: [Братченко, Санжаров, 2001]):

1–7 – Беловодск, кург. 6, погр. 2: 1 – курильница; 2 – амфора; 3 – топор; 4 – сосуд; 5 – пест; 6 – ступа; 7 – чаша (1, 2, 4 – керамика; 3, 5, 6 – камень; 7 – дерево). 8–17 – Беловодск, кург. 6, погр. 9: 8 – план; 9 – топор; 10 – пест; 11 – тесло; 12 – стержень; 13 – нож; 14 – долото; 15 – сосуд; 16, 17 – жаровни (9–14 – бронза; 10 – камень; 15–17 – глина)

Fig. 7. Burials with metal axes of the Donetsk-Don region (after: [Bratchenko, Sanzharov, 2001]):

1–7 – Belovodsk, kurgan 6, burial 2: 1 – censer; 2 – amphora; 3 – axe; 4 – vessel; 5 – pestle; 6 – mortar; 7 – bowl (1, 2, 4 – ceramics; 3, 5, 6 – stone; 7 – wood). 8–17 – Belovodsk, kurgan 6, burial 9: 8 – plan; 9 – axe; 10 – pestle; 11 – adze; 12 – rod; 13 – knife; 14 – bit; 15 – vessel; 16, 17 – braziers (9–14 – bronze; 10 – stone; 15–17 – clay)

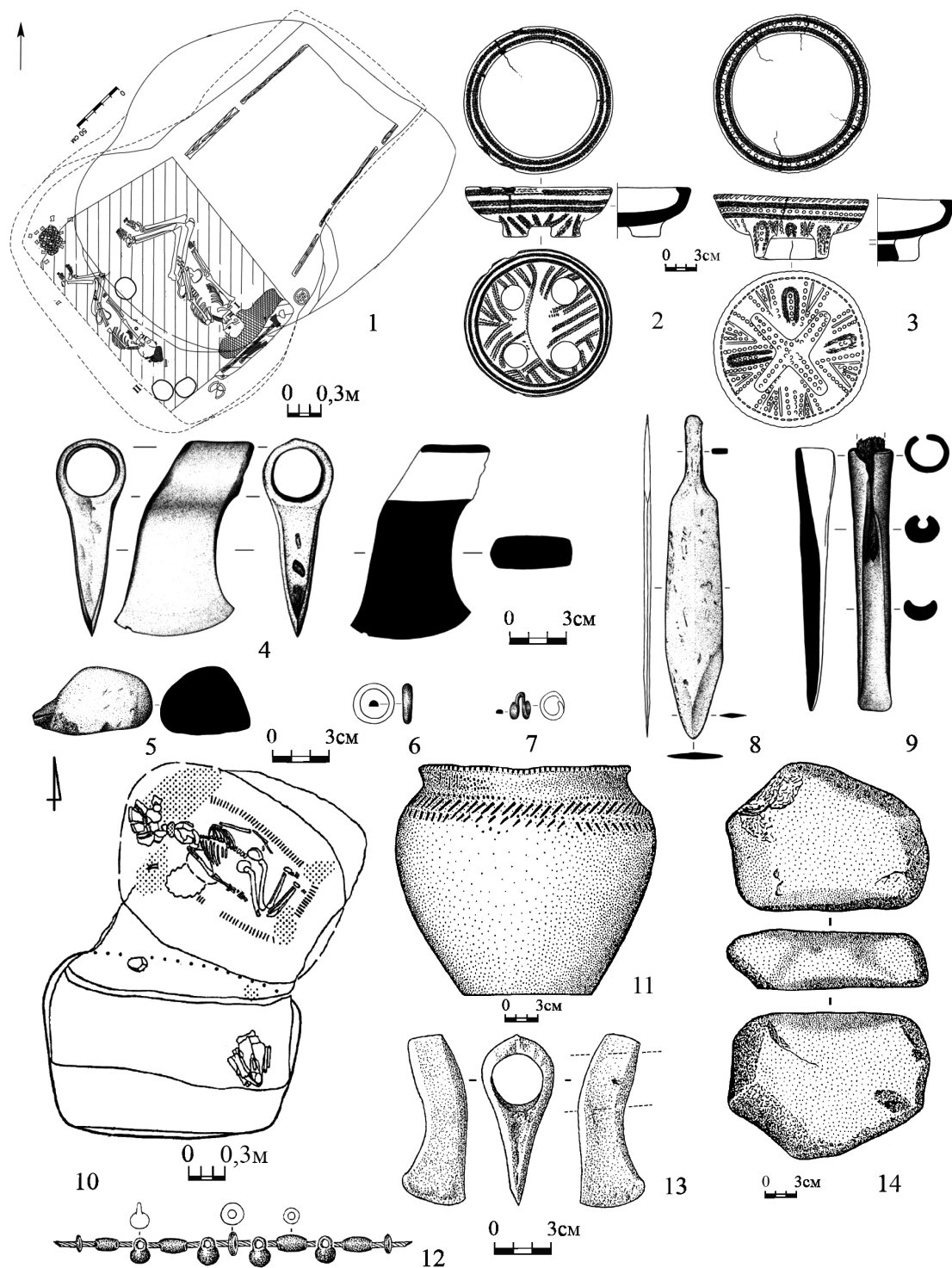

Рис. 8. Погребения с металлическими топорами донецко-донского региона:

1–9 – Нижняя Добринка II, кург. 5, погр. 2 (по: [Шинкар, 2020]): 1 – план; 2, 3 – курильницы; 4 – топор; 5 – пест; 6 – кольцо; 7 – височная подвеска; 8 – кинжал; 9 – долото (2, 3 – глина; 4, 8, 9 – бронза; 5 – камень; 6 – кость; 7 – золото). 10–14 – Сватово, кург. 2, погр. 8 (по: [Санжаров, Черных, 2025]): 10 – план; 11 – сосуд; 12 – ожерелье; 13 – топор; 14 – плитка (11 – глина; 12, 13 – бронза; 14 – камень)

Fig. 8. Burials with metal axes of the Donetsk-Don region:

1–9 – Nizhnyaya Dobrinka II, kurgan 5, burial 2 (after: [Shinkar, 2020]): 1 – plan; 2, 3 – censers; 4 – axe; 5 – pestle; 6 – ring; 7 – temporal suspension; 8 – dagger; 9 – bit (2, 3 – clay; 4, 8, 9 – bronze; 5 – stone; 6 – bone; 7 – gold). 10–14 – Svatovo, kurgan 2, burial 8 (after: [Sanzharov, Chernykh, 2025]): 10 – plan; 11 – vessel; 12 – necklace; 13 – axe; 14 – tile (11 – clay; 12, 13 – bronze; 14 – stone)

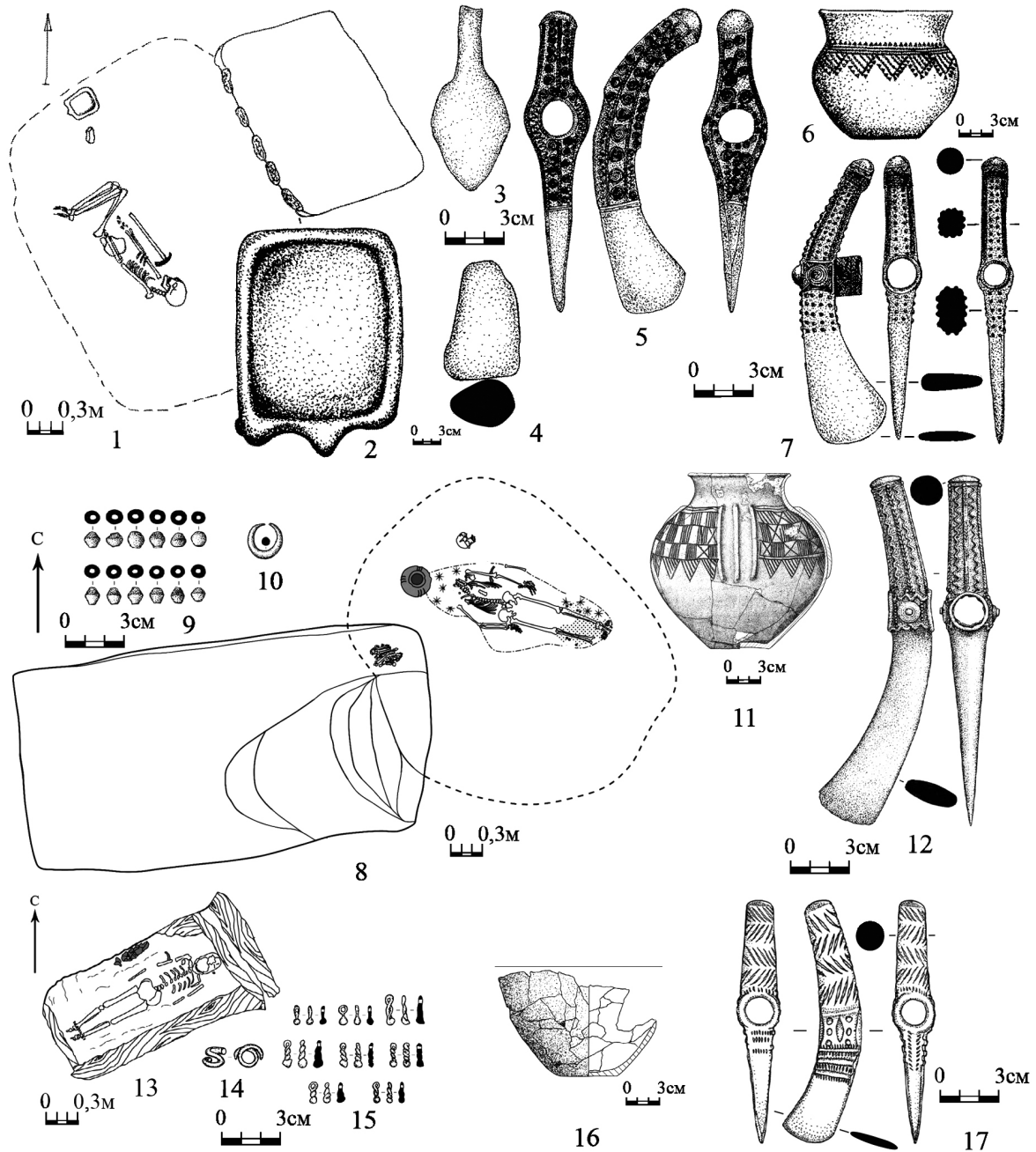

Рис. 9. Погребения с металлическими топорами-секирами донецко-донского региона и степного Предкавказья:

1–5 – Большая Дмитриевка II, кург. 4, погр. 1 (по: [Матюхин, 1992]): 1 – план; 2 – ступа; 3 – нож; 4 – пест; 5 – топор-секира (2, 4 – камень; 3, 5 – бронза). 6, 7 – Георгиевск, разрушенное погребение (по: [Кияшко, 2002]): 6 – глиняный сосуд; 7 – бронзовый топор-секира. 8–12 – Андреевский 1, погр. 19 (по: [Корневский, Прокофьев, 2021]): 8 – план; 9 – бронзовые бусы; 10 – серебряная серьга; 11 – глиняный сосуд; 12 – бронзовый топор-секира; 13–17 – Черноморский, кург. 2, погр. 1 (по: [Тарабанов, 1990]): 13 – план; 14 – золотая височная подвеска; 15 – бронзовые подвески-стерженьки; 16 – глиняная жаровня; 17 – бронзовый топор-секира

Fig. 9. Burials with metal pole-axes of the Donetsk-Don region and the steppe Ciscaucasia:

1–5 – Bolshaya Dmitriyevka II, kurgan 4, burial 1 (after: [Matyukhin, 1992]): 1 – plan; 2 – mortar; 3 – knife; 4 – pestle; 5 – pole-axe (2, 4 – stone; 3, 5 – bronze). 6, 7 – Georgiyevsk, destroyed burial (after: Kiyashko, 2002): 6 – clay vessel; 7 – bronze pole-axe; 8–12 – Andreyevskiy 1, burial 19 (after: [Korenevskiy, Prokofiev, 2021]): 8 – plan; 9 – bronze beads; 10 – silver earring; 11 – clay vessel; 12 – bronze pole-axe; 13–17 – Chernomorskiy, kurgan 2, burial 1 (after: [Tarabanov, 1990]): 13 – plan; 14 – golden temporal suspension; 15 – bronze suspension rods; 16 – clay brazier; 17 – bronze pole-axe

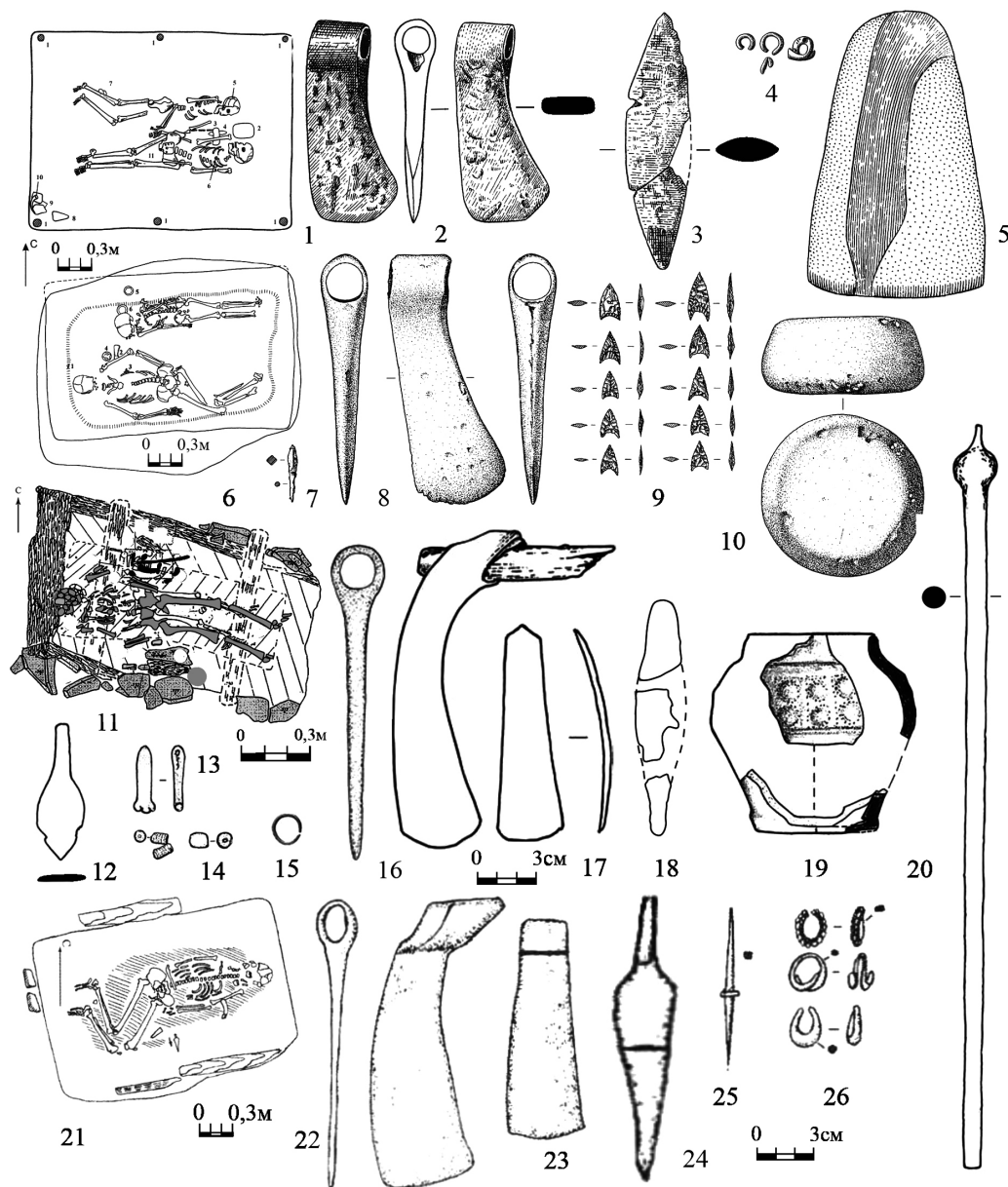

Рис. 10. Погребения с металлическими топорами степного Предкавказья и предгорной полосы Северного Кавказа:

1–5 – Бичкин-Булак, кург. 6, погр. 2 (по: [Калмыков, Кореневский, 2001]): 1 – план; 2 – топор; 3 – нож; 4 – височные подвески; 5 – пест (2 – бронза; 3 – железо; 4 – серебро; 5 – камень). 6–10 – Ильинский I, кург. 1, погр. 5 (по: [Калмыков, Кореневский, 2002]): 6 – план; 7 – стрекало; 8 – топор; 9 – наконечники стрел; 10 – терочник-курант (7, 8 – бронза; 9 – кремнь; 10 – камень). 11–20 – Лысогорский-6, кург. 3, погр. 4 (по: [Кореневский и др., 2018]): 11 – план; 12 – нож; 13 – подвеска; 14 – бусы; 15 – височное кольцо; 16 – топор; 17 – тесло; 18 – фрагменты ножа; 19 – фрагменты сосуда; 20 – жезл-стрекало (12–14, 16–20 – бронза; 15 – золото). 21–26 – Ачхой-Мартан, кург. 1, погр. 30 (по: [Бурков, Ростунов, 2004]): 21 – план; 22 – топор; 23 – тесло; 24 – нож; 25 – шило; 26 – серьги (22–25 – бронза; 26 – серебро)

Fig. 10. Burials with metal axes of the steppe Ciscaucasia and the foothill strip of the North Caucasus:

1–5 – Bichkin-Buluk, kurgan 6, burial 2 (after: [Kalmykov, Korenevsky, 2001]): 1 – plan; 2 – ax; 3 – knife; 4 – temporal suspensions; 5 – pest (2 – bronze; 3 – iron; 4 – silver; 5 – stone). 6–10 – Ilyinsky I, kurgan 1, burial 5 (after: [Kalmykov, Korenevsky, 2002]): 6 – plan; 7 – pricker; 8 – axe; 9 – arrowheads; 10 – chime mano (7, 8 – bronze; 9 – flint; 10 – stone). 11–20 – Lysogorsky-6, kurgan 3, burial 4 (after: [Korenevsky et al., 2018]): 11 – plan; 12 – knife; 13 – suspension; 14 – beads; 15 – temporal ring; 16 – axe; 17 – adze; 18 – shows fragments of a knife; 19 – vessel fragments; 20 – rod-pricker (12–14, 16–20 – bronze; 15 – gold). 21–26 – Achkhoy-Martan, kurgan 1, burial 30 (after: [Burkov, Rostunov, 2004]): 21 – plan; 22 – axe; 23 – adze; 24 – knife; 25 – awl; 26 – earrings (22–25 – bronze; 26 – silver)

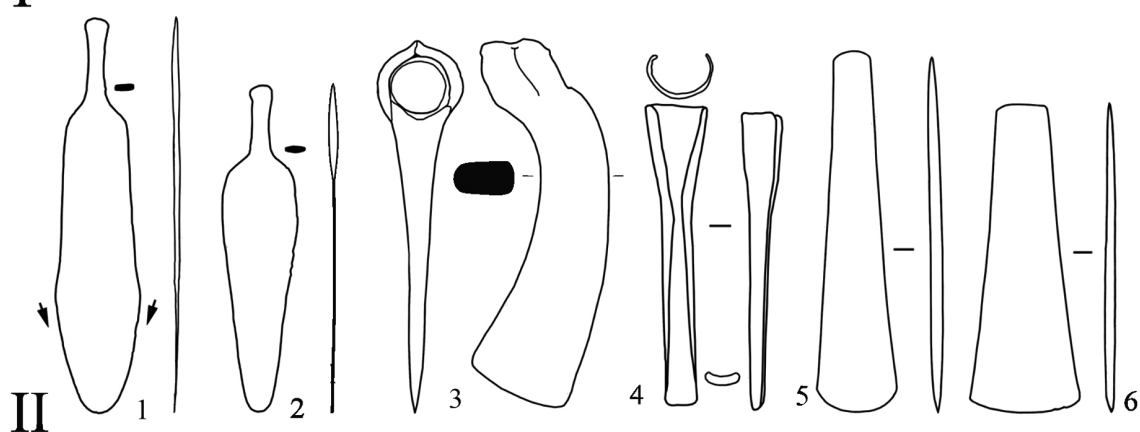
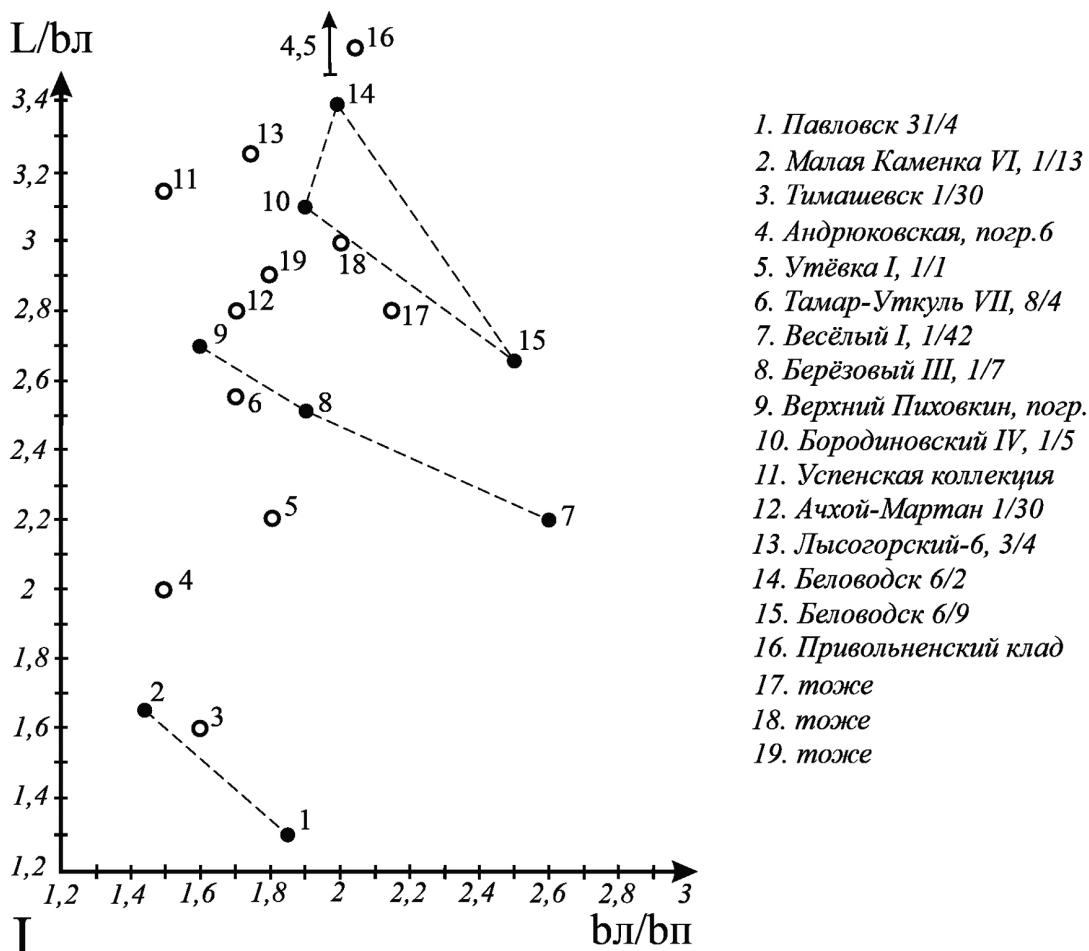

Рис. 11: I – график индексов тесел ранней и средней бронзы: L/bl – отношение длины к ширине лезвия; bl/bп – отношение ширины лезвия к ширине пятки. II – бронзовые предметы из состава Привольненского клада (хранение: Государственный Эрмитаж; коллекция № 23; рисунки: А.И. Климушина): 1 – кинжал; 2 – нож; 3 – топор; 4 – долото; 5 – тесло; 6 – тесло

Fig. 11: I – graph of Early and Middle Bronze Age adzes: L/bl is the ratio of the blade length to its width; bl/bп is the ratio of the blade width to the heel width. II – Bronze objects from the Privolnensky treasure (storage: State Hermitage Museum; collection No. 23; drawings: by A.I. Klimushina): 1 – dagger; 2 – knife; 3 – axe; 4 – bit; 5 – adze; 6 – adze

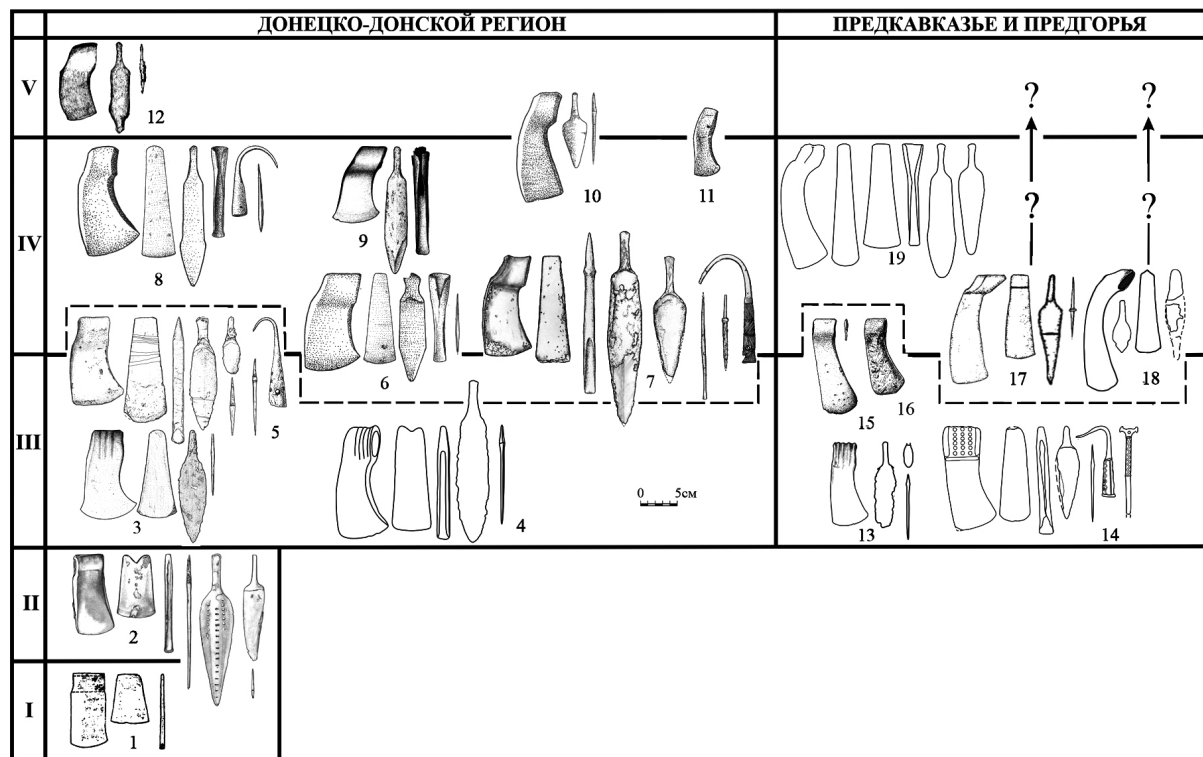

Рис. 12. Периодизация комплексов с металлическими топорами донецко-донского региона, степного Предкавказья и предгорий Северного Кавказа. Этапы: *I* – новосвободненский (?); *II* – андрюковский; *III* – успенский; *IV* – привольненский; *V* – манычский:

I – Павловск, кург. 31, погр. 4; 2 – Малая Каменка VI, кург. 1, погр. 13; 3 – Веселый I, кург. 1, погр. 42;
 4 – Верхний Пиховкин, курган; 5 – Березовый III, кург. 1, погр. 7; 6 – Беловодск, кург. 6, погр. 9;
 7 – Бородиновский IV, кург. 1, погр. 5; 8 – Беловодск, кург. 6, погр. 2; 9 – Нижняя Добринка II, кург. 5, погр. 2;
 10 – Приволье, кург. 11, погр. 8; 11 – Свагово, кург. 2, погр. 8; 12 – Вертолетное поле, кург. 5, погр. 6;
 13 – Келермесская, кург. 5, погр. 1; 14 – Успенское, курган; 15 – Ильинский I, кург. 1, погр. 5; 16 – Бичкин-Булук,
 кург. 6, погр. 2; 17 – Ачхой-Мартан, кург. 1, погр. 30; 18 – Лысогорский 6, кург. 3, погр. 4; 19 – Привольное, клад

Fig. 12. Periodization of complexes with metal axes of the Don-Donetsk region, steppe Ciscaucasia and foothills of the North Caucasus. Stages: *I* – Novosvobodnenskiy (?); *II* – Andryukovskiy; *III* – Uspenskiy; *IV* – Privolnenskiy; *V* – Manychskiy:

I – Pavlovsk, kurgan 31, burial 4; 2 – Malaya Kamenka VI, kurgan 1, burial 13; 3 – Vesyolyy I, kurgan 1, burial 42;
 4 – Verhniy Pikhovkin, kurgan; 5 – Beryozovyy III, kurgan 1, burial 7; 6 – Belovodsk, kurgan 6, burial 9;
 7 – Borodinovskiy IV, kurgan 1, burial 5; 8 – Belovodsk, kurgan 6, burial 2; 9 – Nizhnaya Dobrinka II, kurgan 5, burial 2;
 10 – Privolye, kurgan 11, burial 8; 11 – Svatovo, kurgan 2, burial 8; 12 – Vertolyotnoe pole, kurgan 5, burial 6;
 13 – Kelermesskaya, kurgan 5, burial 1; 14 – Uspenskoe, kurgan; 15 – Ilyinsky I, kurgan 1, burial 5;
 16 – Bichkin-Buluk, kurgan 6, burial 2; 17 – Achkhoy-Martan, kurgan 1, burial 30; 18 – Lysogorsky 6, kurgan 3, burial 4;
 19 – Privolnoye, treasure

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Анкушева П. С., Анкушев М. Н., Васючков Е. О., Епимахов А. В., Петров Н. Ф., Фомичев А. В., 2025. Инфраструктура рудников бронзового века Южного Зауралья // XXIII Уральское археологическое совещание : материалы Всерос. (с междунар. участием) науч. конф. Оренбург : Изд-во ОГПУ. С. 83–86.
- Богданов С. В., 2004. Эпоха меди степного Приуралья. Екатеринбург : УрО РАН. 285 с.
- Бочкарев В. С., 2017. Этапы развития металлопроизводства эпохи поздней бронзы на юге Восточной Европы // *Stratum plus*. № 2. С. 159–204.
- Бочкарев В. С., Кашуба М. Т., 2018. Между бронзой и железом // Принципы и методы датирования в археологии (неолит – средние века). СПб. : Ин-т истории материальной культуры РАН. С. 55–76.
- Бочкарев В. С., Кузнецов П. Ф., 2003. Царевкурганская коллекция металлических изделий эпохи бронзы // Древности Самарского края. Самара. С. 60–81.
- Братченко С. Н., Санжаров С. М., 2001. Рідкісні бронзові знаряддя з катакомб Сіверськодонецчини та Донщини (III тис. до н.е.). Луганськ : Видавництво СНУ. 108 с.
- Братченко С. Н., Ключко В. І., Солтис О. Б., 2000. Металеві сокири ямної культури Середньої Наддніпрянщини // Археологічний літопис Лівобережної України. № 1/2 (7–8). Полтава : Археологія. С. 8–14.
- Бурков С. Б., Ростунов В. Л., 2004. Погребения эпохи бронзы из кургана № 1 у сел. Ачхой-Мартан // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Вып. 3. Армавир : РИЦ Армавир. гос. пед. ун-та (АГПУ). С. 138–151.
- Васильев И. Б., 1980. Могильник ямно-полтавкинского времени у с. Утевка в Среднем Поволжье // Археология восточноевропейской лесостепи. Вып. 2. Воронеж : Изд-во Воронеж. гос. ун-та. С. 32–58.
- Востриков С. С., Ильюков Л. С., 2023. Курган 1 курганной группы Березовский III // Археологическое наследие Саратовского края. Вып. 21. Саратов : Науч. кн. С. 34–65.
- Гак Е. И., 2005. Металлообработывающее производство катакомбных племен степного Предкавказья, Нижнего Дона и Северского Донца : дис. ... канд. ист. наук. М. 389 с.
- Гугуев Ю. К., 2019. Отчет о раскопках курганов в могильниках Веселый I и Черкасов V в Аксайском районе Ростовской области в 2018 г. Т. 1. Могильник Веселый I // Научный архив ИА РАН. Р-1, № 59463–59467.
- Иессен А. А., 1950. К хронологии «больших кубанских курганов» // Советская археология. № XII. С. 157–200.
- Калмыков А. А., Корневский С. Н., 2001. Новое погребение с бронзовым топором эпохи средней бронзы из степного Предкавказья // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. 2: Археология, антропология, палеоклиматология. М. : Памятники исторической мысли. С. 52–63.
- Кияшко А. В., 1999. Происхождение катакомбной культуры Нижнего Подонья. Волгоград : Изд-во ВолГУ. 182 с.
- Кияшко А. В., 2002. Культурогенез на востоке катакомбного мира. Волгоград : Изд-во ВолГУ. 268 с.
- Кияшко А. В., 2019. Новые данные о формировании курганного обряда в эпоху энеолита – ранней бронзы на Нижнем Дону // Феномены культур раннего бронзового века степной и лесостепной полосы Евразии: пути культурного взаимодействия в V–III тыс. до н.э. Оренбург : Изд-во ОГПУ. С. 13–28.
- Кияшко А. В., 2024а. Новые данные о хронологическом и генетическом соотношении нижнедонских позднеямных и раннекатакомбных комплексов // Связи и взаимоотношения культур Циркумпонтийского региона: энеолит и ранний бронзовый век : материалы конф. 17–18 октября 2024 года. М. : ИА РАН. С. 24–27.
- Кияшко А. В., 2024б. Родовые склепы раннекатакомбного времени на Нижнем Дону и вопросы генезиса катакомбного обряда // Нижневолжский археологический вестник. Т. 23, № 4. С. 127–155. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2024.4.6>
- Кияшко А. В., Лопатин А. П., 2026. Новые данные об усепенской коллекции металлических предметов эпохи средней бронзы Предкавказья // Наследие Кубани. Вып. 3. Краснодар : НАО «Наследие Кубани». С. 71–83.
- Кияшко А. В., Цыбрий А. В., Усачук А. Н., 2025. Элитарный комплекс донецкой катакомбной культуры с металлическим инвентарем из кургана у хутора Бородино на Северском Донце // Археологические вести. № 48. С. 79–93.
- Кияшко А. В., 2025. Культурные процессы в периоды ранней и средней бронзы в степном Предкавказье и смена парадигмы катакомбного обряда // Связи и взаимодействия культур Циркумпонтийского регио-

на в среднем и позднем бронзовом веке : материалы конф. 22–24 октября 2025 года. М. : ИА РАН. С. 47–54.

- Климушина А. И., 2023. Находки металлических топоров и их литейных форм в погребениях степных культур эпохи средней бронзы Восточной Европы // Археологические записки. Вып. 11. Ростов н/Д : Алтайр. С. 114–223.
- Климушина А. И., 2025. Костромской клад и одноименный период металлопроизводства среднего бронзового века Северо-Западного Кавказа и южной половины Восточной Европы // Археологические вести. Вып. 48. С. 94–111.
- Климушина А. И., 2026. К вопросу о соотношении металлического инвентаря кладов и погребений эпохи средней бронзы Северо-Западного Кавказа и степной полосы Восточной Европы // Наследие Кубани. Вып. 3. Краснодар : НАО «Наследие Кубани». С. 84–92.
- Корневский С. Н., 1976. О металлических топорах Северного Причерноморья, Среднего и Нижнего Поволжья эпохи средней бронзы // Советская археология. № 4. С. 16–31.
- Корневский С. Н., 1981. Втульчатые топоры – оружие ближнего боя эпохи средней бронзы Северного Кавказа // Кавказ и Средняя Азия в древности и средневековье. М. : Наука. С. 20–58.
- Корневский С. Н., 2004. Древнейшие земледельцы и скотоводы Предкавказья: майкопско-новосвободненская общность, проблемы внутренней типологии. М. : Наука. 243 с.
- Корневский С. Н., 2011. Древнейший металл Предкавказья. Типология. Историко-культурный аспект. М. : Таус. 336 с.
- Корневский С. Н., Березин Я. Б., Габуев Т. А., 2018. Уникальное погребение эпохи средней бронзы на Кавминводах // Краткие сообщения Института археологии. Вып. 252. С. 67–84.
- Корневский С. Н., Прокофьев Р. В., 2021. Погребение с бронзовым топором-молотом из Андреевского кургана на Ставрополье // Краткие сообщения Института археологии. Вып. 262. С. 207–221.
- Корневский С. Н., Сурков А. В., 2026. Новые данные о майкопских погребальных памятниках у поселения Тузла-15 и из могильника у ст. Старотиторовской на Тамани // Наследие Кубани. Вып. 3. Краснодар : НАО «Наследие Кубани». С. 93–100.
- Максименко В. Е., Яценко В. С., 2012. Погребение новотитаровского облика близ села Кулешовка Азовского района Ростовской области // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. № 3. С. 33–35.
- Марковин В. И., 1994. Дольмены Западного Кавказа // Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии. Ранняя и средняя бронза Кавказа. М. : Наука. С. 226–253.
- Матюхин А. Д., 1992. Исследование курганов у с. Большая Дмитриевка // Древности Волго-Донских степей. Вып. 2. Волгоград : Перемена. С. 49–53.
- Мимоход Р. А., 2009. Курганы эпохи бронзы – раннего железного века в Саратовском Поволжье: характеристика и культурно-хронологическая атрибуция комплексов. Материалы охранных археологических исследований. Т. 10. М. : Таус. 292 с.
- Моргунова Н. Л., 2014. Приуральская группа памятников в системе волжско-уральского варианта ямной культурно-исторической области. Оренбург : Изд-во ОГПУ. 348 с.
- Моргунова Н. Л., 2021. Ямная культура между Волгой и Уралом // Археология Волго-Уралья. Т. 2. Энеолит и бронзовый век. Казань : Изд-во АНРТ. С. 272–295.
- Моргунова Н. Л., Кравцов А. Ю., 1994. Памятники древнеямной культуры на Илеке. Екатеринбург : Наука. 153 с. Отчет Императорской археологической комиссии за 1904 год (публ. 1907 г.). СПб. 185 с.
- Резепкин А. Д., 2012. Новосвободненская культура (на основе материалов могильника «Клады»). Тр. ИИМК РАН. Т. XXXVII СПб. : Нестор-История. 344 с.
- Рысин М. Б., 2007. Связи Кавказа с Волго-Уральским регионом в эпоху бронзы (проблемы хронологии и периодизации) // Археологические вести. Вып. 48. С. 184–220.
- Рысин М. Б., 2008. Успенский этап кавказской металлообработки среднего бронзового века // Археологические вести. Вып. 15. С. 193–230.
- Рысин М. Б., 2025. Проблемы хронологии дольменной культуры Западного Кавказа (ч. 2) // Археологические вести. Вып. 47. С. 225–244.
- Санжаров С. Н., Черных Е. А., 2025. Курганы эпохи бронзы левобережья Среднего Подонцовья. Луганск : Изд-во ЛГУ им. В. Даля. 208 с.

- Сергацков И. В., Дьяченко А. Н., Клепиков В. М., Кривошеев М. В., 2012. Археологические исследования курганов у с. Перекопка // Курганы бронзового века в излучине Дона (опыт комплексных археологических и естественнонаучных исследований). Волгоград : Волгогр. фил. РАНХиГС. С. 10–76.
- Синюк А. Т., 1983. Курганы эпохи бронзы Среднего Дона (Павловский могильник). Воронеж : Изд-во ВГУ. 191 с.
- Синюк А. Т., 1989. Погребения ямной и катакомбной культур Первого Власовского могильника // Проблемы археологического изучения Доно-Волжской лесостепи. Воронеж : Изд-во ВГПИ. С. 27–69.
- Тарабанов В. А., 1990. Раскопки курганов эпохи бронзы у пос. Черноморский Северского района // Древние памятники Кубани (материалы семинара). Краснодар : Упр. культуры Краснодар. крайисполкома. С. 37–44.
- Черных Е. Н., 2007. Каргалы: феномен и парадоксы развития; Каргалы в системе металлургических провинций; Потаенная (сакральная) жизнь архаичных горняков и металлургов. М. : Языки славянской культуры. Т. V. 200 с.
- Чечина А. Ю., 2026. Результаты археологических исследований курганной группы «Вертолетное поле» в Тарасовском районе Ростовской области // Наследие Кубани. Вып. 3. Краснодар : НАО «Наследие Кубани». С. 145–152.
- Шинкарь О. А., 2020. Погребение представителей элиты эпохи средней бронзы из Нижнего Поволжья // *Stratum plus*. № 2. С. 135–153.
- Щипанова А. Г., Климушина А. Ю., Тутаева И. Ж., Данильченко А. Ю., 2024. Погребение эпохи ранней бронзы с богатым набором металлического инвентаря в бассейне Северского Донца // Достижения и перспективы изучения археологии Северного Кавказа в XX – первой четверти XXI века : материалы Междунар. науч. конф. по археологии Северного Кавказа «XXXIII Крупновские чтения». М. : ИА РАН. С. 130–133.

REFERENCES

- Ankusheva P.S., Ankushev M.N., Vasyuchkov E.O., Epimahov A.V., Petrov N.F., Fomichyov A.V., 2025. Infrastruktura rudnikov bronzovogo veka Yuzhnogo Zaural'ya [Infrastructure of the Bronze Age Mines of the Southern Trans-Urals]. *XXIII Ural'skoe arkheologicheskoe soveshhanie: materialy' Vseros. (s mezhdunar. uchastiem) nauch. konf.* [XXIII Ural Archaeological Meeting: Materials from All-Russian (with International Participation) Scientific Conf.]. Orenburg, OSPU, pp. 83-86.
- Bogdanov S.V., 2004. *Epoha medi stepnogo Priural'ya* [The Copper Age of the Steppe Urals]. Yekaterinburg, UB RAS. 285 p.
- Bochkaryov V.S., 2017. Etapy razvitiya metalloproduktstva epohi pozdney bronzy na yuge Vostochnoy Evropy [Stages in the Development of Metal Production in the Late Bronze Age in the South of Eastern Europe]. *Stratum plus*, no. 2, pp. 159-204.
- Bochkaryov V.S., Kashuba M.T., 2018. Mezhdubronzoy i zhelezom [Between Bronze and Iron]. *Printsiipy i metody datirovaniya v arkheologii (neolit – srednie veka)* [Principles and Methods of Dating in Archeology (Neolithic – Middle Ages)]. Saint Petersburg, IHMC RAS, pp. 55-76.
- Bochkaryov V.S., Kuznetsov P.F., 2003. Tszaryovokurganskaya kolleksiya metallicheskih izdeliy epokhi bronzy [Tsaryovokurgan Collection of Bronze Age Metal Artifacts]. *Drevnosti Samarskogo kraja* [Antiquities of the Samara Region]. Samara, pp. 60-81.
- Bratchenko S.N., Sanzharov S.M., 2001. *Ridkisini bronzovi znariaddia z katakomb Siverskodonechchyny ta Donshchyny (III tys. do n.e.)* [Rare Bronze Tools from the Catacombs of the Severodonetsk and Don Regions (III Millennium BC)]. Luhansk, VNU. 108 p.
- Bratchenko S.N., Klochko V.I., Soltys O.B., 2000. Metalevi sokryy yamnoi kultury Serednoi Naddniprianshchyny [Metal Axes of the Yamnaya culture of the Central Dnieper region]. *Arkheologichniy litopis Livoberezhnoi Ukraini* [Archaeological Chronicle of the Left-Bank Ukraine], no. 1/2 (7–8). Poltava, Archeology Publ., pp. 8-14.
- Burkov S.B., Rostunov V.L., 2004. Pogrebeniya epohi bronzy iz kurgana № 1 u sel. Achkhoy-Martan [Burials of the Bronze Age from Mound No. 1 near the Villages Achkhoy-Martan]. *Materialy i issledovaniya po arkheologii Severnogo Kavkaza* [Materials and Research on the Archeology of the North Caucasus], iss. 3. Armavir, ASPU, pp. 138-151.

- Vasil'ev I.B., 1980. Mogil'nik yamno-poltavkinskogo vremeni u s. Utyovka v Srednem Povolzh'e [The Burial Ground of the Yamno-Poltavka Period near the Village of Utyovka in the Middle Volga Region]. *Arkheologiya vostochnoevropeyskoy lesostepi* [Archaeology of the Eastern European Forest-Steppe], iss. 2. Voronezh, VSU, pp. 32-58.
- Vostrikov S.S., Il'yukov L.S., 2023. Kurgan I kurgannoy gruppy Beryozovskiy III [Kurgan I of the Beryozovsky III Mound Group]. *Arkheologicheskoe nasledie Saratovskogo kraya* [Archaeological Heritage of the Saratov Region], iss. 21. Saratov, Nauch. kn. Publ., pp. 34-65.
- Gak E.I., 2005. *Metalloobrabatyvayushhee proizvodstvo katakombnykh plemen stepnogo Predkavkaz'ya, Nizhnego Dona i Severskogo Dontsa: dis. ... kand. ist. nauk* [Metalworking Production of the Catacomb Tribes of the Steppe Ciscaucasia, Lower Don and Seversky Donets. Cand. hist. sci. diss.]. Moscow. 389 p.
- Guguev Yu.K., 2019. Otchet o raskopkakh kurganov v mogil'nikakh Veselyy I i Cherkasov V v Aksayskom rayone Rostovskoy oblasti v 2018 g. T. 1. Mogil'nik Veselyy I [Report on the Excavation of Kurgans in the Cemeteries of Vesely I and Cherkasov V in the Aksai District of the Rostov Region in 2018. Vol. 1. The Cemetery of Vesely I]. *Nauchnyy arkhiv IA RAN*, R-1, no. 59463–59467.
- Iessen A.A., 1950. K hronologii «bol'shikh kubanskih kurganov» [To the Chronology of the “Great Kuban Mounds”]. *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet Archaeology], no. 12, pp. 157-200.
- Kalmykov A.A., Korenevskiy S.N., 2001. Novoe pogrebenie s bronzovym toporom epohi sredney bronzy iz stepnogo Predkavkaz'ya [A New Burial with a Bronze Axe from the Middle Bronze Age in the Steppe of the North Caucasus]. *Materialy po izucheniyu istoriko-kulturnogo naslediya Severnogo Kavkaza. Vyp. 2: Arkheologiya, antropologiya, paleoklimatologiya* [Materials on the Study of the Historical and Cultural Heritage of the North Caucasus. Iss. 2: Archaeology, Anthropology, Paleoclimatology]. Moscow, Pamyatniki istoricheskoy mysli Publ., pp. 52-63.
- Kiyashko A.V., 1999. *Proiskhozhdenie katakombnoy kul'tury Nizhnego Podon'ya* [The Origin of the Catacomb Culture of the Lower Don Region]. Volgograd, VolSU. 182 p.
- Kiyashko A.V., 2002. *Kul'turogenез na vostoке katakombnogo mira* [Cultural Genesis in the East of the Catacomb World]. Volgograd, VolSU. 268 p.
- Kiyashko A.V., 2019. Novye dannye o formirovaniі kurgannogo obryada v epohu eneolita – ranney bronzy na Nizhnem Donu [New Data on the Formation of the Mound Rite in the Eneolithic – Early Bronze Age on the Lower Don]. *Fenomeny kul'tur ranney bronzovogo veka stepnoy i lesostepnoy polosy' Evrazii: puti kul'turnogo vzaimodeystviya v V–III tys. do n.e.* [Cultural Phenomena of the Early Bronze Age of the Steppe and Forest-Steppe Strip of Eurasia: Ways of Cultural Interaction in the V–III Millennium BC]. Orenburg, OGPU, pp. 13-28.
- Kiyashko A.V., 2024a. Novye dannye o hronologicheskom i geneticheskom sootnoshenii nizhnedonskih pozdneyamnyh i rannekatakombnyh kompleksov [New Data on the Chronological and Genetic Relationship of the Lower Don Late Yamnaya and Early Catacomb Complexes]. *Svyazi i vzaimootnosheniya kul'tur Tsirkumpontiyanskogo regiona: eneolit i ranniy bronzovyy vek: materialy konf. 17–18 oktyabrya 2024 goda* [Connections and Relationships of the Cultures of the Circumpontine Region: Chalcolithic and Early Bronze Age. Conference Proceedings, October 17–18, 2024]. Moscow, IARAS, pp. 24-27.
- Kiyashko A.V., 2024b. Rodovye sklepy rannekatakombnogo vremeni na Nizhnem Donu i voprosy genezisa katakombnogo obryada [Clan Crypts on the Lower Don of the Early Catacomb Time and Genesis Issues of the Catacomb Rite]. *Nizhnevolzhskiy arkheologicheskii vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], vol. 23, no. 4, pp. 127-155. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2024.4.6>
- Kiyashko A.V., Lopatin A.P., 2026. Novye dannye ob uspenskoy kollekcii metallicheskikh predmetov epohi sredney bronzy Predkavkaz'ya [New Data on the Uspensky Collection of Metal Objects from the Middle Bronze Age of the Pre-Caucasus]. *Nasledie Kubani* [The Heritage of Kuban], iss. 3. Krasnodar, NAO “Heritage of Kuban”, pp. 71-83.
- Kiyashko A.V., Tsybriy A.V., Usachuk A.N., 2025. Elitarnyy kompleks donetskoy katakombnoy kul'tury s metallicheskim inventaryom iz kurgana u hutora Borodino na Severskom Dontse [Elite Complex of Donetsk Catacomb Culture with Metal Inventory from a Mound near the Borodino Farm on the Seversky Donets]. *Arkheologicheskie vesti* [Archaeological News], no. 48, pp. 79-93.
- Kiyashko A.V., 2025. Kul'turnye protsessy v periody ranney i sredney bronzy v stepnom Predkavkaz'e i smena paradigmy katakombnogo obryada [Cultural Processes During the Early and Middle Bronze Age in the Steppe Pre-Caucasus and the Paradigm Shift of the Catacomb Rite]. *Svyazi i vzaimodeystviya kultur Tsirkumpontiyanskogo regiona v srednem i pozdnem bronzovom veke: materialy' konf. 22–24 oktyabrya*

- 2025 goda [Connections and Interactions of Cultures of the Circumpontine region in the Middle and late Bronze Age. Materials of the Conference on October 22–24, 2025]. Moscow, IA RAS, pp. 47-54.
- Klimushina A.I., 2023. Nahodki metallicheskih toporov i ih liteynyh form v pogrebeniyah stepnykh kul'tur epohi sredney bronzы Vostochnoy Evropy [Finds of Metal Axes and their Casting Molds in the Burials of the Steppe Cultures of the Middle Bronze Age of Eastern Europe]. *Arkheologicheskie zapiski* [Archaeological Notes], iss. 11. Rostov-on-Don, Altair Publ., pp. 114-223.
- Klimushina A.I., 2025. Kostromskoy klad i odnoimennyy period metalloproduktov srednego bronzovogo veka Severo-Zapadnogo Kavkaza i yuzhnoy poloviny Vostochnoy Evropy [Kostroma Hoard and the Middle Bronze Age Metallurgy of the North-Western Caucasus and the Southern Half of Eastern Europe]. *Arkheologicheskie vesti* [Archaeological News], iss. 48, pp. 94-111.
- Klimushina A.I., 2026. K voprosu o sootnoshenii metallicheskogo inventarya kladov i pogrebeniy epohi sredney bronzы Severo-Zapadnogo Kavkaza i stepnoy polosy Vostochnoy Evropy [On the Issue of the Relationship Between Metal Inventory of Hoards and Burials of the Middle Bronze Age in the North-Western Caucasus and the Steppe Zone of Eastern Europe]. *Nasledie Kubani* [The Heritage of Kuban], iss. 3. Krasnodar, NAO "Heritage of Kuban", pp. 84-92.
- Korenevskiy S.N., 1976. O metallicheskih toporah Severnogo Prichernomor'ya, Srednego i Nizhnego Povolzh'ya epohi sredney bronzы [On the Metal Axes of the Northern Black Sea Region and the Middle and Lower Volga Region of the Middle Bronze Age]. *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet Archaeology], no. 4, pp. 16-31.
- Korenevskiy S.N., 1981. Vtul'chatye topory – oruzhie blizhnego boya epohi sredney bronzы Severnogo Kavkaza [Socketed Axes – Melee Weapons of the Middle Bronze Age of the North Caucasus]. *Kavkaz i Srednyaya Aziya v drevnosti i srednevekovye* [The Caucasus and Central Asia in Antiquity and the Middle Ages]. Moscow, Nauka Publ., pp. 20-58.
- Korenevskiy S.N., 2004. *Drevneyshie zemledel'tsy i skotovody Predkavkaz'ya: maykopsko-novosvobodnenskaya obshchnost', problemy vnutrenney tipologii* [The Ancient Farmers and Herders of the Ciscaucasia: Maikop-Novosvobodensk Community, Problems of Internal Typology]. Moscow, Nauka Publ. 243 p.
- Korenevskiy S.N., 2011. *Drevneyshiy metall Predkavkaz'ya. Tipologiya. Istoriko-kul'turnyy aspekt* [The Ancient Metal of the Ciscaucasia. Typology. Historical and Cultural Aspects]. Moscow, Taus Publ. 336 p.
- Korenevskiy S.N., Berezin Ya.B., Gabuev T.A., 2018. Unikal'noe pogrebenie epohi sredney bronzы na Kavminvodah [A Unique Middle Bronze Age Burial from the Caucasian Spas Area]. *Kratkie soobshheniya Instituta arkheologii* [Brief Communications of the Institute of Archaeology], iss. 252, pp. 67-84.
- Korenevskiy S.N., Prokof'ev R.V., 2021. Pogrebenie s bronzovym toporom-molotom iz Andreevskogo kurgana na Stavropol'e [The Burial with a Bronze Hammer-Axe from the Andreevskiy Kurgan in Stavropol Region]. *Kratkie soobshheniya Instituta arkheologii* [Brief Communications of the Institute of Archaeology], iss. 262, pp. 207-221.
- Korenevskiy S.N., Surkov A.V., 2026. Novye dannye o maikopskih pogrebal'nykh pamyatnikah u poseleniya Tuzla-15 i iz mogil'nika u st. Starotitorovskoy na Tamani [New Data on Maikop Burial Monuments near the Settlement of Tuzla-15 and from a Burial Ground near the Village of Starotitorovskaya in Taman]. *Nasledie Kubani* [The Heritage of Kuban], iss. 3. Krasnodar, NAO "Heritage of Kuban", pp. 93-100.
- Maksimenko V.E., Yatsenko V.S., 2012. Pogrebenie novotitarovskogo oblika bliz sela Kuleshovka Azovskogo rayona Rostovskoy oblasti [Burial of the Novotitarovsky Appearance near the Village of Kuleshovka, Azov District, Rostov Region]. *Izvestiya vuzov. Severo-Kavkazskiy region. Obshchestvennyye nauki* [News of Universities. North Caucasus Region. Social Sciences], no. 3, pp. 33-35.
- Markovin V.I., 1994. Dol'meny Zapadnogo Kavkaza [Dolmens of the Western Caucasus]. *Epokha bronzы Kavkaza i Sredney Azii. Rannyya i srednyaya bronza Kavkaza* [The Bronze Age of the Caucasus and Central Asia. The Early and Middle Bronze Age of the Caucasus]. Moscow, Nauka Publ., pp. 226-253.
- Matyuhin A.D., 1992. Issledovanie kurganov u s. Bol'shaya Dmitrievka [Study of Mounds at Bolshaya Dmitrievka Village]. *Drevnosti Volgo-Don'skikh stepey* [Antiquities of the Volga-Don Steppes], no. 2. Volgograd, Peremena Publ., pp. 49-53.
- Mimohod R.A., 2009. *Kurgany epohi bronzы – rannego zheleznogo veka v Saratovskom Povolzh'e: harakteristika i kul'turno-hronologicheskaya atributsiya kompleksov. Materialy okhranny'kh arkheologicheskikh issledovaniy* [Bronze Age and Early Iron Age Burial Mounds in the Saratov Volga Region: Characteristics and Cultural and Chronological Attribution of the Complexes. Materials of Security Archaeological Research], vol. 10. Moscow, Taus Publ. 292 p.

- Morgunova N.L., 2014. *Priural'skaya gruppa pamyatnikov v sisteme volzhsko-ural'skogo varianta yamnoy kul'turno-istoricheskoy oblasti* [The Ural Group of Monuments in the System of the Volga-Ural Variant of the Yamnaya Cultural and Historical Region]. Orenburg, OGPU. 348 p.
- Morgunova N.L., 2021. Yamnaya kul'tura mezhdru Volgoy i Uralom [Yamnaya Culture between the Volga and the Ural]. *Arkheologiya Volgo-Uralya. T. 2. Eneolit i bronzovyy vek* [Archeology of the Volga-Urals. Vol. 2. The Eneolithic and the Bronze Age]. Kazan, AS RT, pp. 272-295.
- Morgunova N.L., Kravtsov A. Yu., 1994. *Pamyatniki drevneyamnoy kul'tury na Ilike* [Monuments of the Ancient Yamnaya Culture on the Ilek River]. Yekaterinburg, Nauka Publ. 153 p.
- Otchet Imperatorskoy arheologicheskoy komissii za 1904 god (publ. 1907 g.)* [Report of the Imperial Archaeological Commission for 1904 (Published in 1907)]. Saint Petersburg. 185 p.
- Rezepkin A. D., 2012. *Novosvobodnenskaya kul'tura (na osnove materialov mogil'nika «Klady»)* [Novosvobodnenskaya Culture (Based on the Materials of the Klady Burial Ground)]. Trudy IIMK RAN, vol. XXXVII. Saint Petersburg, Nestor-Istoriya Publ. 344 p.
- Rysin M.B., 2007. Svyazi Kavkaza s Volgo-Ural'skim regionom v epohu bronzy (problemy hronologii i periodizatsii) [Relations Between the Caucasus and the Volga-Ural Region in the Bronze Age (Problems of Chronology and Periodization)]. *Arkheologicheskie vesti* [Archaeological News], iss. 48, pp. 184-220.
- Rysin M.B., 2008. Uspenskiy etap kavkazskoy metalloobrabotki srednego bronzovogo veka [Assumption Stage of Caucasian Metalworking of the Middle Bronze Age]. *Arkheologicheskie vesti* [Archaeological News], iss. 15, pp. 193-230.
- Rysin M.B., 2025. Problemy hronologii dol'mennoy kul'tury Zapadnogo Kavkaza (ch. 2) [Problems of the Dolmen Culture Chronology in the Western Caucasus (Part 2)]. *Arkheologicheskie vesti* [Archaeological News], iss. 47, pp. 225-244.
- Sanzharov S.N., Chernyh E.A., 2025. *Kurgany epohi bronzy levoberezh'ya Srednego Podontsov'ya* [Bronze Age Mounds on the Left Bank of the Middle Donets Region]. Lugansk, V. Dal LSU. 208 p.
- Sergatskov I.V., Dyachenko A.N., Klepikov V.M., Krivosheev M.V., 2012. Arheologicheskie issledovaniya kurganov u s. Perekopka [Archaeological Research of Mounds near the Village of Perekopka]. *Kurgany bronzovogo veka v izluchine Dona (opyt kompleksnykh arheologicheskikh i estestvennonauchnykh issledovaniy)* [The Mounds of the Bronze Age in the Bend of the Don (the Experience of Complex Archaeological and Scientific Research)]. Volgograd, Volgograd Branch RANEPa, pp. 10-76.
- Sinyuk A.T., 1983. *Kurgany epohi bronzy Srednego Dona (Pavlovskiy mogil'nik)* [Bronze Age Mounds of the Middle Don (Pavlovsky Burial Ground)]. Voronezh, Voronezh State University Press. 191 p.
- Sinyuk A.T., 1989. Pogrebeniya yamnoy i katakombnoy kul'tur Pervogo Vlasovskogo mogil'nika [Burials of the Yamnaya and Catacomb Cultures of the First Vlasov Burial Ground]. *Problemy arheologicheskogo izucheniya Dono-Volzhskoy lesostepi* [Problems of Archaeological Study of the Don-Volga Forest-Steppe]. Voronezh, VSPI, pp. 27-69.
- Tarabanov V.A., 1990. Raskopki kurganov epohi bronzy u pos. Chernomorskiy Severskogo rayona [Excavations of Mounds of the Bronze Age near the village Chernomorskiy Seversky district]. *Drevnie pamyatniki Kubani (materialy seminar)* [Ancient Monuments of Kuban (Materials of the Seminar)]. Krasnodar, Department of Culture of the Krasnodar Regional Executive Committee, pp. 37-44.
- Chernyh E.N., 2007. *Kargaly: fenomen i paradoksy razvitiya; Kargaly v sisteme metallurgicheskikh provintsiy; Potaennaya (sakral'naya) zhizn' arhaichnykh gornyakov i metallurgov* [Kargaly: the Phenomenon and Paradoxes of Development; Kargaly in the System of Metallurgical Provinces; The Hidden (Sacred) Life of Archaic Miners and Metallurgists]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ., vol. 5. 200 p.
- Chechina A.Yu., 2026. Rezul'taty arheologicheskikh issledovaniy kurgannoy gruppy «Vertoletnoe pole» v Tarasovskom rayone Rostovskoy oblasti [Results of Archaeological Research of the “Vertoletnoe pole” Burial Mound Group in the Tarasovsky District of the Rostov Region]. *Nasledie Kubani* [The Heritage of Kuban], iss. 3. Krasnodar, NAO “Heritage of Kuban”, pp. 145-152.
- Shinkar' O.A., 2020. Pogrebenie predstaviteley elity epohi sredney bronzy iz Nizhnego Povolzh'ya [Burial of Elite Members of the Middle Bronze Age from the Lower Volga Region]. *Stratum plus*, no. 2, pp. 135-153.
- Shchipanova A.G., Klimushina A. Yu., Tutaeva I.Zh., Danil'chenko A. Yu., 2024. Pogrebenie epohi ranney bronzy s bogatym naborom metallicheskogo inventarya v bassejne Severskogo Dontsa [An Early Bronze Age Burial with a Rich Set of Metal Tools in the Seversky Donets Basin]. *Dostizheniya i perspektivy izucheniya arkheologii*

Severnogo Kavkaza v XX – pervoy chetverti XXI veka: materialy Mezhdunar. nauch. konf. po arkheologii Severnogo Kavkaza «XXXIII Krupnovskie chteniya» [Achievements and Prospects of Archaeological Research in the North Caucasus in the 20th and First Quarter of the 21st Century. Proceedings of the International Scientific Conference on Archaeology of the North Caucasus “XXXIII Krupnov Readings”]. Moscow, IA RAS, pp. 130-133.

Information About the Author

Aleksey V. Kiyashko, Doctor of Sciences (History), Professor, Department of Archaeology and History of the Ancient World, Southern Federal University, B. Sadovaya St, 105/42, 344006 Rostov-on-Don, Russian Federation; Leading Specialist, Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences, Dvortsovaya Emb., 18A, 191186 Saint Petersburg, Russian Federation, volgodon5@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7666-4477>

Информация об авторе

Алексей Владимирович Кияшко, доктор исторических наук, профессор кафедры археологии и истории Древнего мира, Южный федеральный университет, ул. Б. Садовая, 105/42, 344006 г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация; ведущий специалист, Институт истории материальной культуры РАН, Дворцовая наб., 18А, 191186 г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, volgodon5@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7666-4477>

DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.volsu.2026.1.2>

UDC 902:904(470.32)

LBC 63.442.6(234.5)-415

Submitted: 26.06.2025

Accepted: 06.08.2025

SITES WITH “YAMNAYA-REPIN TYPE” CERAMICS. PARADOXES OF HISTORIOGRAPHY, STUDY PROBLEMS, AND NEW DATA ¹

Evgenii I. Gak

State Historical Museum, Moscow, Russian Federation;
Institute of Physicochemical and Biological Problems in Soil Science of the Russian Academy of Sciences,
Pushchino, Russian Federation

Andrey M. Skorobogatov

Institute of the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences,
Saint Petersburg, Russian Federation

Abstract. The article is devoted to Bronze Age sites, which share a unique syncretic-looking pottery, combining the egg-shaped form characteristic of the Yamnaya culture and the ornamental pit-pearl belt of the Repin culture. As a result of the historiographical analysis of the issues of origin, chronology and attribution of these sites, significant discrepancies were found both in the use of the notion of the “Yamnaya-Repin type” and in the understanding of what it represents. Some researchers estimate the appearance of this ceramics type as a result of mutual influence of the Repin and Yamnaya cultures at the stage of their formation, while others imply it is a product of synthesis of late Repin and late Yamnaya ceramic traditions in the pre-Catacomb and early Catacomb periods. In the study of the sites of the “Yamnaya-Repin type”, two interrelated problems have been identified: 1) the state of the source base formed by household remains from mixed layers, with the resulting difficulties of absolute dating, and 2) the search for criteria for identifying a separate cultural phenomenon. The results of recent excavations of the stratified settlement of Ksizovo-1 (Upper Don region) are published as new data for its assessment, where the Yamnaya-Repin site is locally and lithologically isolated from the late Catacomb site. The examination of the Yamnaya-Repin materials from Ksizovo-1 as well as their morphological and technological analysis in the context of a wide range of analogies, leads to the conclusion that the main distribution of this ceramic style in the Don-Donets region predates the formation of the local catacomb cultures. The chronology of the later part of these settlements, according to radiocarbon data, is 2700–2500 BC and shows the process of interaction between the aboriginal (Yamnaya-Repin) and the newcomer (Catacomb) population. Their common origin indicates that the settlements with ceramics of the “Yamnaya-Repin type” were seasonal pastoral temporary camps.

Key words: Bronze Age, Repin culture, Yamnaya culture, catacomb influence, Don region, ceramics, radiocarbon analysis.

Citation. Gak E.I., Skorobogatov A.M., 2026. Pamyatniki s keramikoy «yamno-repinskogo tipa». Paradoksy istoriografii, problemy izucheniya i novye dannye [Sites with “Yamnaya-Repin Type” Ceramics. Paradoxes of Historiography, Study Problems, and New Data]. *Nizhnevolzhskiy Arkheologicheskiy Vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], vol. 25, no. 1, pp. 37-59. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.volsu.2026.1.2>

УДК 902:904(470.32)

ББК 63.442.6(234.5)-415

Дата поступления статьи: 26.06.2025

Дата принятия статьи: 06.08.2025

ПАМЯТНИКИ С КЕРАМИКОЙ «ЯМНО-РЕПИНСКОГО ТИПА». ПАРАДОКСЫ ИСТОРИОГРАФИИ, ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ И НОВЫЕ ДАННЫЕ ¹

Евгений Игоревич Гак

Государственный исторический музей, г. Москва, Российская Федерация;
Институт физико-химических и биологических проблем почвоведения РАН,
г. Пушкино, Российская Федерация

Андрей Михайлович Скоробогатов

Институт истории материальной культуры РАН, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена памятникам эпохи бронзы, которые объединяет своеобразная посуда синкретического облика, сочетающая яйцевидную форму, характерную для ямной культуры, и орнаментальный ямочно-жемчужный пояс, характерный для репинской культуры. В результате историографического разбора вопросов происхождения, хронологии и атрибуции этих памятников прослежены существенные различия как в использовании самого понятия «ямно-репинский тип», так и в понимании, что за ним стоит. Одни исследователи оценивают появление керамики данного типа как результат взаимовлияний репинской и ямной культур на этапе своего формирования, другие подразумевают продукт синтеза позднерепинских и позднемых керамических традиций в предкатакомбное и раннекатакомбное время. В изучении памятников «ямно-репинского типа» выделены две взаимообусловленные проблемы: 1) состояние источниковой базы, образованной бытовыми материалами из перемешанных слоев, с вытекающими трудностями абсолютного датирования и 2) поиск критериев идентификации самостоятельного культурного явления. В качестве новых данных для его оценки публикуются результаты недавних раскопок стратифицированного поселения Ксизово-1 (Верхнее Подонье), где ямно-репинская стоянка локально и литологически была обособлена от позднекатакомбной. Рассмотрение ямно-репинских материалов Ксизово-1 и их морфолого-технологический анализ в контексте широкого круга аналогий приводят к выводу о преимущественном распространении данного керамического стиля в Доно-Донецком регионе вплоть до сложения местных (позднедонецкой, среднедонской) катакомбных культур. Поздняя часть иллюстрирующих его памятников по радиоуглеродным данным относится к 2700–2500 гг. до н.э. и отражает процесс взаимодействия остатков аборигенного ямно-репинского населения с пришлым катакомбным. Генетические связи заставляют предполагать сезонно-скотоводческий характер стоянок с керамикой «ямно-репинского типа».

Ключевые слова: эпоха бронзы, репинская культура, ямная культура, катакомбное влияние, Подонье, керамика, радиоуглеродный анализ.

Цитирование. Гак Е. И., Скоробогатов А. М., 2026. Памятники с керамикой «ямно-репинского типа». Парадоксы историографии, проблемы изучения и новые данные // Нижневолжский археологический вестник. Т. 25, № 1. С. 37–59. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2026.1.2>

В изучении культурно-исторических процессов энеолита – бронзового века много вопросов по-прежнему вызывает образ репинской культуры, который определяется исключительно стилем керамической посуды [Синюк, 1981а]. Со времени трактовки материалов поселения Репин хутор как культурно и хронологически обособленного явления неизменно характеризующим его в представлении исследователей остается лишь классический репинский сосуд – крупный, толстостенный, с резко выделенной раструбовидной шейкой и раздутым туловом, украшенный в верхней половине горизонтальной композицией из жемчужин и отпечатков различных штампов, содержащий в глине раковинную примесь. По наличию гибридов, дериватов, реминисценций и отдельных элементов очевидно влияние репинской культуры на формирование керамических традиций двух фундаментальных общностей Восточной Европы – ямной и катакомбной. Попыткой акцентировать роль репинского компонента в культурогенезе эпохи бронзы на территории лесостепного Подонья стало

введение в научный оборот понятия «ямно-репинский тип».

Впервые это понятие было использовано А.Д. Пряхиным и А.Т. Синюком при характеристике материалов неолита и энеолита с многослойного Шиловского поселения, расположенного возле г. Воронежа. По мнению авторов, ямно-репинская керамическая группа памятника хронологически следует за позднерепинской и «связывает репинские традиции с эпохой бронзы Донской территории». Ямно-репинские сосуды разделялись на два типа по особенностям оформления венчика: со стянутым верхом (тип 1, преобладает) и относительно высоким венчиком, плавно отделяющимся от тулова уступом (тип 2). У сосудов первого типа на репинской подоснове авторы отмечали влияние «городцовской древнеямной культуры, причем не ранних ее стадий», а у сосудов второго типа – еще и раннекатакомбные черты. В итоге был сделан вывод о синкретизме данной керамической группы и ее датировке в рамках второй половины III – начала II тыс. до н.э., что синхронизировалось

тогда с позднеямными / раннекатакомбными памятниками. Вопрос культурной принадлежности оставался открытым, но в русле концепции А.Т. Синюка подчеркивалось, что происхождение керамики «ямно-репинского типа» может быть следствием полилинейности, мозаичности, многократности и временной протяженности этнокультурных взаимодействий [Пряхин, Синюк, 1980, с. 88–91].

В последующих работах А.Т. Синюка керамика «ямно-репинского типа» определялась по сочетанию репинской орнаментальной специфики (ямочно-жемчужный поясок) и ямной морфологии (яйцевидная форма с зауженным верхом) [Васильев, Синюк, 1984, рис. 19–20; Синюк, 1996, рис. 7]. Аналогичная посуда, встреченная на поселении Терновое в правобережной части лесостепного Подонья, была типологически выделена В.И. Погореловым среди материалов эпохи бронзы, которые он рассматривал как гомогенные [Погорелов, 1984]. Выделенный тип вместе с сопоставимой по форме, но катакомбной по орнаментации керамикой, в представлении автора раскопок, характеризует местный ямно-репинский субстрат и участие «в сложении среднедонской катакомбной культуры... репинского компонента, опосредованного влиянием ямных традиций» [Погорелов, 1984, с. 143–150].

Еще дальше по пути смыкания репинских и катакомбных древностей донской лесостепи прошли В.И. Беседин и Ю.П. Матвеев. Апеллируя к единственному случаю «обратной стратиграфии» в Подгорненском могильнике, они подняли вопрос репинско-катакомбного взаимодействия [Беседин, Матвеев, 2003], хотя разительный контраст обряда и керамики при странном положении фрагментов репинского сосуда на костях человека, захороненного по ямному канону, казалось бы, исключает синхронизацию. Так или иначе, возможность стыка двух культур в умах исследователей была вполне реалистичной, а рудименты репинского стиля на катакомбной и синкретичного облика посуде стали оцениваться в кругу явлений среднего бронзового века [Маслихова, 2009; Ивашов, 2015].

Вместе с этим многие исследователи степной зоны, где ямная керамика с репинскими признаками (или наоборот) маркировала памятники начала эпохи ранней бронзы,

разделяли логику присутствия репинской составляющей в ямной культуре на этапе перехода от энеолита [Васильев, 1981; Шапошникова, 1987; Моргунова, 2001; Турецкий, 2001; Богданов, 2004; и др.]. В.А. Трифонов и А.В. Николова даже предлагали выделить «репинский» период или этап в качестве раннего для ямной культуры. Посуду репинского облика из позднеямных и раннекатакомбных памятников они оценивали сквозь призму эволюционных тенденций в развитии репинских традиций [Трифонов, 1996; Николова, 2002]. Первый не давал ей конкретного названия [Трифонов, 1996, с. 5], тогда как вторая согласилась с определением ямно-репинской керамики А.Т. Синюка [Николова, 2002, с. 48]. В целом же употребление терминов «ямный», «репинский» и «катакомбный» с их производными все чаще становилось произвольным, а приложение последних к переходным типам посуды разных территорий все больше запутывало понимание миграционных и культурно-генетических процессов.

Попытавшись разобраться в этом, А.М. Скоробогатов обратил внимание, что характерный для репинской культуры ямочно-жемчужный поясок встречается у сосудов яйцевидной формы на поселениях вместе с типичной ямной керамикой (Михайловское, Кзыл-Хак I, II, Шиловское, Ливенцовка I, Самсоновское, Черниково Озеро-1 и др.). Аналогичные примеры встречаемости есть в погребальных комплексах Нижнего Подонья [Файферт, 2014, с. 87, 182]. На этом основании керамика «ямно-репинского типа» и сопутствующая ей древнеямная керамика поселений, имеющая аналогии в подкурганых погребениях, была отнесена к одной культурно-хронологической группе эпохи ранней бронзы. Диапазон ее существования, опиравшийся на радиоуглеродные даты памятников, которые не содержали керамику «ямно-репинского типа», показывал очень большую протяженность и включал, по современным представлениям, первую половину среднего бронзового века. При этом репинская культура вслед за А.Т. Синюком рассматривалась в рамках позднего энеолита [Скоробогатов, 2018; 2019].

Первые ¹⁴C данные по костям животных из «слоев с ямно-репинской керамикой» были получены В.А. Манько и С.В. Телиженко для поселения Подгоровское в Подонцове.

На основании пяти дат и общих соображений авторы поместили репинскую культуру в рамки XXXV–XXIX вв. до н.э. с допуском того, что в XXVIII–XXVII вв. до н.э. репинское население сосуществовало с ямным. По сути, они отождествили ямно-репинские и позднерепинские материалы, хронологически состыковав их с раннекатакомбными [Манько, Телиженко, 2003, табл. 15, с. 61]. Такой подход во многом совпадал со взглядами А.Т. Синюка на развитие культур позднего энеолита – средней бронзы лесостепного Подонья. Параллельно П.Ф. Кузнецов, оценивая ямно-репинские датировки Подгоровского поселения сквозь призму хронологии репинской культуры, пришел к выводу, что сумма их вероятностей соответствует верхнему пределу суммы датировок, полученных по костям животных поселения Репин хутор. Тем самым вольно или невольно констатировался относительно поздний возраст ямно-репинской керамики и связанных с ней памятников [Кузнецов, 2013, с. 20].

Диаметрально противоположной точки зрения на происхождение немногочисленных примеров подобной посуды в Подонцовье придерживался С.Н. Санжаров, который вместе с соавторами увидел аналогии ей в материалах поселения Самсоновское и группы памятников «так называемой ямно-репинской керамики Среднего Дона». Керамика типа Репин хутор местных поселений относилась к репинской культуре позднего энеолита, а керамика ямной культуры – к эпохе ранней бронзы, при этом отрицалась возможность их сосуществования. Вслед за большинством исследователей репинская культура в бассейне Северского Донца датировалась по ранее принятой хронологии третьей четвертью III тыс. до н.э., а время ямных памятников сужалось до последней четверти III тыс. до н.э. [Санжаров и др., 2000, с. 97].

Дискуссионности в вопросе культурно-хронологической атрибуции керамики «ямно-репинского типа» добавил А.В. Кияшко в ходе анализа материалов многослойного поселения Раздорское I на Нижнем Дону. Применительно к «ямно-репинскому слою» автором специально подчеркивалось, что это были не равномерные отложения, а локальные линзы, содержавшие обломки посуды с пережиточной ямно-репинской орнаментацией на типичных

позднеямных / раннекатакомбных формах. Характеризуя эту керамическую группу, А.В. Кияшко указывает на такие признаки, как толстостенность, горизонтальный декор с использованием двузубчатого штампа в технике отступающей лопаточки, крупного шнура или перевитой веревочки, невысокое горло с подчеркнутым уступом, и отмечает, что они могут присутствовать у сосудов от энеолита до начальной фазы среднего бронзового века, включая «классические» репинские, позднеямные и преддонецкие раннекатакомбные памятники. Название «ямно-репинская керамика» представляется исследователю наиболее точным, если считать репинскую культуру одним из компонентов сложения позднеямных древностей [Кияшко, 2016, с. 84–85]. В совсем свежей работе он приводит позднеямные и раннекатакомбные погребения Нижнего Дона с репинскими признаками в орнаментации посуды, констатируя, что на керамике последующего периода «развитой катакомбной культуры» эти признаки «практически полностью исчезают» [Кияшко, 2025, с. 124]. Типичная форма, где они фиксируются, – яйцевидная с короткой шейкой или без нее, в общем соответствующая поселенческой посуде «ямно-репинского типа».

Краткий историографический обзор вопросов, связанных с керамикой «ямно-репинского типа», показывает существенные расхождения как в использовании самого понятия, так и в понимании того, что за ним стоит. С самого начала смысловая эволюция термина «ямно-репинский» имела определенную географическую окраску. В частности, при выделении репинской культуры воронежскими исследователями для территории лесостепного Подонья подразумевался некий «продукт» взаимодействия ее носителей с позднеямным населением в предкатакомбное и раннекатакомбное время. Самарская группа ученых восприняла новое название по-своему, а именно с позиции взаимовлияний ямной и репинской культур на этапе их формирования в степном Волго-Урале и Северном Прикаспии. Позже для этих регионов термин «ямно-репинский» стал употребляться в отношении посуды и хронологического пласта памятников начала ранней бронзы [Кузнецов, Ковалюх, 2008; Мимоход, 2009, с. 55], однако у большинства местных

специалистов по эпохе палеометалла он так и не прижился [Васильев и др., 2000; Салугина, 2005; Мочалов, 2010; Моргунова, 2014]. Современные исследователи Доно-Донецкой степи-лесостепи интерпретируют синкретичную керамику с ямными и репинскими признаками в русле воронежской историографической традиции [Ивашов, 2015; Кияшко, 2016; Скоробогатов, 2018; Ноздреватых и др., 2024]. К ее приверженцам мы относим и себя.

Анализ публикаций, где уделялось сколько-нибудь значимое внимание памятникам с керамикой «ямно-репинского типа», высветил две взаимообусловленные проблемы для идентификации данного явления как самостоятельного. Первая – состояние источниковой базы, у объектов которой до сих пор не выделены отличительные признаки. Качество бытовых остатков оставляет желать лучшего, а по погребальным комплексам нет консенсуса, к какой культуре или группе их следует относить. С этим связаны трудности абсолютного датирования: опереться на радиоуглеродные даты по органике многокомпонентных поселений мешает неоднозначность ситуативного контекста, а по керамике – системные нестыковки с археологической периодизацией, ставящие под сомнение валидность самого метода.

Вторая проблема – отсутствие четких критериев, отделяющих ямно-репинскую керамику от поздне-репинской / раннеямной / позднеямной / раннекатакомбной. Сейчас эти критерии размыты. Для их выработки требуется специальное сравнительное исследование, проведение которого, в свою очередь, осложняет острый дефицит источников, обладающих приемлемым уровнем научной информативности. Круг бытовых памятников с посудой «ямно-репинского типа» пока ограничивается 21 пунктом (рис. 1). Их список может быть дополнен случайными находками, а в будущем – переоценкой материалов некоторых «старых» раскопок. В основном ямно-репинская керамика мелко фрагментирована, лишь на отдельных памятниках представлена полными или неполными развалами сосудов. Наблюдается ее концентрация в Доно-Донецком бассейне.

Редким, если не единственным объектом, где керамика «ямно-репинского типа» занимает обособленное локально-литологи-

ческое положение, является стратифицированное поселение Ксизово-1. В основной части оно содержит бытовые остатки позднекатакомбного времени [Гак и др., 2017]. По ямно-репинскому участку опубликована лишь краткая информация [Ноздреватых и др., 2024], что делает уместным полное описание этих материалов.

Ксизово-1 находится к югу от с. Ксизово Задонского района Липецкой области на возвышении первой надпойменной террасы приустьевой части левого берега р. Сновы (правый приток Верхнего Дона). Проводившимися Е.И. Гаком и М.В. Ивашовым в 2014–2020, 2022–2023 гг. раскопками на площади около 720 кв. м были исследованы обширная хозяйственно-производственная зона поселения среднедонской катакомбной культуры и не совпадающая с ней часть поселения, которое по соответствующей керамике отнесено к «ямно-репинскому типу» (рис. 2,а). В стратиграфическом разрезе (рис. 2,в) отложения стоянок визуально неразличимы. Они залегают на материке, имеют мощность 0,2–0,4 м (А) и последовательно перекрываются делювиальным слоем мощностью до 0,5 м (Б), древней погребенной почвой мощностью 0,1–0,6 м (В) и пачкой природных наносов мощностью 1,4–1,7 м (Г).

Поселение «ямно-репинского типа» локализовано в юго-западной части памятника вблизи кромки террасы, где маркировалось отдельными находками, скоплением керамики и линзами прокала. Ближний к скоплению прокал сопровождали угольки, однако его высокая дисперсность исключает всякие трактовки. Дальний от скопления прокал имел признаки кострища, «ядро» которого диаметром 0,45 м и мощностью до 0,1 м составляли обильные рыжие прослойки и включения с угольками. От «ядра» мелкий прокал, угольки и керамика распространялись преимущественно к югу и северо-востоку. С запада к кострищу прилегал углистый слой, которым, судя по профилю, было заполнено специальное, немного прорезавшее материк углубление, очевидно, служившее для сброса пирогенных отходов. Западная часть углистого слоя уходила за пределы раскопа. В выявленной части углистые включения разных размеров простирались не меньше чем на 1,5 м в плане и до 0,5 м в

глубину. Конусовидно сужавшаяся к дну яма с углистым заполнением, по-видимому, была овальной и находилась в полуметре от кострища. Длина ямы по продольной оси С – Ю достигала 1 м (рис. 2,б–г).

Скопление керамики размером 0,7 × 0,5 м включало фрагменты двух сосудов, условно названных «малый» и «большой». Малый сосуд – горшковидной формы с приостренным краем венчика и плавно отведенной короткой шейкой. Поверхность сосуда, за исключением узкой пустой полосы на шейке, покрывали сплошные ряды месяцеvidных наколов, похожих на ногтевые вдавления ребенка. Плечо было дополнительно декорировано «жемчужинами», расположенными разреженно (рис. 3,1). Большой сосуд – яйцевидной формы, с закрытым устьем и узким уплощающимся днищем. Комбинированный орнамент заполнял всю его внешнюю поверхность, включая дно. От верха с короткими ногтевыми отпечатками на срезе сосуд украшали четыре пояса из оттисков крупного шнура, плотный ряд больших «жемчужин» и два ряда коротких оттисков толстого шнура в виде изогнутых «личинки»; тулово в его наибольшем расширении опоясывали два шнуровых ряда и шнуровой зигзаг; ниже до дна опускались сплошные оттиски изогнутых «личинки», а у перехода к дну и на само дно были нанесены удлиненные ногтевые вдавления (рис. 3,2).

Вне скопления встречены фрагменты не менее 13 сосудов, по фактуре сопоставимых с двумя описанными выше. Примечательно тулово тонкостенного горшка с трехзонной орнаментацией отпечатками мелкозубчатого штампа, образующими сверху плотные, а снизу разреженные вертикальные и горизонтальные ряды (рис. 4,2). К нему, возможно, принадлежит и утолщенный венчик со скошенным внутрь краем, украшенный пересекающимися линиями таких же отпечатков (рис. 4,7). Среди определяемых по венчикам горшковидных сосудов один толстостенный с приостряющимся краем, покрытый шнуровыми и ногтевыми отпечатками, поверх которых были сделаны глубокие тычкообразные вдавления прямоугольной формы (рис. 4,3). Второй сосуд тонкостенный, с уплощенным верхом и декорированный глубокими строеными вдавлениями, образующими наклонные

прямоугольники, а ниже – рядами косых и все более плотных парных (скобковидных) наколов (рис. 4,1). Примечательна также боковая часть сосуда, орнаментированная изнутри глубокими круглыми ямками и пересекающимися отпечатками веревочки под перегибом тулова (рис. 4,5). Глубокие вдавления у описанных выше сосудов располагались на плечиках и сопровождалась жемчужными негативами. Из других орнаментальных приемов на стенках сосудов следует отметить вертикальные, горизонтальные и пересекающиеся ряды оттисков мелкозубчатого штампа, нанесенный им же елочный узор (рис. 4,6), чередующиеся ряды отпечатков полой трубочки и гладких подковообразных вдавлений (рис. 4,4), сплошные неправильные ямки, тонкие валики треугольного сечения (рис. 4,8). Отсутствие декора на сосудах компенсируют следы горизонтального заглаживания гребенкой, как у глубокой миски с диаметром верха 15 см (рис. 4,9).

Аналогии описанной посуде известны как в лесостепном Подонье, так и за его пределами [Лагодовська и др., 1962; Братченко, 1969; Гей, 1983; Васильев, Синюк, 1984; Барынкин, 1986 и др.]. При дифференциации материалов Шиловского поселения, расположенного относительно близко к Ксизово-1, сопоставимая керамика (рис. 5,а) вошла в ямно-репинскую и частично в позднерепинскую группу [Пряхин, Синюк, 1980, с. 83–92]. На поселении Терновое и ряде других памятников В.И. Погорелов атрибутировал ее как пострепинскую [Погорелов, 1984, с. 150]. Относительно многочисленные находки этой посуды также происходят из слоев Черкасской стоянки в Среднем Подонье (рис. 5,б), поселений Университетское I, II, III (рис. 5,в,г), Карамышево 9, Савицкое на р. Воронеж (Верхнее Подонье), поселений Ливенцовка I, Самсоновское, Раздорское I на Нижнем Дону (рис. 6,а). Небольшие, но выразительные коллекции ямно-репинской керамики получены с поселений Черниково Озеро-1, Сосновая Роца, Подгоровское на Северском Донце (рис. 6,б). Географически оторваны от основной группы памятников Михайловское поселение на Днепре (рис. 6,в) и прикаспийские стоянки Кзыл-Хак I, II, раскопки которых дали обильный материал данного типа [Барынкин, 1986].

К значимым культурно-хронологическим показателям рассматриваемых сосудов относятся невысокие шейки, намечающаяся плоскостность и более плавная, чем в Репином хуторе, профилировка, что в целом характеризует посуду раннего этапа эпохи средней бронзы, когда на юге Восточной Европы получает распространение погребальный обряд ингумаций в катакомбах [Братченко, 2001; Кияшко, 2002; и др.]. Манера сплошного декорирования сосудов с комбинированием архаичных и современных приемов также отсылает к традициям раннекатакомбных культур. Особое внимание обращают на себя короткие отгибки толстого шнура в виде изогнутых личинок, расположенных плотными рядами. Подобный прием орнаментации имеет корни в энеолите [Синюк, 1981б, с. 108; Котова, 2013, с. 18] и спорадически фиксируется на керамике с разной культурно-географической привязкой [Васильев, Синюк, 1984, рис. 22, 7; Потемкина, Дегтярева, 2007, рис. 4, 1]. Но только у катакомбных сосудов он встречается массово и как единственный, и как второстепенный элемент насыщенных орнаментальных композиций. На катакомбной керамике изогнутые личинки, как правило, более изящные, чем на большом ксизовском сосуде, однако отметим, что тонкий перевитый шнур использован в орнаментации других ямно-репинских сосудов памятника.

Помимо курганной посуды, сплошные «личиночные» вдавления-подковки выявлены в материалах многокомпонентных Университетских стоянок и катакомбного поселения Рыкань-3. Зафиксированная на окраине последнего керамика «ямно-репинского типа» тяготела к очагу, заполненному прокалом и углем. Сосуд, найденный в развале, имел короткое прямое горло и яйцевидное тулово со скругленным дном. Сверху две трети тулова занимал горизонтальный орнамент из двух зон трехрядного зигзага, сформированного неглубокими отгисками скобковидного штампа. Каждую зону ограничивал ряд глубоких наклонно-прямоугольных вдавлений. Вблизи развала встречен фрагмент венчика, украшенного мелкозубчатой елочкой на отогнутом крае и жемчужинами на невысокой прямой шейке [Гак, 2019, с. 31–32]. Оба сосуда (рис. 5, д) выбиваются из основной массы материалов

памятника, имеющих в основном черты более поздних керамических традиций. Определенное сходство у них наблюдается в составе формовочных масс по наличию песчаного отощителя. В глине ямно-репинской посуды Ксизово-1 песок также является выраженной примесью, иногда дополняемой шамотом и/или похожими на охру красно-бурыми включениями. Такая «запесоченность» не характерна для позднекатакомбной керамики поселения и вызывает стойкие ассоциации с посудой воронежской культуры раннего этапа, имеющей катакомбные черты [Гак, 2016, с. 83]². Все это в целом отличает посуду «ямно-репинского типа» от классических репинских сосудов, содержащих раковинную примесь [Синюк, 1981а; Барынкин, 1986; Санжаров и др., 2000; Салугина, 2005].

Вопросы абсолютной хронологии поселения «ямно-репинского типа» Ксизово-1 решались с помощью радиоуглеродного анализа методом ускорительной масс-спектрометрии (AMS). Из общего массива определений, полученных по памятнику [Гак, Кайзер, 2025], с поселением «ямно-репинского типа» есть основания связывать две даты (табл. 1). Материалом одной из них был уголь древесины дуба, найденный на востоке основной площади раскопок, материалом другой – кость КРС, взятая из слоя с прокалом у края описанного кострища. Интервалы дат накладываются на отрезке 2837–2778 cal BC (вероятность 95,4 %), но вряд ли это указывает на возраст данных артефактов. В отношении первого нельзя исключать интрузивной природы образца, особенно учитывая его нахождение в ареале катакомбной керамики, несомненно, более поздней. К тому же поправка на возраст самого дерева может существенно сдвинуть дату угля вверх. Для кости КРС какие-либо объективные причины удревнения или омоложения отсутствуют, а наибольшие вероятностные значения ее калиброванной даты укладываются в рамки 2700–2500 гг. до н.э. Этот интервал согласуется с катакомбными чертами в ямно-репинской посуде Ксизово-1 и отвечает финальным изменениям рассматриваемого типа в целом.

Радиоуглеродный возраст памятников «ямно-репинского типа» с признаками катакомбного влияния до сих пор не определялся.

Даты ямно-репинской керамики Верхнего Подонья из раскопок поселения Карамышево 9 не имеют этих признаков, сопоставимы с датами чисто репинской керамики поселений Васильевский Кордон 1, Доброе 4 и в целом более древние, чем даты Ксизово-1*. Из других определений адекватными представляются даты по костям животных «ямно-репинского» слоя в шурфе 2 Подгоровского поселения на Северском Донце [Манько, Телиженко, 2003, табл. 15]. Верхняя половина их суммарного интервала соотносится с предложенным для Ксизово-1 хронологическим диапазоном. В соответствующий ему период на территории Доно-Донецкого бассейна доминировали традиции донецкой катакомбной культуры, трансформация которых с образованием позднедонецкой и среднедонской локальных групп происходила, по всей видимости, одновременно исчезновению памятников «ямно-репинского типа». Об этом позволяет также говорить частичное наложение интервалов радиоуглеродного возраста ямно-репинского поселения Ксизово-1 и среднедонского катакомбного поселения Рыкань-3, имеющих параллели в орнаментации посуды [Гак, 2019, с. 91, рис. 45].

Переплетение ямных, репинских и катакомбных керамических традиций фиксируется в материалах, которые были выделены М.В. Ивашовым в терновский и верхнедонской типы. На севере Подонья они отождествлялись с местными группами раннекатакомбного населения [Ивашов, 2015, с. 52–71]. На керамике верхнедонского типа, в отличие от ямно-репинской, массово присутствует тесемчатый декор, что свидетельствует о разных путях культурогенеза. У сосудов терновского типа тесьма отмечена лишь однажды [Погорелов, 1984, рис. 8, 17, с. 145]³, в остальном они имеют ямно-репинские, а не катакомбные черты (рис. 7). Просмотр коллекции эпонимного памятника показал соответствие керамики терновского типа ямно-репинскому. На Терновом эта керамика достаточно однородна: устья сосудов стянутые; цвет от темно-желтого до светло-коричневого с обработкой внутренних поверхностей горизонтальными расчесами и заглаживанием венчика; тесто запесочено, с примесью органики и бурыми включениями (охристая крошка, по В.И. По-

горелову). Орнаментация сосудов тоже стандартизирована – горизонтальные ряды коротких отгисков гребенки (3–4 зубца), гладкого изогнутого штампа, шнура. Из орнаментальных мотивов присутствуют горизонтальная «елочка» и ямочно-жемчужные пояски, несколько венчиков имеют «воротничковое» оформление. Обломки настолько малы, что по ним нельзя реконструировать формы сосудов. При наличии жилых и хозяйственных объектов на памятнике лепная керамика ни разу не встречена в скоплениях или развалах⁴.

Таким образом, посуда терновского и ямно-репинского типов не имеет принципиальных морфолого-технологических различий, являясь результатом тех же самых культурно-генетических процессов. В этой логике может решаться и вопрос происхождения жемчужной орнаментации у катакомбных сосудов, на которых, учитывая хронологический зазор, она не могла оказаться непосредственно от репинской культуры, а только через носителей ямно-репинского керамического стиля. Аналогичным путем у ямно-репинской керамики появились катакомбные черты. В этом свете не случайна близость морфологии сосудов верхнедонского типа к ямным и ямно-репинским, а не классическим репинским сосудам с высокими и массивными желобчатыми шейками. Визитной карточкой раннекатакомбной керамики на Верхнем Дону являются «встречные» жемчужины, подтверждающие ее культурную специфику. Примечательно и отсутствие посуды с характерными репинскими (а не ямными или ямно-репинскими) признаками на однослойных катакомбных поселениях и в катакомбных погребальных комплексах. Причем последние не демонстрируют прямых культурных контактов «репинцев» и «катакомбников», подобно встречаемости, к примеру, катакомбных и фатьяновско-балановских сосудов [Желудков, Смольянинов, 2019].

Из всего вышесказанного следует, что между репинской и локальными катакомбными культурами в Доно-Донецком регионе (позднедонецкой, среднедонской) имеется немалый временной разрыв. Его заполняют памятники ямной культуры и «ямно-репинского типа», поздняя часть которых отражает взаимодействие местного (ямно-репинского) населения

с пришлым (катакомбным). При видимой значимости показателей этого процесса фактическое влияние катакомбной экспансии в северных, лесостепных районах не стоит преувеличивать. Судя по керамике, оно ограничивалось отдельными заимствованиями на сформировавшейся в результате ямно-репинского симбиоза подоснове. Дальнейшая судьба самобытной группы носителей ямно-репинского керамического стиля, как и других культурных групп раннекатакомбного времени, не вполне ясна. В лесостепном Подонье, вероятно, все они растворились в среднедонской катакомбной культуре. Рудиментами репинских традиций в ее керамическом комплексе, в частности, являются жемчужины, комбинирующие с прочерченным орнаментом на характерных формах сосудов [Маслихова, 2009, с. 24].

В заключение целесообразно задаться вопросом, как интерпретировать памятники «ямно-репинского типа». Повсеместно отмечаемая компактная локализация и малочисленность фрагментированной керамики считаются показателями кратковременных стоянок. О непродолжительности обитания в Ксизово-1 говорит характер следов ведения домашнего хозяйства, с которым, кроме посуды и редких костей животных, есть основания связывать только сработанный скребок (рис. 4,10), патинированный обломок какого-то орудия (рис. 4,11) и отщеп без вторичной обработки из разных пород кремня. Кострище также не производит впечатления стационарности и долговременного использования. Учитывая происхождение от пастушеских культур, можно предполагать сезонно-скотоводческое назначение стоянок, и не только тех, что занимали высокие берега рек [Погорелов, 1984, с. 151; Синюк, 1996, с. 77], но и расположенных, как Ксизово-1, на низменных участках.

С вводом в научный оборот небольших по объему новых материалов проблемы изучения памятников «ямно-репинского типа», разумеется, не могут быть исчерпаны. Однако факт культурного явления, которое стоит за этим понятием, теперь имеет более весомое документальное подтверждение.

БЛАГОДАРНОСТИ

* Благодарим Р.В. Смольянинова за ознакомление с материалами и датами по керамике поселений Карамышево 9, Васильевский Кордон 1, Доброе 4.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Исследование выполнено в рамках гранта Российского научного фонда № 25-28-00214 «Ландшафтный дуализм поселений катакомбного времени лесостепного Подонья в контексте хозяйственных моделей и адаптационных стратегий населения юга Восточноевропейской равнины».

The study was conducted with the financial support of the Russian Science Foundation project № 25-28-00214 “The landscape dualism of the Catacomb period sites of the forest-steppe Don region in the context of economic models and adaptation strategies of the population of the south of the Eastern European Plain”.

² На связь с катакомбно-воронежскими керамическими традициями как будто указывают и валики у одного из ямно-репинских сосудов Ксизово-1.

³ Часть керамики поселения Терновое имеет несомненный катакомбный облик, но эта керамика не относится к терновскому типу (тип 3 по В.И. Погорелову).

⁴ Вопреки мнению автора раскопок, более вероятно, что выявленные им углубленные сооружения принадлежали населению, оставившему средневековую керамику.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Таблица 1. Радиоуглеродные даты поселений с керамикой «ямно-репинского типа» Ксизово-1 и Подгоровское

Table 1. Radiocarbon dates of settlements with ceramics of the “Yamnaya-Repin type” Ksizovo-1 and Podgorovskoye

№ п/п	Паспорт образца	Лаб. номер	Материал образца	Возраст ^{14}C ВР	cal BC (σ 95.4 %)	Источник
1	Ксизово-1, основной раскоп	Poz-155171	Уголь (дуб)	4290 \pm 40	3022 (92.6 %) 2870 2800 (2.8 %) 2778	[Гак, Кайзер, 2025]
2	Ксизово-1, западный раскоп	Poz-172831	Кость КРС	4050 \pm 30	2837 (2.9 %) 2818 2668 (92.6 %) 2472	[Гак, Кайзер, 2025]
3	Подгоровское, шурф 2	Ki-7839	Кость животного	4130 \pm 60	2879–2571 2517–2499	[Манько, Телиженко, 2003]
4	Подгоровское, шурф 2	Ki-7840	Кость животного	4205 \pm 60	2909–2657 2655–2621 2607–2599	[Манько, Телиженко, 2003]

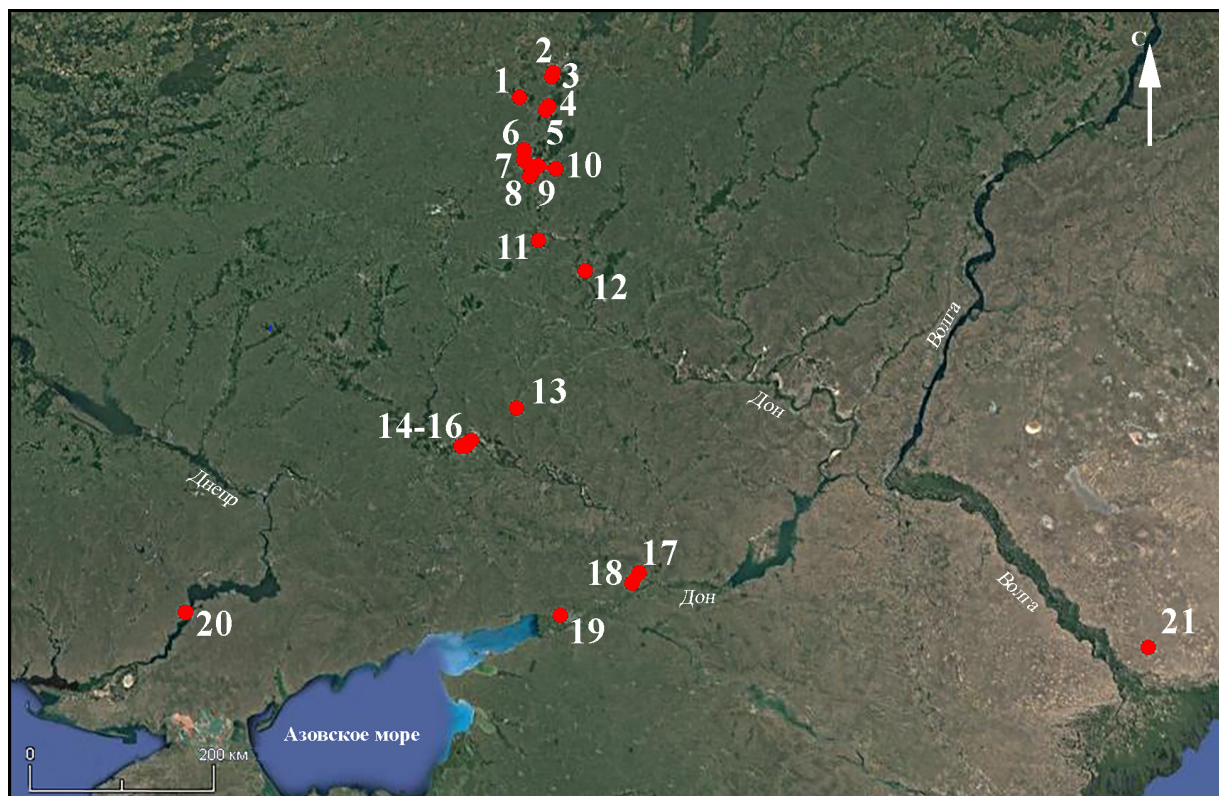

Рис. 1. Карта поселений с керамикой «ямно-репинского типа» (составитель А. Скоробогатов):

- 1 – Ксизово-1; 2 – Большой Липяг; 3 – Карамышево-9; 4 – Савицкое; 5 – Пристань-1; 6 – Терновое; 7 – Семилукское городище; 8 – Шиловское; 9 – Университетское I, II; 10 – Рыкань-3; 11 – Дармодехинская-1; 12 – Черкасская; 13 – Подгоровское; 14 – Сосновая Роща; 15 – Клешня-3; 16 – Черниково Озеро-1; 17 – Самсоновское; 18 – Раздорское I; 19 – Ливенцовка I; 20 – Михайловское; 21 – Кызыл-Хак I, II

Fig. 1. Map of settlements with “Yamnaya-Repin type” ceramics (compiled by A. Skorobogatov):

- 1 – Ksizovo-1; 2 – Bolshoy Lipyag; 3 – Karamyshevo-9; 4 – Savitskoye; 5 – Pristan-1; 6 – Ternovoe; 7 – Semiluki hillfort; 8 – Shilovskoye; 9 – Universitetskoye I, II; 10 – Rykan-3; 11 – Darmodehinskaya-1; 12 – Cherkasskaya; 13 – Podgorovskoye; 14 – Sosnovaya Roshcha; 15 – Kleshnya-3; 16 – Chernikovo Ozero-1; 17 – Samsonovskoye; 18 – Razdorskoye I; 19 – Liventsovka I; 20 – Mikhailovskoye; 21 – Kyzyl-Khak I, II

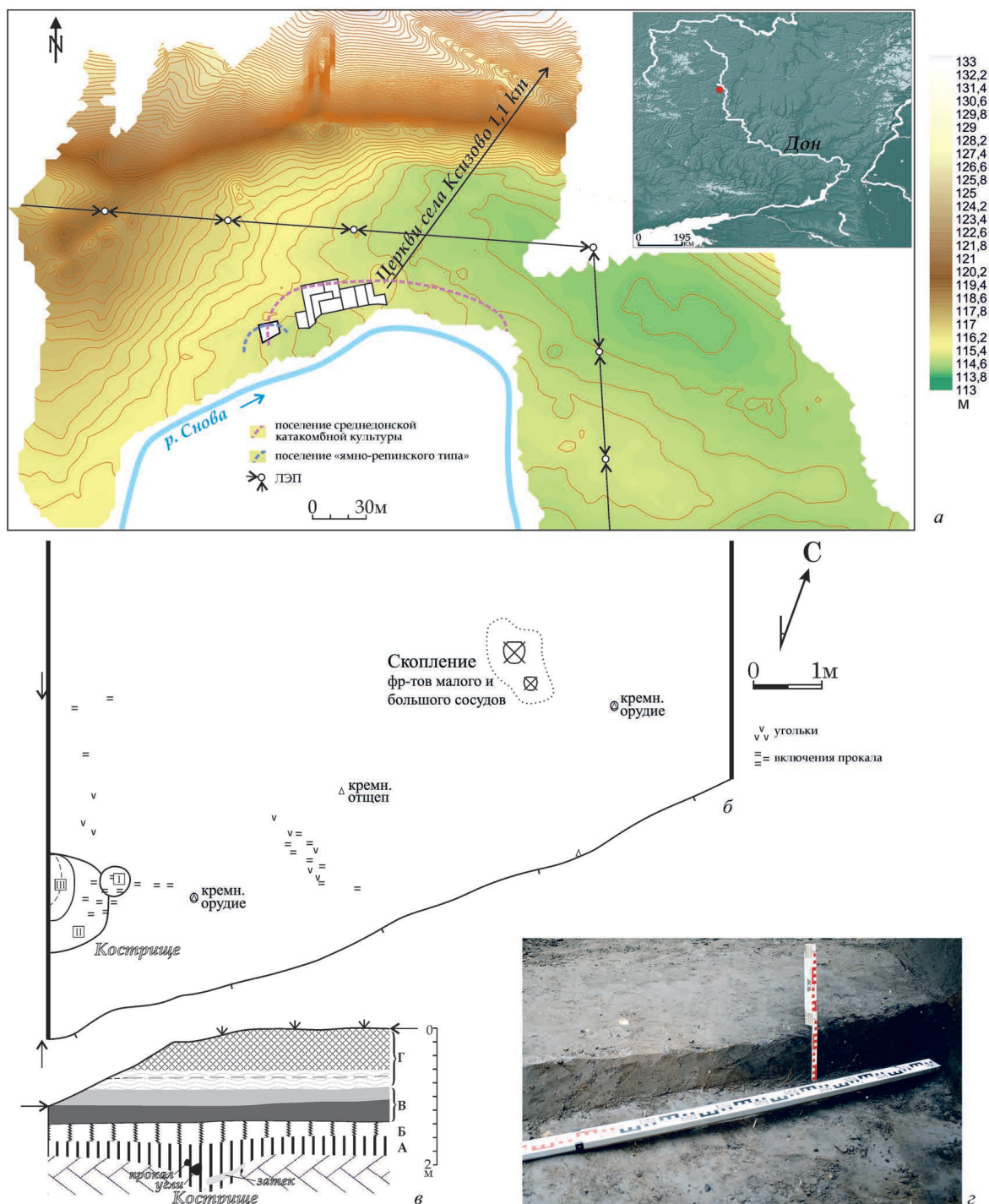

Рис. 2. Ксизово-1 (рисунки и фото Е. Гака):

- a* – карта с расположением памятника и топографический план с раскопами и границами поселений эпохи бронзы;
- б* – план западного раскопа с керамикой «ямно-репинского типа».
- I* – вкрапления и линзы прокала с угольками. *II* – углистые включения и пятна.
- III* – углистая линза; *в* – стратиграфический разрез (часть профиля западной стенки западного раскопа);
- z* – кострище (фото с севера)

Fig. 2. Ksizovo-1 (drawings and photos by E. Gak):

- a* – a map showing the location of the site and a topographic plan with excavations and the area of the Bronze Age settlements;
- б* – a plan of the western excavation site with ceramics of the “Yamnaya-Repin type”.
- I* – inclusions and lenses of calcination with coals. *II* – carbonaceous inclusions and spots.
- III* – carbonaceous lens; *в* – stratigraphic section (part of the profile of the western wall of the western excavation site);
- z* – fire pit (photo from the north)

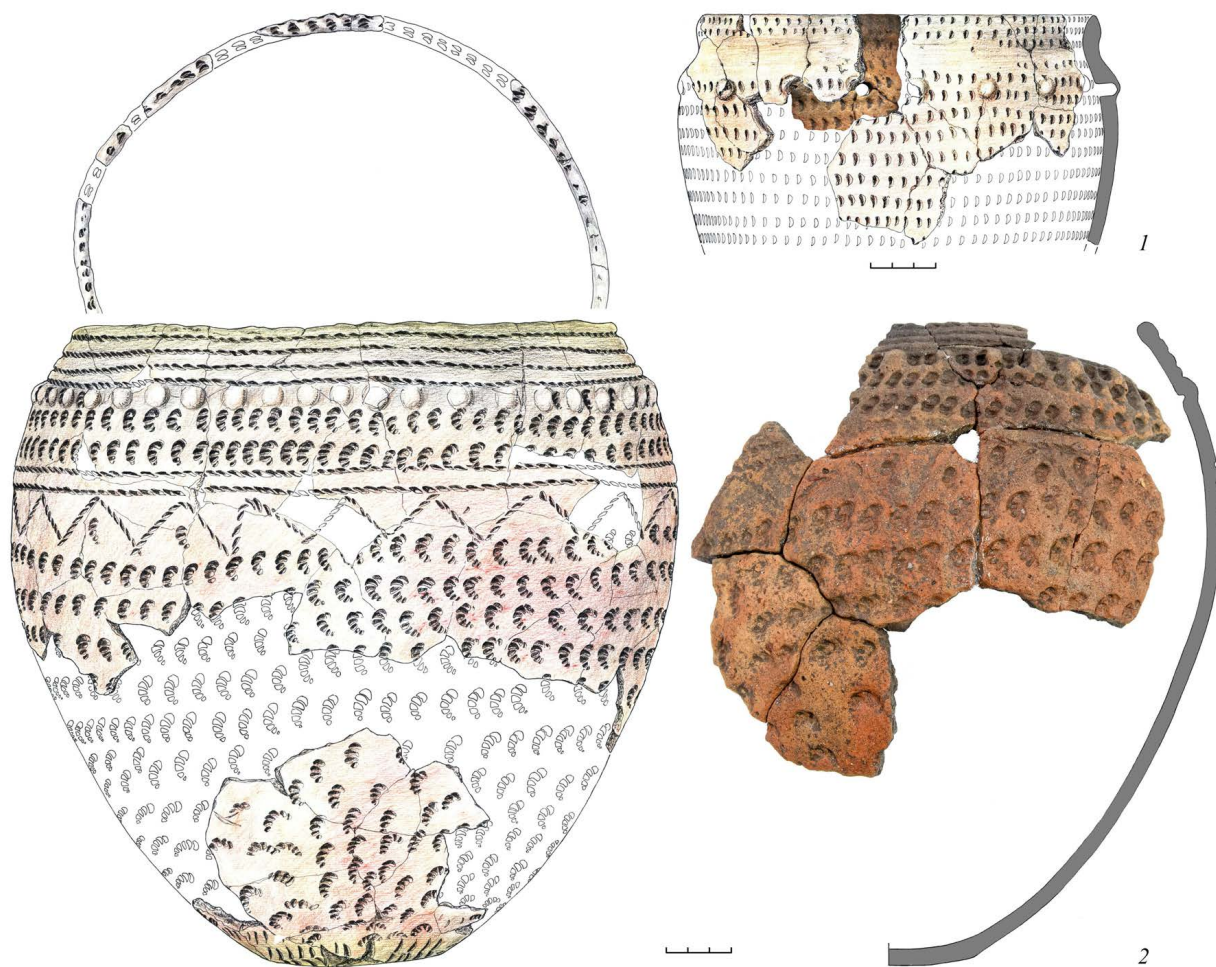

Рис. 3. Ксизово-1. Керамика «ямно-репинского типа». Малый и большой сосуды, восстановленные из скопления фрагментов (рисунки С. Богаченко, фото К. Морозова)

Fig. 3. Ksizovo-1. "Yamnaya-Repin type" ceramics. Small vessel and large vessel, restored from a cluster of fragments (drawings by S. Bogachenko, photo by K. Morozov)

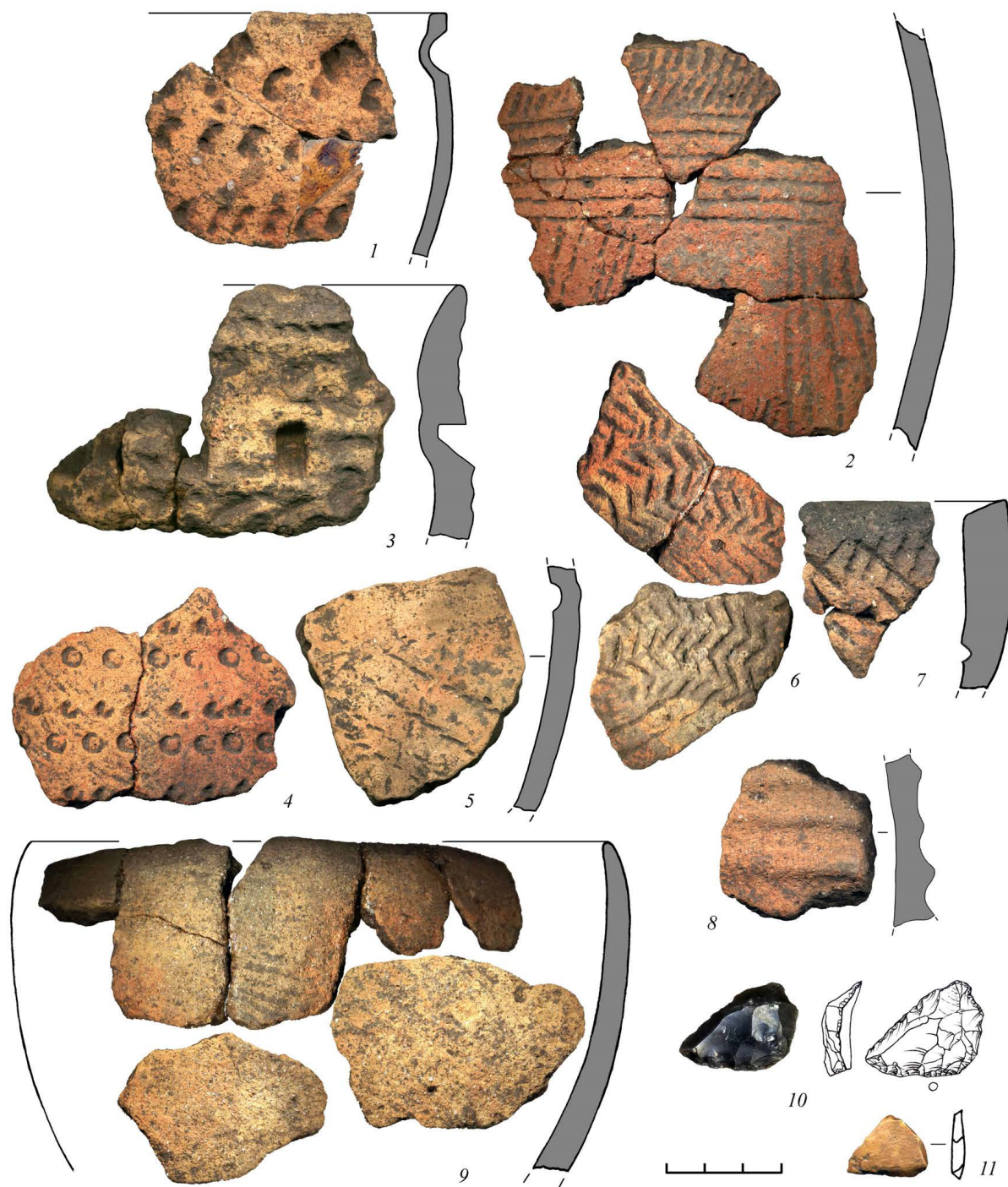

Рис. 4. Ксизово-1. Керамика «ямно-репинского типа» (1–9) и орудия из кремня (10, 11)
(фото Е. Гака, рисунок С. Богаченко)

Fig. 4. Ksizovo-1. "Yamnaya-Repin type" ceramics (1–9) and flint tools (10, 11)
(photos by E. Gak, drawing by S. Bogachenko)

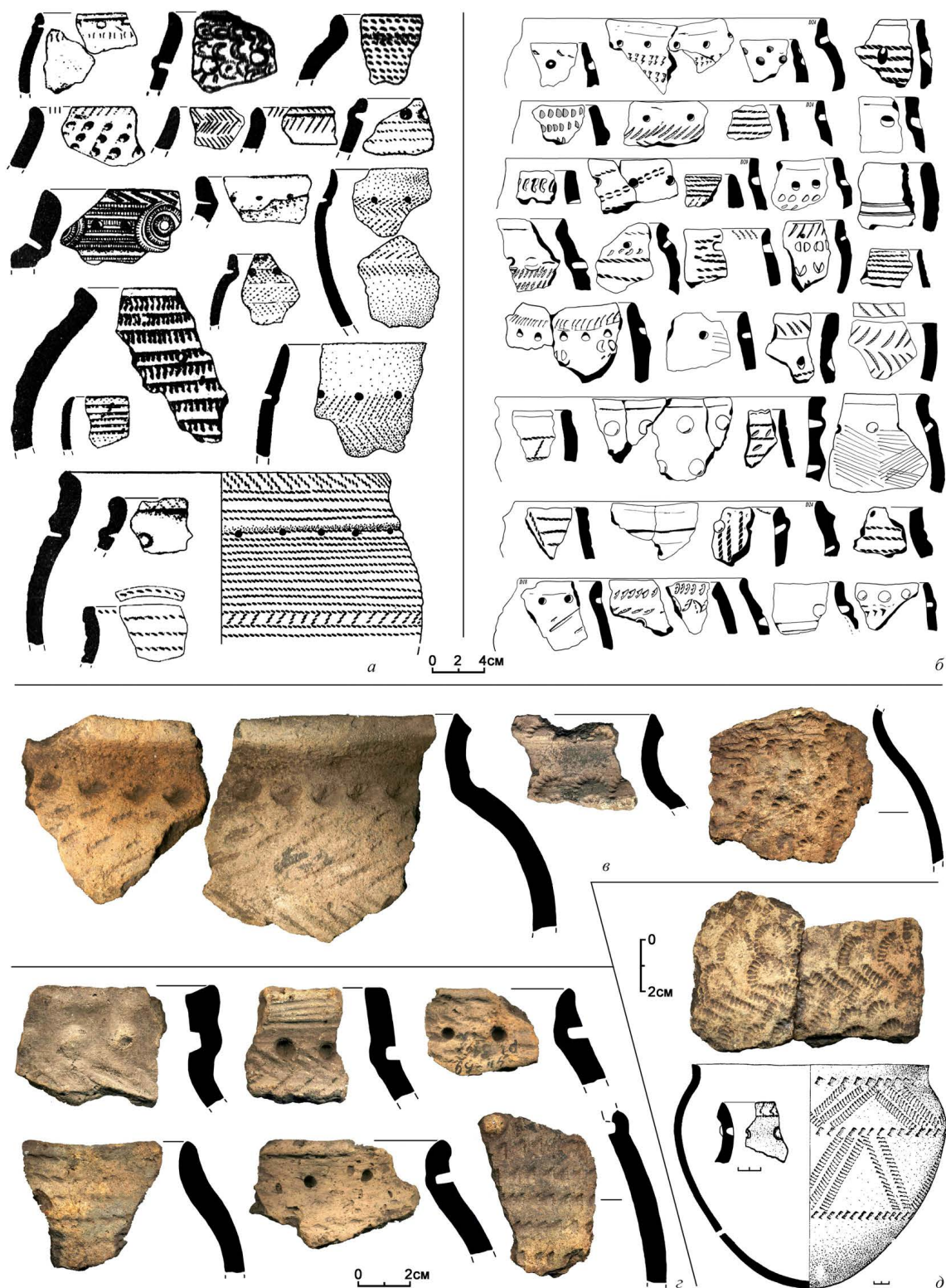

Рис. 5. Керамика «ямно-репинского типа» из раскопок поселений:

а – Шиловское (по: [Пряхин, Синюк, 1980, рис. 10, 11]); б – Черкасская (по: [Скоробогатов, 2018, рис. 1]);
в – Университетское I (фото Е. Гака); г – Университетское II (фото Е. Гака); д – Рыкань-3 (по: [Гак, 2019, рис. 45])

Fig. 5. “Yamnaya-Repin type” ceramics from excavations of settlements:

а – Shilovskoye (after: [Pryakhin, Sinyuk, 1980, fig. 10, 11]); б – Cherkasskaya (after: [Skorobogatov, 2018, fig. 1]);
в – Universitetskoye I (photos by E. Gak); г – Universitetskoye II (photos of E. Gak); д – Rykan-3 (after: [Gak, 2019, fig. 45])

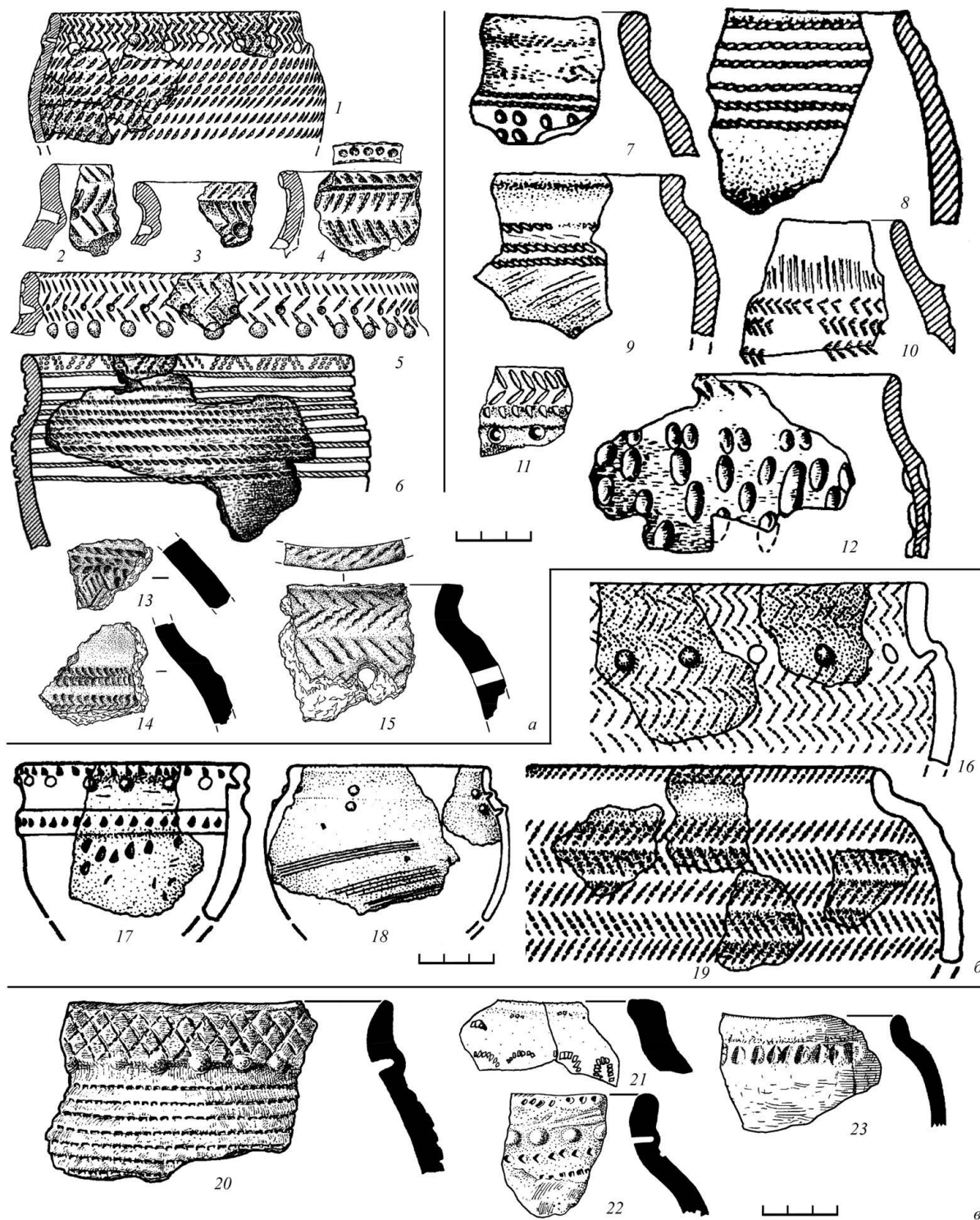

Рис. 6. Керамика «ямно-репинского типа» из раскопок поселений:

a – Самсоновское (1–6), Ливенцовка I (7–12), Раздорское I (13–15) (по: [Гей, 1983, рис. 11, 12, 15–18; Братченко, 1969, рис. 4; Кияшко, 2016, рис. 1]); *б* – Сосновая Роща (16), Черниково Озеро-1 (17–19) (по: [Санжаров и др., 2000, рис. 29, 40]); *в* – Михайловское (20–23) (по: [Лагодовська и др., 1962, табл. IX, рис. 32])

Fig. 6. "Yamnaya-Repin type" ceramics from excavations of settlements:

a – Samsonovskoye (1–6), Liventsovka I (7–12), Razdorskoye I (13–15) (after: [Gey, 1983, fig. 11, 12, 15–18; Bratchenko, 1969, fig. 4; Kiyashko, 2016, fig. 1]); *б* – Sosnovaya Roshcha (16), Chernikovo Ozero-1 (17–19) (after: [Sanzharov et al., 2000, fig. 29, 40]); *в* – Mikhailovskoye (20–23) (after: [Lagodovska et al., 1962, tab. IX, fig. 32])

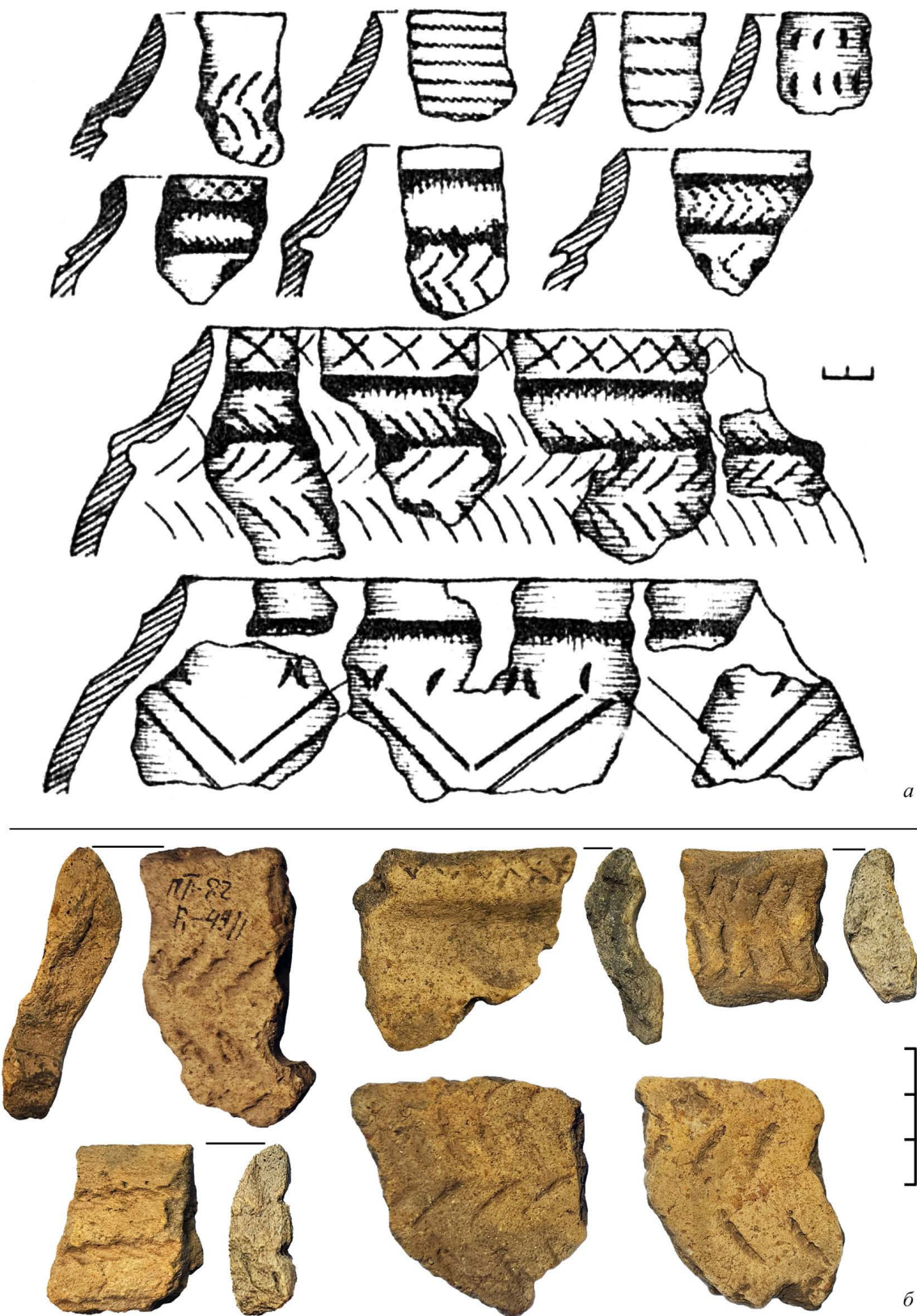

Рис. 7. Керамика «ямно-репинского типа» поселения Терновое (по: [Погорелов, 1984, рис. 7]) и ее фактура (фото А. Скоробогатова)

Fig. 7. “Yamnaya-Repin type” ceramics from the settlement Ternovoye (after: [Pogorelov, 1984, fig. 7]) and its texture (photos by A. Skorobogatov)

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Барынкин П. П., 1986. Кызыл-Хак I – новый памятник позднего энеолита Северного Прикаспия // Древние культуры Северного Прикаспия. Куйбышев : Изд-во КГПИ. С. 80–94.
- Беседин В. И., Матвеев Ю. П., 2003. Стратифицированное погребение репинской культуры Подгоренского могильника // Доно-Донецкий регион в эпоху бронзы. Археология восточноевропейской лесостепи. Вып. 17. Воронеж : Изд-во ВГУ. С. 134–141.
- Богданов С. В., 2004. Эпоха меди степного Приуралья. Екатеринбург : УрО РАН. 285 с.
- Братченко С. Н., 1969. Багатошарове поселення Лівенцівка I на Дону // Археологія. Т. XXII. С. 210–231.
- Братченко С. Н., 2001. Донецька катакомбна культура раннього етапу. Т. 1. Луганськ : Шлях. 196 с.
- Васильев И. Б., 1981. Энеолит Поволжья : степь и лесостепь. Куйбышев : Изд-во КГПИ. 129 с.
- Васильев И. Б., Синюк А. Т., 1984. Черкасская стоянка на Среднем Дону // Эпоха меди юга Восточной Европы. Куйбышев : Изд-во КГПИ. С. 102–129.
- Васильев И. Б., Кузнецов П. Ф., Турецкий М. А., 2000. Ямная и полтавкинская культуры // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Бронзовый век. Самара : Изд-во СНЦ РАН. С. 6–64.
- Гак Е. И., 2016. Поселение эпохи средней бронзы Рыкань-8 // Археология евразийской лесостепи-степи. Воронеж : Изд-во ВГУ. С. 74–86.
- Гак Е. И., Ивашов М. В., Кайзер Э., 2017. Поселение катакомбной культуры Ксизово-1 на Верхнем Дону: результаты и перспективы комплексных исследований // Труды V (XXI) Всероссийского археологического съезда в Барнауле – Белокурихе. Т. I. Барнаул : АГУ. С. 226–230.
- Гак Е. И., 2019. Рыкань-3. Поселение скотоводов III тыс. до н.э. в лесостепном Подонье. М. : ГИМ. 172 с.
- Гак Е. И., Кайзер Э., 2025. Радиоуглеродная хронология и археологические материалы поселения Ксизово-1 на Верхнем Дону // Краткие сообщения Института археологии. Вып. 278. С. 110–128.
- Гей А. Н., 1983. Самсоновское поселение // Древности Дона. М. : Наука. С. 7–34.
- Желудков А. С., Смольянинов Р. В., 2019. Свидетельства контактов населения Донской лесостепи с фатьяновско-балановской КИО (на примере погребальных памятников) // Краткие сообщения Института археологии. Вып. 256. С. 108–120.
- Ивашов М. В., 2015. Памятники катакомбного времени на Верхнем Дону : дис. ... канд. ист. наук. Воронеж. 312 с.
- Кияшко А. В., 2002. Культурогенез на востоке катакомбного мира. Волгоград : Изд-во ВолГУ. 268 с.
- Кияшко А. В., 2016. Культурные слои эпохи средней бронзы поселения Раздорское I на Нижнем Дону // Внешние и внутренние связи степных (скотоводческих) культур Восточной Европы в энеолите и бронзовом веке (V–II тыс. до н.э.) : материалы круглого стола к 80-летию со дня рождения С.Н. Братченко. СПб. : ИИМК РАН. С. 84–88.
- Кияшко А. В., 2025. Наследие репинской культуры в памятниках периода средней бронзы бассейна реки Дон // XXIII Уральское археологическое совещание : материалы Всерос. (с междунар. участием) науч. конф., Оренбург, 14–18 апр. 2025 г. Т. 1. Оренбург : Изд-во ОГПУ. С. 119–124.
- Котова Н. С., 2013. Деревская культура и памятники Нижнемихайловского типа. Киев ; Харьков : Майдан. 486 с.
- Кузнецов П. Ф., Ковалюх Н. Н., 2008. Датирование керамики ямно-репинского облика в Поволжье // Археология восточноевропейской степи. Вып. 6. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та. С. 194–199.
- Кузнецов П. Ф., 2013. Датировка памятника у Репина Хутора и хронология культурно-родственных материалов эпохи ранней бронзы степной зоны Восточной Европы // Российская археология. № 1. С. 13–21.
- Лагодовська О. Ф., Шапошникова О. Г., Макаревич М. Л., 1962. Михайлівське поселення. Київ : Вид-во АН УРСР. 248 с.
- Манько В. А., Телиженко С. А., 2003. Проблемы абсолютной хронологии мезолита – энеолита Подончья // Материалы и исследования по археологии Восточной Украины. № 1. Луганск : Вид-во СНУ ім. В. Даля. С. 31–64.
- Маслихова Л. И., 2009. Инокультурные влияния в керамике погребений среднедонской катакомбной культуры // Археология восточноевропейской лесостепи. Воронеж : Изд-во ВГУ. С. 19–26.
- Мимоход Р. А., 2009. Курганы эпохи бронзы – раннего железного века в Саратовском Поволжье. М. : Таус. 292 с.

- Моргунова Н. Л., 2001. Проблемы изучения ямной культуры Южного Приуралья // XII Уральское археологическое совещание : тез. докл. Оренбург : ОГПУ. С. 97–98.
- Моргунова Н. Л., 2014. Приуральская группа памятников в системе волжско-уральского варианта ямной культурно-исторической области. Оренбург : Изд-во ОГПУ. 348 с.
- Мочалов О. Д., 2010. Источники и история изучения керамики ямной культуры Среднего Поволжья и Южного Урала // Известия Самарского научного центра РАН. Т. 12, № 2. С. 260–267.
- Николова А. В., 2002. О месте «репинских» памятников в ямной культурно-исторической общности: некоторые вопросы историографии // Проблеми археології Подніпро'я. Дніпропетровськ : Изд-во ДНУ. С. 37–59.
- Ноздреватых С. А., Гак Е. И., Ивашов М. В., 2024. Раскопки поселения бронзового века Ксизово-1 // Археологические исследования в Центральном Черноземье. Липецк ; Воронеж : Славянская. С. 129–132.
- Погорелов В. И., 1984. Поселение Терновое в лесостепном Подонье // Эпоха меди юга Восточной Европы. Куйбышев : КГПИ. С. 140–154.
- Потемкина Т. М., Дегтярева А. Д., 2007. Металл ямной культуры Притоболья // Вестник археологии, антропологии и этнографии. Вып. 8. С. 18–39.
- Пряхин А. Д., Синюк А. Т., 1980. Новые материалы по неолиту и энеолиту Среднего Дона с Шиловского поселения // Энеолит Восточной Европы. Куйбышев : Изд-во КГПИ. С. 73–92.
- Салугина Н. П., 2005. Технология керамики репинского типа из погребений древнеямной культуры Волго-Уралья // Российская археология. № 3. С. 85–92.
- Санжаров С. Н., Бритюк А. А., Котова Н. С., Черных Е. А., 2000. Поселения неолита – ранней бронзы Северского Донца. Луганск : Вид-во СНУ ім. В. Даля. 128 с.
- Синюк А. Т., 1981а. Репинская культура эпохи энеолита – бронзы в бассейне Дона // Советская археология. № 4. С. 8–20.
- Синюк А. Т., 1981б. Стоянка Копанице 2 // Эпоха бронзы Волго-Уральской лесостепи. Воронеж : Изд-во ВГУ. С. 104–114.
- Синюк А. Т., 1996. Бронзовый век бассейна Дона. Воронеж : Изд-во ВГПУ. 350 с.
- Скоробогатов А. М., 2018. Керамика эпохи ранней бронзы с поселений Донской лесостепи // XXI Уральское археологическое совещание, посвященное 85-летию со дня рождения Г.И. Матвеевой и 70-летию со дня рождения И.Б. Васильева : материалы Всерос. науч. конф. с междунар. участием. Самара : Изд-во СГСПУ. С. 164–167.
- Скоробогатов А. М., 2019. Древнеямная культурно-историческая общность на Среднем и Верхнем Дону: итоги и перспективы исследований // Феномены культур раннего бронзового века степной и лесостепной полосы Евразии: пути культурного взаимодействия в V–III тыс. до н.э. Оренбург : Изд-во ОГПУ. С. 139–144.
- Трифонов В. А., 1996. Репинская культура и процесс сложения ямной культурно-исторической общности // Древности Волго-Донских степей в системе восточноевропейского бронзового века : материалы Междунар. науч. конф. Волгоград : Перемена. С. 3–5.
- Турецкий М. А., 2001. О периодизации и хронологии ямных памятников Самарского Поволжья // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация : материалы Междунар. науч. конф. «К столетию периодизации В.А. Городцова бронзового века южной половины Восточной Европы». Самара : Изд-во НТЦ. С. 125–129.
- Файферт А. В., 2014. Курганные погребения раннего бронзового века Нижнего Подонья (свод археологических источников). Ростов н/Д. 500 с.
- Шапошникова О. Г., 1987. Эпоха раннего металла в степной полосе Украины // Древнейшие скотоводы степей юга Украины. Киев : Наукова Думка. С. 3–16.

REFERENCES

- Barynkin P.P., 1986. Kyzyl-Khak I – novyy pamyatnik pozdnego eneolita Severnogo Prikaspiya [Kyzyl-Khak I – A New Site of the Late Eneolithic of the Northern Caspian Region]. *Drevnie kultury Severnogo Prikaspiya* [Ancient Cultures of the Northern Caspian Region]. Kuybyshev, KSPI, pp. 80-94.

- Besedin V.I., Matveev Yu.P., 2003. Stratifitsirovanoe pogrebenie repinskoy kultury Podgorenskogo mogilnika [Stratified Burial of the Repino Culture of the Podgorensky Burial Ground]. *Dono-Donetskiy region v epohu bronzy. Arkheologiya vostochnoevropeyskoy lesostepi* [The Don-Donetsk Region in the Bronze Age. Archaeology of the Eastern European Forest-Steppe], iss. 17. Voronezh, VSU, pp. 134-141.
- Bogdanov S.V., 2004. *Epoha medi stepnogo Priuralya* [Copper Age of the Ural Steppe]. Ekaterinburg, UB RAS. 285 p.
- Bratchenko S.N., 1969. Bagatosharove poselennya Liventsivka I na Donu [Multi-Layered Settlement of Liventsivka I on the Don]. *Arkheologiya* [Archaeology], vol. XXII, pp. 210-231.
- Bratchenko S.N., 2001. *Doneczka katakombna kultura rannyyogo etapu* [Donetsk Catacomb Culture of the Early Stage], vol. 1. Lugansk, Shlyah Publ. 196 p.
- Vasilyev I.B., 1981. *Eneolit Povolzhya: step i lesostep* [Eneolith of the Volga Region: Steppe and Forest-Steppe]. Kujbyshev, KSPI. 129 p.
- Vasilyev I.B., Sinyuk A.T., 1984. Cherkasskaya stoyanka na Srednem Donu [The Cherkasiy Camp on the Middle Don]. *Epoha medi yuga Vostochnoy Evropy* [Copper Age of Southern Eastern Europe]. Kuybyshev, KSPI, pp. 102-129.
- Vasilyev I.B., Kuznetsov P.F., Turetskiy M.A., 2000. Yamnaya i poltavkinskaya kultury [Yamna and Poltavka Cultures]. *Istoriya Samarskogo Povolzhya s drevneyshih vremen do nashih dney. Bronzovyy vek* [History of the Samara Volga Region from Ancient Times to the Present Day. Bronze Age]. Samara, SNC RAS, pp. 6-64.
- Gak E.I., 2016. Poselenie epohi sredney bronzy Rykan-8 [The Middle Bronze Age Settlement Rykan-8]. *Arkheologiya evraziyskoy lesostepi-stepi* [Archaeology of the Eurasian Forest-Steppe – Steppe]. Voronezh, VSU, pp. 74-86.
- Gak E.I., Ivashov M.V., Kaiser E., 2017. Poselenie katakombnoy kultury Ksizovo-1 na Verkhnem Donu: rezultaty i perspektivy kompleksnyh issledovaniy [The Settlement of the Catacomb Culture Ksizovo-1 on the Upper Don: Results and Prospects of Complex Research]. *Trudy V (XXI) Vserossiyskogo arkheologicheskogo syezda v Barnaule – Belokurihe* [Proceedings of the 5th (21st) All-Russian Archaeological Congress in Barnaul – Belokurikha], vol. I. Barnaul, ASU, pp. 226-230.
- Gak E.I., 2019. *Rykan-3. Poselenie skotovodov III tys. do n.e. v lesostepnom Podonye* [Rykan-3. Cattle-Breeding Settlement 3rd Mill. BC in the Forest-Steppe of the Don Region]. Moscow, SHM. 172 p.
- Gak E.I., Kaiser E., 2025. Radiouglerodnaya khronologiya i arkheologicheskie materialy poseleniya Ksizovo-1 na Verkhnem Donu [Radiocarbon Chronology and Archaeological Materials from the Ksizovo-1 Settlement in the Upper Don Region]. *Kratkie soobshheniya Instituta arkheologii* [Brief Communications of the Institute of Archaeology], iss. 278, pp. 110-128.
- Gey A.N., 1983. Samsonovskoe poselenie [Samsonovskoye Settlement]. *Drevnosti Dona* [Antiquities of the Don]. Moscow, Nauka Publ., pp. 7-34.
- Zheludkov A.S., Smolyaninov R.V., 2019. Svidetelstva kontaktov naseleniya Donskoy lesostepi s fatyanovskobalanovskoy KIO (na primere pogrebalnyh pamyatnikov) [Evidence of Contacts Between the Population of the Don Forest-Steppe and the Fatyanovo-Balanovo Culture (the Case Study of Burial Sites)]. *Kratkie soobshheniya Instituta arkheologii* [Brief Communications of the Institute of Archaeology], iss. 256, pp. 108-120.
- Ivashov M.V., 2015. *Pamyatniki katakombnogo vremeni na Verhnem Donu: dis. ... kand. ist. nauk* [Sites of the Catacomb Period on the Upper Don. Cand. hist. sci. diss.]. Voronezh. 312 p.
- Kiyashko A.V., 2002. *Kulturogenез na vostoке katakombnogo mira* [Cultural Genesis in the East of the Catacomb World]. Volgograd, VolSU. 268 p.
- Kiyashko A.V., 2016. Kulturnye sloi epohi sredney bronzy poseleniya Razdorskoe I na Nizhnem Donu [Cultural Layers of the Middle Bronze Age Settlement of Razdorskoye I on the Lower Don]. *Vneshnie i vnutrennie svyazi stepnyh (skotovodcheskih) kultur Vostochnoy Evropy v eneolite i bronzovom veke (V–II tys. do n.e.): materialy kruglogo stola k 80-letiyu so dnya rozhdeniya S.N. Bratchenko* [External and Internal Connections of the Steppe (Pastoral) Cultures of Eastern Europe in the Eneolithic and Bronze Age (5th – 2nd Mill. BC). Proceedings of the Round Table for the 80th Anniversary of S.N. Bratchenko’s Birth]. Saint Petersburg, IHMC RAS, pp. 84-88.
- Kiyashko A.V., 2025. Nasledie repinskoy kultury v pamyatnikah perioda sredney bronzy basseyna reki Don [The Legacy of the Repin Culture in the Sites of the Middle Bronze Age in the Don River Basin]. *XXIII Uralskoe arkheologicheskoe soveshhanie: materialy Vseros. (s mezhdunar. uchastiem) nauch. konf., Orenburg*

- 14–18 apr. 2025 g. [23th Ural Archaeological Meetings. Proceedings of the All-Russian (With International Participation) Scientific Conference], vol. 1. Orenburg, OSPU, pp. 119-124.
- Kotova N.S., 2013. *Dereivskaya kultura i pamyatniki Nizhnemikhaylovskogo tipa* [Dereivskaya Culture and Sites of the Nizhnemikhaylovsky Type]. Kiev, Harkov, Maydan Publ. 486 p.
- Kuznetsov P.F., Kovalyux N.N., 2008. Datirovanie keramiki yamno-repinskogo oblika v Povolzhye [Dating of Yamna-Repin Type Ceramics in the Volga Region]. *Arkheologiya vostochnoevropeyskoy stepi* [Archaeology of the Eastern European Steppe], iss. 6. Saratov, SSU, pp. 194-199.
- Kuznetsov P.F., 2013. Datirovka pamyatnika u Repina Khutora i khronologiya kulturno-rodstvennykh materialov epokhi ranney bronzy stepnoy zony Vostochnoy Evropy [Dating of the Monument at Repin Khutor and the Chronology of Culturally Related Materials from the Early Bronze Age of the Steppe Zone of Eastern Europe]. *Rossiyskaya arheologiya* [Russian Archeology], no. 1, pp. 13-21.
- Lagodovska O.F., Shaposhnikova O.G., Makarevich M.L., 1962. *Mikhaylivske poselennya* [The Mykhailivske Settlement]. Kiev, AS USSR. 248 p.
- Manko V.A., Telizhenko S.A., 2003. Problemy absolyutnoy khronologii mezolita – eneolita Podonechya [Problems of Absolute Chronology of the Mesolithic – Eneolithic of the Podoneshche]. *Materialy i issledovaniya po arkheologii Vostochnoy Ukrainy* [Materials and Research in the Archeology of Eastern Ukraine], no. 1. Lugansk, SNU im. V. Dalya, pp. 31-64.
- Maslikhova L.I., 2009. Inokulturnye vliyaniya v keramike pogrebeniy srednedonskoy katakombnoy kultury [Foreign Cultural Influences in the Ceramics of Burials of the Middle Don Catacomb Culture]. *Arkheologiya vostochnoevropeyskoy lesostepi* [Archaeology of the Eastern European Forest-Steppe]. Voronezh, VSU, pp. 19-26.
- Mimoxod R.A., 2009. *Kurgany epokhi bronzy – rannego zheleznogo veka v Saratovskom Povolzhye* [Bronze Age – Early Iron Age Burial Mounds in the Saratov Volga Region]. Moscow, Taus Publ. 292 p.
- Morgunova N.L., 2001. Problemy izucheniya yamnoy kultury Yuzhnogo Priuralya [Problems of Studying the Yamnaya Culture of the Southern Urals]. *XII Uralskoe arkheologicheskoe soveshhanie: tez. dokl.* [12th Ural Archaeological Meeting. Abstracts of the Reports]. Orenburg, OSPU, pp. 97-98.
- Morgunova N.L., 2014. *Priuralskaya grupa pamyatnikov v sisteme volzhsko-uralskogo varianta yamnoy kulturno-istoricheskoy oblasti* [The Ural Group of the Sites in the System of the Volga-Ural Variant of the Yamnaya Cultural-Historical Region]. Orenburg, OSPU. 348 p.
- Mochalov O.D., 2010. Istochniki i istoriya izucheniya keramiki yamnoy kultury Srednego Povolzhya i Yuzhnogo Urala [Sources and History of the Study of Ceramics of the Yamnaya Culture of the Middle Volga and the Southern Urals]. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra RAN* [Izvestia of Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences], vol. 12, no. 2, pp. 260-267.
- Nikolova A.V., 2002. O meste «repinskih» pamyatnikov v yamnoy kulturno-istoricheskoy obshhnosti: nekotorye voprosy istoriografii [On the Place of “Repin” Sites in the Yamnaya Cultural and Historical Community: Some Questions of Historiography]. *Problemy arkheologii Podniprovyia* [Problems of Archaeology of the Dnieper Region]. Dnepropetrovsk, DNU, pp. 37-59.
- Nozdrevatyh S.A., Gak E.I., Ivashov M.V., 2024. Raskopki poseleniya bronzovogo veka Ksizovo-1 [Excavations of the Bronze Age Settlement Ksizovo-1]. *Arkheologicheskie issledovaniya v Tsentralnom Chernozemye* [Archaeological Research in the Central Black Earth Region]. Lipetsk, Voronezh, Slavyanskaya Publ., pp. 129-132.
- Pogorelov V.I., 1984. Poselenie Ternovoe v lesostepnom Podonye [The Settlement of Ternovoye in the Forest-Steppe Don Region]. *Epoha medi yuga Vostochnoy Evropy* [The Copper Age of the South of Eastern Europe]. Kuybyshev, KSPI, pp. 140-154.
- Potemkina T.M., Degtyareva A.D., 2007. Metall yamnoy kultury Pritobolya [Metal of the Yamnaya Culture of the Tobol Region]. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii* [Bulletin of Archaeology, Anthropology and Ethnography], iss. 8, pp. 18-39.
- Pryakhin A.D., Sinyuk A.T., 1980. Novye materialy po neolitu i eneolitu Srednego Dona s Shilovskogo poseleniya [New Materials on the Neolithic and Eneolithic of the Middle Don from the Shilovskoye Settlement]. *Eneolit Vostochnoy Evropy* [Eneolith of Eastern Europe]. Kuybyshev, KSPI, pp. 73-92.
- Salugina N.P., 2005. Tekhnologiya keramiki repinskogo tipa iz pogrebeniy drevneyamnoy kultury Volgo-Uralya [Repin-Khutor Type’s Pottery Technology from Pit-Grave Culture in the Volga-Urals Region]. *Rossiyskaya arheologiya* [Russian Archeology], no. 3, pp. 85-92.

- Sanzharov S.N., Britiyuk A.A., Kotova N.S., Chernyh E.A., 2000. *Poseleniya neolita – ranney bronzy Severskogo Donca* [Neolith – Early Bronze Age Settlements of the Seversky Donets]. Lugansk, SNU im. V. Dalya. 128 p.
- Sinyuk A.T., 1981a. Repinskaya kultura epohi eneolita – bronzy v bassejne Dona [The Repin Culture of the Eneolith – Bronze Age in the Don Basin]. *Sovetskaya arheologiya* [Soviet Archeology], no. 4, pp. 8-20.
- Sinyuk A.T., 1981b. Stoyanka Kopanishhe 2 [The Campsite Kopanishhe 2]. *Epoha bronzy Volgo-Uralskoy lesostepi* [Bronze Age of the Volga-Ural Forest-Steppe]. Voronezh, VSU, pp. 104-114.
- Sinyuk A.T., 1996. *Bronzovyy vek basseyna Dona* [Bronze Age of the Don Basin]. Voronezh, VSPU. 350 p.
- Skorobogatov A.M., 2018. Keramika epohi ranney bronzy s poseleniy Donskoy lesostepi [Early Bronze Age Ceramics from Settlements in the Don Forest-Steppe]. *XXI Uralskoe arkheologicheskoe soveshhanie, posvyashhennoe 85-letiyu so dnya rozhdeniya G.I. Matveevoy i 70-letiyu so dnya rozhdeniya I.B. Vasilyeva: materialy Vseros. nauch. konf. s mezhdunar. uchastiem* [21st Ural Archaeological Conference Dedicated to the 85th Anniversary of the Birth of G.I. Matveeva and the 70th Anniversary of the Birth of I.B. Vasiliev. Proceedings of the All-Russian Scientific Conference with International Participation]. Samara, SSPU, pp. 164-167.
- Skorobogatov A.M., 2019. Drevneyamnaya kulturno-istoricheskaya obshhnost na Srednem i Verhnem Donu: itogi i perspektivy issledovaniy [Ancient Pit Grave Cultural and Historical Community on the Middle and Upper Don: Results and Prospects of Research]. *Fenomeny kultur rannego bronzovogo veka stepnoy i lesostepnoy polosy Evrazii: puti kuturnogo vzaimodeystviya v V–III tys. do n.e.* [Phenomena of the Early Bronze Age Cultures of the Steppe and Forest-Steppe Belt of Eurasia: Paths of Cultural Interaction in the 5th – 3rd Mill. BC]. Orenburg, OSPU, pp. 139-144.
- Trifonov V.A., 1996. Repinskaya kultura i process slozheniya yamnoy kulturno-istoricheskoy obshhnosti [The Repin Culture and the Process of Formation of the Yamnaya Cultural and Historical Community]. *Drevnosti Volgo-Donskih stepey v sisteme vostochnoevropeyskogo bronzovogo veka: materialy Mezhdunar. nauch. konf.* [Antiquities of the Volga-Don Steppes in the System of the Eastern European Bronze Age. Proceedings of the International Scientific Conference]. Volgograd, Peremena Publ., pp. 3-5.
- Turetskiy M.A., 2001. O periodizatsii i khronologii yamnyh pamyatnikov Samarskogo Povolzhya [On the Periodization and Chronology of Pit Sites of the Samara Volga Region]. *Bronzovyy vek Vostochnoy Evropy: kharakteristika kultur, khronologiya i periodizatsiya: materialy Mezhdunar. nauch. konf. «K stoletiyu periodizatsii V.A. Gorodtsova bronzovogo veka yuzhnoy poloviny Vostochnoy Evropy»* [Bronze Age of Eastern Europe: Characteristics of Cultures, Chronology and Periodization. Proceedings of the International Scientific Conference “On the Centenary of V.A. Gorodtsov’s Periodization of the Bronze Age in the Southern Half of Eastern Europe”]. Samara, NTC, pp. 125-129.
- Faifert A.V., 2014. *Kurgannye pogrebeniya rannego bronzovogo veka Nizhnego Podonya (svod arkheologicheskikh istochnikov)* [Early Bronze Age Burial Mounds of the Lower Don Region (A Collection of Archaeological Sources)]. Rostov-on-Don. 500 p.
- Shaposhnikova O.G., 1987. Epoha rannego metalla v stepnoy polose Ukrainy [The Early Metal Age in the Steppe Belt of Ukraine]. *Drevneyshie skotovody stepey yuga Ukrainy* [The Most Ancient Cattle Breeders of the Steppes of Southern Ukraine]. Kiev, Naukova Dumka Publ., pp. 3-16.

Information About the Authors

Evgenii I. Gak, Candidate of Sciences (History), Senior Researcher, State Historical Museum, Red Square, 1, 109012 Moscow, Russian Federation; Researcher, Laboratory of Archaeological Soil Science, Institute of Physicochemical and Biological Problems in Soil Science of the Russian Academy of Sciences, Institutskaya St, 2a, 142290 Pushchino, Russian Federation, e.i.gak@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9889-449X>

Andrey M. Skorobogatov, Candidate of Sciences (History), Researcher, Institute of the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences, Dvortsovaya Emb., 18A, 191181 Saint Petersburg, Russian Federation, a.m.skorobogatov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1960-9855>

Информация об авторах

Евгений Игоревич Гак, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Государственный исторический музей, Красная площадь, 1, 109012 г. Москва, Российская Федерация; научный сотрудник лаборатории археологического почвоведения, Институт физико-химических и биологических проблем почвоведения РАН, ул. Институтская, 2а, 142290 г. Пушкино, Российская Федерация, e.i.gak@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9889-449X>

Андрей Михайлович Скоробогатов, кандидат исторических наук, научный сотрудник, Институт истории материальной культуры РАН, Дворцовая наб., 18А, 191181 г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, a.m.skorobogatov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1960-9855>

DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2026.1.3>

UDC 902.01"902.652
LBC T442.6(234)

Submitted: 27.02.2025
Accepted: 14.04.2025

MATERIALS OF THE YAMNAYA-REPIN CULTURAL TYPE FROM THE BRONZE AGE OF THE KARAMYSHEVO 9 SETTLEMENT IN THE UPPER DON RIVER¹

Roman V. Smolyaninov

Lipetsk Regional Scientific Public Organization "Archaeological Research", Lipetsk, Russian Federation

Alexey A. Kulichkov

Interregional Center for Archaeological Research LLC, Tambov, Russian Federation

Abstract. In 2002–2003, excavations were conducted at the multi-layered settlement of Karamyshevo 9, covering an area of 724 square meters. In the central part of the excavation, covering approximately 200 square meters, 21 postholes and storage pits, as well as two ash pits (zolniki), were investigated. These features are associated with two Bronze Age structures. We attribute them to a population that produced pottery of the Yamnaya-Repin cultural type. The pottery assemblage comprises fragments from no less than 40 vessels with rim diameters ranging from 16 to 40 cm, representing five distinct forms. Cord-impressed and comb-stamped motifs predominate in the decoration. Silty clay was used as the primary raw material for the manufacture of all pots. Across the extensive forest-steppe region of the Don area, we have identified four settlements of the Yamnaya-Repin cultural type with a rich cultural layer: Karamyshevo 9, Ternovoe, Shilovo, and Cherkasskaya, along with several dozen sites with a less substantial cultural deposit. The first two sites mentioned also contain features of household structures. These settlements, together with classic Yamnaya sites, fill the gap in the distribution of Early Bronze Age sites in the Upper Don. The chronology of these settlements is now supported by the first direct radiocarbon dates obtained from specific Yamnaya-Repin-type ceramic vessels from the Karamyshevo 9 settlement, from pottery of the late Repin culture stage, and by the known radiocarbon dates for the Yamnaya culture from kurgan cemeteries in the Middle Don. Consequently, in assessing the probable period of contact between the Repin and Yamnaya populations and the later timeframe for the existence of the settlement of the Yamnaya-Repin cultural type Karamyshevo 9 with its hybrid pottery, then it is logical to assume that it occurred between the late phase of the Repin culture and the early phase of the Yamnaya. An analysis of the available radiocarbon dates suggests these events took place in the second half of the 4th millennium BC, most likely within the interval of 3400–3200 BC.

Key words: Bronze Age, settlement, technical and technological analysis, Yamnaya-Repin cultural type, structure, storage pit, ash pit.

Citation. Smolyaninov R.V., Kulichkov A.A., 2026. Materialy yamno-repinskogo kul'turnogo tipa epohi bronzы s poseleniya Karamyshevo 9 na Verhnem Donu [Materials of the Yamnaya-Repin Cultural Type from the Bronze Age of the Karamyshevo 9 Settlement in the Upper Don River]. *Nizhnevolzhskiy Arkheologicheskiy Vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], vol. 25, no. 1, pp. 60-81. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2026.1.3>

УДК 902.01"902.652
ББК Т442.6(234)

Дата поступления статьи: 27.02.2025
Дата принятия статьи: 14.04.2025

МАТЕРИАЛЫ ЯМНО-РЕПИНСКОГО КУЛЬТУРНОГО ТИПА ЭПОХИ БРОНЗЫ С ПОСЕЛЕНИЯ КАРАМЫШЕВО 9 НА ВЕРХНЕМ ДОНУ¹

Роман Викторович Смольянинов

Липецкая региональная научная общественная организация «Археологические исследования»,
г. Липецк, Российская Федерация

Алексей Александрович Куличков

ООО «МЦАИ» (Межрегиональный центр археологических исследований),
г. Тамбов, Российская Федерация

Аннотация. В 2002–2003 гг. были проведены раскопки многослойного поселения Карамышево 9 площадью в 724 кв. м. В центральной части раскопа на участке около 200 кв. м изучены 21 столбовая и хозяйственная ямы, а также два зольника, относящиеся к двум постройкам эпохи бронзы. Их мы связываем с населением, изготавливавшим керамику ямно-репинского культурного типа. Она представлена фрагментами не менее чем от 40 сосудов с диаметром венчиков от 16 до 40 см, пяти различных форм. В орнаментации преобладают веревочные и гребенчатые штампы. В качестве исходного сырья для изготовления всех горшков сосудов использовалась илистая глина. На обширной территории лесостепного Подонья мы фиксируем четыре поселения ямно-репинского культурного типа с насыщенным культурным слоем: Карамышево 9, Терновое, Шилово, Черкасская и несколько десятков памятников с незначительной мощностью культурного слоя. Первые два памятника имеют хозяйственные сооружения. Эти стоянки вместе с классическими ямными закрывают лагуну наличия памятников ранней бронзы на Верхнем Дону. Для датировки данных поселений и стоянок помогают первые прямые радиоуглеродные даты, сделанные по конкретным керамическим сосудам ямно-репинского типа поселения Карамышево 9, посуде позднего этапа репинской культуры и известные радиоуглеродные даты для ямной культуры в курганных могильниках Среднего Дона. Таким образом, если оценивать возможное время контакта репинского и ямного населения, а соответственно и время существования поселка ямно-репинского культурного типа Карамышево 9 с гибридной керамикой этих культур, то логично предположить, что это могло произойти между бытованием населения позднего этапа репинской культуры и раннего этапа ямной. Если анализировать известные нам радиоуглеродные даты, то время этих событий было в интервале второй половины IV тыс. до н.э., с наибольшей вероятностью в промежутке 3400–3200 гг. до н.э.

Ключевые слова: эпоха бронзы, поселение, технико-технологический анализ, ямно-репинский культурный тип, постройка, хозяйственная яма, зольник.

Цитирование. Смольянинов Р. В., Куличков А. А., 2026. Материалы ямно-репинского культурного типа эпохи бронзы с поселения Карамышево 9 на Верхнем Дону // Нижневолжский археологический вестник. Т. 25, № 1. С. 60–81. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2026.1.3>

Введение

В 2002–2003 гг. были проведены раскопки многослойного поселения Карамышево 9. Памятник расположен в 1 км к северо-востоку от с. Карамышево Грязинского района Липецкой области, на пойменном останце первой надпойменной террасы, возвышающемся над уровнем старичного озера на высоту 6 м.

Поселение было открыто в 2000 г. краеведом К.О. Надовым, в 2001 г. Р.В. Смольянинов произвел с него сбор подъемного материала и ввел его в научный оборот [Смольянинов, 2001]. В результате раскопок в 2002–2003 гг. на поселении Карамышево 9 было изучено 724 кв. м [Смольянинов, 2002; 2003].

Памятник многослойный, поэтому культурный слой сильно перемешан и представляет собой слой легкой супеси мощностью до 0,5 м. С него получены большие керамические коллекции, датируемые VI–I тыс. н.э.: неолитических – карамышевской, среднедон-

ской и льяловской культур, энеолитических – нижнедонской, среднестоговской и репинской культур, эпохи бронзы – рассматриваемая в данной статье посуда ямно-репинского типа и катакомбной культуры, керамика городецкой культуры раннего железного века.

В литературе ранее отмечалось, что на территории лесостепного Подонья для эпохи ранней бронзы шел процесс взаимодействия населения позднего этапа репинской культуры эпохи энеолита и ямной культуры эпохи ранней бронзы, что отразилось в гибридизации как погребального обряда [Синюк, 1984а, с. 118; 1984б с. 21; Васильев, Синюк, 1985, с. 57; Синюк, 1999, с. 35; Синюк, Матвеев, 2007, с. 10], так и технологий изготовления керамики. Подобные керамические материалы были названы керамикой ямно-репинского типа [Пряхин, Синюк, 1980; Синюк, 1996; Скоробогаатов, 2011; Гак, 2019, с. 100]. В.И. Погорелов также соглашался с процессом смешения, называя это ямно-репинским субстратом,

который влиял на становление катакомбной культуры в лесостепном Подонье [Погорелов, 1989, с. 121], похожие материалы он видел во втором типе сосудов с поселения Терновое на Среднем Дону [Погорелов, 1984, с. 146]. Мы согласны, что различные формы взаимодействия населения ямной и репинской культур привели к гибридизации технологий изготовления керамики этих культур и на территории Верхнего Подонья.

Памятников репинской культуры в бассейне Верхнего Дона отмечается не менее 55 [Смолянинов, Свиридов, 2010; Смолянинов и др., 2011; Скоробогатов, 2011], не менее 100 для всего лесостепного Подонья [Скоробогатов, 2019, с. 140], тогда как ямные – единичны [Скоробогатов, 2011]. Первоначально А.Т. Синюк таких выделил одиннадцать [Синюк, 1996, рис. 2], но в более поздних публикациях некоторые из них уже оцениваются как катакомбные – Нижневедугский могильник и могильник Частые Курганы [Синюк, Матвеев, 2007, рис. 3, 4]. Часть керамических материалов этих памятников оценивается как верхнедонской тип среднедонской катакомбной культуры [Ивашов, 2014]. На сегодняшний день, по нашей оценке, памятников ямной культуры на Верхнем Дону всего шесть: это остатки постройки ямной культуры на поселении Мухино 2, погребение на территории грунтового могильника Ксизово 17 [Земцов, 2005; Ивашов, 2014, с. 70], стоянка Университетская 3, поселение Шиловское, незначительные коллекции керамики с поселения Липецкое Озеро [Синюк, Клоков, 2000, рис. 63] и случайная находка сосуда А.Ю. Клоковым из разрушенного кургана у с. Княжая Байгора [Ивашов, Скоробогатов, 2019, с. 148, рис. 3,3,4].

Памятников ямно-репинского типа А.Т. Синюком на Верхнем Дону отмечено только три: стоянки Университетская 1, Университетская 3 и Рыбное Озеро 2 [Синюк, 1996, рис. 2]. Четвертым является исследуемое нами поселение Карамышево 9. На пятом поселении Ксизово 1 выявлен культурный слой с этими материалами [Ноздреватых и др., 2024]. На Среднем Дону материалы ямно-репинского типа с насыщенным культурным слоем, помимо Шиловского поселения [Пряхин, Синюк, 1980], встречены на стоянке Черкасская [Березуцкий, Скоробогатов, 2018,

рис. 6] и, по нашему мнению, поселении Терновое [Погорелов, 1984].

На Шиловском поселении коллекция ямно-репинской керамики представлена фрагментами от 36 сосудов [Пряхин, Синюк, 1980]. В тексте редко отмечается примесь толченой раковины, часть сосудов фиксируется только с примесью песка. По форме посуды выделено два типа. К первому отнесено 27 сосудов яйцевидной формы, имеющих стянутый верх. Края их или совсем не выделяются, или едва оттянуты прямо или наружу. В первом случае край закруглен; во втором или закруглен, или плавно приострен. Керамика толстостенная – 1,2–1,5 см. Диаметр верха колеблется от 16–18 до 26–28 см, наибольшая ширина фиксируется в верхней трети высоты сосудов [Пряхин, Синюк, 1980].

Ко второму типу авторы отнесли керамические фрагменты от 9 сосудов. Они имеют сравнительно высокий венчик, плавно отделенный от яйцевидного тулова благодаря уступу, выраженному в большей или меньшей степени [Пряхин, Синюк, 1980, с. 89].

Донцев, гарантированно связанных с керамической коллекцией ямно-репинского культурного типа, не выявлено.

Внешние поверхности в меньшей мере, чем у репинских сосудов, несут следы расчесов, их вертикальное расположение вообще не характерно. Только часть сосудов украшались рядами ямок или жемчужин под верхом. В орнаментации главную роль играют отпечатки гребенчатого штампа, чаще всего составленные в ряды горизонтальной елочкой. Также могли наноситься отпечатки из прочерков и личиночных отпечатков. Шнуровой орнамент на некоторых горшках является ведущим, а часто единственным элементом. Фиксируются также типично репинские признаки: спаренные треугольные наколы и ряды ямок или жемчужин под верхом [Пряхин, Синюк, 1980, с. 89].

Для анализа коллекции с поселения Карамышево 9 и для поиска аналогий также необходимо обратиться к коллекции поселения Терновое на Среднем Дону. Культурный слой эпохи бронзы на нем в 1984 г. оценивался В.И. Погореловым как культурно-хронологический эпонимный памятник [Погорелов, 1984, с. 146]. На поселении он исследовал три постройки,

керамическая коллекция которых была представлена фрагментами от 123 сосудов четырех типов с подтипами и разновидностями [Погорелов, 1984, с. 143–144]. Рассматривая материалы на современном этапе, следует отметить, что культурный слой памятника эпохи бронзы все же состоит из остатков нескольких разновременных стоянок и поселений. Постройка 2 относится к среднедонской катакомбной культуре, судя по керамическому развалу из ее заполнения [Погорелов, 1984, рис. 7,1]. Часть коллекции относится к иванобугорской культуре [Погорелов, 1984, рис. 12]. Да и сам автор раскопок, как уже отмечалось ранее, видел материалы второго типа сосудов – горшки с профилированным, загнутым внутрь венчиком, образующим при переходе в тулово выступ, похожий на ямно-репинские [Погорелов, 1984, с. 146]. Поэтому мы считаем, что на поселении Терновое в эпоху бронзы существовало небольшое по площади поселение ямно-репинского типа. Это второй памятник с прослеженными на нем хозяйственными сооружениями. Из публикации материалов невозможно однозначно понять, есть ли керамика второго типа в постройках 1 и 3 и можно ли с этим поселком связать еще девять хозяйственных ям и четыре очага [Погорелов, 1984]. С учетом того, что планиграфическое распространение керамических материалов эпохи бронзы концентрировалось вокруг постройки 2 [Погорелов, 1984, с. 146], где в заполнении фиксируется развал сосуда раннего этапа среднедонской катакомбной культуры [Погорелов, 1984, с. 141, рис. 6,1], видимо, значительная, если не большая часть коллекции памятника Терновое, следует отнести к раннему этапу этой культуры.

Источники

Если на Шиловском поселении хозяйственных ям и построек, связанных с ямно-репинскими керамическими материалами, не обнаружено, то на раскопанной площади поселения Карамышево 9 изучены 21 столбовая и хозяйственная яма, а также два зольника, относящиеся к двум постройкам эпохи бронзы, которые мы связываем с населением, изготавливавшим керамику ямно-репинского культурного типа.

Керамика эпохи бронзы (1 733 фрагмента) в основном представлена посудой ямно-репинского культурного типа, встречаются только единичные фрагменты керамики верхнедонского типа среднедонской катакомбной культуры [Смольянинов, 2002; 2003]. Планиграфически данная керамика располагалась в центральной части раскопа и преимущественно распространена на площади около 200 кв. м вокруг столбовых и внутри хозяйственных ям и постройки 2 (рис. 2).

По форме керамическая коллекция с поселения Карамышево 9 более разнообразна, чем на других памятниках. Венчики от 40 выявленных сосудов мы можем разделить на пять типов:

1 – закрытые, сильно профилированные, с явно выраженной шейкой. Характерной чертой данного типа сосудов является наличие предплечья, которое находится в различных состояниях сформированности, но в большинстве случаев имеет сформированное состояние (рис. 3,2,4, 5,1–2, 7,4, 8,1,2,5, 9,3,5, 10,2);

2 – закрытые, слабо профилированные (рис. 3,3, 5,3–6);

3 – закрытые – яйцевидной формы (рис. 4,2,3,5–7, 6,2,4, 7,1–3, 8,3,6,7, 9,1,2, 4,6, 10,2);

4 – открытые – сильно профилированные (рис. 4,4,8, 8,4);

5 – прямостенные, чуть приоткрытые котлы (рис. 6,1,3).

На шести сосудах по краю прослежены разной формы, похожие на воротнички, напльвы: в одном случае изнутри (рис. 4,7) и в пяти – снаружи (рис. 5,4,5, 6,4, 7,2,4).

Диаметры венчиков горшков варьируются от 16 до 40 см, с преобладающими пиками – 24 см – 5 единиц, 22, 26 и 34 см – по 4 единицы.

В орнаментации преобладают веревочные и гребенчатые штампы. Первые, как правило, выстроены в горизонтальные или диагональные ряды (рис. 3,2,4, 5,2,3,6, 6,3,4, 7,1,4, 10,2), а вторые преимущественно наносились горизонтальными рядами диагонально поставленных оттисков, ряды которых в большинстве случаев выстраивались в елочные или зигзагообразные линии (рис. 3,3, 4,1–3,7–8, 5,4,5, 6,1,4, 8,2,6, 10,1). Присутствует также орнаментация ямочными вдавлениями (рис. 3,2,4, 6,4), зашипами (рис. 6,2), прочер-

ченными линиями (рис. 4,4), оттисками гладкого штампа (рис. 3,1,3, 4,4). В верхней части 16 сосудов нанесен ряд жемчужин (рис. 3,1,3, 4,4,6, 5,1,6,1,3, 7,1,2, 8,1,2, 9,2,3,5,6, 10,1). Днища сосудов в коллекции представлены округлыми (рис. 4,13,14, 10,9) и плоскими формами (рис. 4,9–12), у двух из последних имеются слабо оформленные закраины (рис. 4,9,11). Так как на памятнике присутствуют материалы и других культур эпохи бронзы, то есть большая вероятность, что не все плоские днища относятся к ямно-репинскому культурному типу.

Выделение технологической информации производилось в рамках историко-культурного подхода, разработанного А. А. Бобринским [Бобринский, 1978] и выделенной им структурой гончарного производства, состоящей из десяти обязательных и двух дополнительных ступеней, которые объединены в три последовательные стадии: подготовительную, созидательную и закрепительную [Бобринский, 1999, с. 9–11].

С помощью бинокулярного микроскопа нами проанализированы фрагменты от 34 сосудов ямно-репинского типа эпохи бронзы (рис. 10,3–8). Было выявлено, что в качестве исходного сырья для изготовления всех горшков сосудов использовалась илистая глина [Бобринский, Васильева, 1998]. Керамика изготавливалась из ожелезненного сырья.

Подготовительная стадия. Во всех образцах в единичной концентрации встречены органические остатки в виде полостей от выгоревшей растительности: листьев, стебельков растений, нитевидных водорослей. Для изготовления сосудов использовалось сильнозапесоченное сырье, песок кварцевый, окатанный размером 0,2–0,4 мм в концентрации 1 : 3–1 : 5. В единичной концентрации встречаются песчинки размером до 1 мм (не более трех включений на 1 кв. см). В тесте 27 сосудов присутствуют комочки высокопластичной непромешанной глины светло-серого цвета размером от 0,2 до 1,5 мм (до 5 включений на 1 кв. см). Сырье всех горшков использовалось в естественном увлажненном состоянии, признаков дробления не зафиксировано. В качестве искусственной примеси в тесто шести образцов была добавлена охра размером 0,5–2 мм в концентрации 1 : 10–1 : 12 и ниже. В из-

ломах 14 сосудов встречаются темные маслянистые пятна диаметром до 2 мм, а по толщине совсем незначительные, которые можно интерпретировать как органический раствор.

Созидательная стадия. Выявлены признаки конструирования начинов по емкостно-донной и донно-емкостной программам. Строительными элементами служили крупные лепешкообразные лоскутки размеров от 3 × 3 до 4 × 4 см, которые накладывались по спиралевидной траектории. Венчики семи сосудов сконструированы из лоскутков меньшего размера – 1,5 × 2 и 2 × 2 см. Можно предположить использование форм-моделей для создания горшков. Все сосуды после подсушивания с обеих сторон были обработаны жидким ангобом из того же сырья, из которого они были изготовлены. Толщина ангоба не превышает 1 мм. Выявлено три способа обработки поверхностей: 1 – внешняя сначала расчесана пучком травы, а затем тщательно заглажена, внутренняя тщательно заглажена грубо выделанной кожей (4 обр.); 2 – обе поверхности сначала расчесаны пучком травы, а затем тщательно заглажены грубо выделанной кожей (2 обр.); 3 – обе поверхности тщательно заглажены кожей (28 обр.).

Закрепительная стадия. В качестве приема придания прочности и влагонепроницаемости применялся обжиг. Механическая прочность сосудов высокая, реже средняя, у двух образцов низкая. Окраска изломов фрагментов сосудов одно- (1 обр.), двух- (27 обр.) или трехслойная (6 обр.). Слои неравномерные по толщине, границы между ними слегка размыты, что свидетельствует о том, что сосуды некоторое время оставались остывать в обжиговом устройстве. Толщина прокаленных слоев незначительна. Полученные данные позволяют предполагать костровой обжиг с недостаточно продолжительной выдержкой при температурах каления – 650–700 °С. Наличие насквозь прокаленного излома одного образца, скорее всего, является случайным результатом.

Большинство керамической коллекции, видимо, связано с жизнедеятельностью людей вокруг двух построек 1 и 2. Часть хозяйственных и столбовых ям на памятнике связана с деятельностью населения эпох неולי-

та-энеолита, поэтому описание их не дается в этой публикации.

К постройке 1 удлиненно-овальной формы по линии В – 3 с каркасно-столбовой конструкцией относятся следующие ямы и зольники: 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 16, зольник 1, зольник 2 (рис. 2). Длина по крайним точкам столбовых ям – 975 см, ширина – 295 см. В западной части жилища выявлены два скопления углей – овальных в плане зольников, вероятно, остатков очагов. Постройка, возможно, была круглогодичного проживания, так как в ней зафиксированы вышеуказанные следы ее обогрева.

Зольник 1 – пятно овальной в плане формы размерами 30 × 28 см. Зольник 2 – пятно овальной в плане формы размерами 40 × 38 см. Яма 1 – столбовая, круглой формы, диаметром 40 см, глубиной 25 см. Находок не выявлено. Яма 2 – столбовая, овальной формы, размером 44 × 40 см, глубиной 27 см. Находок не выявлено. Яма 3 – столбовая, круглой формы, диаметром 30 см, глубиной 24 см. Находок не выявлено. Яма 4 – столбовая, овальной формы, размером 24 × 22 см, глубиной 23 см. Находок не выявлено. Яма 5 – столбовая, овальной формы, размером 24 × 22 см, глубиной 18 см. Находок не выявлено. Яма 6 – столбовая, овальной формы, размером 46 × 50 см, глубиной 36 см. В заполнении выявлено два кремневых отщепов аморфной формы.

Яма 6а – подпрямоугольной формы, с закругленными углами размером 1,3 × 0,98 м. Глубина – 5 см. Из заполнения ямы происходит два венчика и 58 стенок от сосудов эпохи бронзы, 1 стенка керамики среднедонской культуры, два венчика и семь стенок от сосудов льяловской культуры, обломок кремневого наконечника. Несмотря на доминирование в заполнении ямы материалов эпохи бронзы, столбовая яма 6 перерезает яму 6а, и находки эпохи бронзы попали из верхней части при жизнедеятельности поселка эпохи бронзы в еще не затянувшийся котлован сооружения эпохи неолита.

Яма 7 – столбовая, круглой формы, диаметром 25 см, глубиной 44 см. В яме выявлены две стенки от неолитического горшка льяловской культуры с ямочной орнаментацией и одна стенка от сосуда эпохи бронзы.

Яма 8 – столбовая, круглой формы, диаметром 22 см, глубиной 17 см. Находок не вы-

явлено. Яма 9 – столбовая, округлой формы, диаметром 18 см, глубиной 7 см. Находок не выявлено. Яма 10 – столбовая, удлиненно-овальной формы, размером 58 × 30 см, глубиной 9 см. Находок не выявлено. Яма 11 – столбовая, овальной формы, размером 34 × 32 см, глубиной 21 см. Находок не выявлено.

Яма 11а – подпрямоугольной формы с закругленными углами размером 175 × 1,22 м. Глубина – 79 см. Яма 11 перерезает яму 11а. Яма является более древней, так как в ней зафиксирован развал сосуда льяловской культуры. При исследовании в верхней части заполнения ямы выявлено 127 фрагментов от сосудов эпохи бронзы, видимо, попавшие из верхней части при жизнедеятельности поселка эпохи бронзы в еще не затянувшийся котлован хозяйственного сооружения эпохи неолита (рис. 5,1).

Яма 12 – столбовая, овальной формы, размером 34 × 32 см, глубиной 17 см. Находок не выявлено. Яма 13 – столбовая, округлой формы, диаметром 32 см, глубиной 20 см. Находок не выявлено. Яма 14 – столбовая, округлой формы, диаметром 20 см, глубиной 9 см. Находок не выявлено. Яма 16 – столбовая, округлой формы, диаметром 34 см, глубиной 22 см. Находок не выявлено.

Планиграфические наблюдения на памятнике позволяют говорить, что большая часть керамической коллекции поселения связана с постройкой 1. Все вышеописанные столбовые ямы и зольники зафиксированы на одном уровне, что также подтверждает их связанность в одно сооружение.

Постройка 2. Комплекс постройки состоял из углубленного в песчаный материк ее котлована и четырех столбовых ям 22, 22а, 23, 24, заглубленных в культурный слой супеси с одного уровня.

Котлован постройки 2 представляет собой овальной формы углубленное сооружение. Размеры его – 230 × 215 см. Максимальная глубина котлована 105 см. В профиле яма сооружения корытообразной формы, стенки которой резко переходят к плоскому дну.

Керамика эпохи бронзы представлена развалом горшка этой эпохи (150 фрагментов), орнаментированного горизонтальными рядами насечек и вдавлениями жемчужин (рис. 9,2). Также выявлено 12 венчиков и 137 стенок,

орнаментированных гребенчатыми, веревочными, ямчатыми и жемчужными отпечатками (рис. 10,2), и фрагмент одного округлого днища (рис. 10,9).

Также в постройке выявлена неолитическая керамика, которая представлена одним венчиком, одним днищем и двумя стенками гребенчато-накольчатой керамики, одним венчиком и двадцатью стенками ямочно-гребенчатой керамики; энеолитическая посуда – 25 стенками коричневого цвета с гребенчатым орнаментом; керамика городищской культуры РЖВ – одной стенкой с текстильным орнаментом.

Яма 22 – столбовая, овальной формы, размером 23 × 20 см, глубиной 26 см. Находок не выявлено. Яма 22а – столбовая, округлой формы, диаметром 17 см, глубиной 24 см. Находок не выявлено. Яма 23 – столбовая, овальной формы, размером 28 × 10 см, глубиной 11 см. Находок не выявлено. Яма 24 – столбовая, округлой формы, диаметром 16 см, глубиной 10 см. Находок не выявлено.

Также в культурном слое поселения мы выделяем еще одно хозяйственное сооружение, связанное с жизнедеятельностью этого поселка.

Яма 31 представляет из себя часть хозяйственного сооружения (возможно постройки), частично разрушенной с юго-западной стороны незаконным карьером для добычи песка. Сохранившаяся ее часть имеет размеры 4,1 × 1,7 м, максимальная глубина – 69 см.

К ямно-репинской керамике из данного объекта относится шесть венчиков и 76 стенок (рис. 6,4, 7,4). Также в заполнении обнаружено 34 фрагмента керамики эпох неолита-энеолита, попавшие туда, видимо, при строительстве котлована.

Яма 39. Эта яма уже относится к остаткам небольшого поселка среднедонской катакомбной культуры, о единичных находках керамики которого ранее уже упоминалось. В ее заполнении встречены два развала сосудов (рис. 1,4, 3,1), первый из которых уверенно относится к раннему этапу этой культуры в рамках верхнедонского типа. Данный объект представляет собой овальной формы яму с пологими стенками размером 2,3 × 1,4 м. Глубина – 34 см.

Среди индивидуальных находок в культурном слое памятника к эпохе бронзы относятся две:

– шило подквадратное в сечении изготовлено из бронзы (рис. 1,3), длиной 4,5 см, которое может быть связано как с поселком ямно-репинского типа, так и с поселком среднедонской катакомбной культуры;

– обломок каменного топора (рис. 1,5), который также может быть связан как с поселком ямно-репинского типа, так и с поселком среднедонской катакомбной культуры.

Заключение

1. Мы считаем материалы на поселении Терновое, которые относились Погореловым к терновскому типу, многокомпонентными. По их главному признаку – наличию горшков с профилированным венчиком, загнутым внутрь, образующим при переходе в тулово выступ, являются ямно-репинскими, аналогичными керамике поселений Шилово и Карамышево 9. Поэтому, говоря о материалах терновского и ямно-репинского типов, мы имеем в виду одно и то же: керамику, изготовленную по гибридной технологии ямной и репинской культур.

2. Исходя из выдвинутого выше тезиса, можно утверждать, что на обширной территории лесостепного Подонья фиксируется четыре поселения с насыщенным культурным слоем, первые два из которых с хозяйственными сооружениями: Карамышево 9, Терновое, Шилово, Черкасская (50 сосудов) [Березуцкий, Скоробогатов, 2018, с. 61, рис. 6] и несколько десятков памятников кратковременного существования с незначительной мощностью культурного слоя, отмеченные ранее другими исследователями [Пряхин, Синюк, 1980; Погорелов, 1984, с. 151; Синюк, 1996; Ивашов, 2014; Ноздреватых и др., 2024].

3. Из-за практически полного отсутствия памятников ямной культуры или их крайне малой насыщенности, видимо, эти памятники ямно-репинского культурного типа вместе с классическими ямными закрывают лагуну наличия памятников ранней бронзы на Верхнем Дону. Поселения и погребения репинской культуры мы, вслед за А.М. Скоробогатовым, считаем правильным относить к эпохе энеолита [Скоробогатов, 2019, с. 139].

4. Исследованные большими площадями памятники и наблюдения за планиграфией

распространения находок в них позволяют говорить о крайне ограниченных по площади поселках не более чем в несколько сотен квадратных метров.

5. Все изученные памятники с насыщенным культурным слоем являются многослойными, поэтому связать конкретные материалы из кости и камня с поселками ямно-репинского типа практически не представляется возможным, как и сделать какие-либо однозначные стратиграфические наблюдения.

6. Для датировки данных поселений и стоянок лесостепного Подонья помогают первые прямые радиоуглеродные даты, сделанные по конкретным керамическим сосудам ямно-репинского типа, фрагментам с шнуровым орнаментом позднего этапа репинской культуры² и известные радиоуглеродные даты для ямной культуры в курганных могильниках Среднего Дона.

По керамике репинской культуры с поселения Васильевский Кордон 1 получена дата – 4760 ± 100 BP (2σ 3771–3346 calBC) SPb 3800, на стоянке Доброе 4 – 4880 ± 100 BP (2σ 3946–3379 calBC) SPb 3805.

По керамике ямно-репинского типа с поселения Карамышево 9 получено также две даты – 4755 ± 110 BP (3770–3340 calBC) SPb 3811 (рис. 5,1); 4650 ± 100 BP (3639–3099 calBC) SPb 3799 (рис. 5,2).

По ямной культуре бассейна Дона известна четыре даты.

Из Павловского могильника (курган 38, погребение 4, дерево) – 4580 ± 90 BP (3500–3100 calBC) IGAN б/н [Черных и др., 2000, табл. 6-В, с. 69].

Курганный могильник у хут. им. Карла Маркса – 4380 ± 70 BP (3333–2889 calBC) Ki 17801 [Березуцкий, Скоробогатов, 2018, с. 59; Ивашов, Скоробогатов, 2019, с. 149].

Одиночный курган у хут. им. Карла Маркса, погребение 5, скелет 1 – 4110 ± 50 BP (2875–2500 calBC) Ki 19112 [Березуцкий, Скоробогатов, 2018, с. 59; Ивашов, Скоробогатов, 2019, с. 149].

Одиночный курган у хут. им. Карла Маркса, погребение 4 – 3680 ± 50 BP (2202–1931 calBC) Ki 19113, некоторые исследователи эту дату не считают валидной [Березуцкий, Скоробогатов, 2018, с. 59; Ивашов, Скоробогатов, 2019, с. 149].

Таким образом, если оценивать возможное время контакта репинского и ямного населения, а соответственно и время существования поселка ямно-репинского культурного типа Карамышево 9, то логично предположить, что это могло произойти между поздним этапом репинской культуры и ранним этапом ямной. Если анализировать известные нам радиоуглеродные даты, то время этих событий укладывается во вторую половину IV тыс. до н.э., с наибольшей вероятностью в промежутке 3400–3200 гг. до н.э.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Статья написана при поддержке гранта Фонда президентских грантов по проекту «Изучаем древних, учимся у древних, спасаем древних» №24-2-001917.

This research was supported by a grant from the Presidential Grants Foundation, Russia, under project No. 24-2-001917, “Learning from the Ancients, Studying the Ancients, Preserving the Ancients.”

² Радиоуглеродное датирование, включая оценку калибровочного возраста, проведено кандидатом геолого-минералогических наук М.А. Кульковой в Лаборатории изотопных исследований Центра коллективного пользования «Геоэкология» РГПУ им. А.И. Герцена.

ПРИЛОЖЕНИЯ

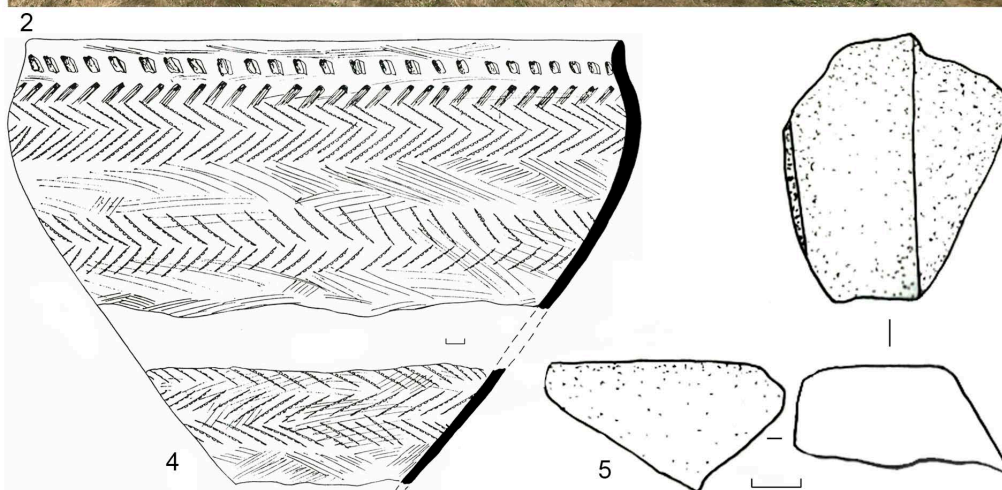
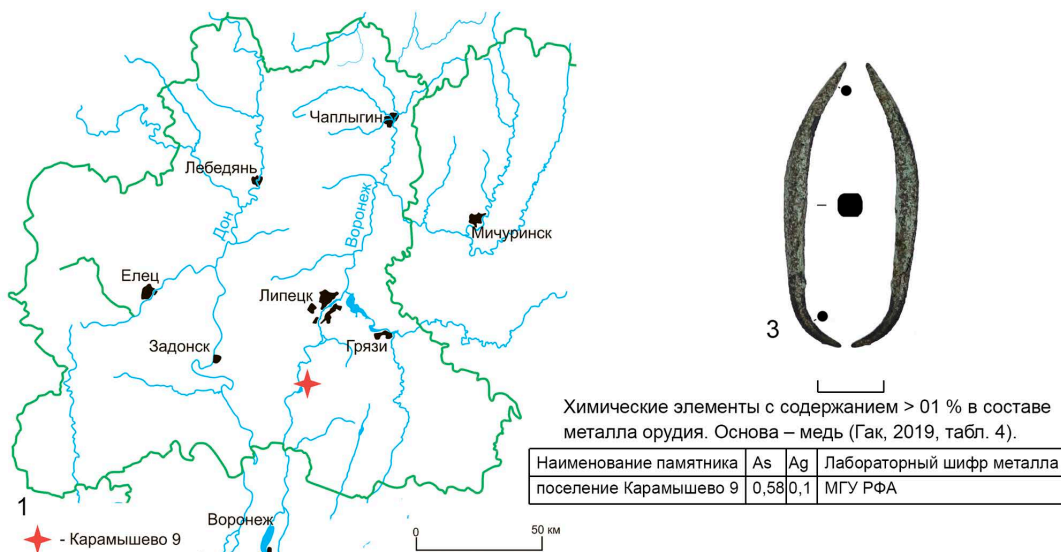

Рис. 1. Поселение Карамышево 9:

1 – местонахождение поселения Карамышево 9 на карте Липецкой области; 2 – вид на поселение Карамышево 9 с юга; 3 – бронзовое шило; 4 – сосуд среднедонской катакомбной культуры из ямы 39; 5 – обломок каменного топора

Fig. 1. Karamyshevo 9 settlement:

1 – location of the Karamyshevo 9 settlement on the map of the Lipetsk Region;
2 – view of the Karamyshevo 9 settlement from the south; 3 – bronze awl;
4 – vessel of the Middle Don Catacomb culture from pit 39; 5 – fragment of a stone axe

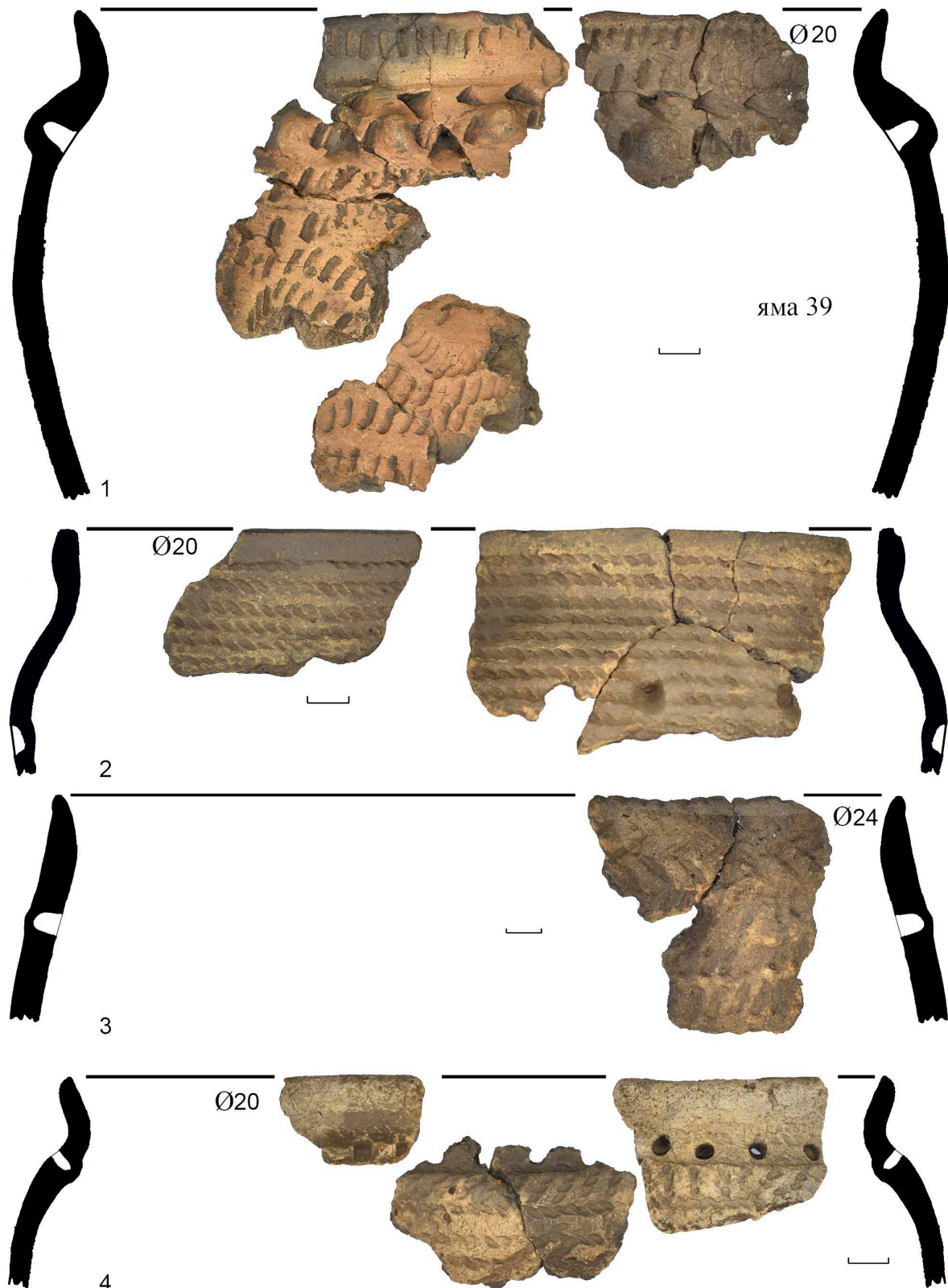

Рис. 3. Поселение Карамышево 9:

1 – сосуд среднедонской катакомбной культуры из ямы 39; 2–4 – керамика ямно-репинского культурного типа

Fig. 3. Karamyshevo 9 settlement:

1 – vessel of the Middle Don Catacomb Culture from pit 39; 2–4 – pottery of the Yamnaya-Repin cultural type

Рис. 4. Поселение Карамышево 9:
1–14 – керамика ямно-репинского культурного типа
Fig. 4. Karamyshevo 9 settlement:
1–14 – pottery of the Yamnaya-Repin cultural type

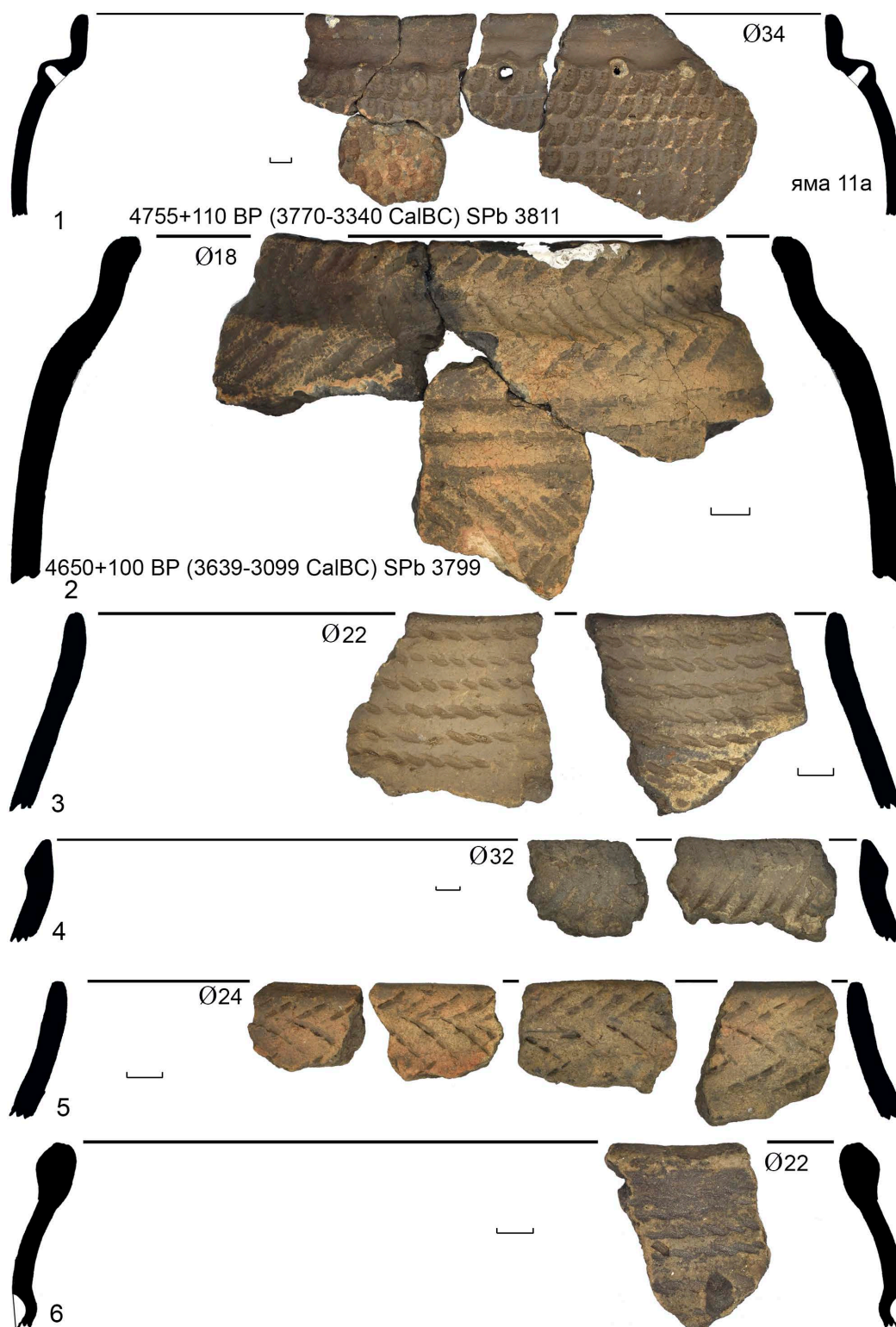

Рис. 5. Поселение Карамышево 9:

1-6 – керамика ямно-репинского культурного типа

Fig. 5. Karamyshevo 9 settlement:

1-6 – pottery of the Yamnaya-Repin cultural type

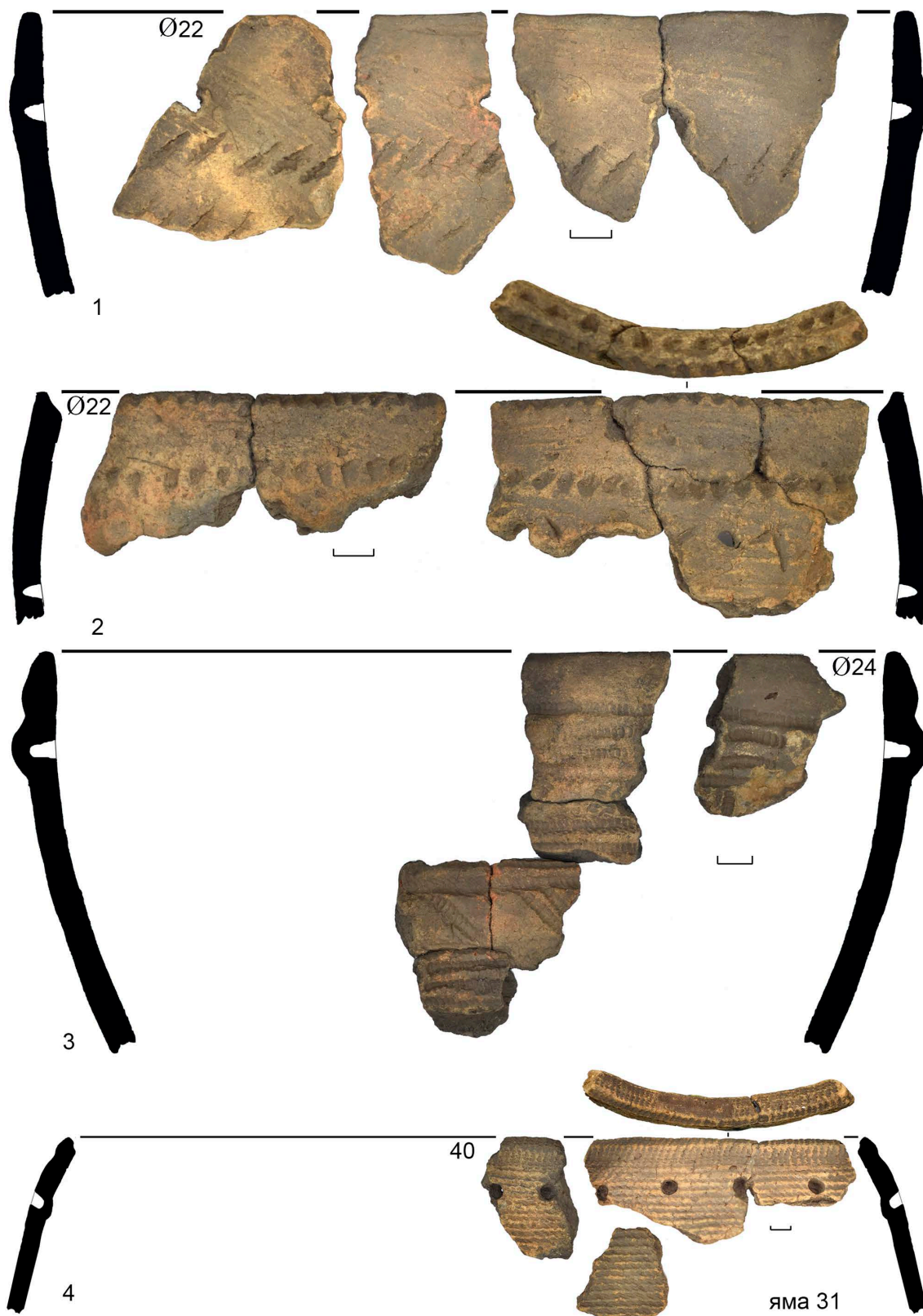

Рис. 6. Поселение Карамышево 9:
1-4 – керамика ямно-репинского культурного типа
Fig. 6. Karamyshevo 9 settlement:
1-4 – pottery of the Yamnaya-Repin cultural type

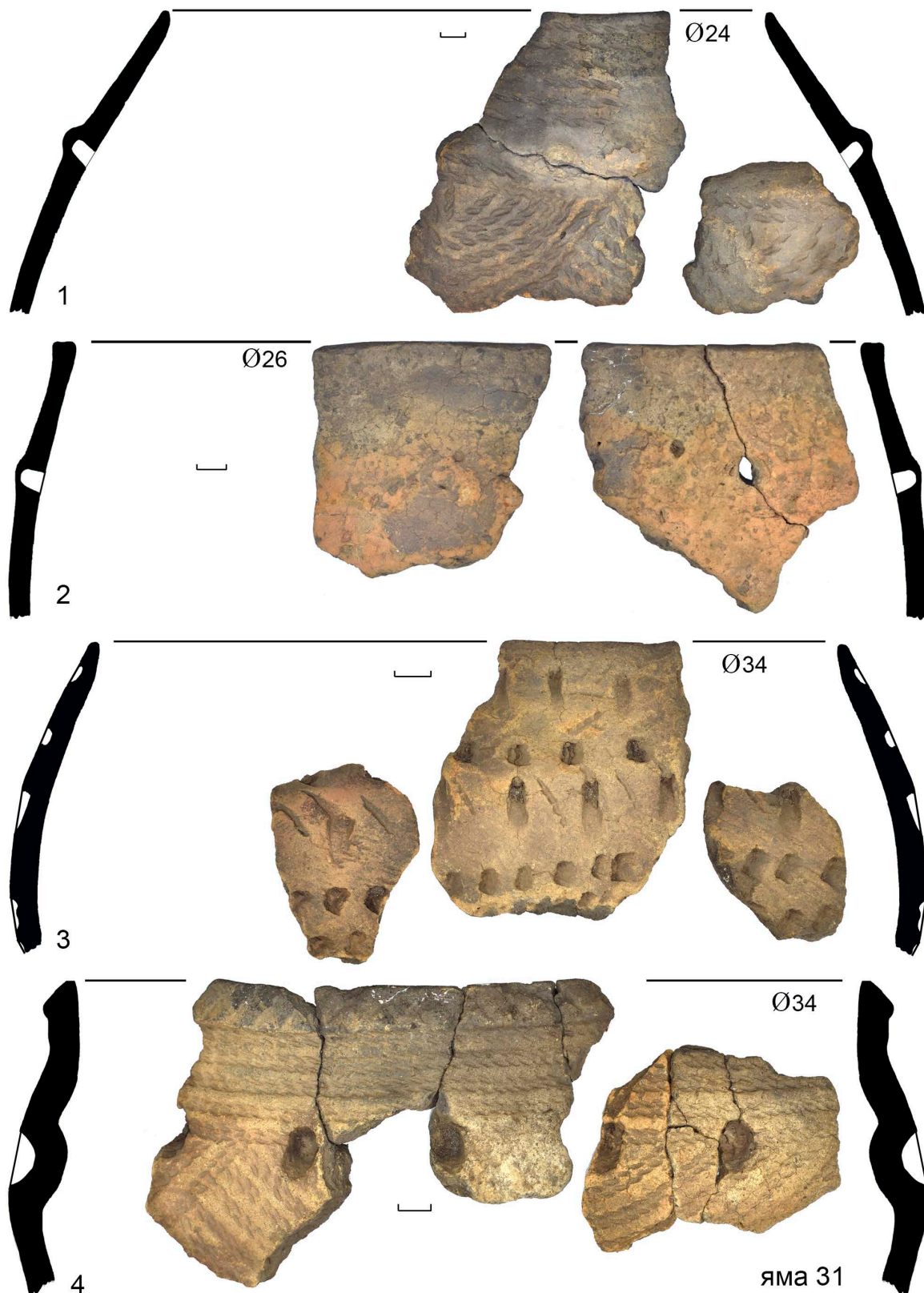

Рис. 7. Поселение Карамышево 9:
1-4 – керамика ямно-репинского культурного типа
Fig. 7. Karamyshevo 9 settlement:
1-4 – pottery of the Yamnaya-Repin cultural type

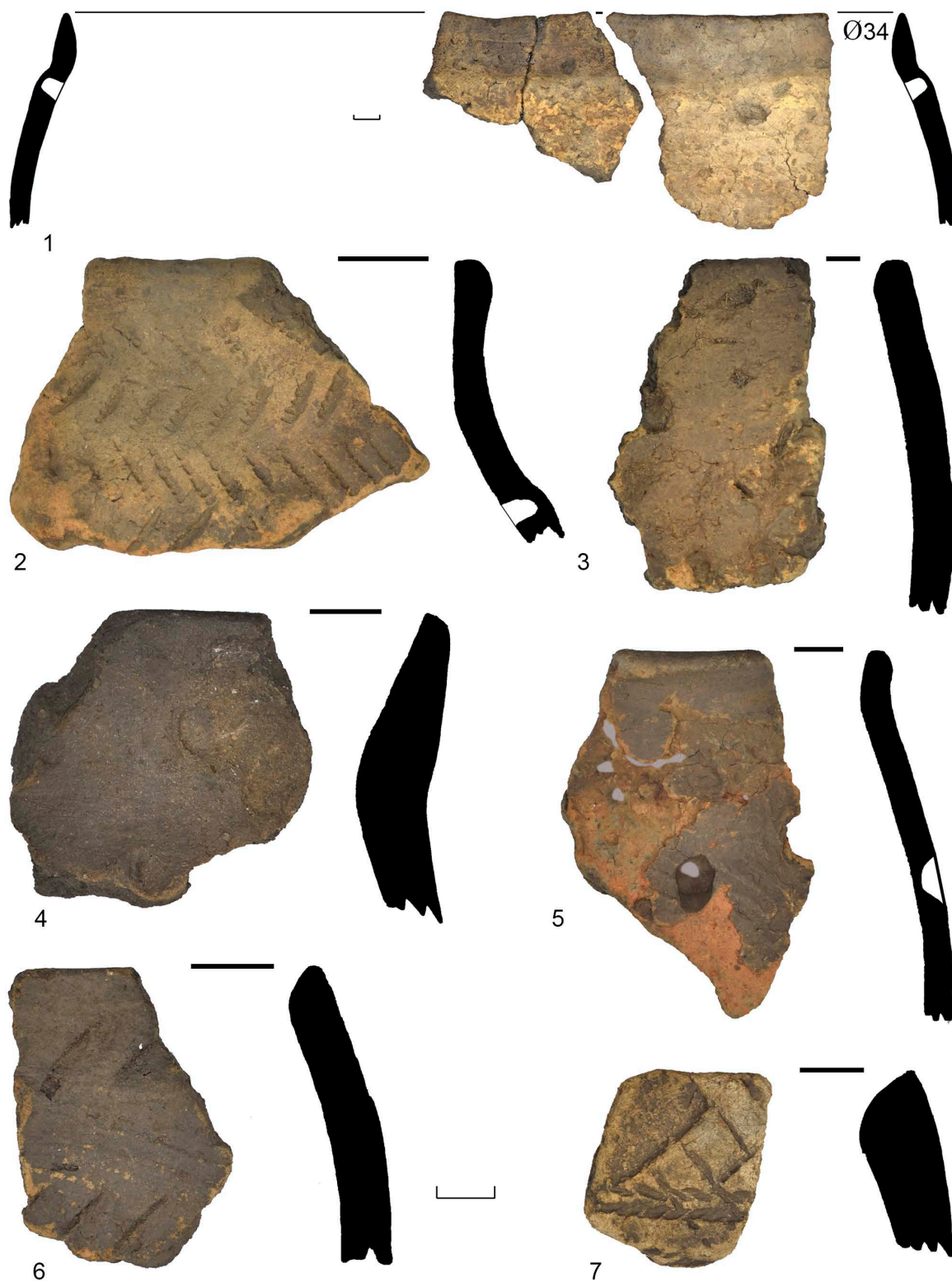

Рис. 8. Поселение Карамышево 9:
1-7 – керамика ямно-репинского культурного типа
Fig. 8. Karamyshevo 9 settlement:
1-7 – pottery of the Yamnaya-Repin cultural type

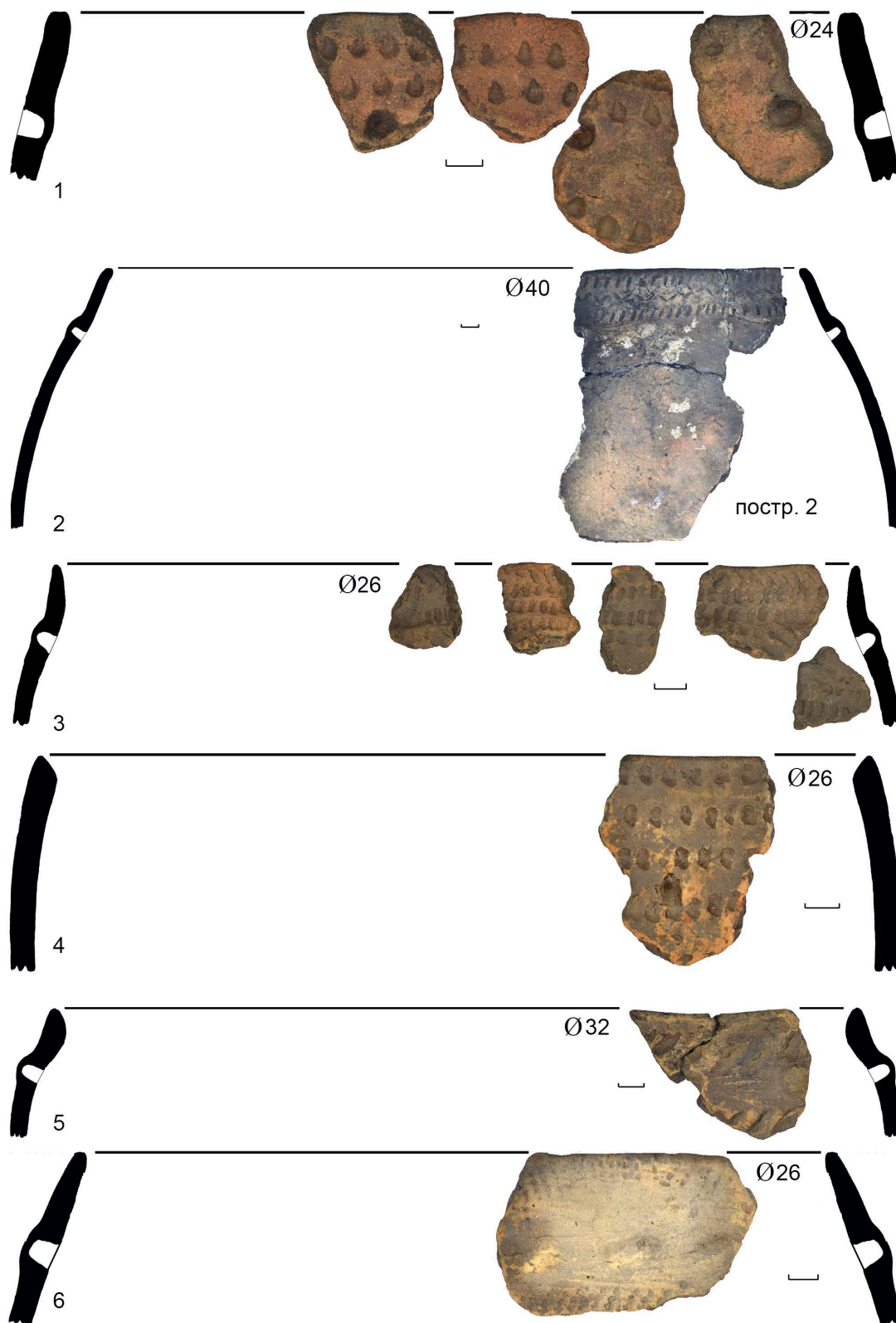

Рис. 9. Поселение Карамышево 9:

1–6 – керамика ямно-репинского культурного типа; 2 – развал сосуда из постройки 2

Fig. 9. Karamyshevo 9 Settlement:

1–6 – pottery of the Yamnaya-Repin cultural type; 2 – vessel collapse from structure 2

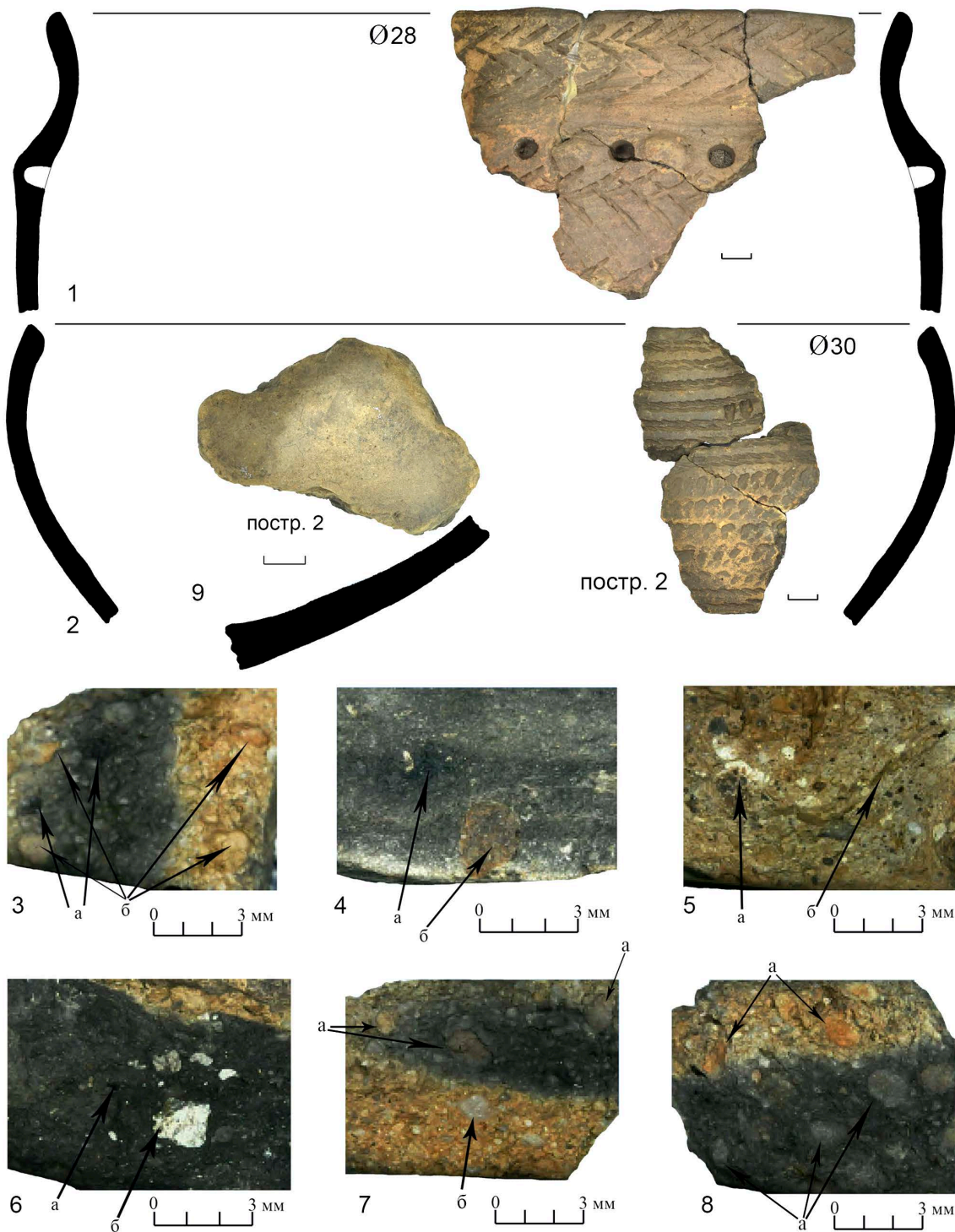

Рис. 10. Поселение Карамышево 9:

1–2, 9 – керамика ямно-репинского культурного типа; 2 – постройка 2;
 3–8 – микроснимки изломов посуды ямно-репинского культурного типа: 3, 4 – а) органический раствор, б) охра; 5 – а) частичка непромешанной высокопластичной глины, б) полости от выгоревшей растительности; 6 – а) органический раствор, б) частички непромешанной высокопластичной глины; 7, 8 – а) охра, б) крупный песок

Fig. 10. Karamyshevo 9 settlement:

1–2, 9 – pottery of the Yamnaya-Repin cultural type; 2 – from structure 2;
 3–8 – micrographs of fractures of Yamnaya-Repin cultural type tableware: 3, 4 – a) organic solution, б) ochre;
 5 – a) particle of untempered highly plastic clay, б) voids from burnt-out vegetal temper;
 6 – a) organic solution, б) particles of untempered highly plastic clay; 7, 8 – а) ochre, б) coarse sand

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Березуцкий В. Д., Скоробогатов А. М., 2018. Новые материалы древнейшей культурно-исторической общности в нижнем Побитюжье // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. № 1. С. 51–62.
- Бобринский А. А., Васильева И. Н., 1998. О некоторых особенностях пластического сырья в истории гончарного дела // Проблемы древней истории Северного Прикаспия. Самара : Изд-во Самар. гос. пед. ун-та. С. 193–214.
- Бобринский А. А., 1978. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. М. : Наука. 272 с.
- Бобринский А. А., 1999. Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства. Самара : Изд-во СГПУ. С. 5–109.
- Васильев И. Б., Синюк А. Т., 1985. Энеолит Восточно-Европейской лесостепи : (Вопросы происхождения и периодизации культур). Куйбышев : Изд-во Куйбышев. гос. пед. ин-та. 117 с.
- Гак Е. И., 2019. Поселение скотоводов III тыс. до н.э. в лесостепном Подонье Рыкань-3. М. : Новый взгляд. 170 с.
- Земцов Г. Л., 2005. Отчет о проведении археологических работ в Задонском районе Липецкой области в 2005 году // Архив ИА РАН. Р-1. № 28012. 253 с.
- Ивашов М. В., 2014. Памятники катакомбного времени на Верхнем Дону : дис. ... канд. ист. наук. Липецк. 312 с.
- Ивашов М. В., Скоробогатов А. М., 2019. Новые материалы ямной культурно-исторической общности на Дону // Феномены культур раннего бронзового века степной и лесостепной полосы Евразии: пути культурного взаимодействия в V–III тыс. до н.э. Оренбург : ОГПУ. С. 144–150.
- Ноздреватых С. А., Гак Е. И., Ивашов М. В., 2024. Раскопки поселения бронзового века // Археологические исследования в Центральном Черноземье 2023. Липецк ; Воронеж : Славянская. С. 129–132.
- Погорелов В. И., 1984. Поселение Терновое в лесостепном Подонье // Эпоха меди юга Восточной Европы. Куйбышев : Изд-во Куйбышев. гос. пед. ин-та. С. 140–155.
- Погорелов В. И., 1989. Ямно-катакомбные погребения Среднего Дона // Советская археология. № 2. С. 108–126.
- Пряхин А. Д., Синюк А. Т., 1980. Новые материалы по неолиту и энеолиту Среднего Дона с Шиловского поселения // Энеолит Восточной Европы. Т. 235. Куйбышев : Изд-во Куйбышев. гос. пед. ин-та. 194 с.
- Синюк А. Т., 1984а. Об энеолитических могильниках лесостепи (бассейн Среднего Дона) // Советская археология. № 3. С. 105–121.
- Синюк А. Т., 1984б. История населения донской лесостепи в V–II тысячелетиях до н.э., неолит, энеолит-бронза : дис. ... д-ра ист. наук. Воронеж. 394 с.
- Синюк А. Т., 1996. Бронзовый век бассейна Дона. Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та. 352 с.
- Синюк А. Т., 1999. Бассейн Верхнего и Среднего Дона в эпоху энеолита // Археология Восточноевропейской лесостепи. Евразийская лесостепь в эпоху металла. Вып. 13. Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та. С. 23–44.
- Синюк А. Т., Клоков А. Ю., 2000. Древнее поселение Липецкое Озеро. Липецк : Липец. изд-во. 160 с.
- Синюк А. Т., Матвеев Ю. П., 2007. Среднедонская катакомбная культура эпохи бронзы (по данным курганных комплексов). Воронеж : Изд-во ВГПУ. 222 с.
- Скоробогатов А. М., 2011. Энеолитические памятники Донской лесостепи : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Воронеж. 210 с.
- Скоробогатов А. М., 2019. Древнейшая культурно-историческая общность на Среднем и Верхнем Дону: итоги и перспективы исследований // Феномены культур раннего бронзового века степной и лесостепной полосы Евразии: пути культурного взаимодействия в V–III тыс. до н.э. Оренбург : ОГПУ. С. 139–144.
- Смолянинов Р. В., 2001. Отчет о разведочных исследованиях на левом берегу р. Воронеж в пределах Грязинского района Липецкой области в 2001 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 25353. 74 с.
- Смолянинов Р. В., 2002. Отчет о открытым листам № 452 и № 891 об исследованиях многослойных поселений Карамышево 9 и Карамышево 5 у с. Карамышево в Грязинском районе Липецкой области в 2002 году // Архив ИА РАН. Р-1. № 27676. 169 с.
- Смолянинов Р. В., 2003. Отчет о археологических работах у села Карамышево в Грязинском районе Липецкой области в 2003 году // Архив ИА РАН. Р-1. № 25113. 282 с.

- Смольянинов Р. В., Свиридов А. А., 2010. Распространение памятников эпохи энеолита на Верхнем Дону // Проблемы истории и археологии Украины. Харьков : НТМТ. С. 22–23.
- Смольянинов Р. В., Свиридов А. А., Бессуднов А. Н., 2011. Памятники эпохи энеолита на Верхнем Дону // Тр. III (XIX) Всерос. археол. съезда. Великий Новгород – Старая Русса. Т. 1. СПб. ; М. ; Великий Новгород : Новгород. технопарк. С. 279–281.
- Черных Е. Н., Авилова Л. И., Орловская Л. Б., 2000. Металлургические провинции и радиоуглеродная хронология. М. : Ин-т археологии РАН. 95 с.

REFERENCES

- Berezutskiy V.D., Skorobogatov A.M., 2018. Novye materialy drevneyamnoy kul'turno-istoricheskoy obshchnosti v nizhnem Pobityuzh'e [New Materials of the Ancient Yamnaya Cultural-Historical Community in the Lower Pobityuzhye]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya. Politologiya. Sotsiologiya* [Bulletin of Voronezh State University. Series: History. Political Science. Sociology], no. 1, pp. 51-62.
- Bobrinsky A.A., Vasil'eva I.N., 1998. O nekotorykh osobennostyakh plasticheskogo syr'ya v istorii goncharnogo dela [On Some Features of Plastic Raw Materials in the History of Pottery]. *Problemy drevney istorii Severnogo Prikaspiya* [Problems of the Ancient History of the Northern Caspian Region]. Samara, SSPU, pp. 193-214.
- Bobrinsky A.A., 1978. *Goncharstvo Vostochnoy Evropy. Istochniki i metody izucheniya* [Pottery of Eastern Europe. Sources and Methods of Study]. Moscow, Nauka Publ. 272 p.
- Bobrinsky A.A., 1999. Goncharnaya tehnologiya kak ob'ekt istoriko-kul'turnogo izucheniya [Pottery Technology as an Object of Historical and Cultural Study]. *Aktual'nye problemy izucheniya drevnego goncharstva* [Actual Problems of Studying Ancient Pottery]. Samara, SSPU, pp. 5-109.
- Vasil'ev I.B., Sinyuk A.T., 1985. *Eneolit Vostochno-Evropeyskoy lesostepi: (Voprosy proishozhdeniya i periodizatsii kul'tur)* [The Eneolithic of the East European Forest-Steppe: (Questions of Origin and Periodization of Cultures)]. Kuybyshev, KSPI. 117 p.
- Gak E.I., 2019. *Poselenie skotovodov III tys. do n.e. v lesostepnom Podon'e Rykan'-3* [The Settlement of Pastoralists of the 3rd Millennium BC in the Forest-Steppe Don Region Rykan'-3]. Moscow, Novyy vzglyad Publ. 170 p.
- Zemtsov G.L., 2005. Otchyot o provedenii arheologicheskikh rabot v Zadonskom rayone Lipetskoy oblasti v 2005 godu [Report on Archaeological Work in the Zadonsk District of the Lipetsk Region in 2005]. *Arhiv IA RAN*, R-1, no. 28012. 253 p.
- Ivashov M.V., 2014. *Pamyatniki katakombnogo vremeni na Verhnem Donu: dis. ... kand. ist. nauk* [Monuments of the Catacomb Time on the Upper Don. Cand. hist. sci. diss.]. Lipetsk. 312 p.
- Ivashov M.V., Skorobogatov A.M., 2019. Novye materialy yamnoy kul'turno-istoricheskoy obshchnosti na Donu [New Materials of the Yamnaya Cultural-Historical Community on the Don]. *Fenomeny kul'tur rannego bronzovogo veka stepnoy i lesostepnoy polosy Evrazii: puti kul'turnogo vzaimodeystviya v V–III tys. do n.e.* [Phenomena of Cultures of the Early Bronze Age of the Steppe and Forest-Steppe Belt of Eurasia: Ways of Cultural Interaction in the 5th – 3rd Millennium BC]. Orenburg, OSPU, pp. 144-150.
- Nozdrevatykh S.A., Gak E.I., Ivashov M.V., 2024. Raskopki poseleniya bronzovogo veka [Excavations of a Bronze Age Settlement]. *Arheologicheskie issledovaniya v Tsentral'nom Chernozem'e 2023* [Archaeological Research in the Central Black Earth Region 2023]. Lipetsk, Voronezh, Slavynskaya Publ., pp. 129-132.
- Pogorelov V.I., 1984. Poselenie Ternovoe v lesostepnom Podon'e [The Ternovoe Settlement in the Forest-Steppe Don Region]. *Epoha medi yuga Vostochnoy Evropy* [The Copper Age of the South of Eastern Europe]. Kuybyshev, KSPI, pp. 140-155.
- Pogorelov V.I., 1989. Yamno-katakombnye pogrebeniya Srednego Dona [Yamnaya-Catacomb Burials of the Middle Don]. *Sovetskaya arheologiya* [Soviet Archaeology], no. 2, pp. 108-126.
- Pryahin A.D., Sinyuk A.T., 1980. Novye materialy po neolitu i eneolitu Srednego Dona s Shilovskogo poseleniya [New Materials on the Neolithic and Eneolithic of the Middle Don from the Shilovskoe Settlement]. *Eneolit Vostochnoy Evropy* [The Eneolithic of Eastern Europe], vol. 235. Kuybyshev, KSPI. 194 p.
- Sinyuk A.T., 1984a. Ob eneoliticheskikh mogil'nikakh lesostepi (basseyn Srednego Dona) [On the Eneolithic Cemeteries of the Forest-Steppe (Middle Don Basin)]. *Sovetskaya arheologiya* [Soviet Archaeology], no. 3, pp. 105-121.

- Sinyuk A. T., 1984b. *Istoriya naseleniya donskoy lesostepi v V–II tysyacheletiyah do n.e., neolit, eneolit-bronza: dis. ... d-ra ist. nauk* [History of the Population of the Don Forest-Steppe in the 5th – 2nd Millennia BC, Neolithic, Eneolithic-Bronze Age. Dr. hist. sci. diss.]. Voronezh. 394 p.
- Sinyuk A. T., 1996. *Bronzovyy vek basseyna Dona* [The Bronze Age of the Don Basin]. Voronezh, VSU. 352 p.
- Sinyuk A. T., 1999. Basseyn Verhnego i Srednego Dona v epohu eneolita [The Basin of the Upper and Middle Don in the Eneolithic Era]. *Arheologiya Vostochnoevropeyskoy lesostepi. Evraziyskaya lesostep' v epohu metalla* [Archaeology of the East European Forest-Steppe. The Eurasian Forest-Steppe in the Age of Metal], iss. 13. Voronezh, VSU, pp. 23-44.
- Sinyuk A. T., Klokov A. Yu., 2000. *Drevnee poselenie Lipetskoe Ozero* [The Ancient Settlement Lipetskoye Ozero]. Lipetsk, Lipets. Izd-vo Publ. 160 p.
- Sinyuk A. T., Matveev Yu. P., 2007. *Srednedonskaya katakombnaya kul'tura epohi bronzy (po dannym kurgannykh kompleksov)* [The Middle Don Catacomb Culture of the Bronze Age (Based on Burial Mound Complexes)]. Voronezh, VSPU. 222 p.
- Skorobogatov A. M., 2011. *Eneoliticheskie pamyatniki Donskoy lesostepi: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [Eneolithic Sites of the Don Forest-Steppe. Cand. hist. sci. abs. diss.]. Voronezh. 210 p.
- Skorobogatov A. M., 2019. Drevneyamnaya kul'turno-istoricheskaya obshchnost' na Srednem i Verhnem Donu: itogi i perspektivy issledovaniy [The Ancient Yamnaya Cultural-Historical Community in the Middle and Upper Don: Results and Research Prospects]. *Fenomeny kul'tur rannego bronzovogo veka stepnoy i lesostepnoy polosy Evrazii: puti kul'turnogo vzaimodeystviya v V–III tys. do n.e.* [Phenomena of Cultures of the Early Bronze Age of the Steppe and Forest-Steppe Belt of Eurasia: Ways of Cultural Interaction in the 5th – 3rd Millennium BC]. Orenburg, OSPU, pp. 139-144.
- Smol'yaninov R. V., 2001. Otchyot o razvedochnykh issledovaniyakh na levom beregu r. Voronezh v predelakh Gryazinskogo rayona Lipetskoy oblasti v 2001 g. [Report on Exploratory Research on the Left Bank of the Voronezh River within the Gryazi District of the Lipetsk Region in 2001]. *Arhiv IA RAN*, R-1, no. 25353. 74 p.
- Smol'yaninov R. V., 2002. Otchyot k otkrytym listam № 452 i № 891 ob issledovaniyakh mnogosloynnykh poseleniy Karamyshevo 9 i Karamyshevo 5 u s. Karamyshevo v Gryazinskom rayone Lipetskoy oblasti v 2002 godu [Report on Archaeological Excavation Permit No. 452 and No. 891 on the Study of the Multi-Layered Settlements Karamyshevo 9 and Karamyshevo 5 near the Village of Karamyshevo in the Gryazi District of the Lipetsk Region in 2002]. *Arhiv IA RAN*, R-1, no. 27676. 169 p.
- Smol'yaninov R. V., 2003. Otchyot o arheologicheskikh rabotah u sela Karamyshevo v Gryazinskom rayone Lipetskoy oblasti v 2003 godu [Report on Archaeological Work near the Village of Karamyshevo in the Gryazi District of the Lipetsk Region in 2003]. *Arhiv IA RAN*, R-1, no. 25113. 282 p.
- Smol'yaninov R. V., Sviridov A. A., 2010. Rasprostranenie pamyatnikov epohi eneolita na Verhnem Donu [The Distribution of Eneolithic Sites on the Upper Don]. *Problemy istorii i arheologii Ukrainy* [Problems of History and Archaeology of Ukraine]. Kharkiv, NTMT Publ., pp. 22-23.
- Smol'yaninov R. V., Sviridov A. A., Bessudnov A. N., 2011. Pamyatniki epohi eneolita na Verhnem Donu [Eneolithic Sites on the Upper Don]. *Tr. III (XIX) Vseros. arheol. s'ezda. Velikiy Novgorod – Staraya Russa* [Proceedings of the 3rd (19th) All-Russian Archaeological Congress. Veliky Novgorod – Staraya Russa], vol. 1. Saint Petersburg, Moscow, Veliky Novgorod, Novgorod. tekhnopark Publ., pp. 279-281.
- Chernyh E. N., Avilova L. I., Orlovskaya L. B., 2000. *Metallurgicheskie provintsii i radiouglerodnaya hronologiya* [Metallurgical Provinces and Radiocarbon Chronology]. Moscow, IA RAS. 95 p.

Information About the Authors

Roman V. Smolyaninov, Candidate of Sciences (History), Chairman, Lipetsk Regional Scientific Public Organization “Archaeological Research”, Kommunalnaya Sq., 9, Room 106, 398059 Lipetsk, Russian Federation, rws17rws17@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9018-8753>

Alexey A. Kulichkov, Senior Researcher, Interregional Center for Archaeological Research LLC, Entuziastov Boulevard, 2A, 4th floor, 392003 Tambov, Russian Federation, kulichkov.aleks@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1992-2833>

Информация об авторах

Роман Викторович Смольянинов, кандидат исторических наук, председатель, Липецкая региональная научная общественная организация «Археологические исследования», пл. Коммунальная, 9, ком. 106, 398059 г. Липецк, Российская Федерация, rws17rws17@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9018-8753>

Алексей Александрович Куличков, старший научный сотрудник, ООО «МЦАИ» (Межрегиональный центр археологических исследований), бульвар Энтузиастов, 2А, 4-й этаж, 392003 г. Тамбов, Российская Федерация, kulichkov.aleks@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1992-2833>

DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2026.1.4>

UDC 572 .023
LBC 28.71

Submitted: 31.07.2025
Accepted: 24.10.2025

DENTAL PATHOLOGY IN THE NORTH CAUCASUS POPULATION FROM THE IRON AGE TO THE EARLY MIDDLE AGES (ZAYUKOVO-3 BURIAL GROUND MATERIALS)¹

Alla A. Perevozchikova

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation;
Research Institute and the Museum of Anthropology (Moscow State University), Moscow, Russian Federation

Natalya N. Goncharova

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

Natalia Ya. Berezina

Research Institute and the Museum of Anthropology (Moscow State University), Moscow, Russian Federation

Abstract. The article presents the results of a comprehensive study of dental and maxillofacial pathologies in the population of the North Caucasus who lived from the Early Iron Age to the Early Middle Ages (10th century BC to 9th century AD). The research material was derived from paleoanthropological collections of the Zayukovo-3 burial site (Kabardino-Balkaria Republic). The burials of the studied individuals belong to the Western Koban culture (7th – 5th centuries BC), the Sarmatian period (Podkumok-Khumara cultural group, 1st – 3rd centuries AD), and the Alanian era (5th – 7th centuries AD). In this study, an adapted version of M. Schultz’s methodology was used to analyze the frequencies of caries, apical periodontitis, enamel hypoplasia, dental calculus, antemortem enamel chipping, and the degree of dental wear. Significant differences were found in the dental and maxillofacial conditions among representatives of different archaeological cultures. Individuals associated with the Koban culture exhibited pronounced dental wear and a low prevalence of caries, suggesting a balanced diet dominated by meat and dairy products. During the Sarmatian period, an increase in caries and dental calculus was observed, which may be linked to dietary changes, possibly involving greater consumption of high-carbohydrate foods. The Alanic period was characterized by severe dental wear, an increased frequency of enamel hypoplasia, and traumatic dental injuries, indicating a decline in living conditions and overall population health.

Key words: physical anthropology, dental pathology, physiological stress markers, paleo diet, North Caucasus, Early Iron Age, Early Middle Ages.

Citation. Perevozchikova A.A., Goncharova N.N., Berezina N.Ya., 2026. Patologiya zubochelyustnoy sistemy naseleniya Severnogo Kavkaza ot zheleznogo veka do rannego srednevekov’ya (po materialam mogil’nika Zayukovo-3) [Dental Pathology in the North Caucasus Population from the Iron Age to the Early Middle Ages (Zayukovo-3 Burial Ground Materials)]. *Nizhnevolzhskiy Arkheologicheskiy Vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], vol. 25, no. 1, pp. 82-99. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2026.1.4>

УДК 572 .023
ББК 28.71

Дата поступления статьи: 31.07.2025
Дата принятия статьи: 24.10.2025

ПАТОЛОГИЯ ЗУБОЧЕЛЮСТНОЙ СИСТЕМЫ НАСЕЛЕНИЯ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА ОТ ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА ДО РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ (ПО МАТЕРИАЛАМ МОГИЛЬНИКА ЗАЮКОВО-3)¹

Алла Александровна Перевозчикова

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, г. Москва, Российская Федерация;
НИИ и Музей антропологии им. Д.Н. Анучина (МГУ), г. Москва, Российская Федерация

Наталья Николаевна Гончарова

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, г. Москва, Российская Федерация

Наталья Яковлевна Березина

НИИ и Музей антропологии им. Д.Н. Анучина (МГУ), г. Москва, Российская Федерация

Аннотация. В статье представлены результаты комплексного исследования патологий зубочелюстной системы у населения Северного Кавказа, проживавшего в период от раннего железного века до раннего средневековья (X в. до н.э. по IX в. н.э.). Материалом для исследования послужили палеоантропологические коллекции могильника Заюково-3 (Кабардино-Балкарская республика). Погребения изученных индивидов относятся к западной кобанской культуре (VII–V вв. до н.э.), сарматскому времени (культурная группа Подкумок-Хумара, I–III вв. н.э.) и аланской эпохе (V–VII вв. н.э.). В представленном исследовании по адаптированной методике М. Шультца проанализированы частоты кариеса, апикального периодонтита, эмалевой гипоплазии, зубного камня, прижизненных сколов эмали, а также степень стертости зубов. Найдены значительные различия в состоянии зубочелюстной системы представителей разных археологических культур. У носителей кобанской культуры отмечена повышенная стертость зубов и низкая частота кариеса, что может свидетельствовать о сбалансированном рационе с преобладанием мясомолочной продукции. В сарматский период наблюдается увеличение частоты кариеса и зубного камня, что ассоциируется с изменением типа питания, возможно, в сторону большего потребления высокоуглеводной пищи. Для аланского этапа характерны высокая стертость зубов, увеличение частоты эмалевой гипоплазии и травматических повреждений, что указывает на ухудшение условий жизни и здоровья населения.

Ключевые слова: физическая антропология, зубочелюстные патологии, маркеры физиологического стресса, палеодиета, Северный Кавказ, ранний железный век, раннее средневековье.

Цитирование. Перевозчикова А. А., Гончарова Н. Н., Березина Н. Я., 2026. Патология зубочелюстной системы населения Северного Кавказа от железного века до раннего средневековья (по материалам могильника Заюково-3) // Нижневолжский археологический вестник. Т. 25, № 1. С. 82–99. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2026.1.4>

Введение. Исследование состояния зубочелюстной системы представителей различных исторических эпох является одним из инструментов реконструкции образа жизни, характера питания и состояния здоровья людей древности. Работы подобной проблематики осуществляются на стыке естественнонаучных и гуманитарных дисциплин. Активно применяются методы изотопного и пептидомного анализов, в том числе к материалам археологических культур эпох бронзы и раннего железного века с территории южных регионов России [Добровольская 2013; Добровольская, Решетова, 2014; Афанасьев и др., 2015; Шишлина, 2015; Knipper et al., 2020; Scott et al., 2022]. Анализ зубочелюстных патологий, не требуя больших затрат, является информативным инструментом скрининга уровня здоровья и диеты, однако, привлечение этих данных к исследованиям происходит редко [Вагнер-Сапухина, 2025]. Представленная работа посвящена комплексному анализу патологий зубочелюстной системы в контексте историко-

культурной и хронологической изменчивости древнего населения Северного Кавказа.

Основой жизнеобеспечения древних жителей этого горного региона и прилегающих степных районов было комплексное хозяйство, в котором скотоводство играло значительную роль, определяя среду обитания, санитарно-гигиенические условия и специфический статус здоровья человека. На формирование ряда патологий зубной системы могут оказывать влияние средовые факторы (например, минеральный состав почвы и воды) [Бидеева, Макоев, 2011], региональная специфика диеты (чаще всего ассоциированная с основным типом ведения хозяйства) [Cook, Buikstra, 1979; Holland, O'Brien, 1997; Srejić, 2001; Наместникова и др., 2016] и социальные (половозрастные или сословные) различия [Lukacs, 1992; Березина, 2010]. Анализируя эти системы признаков, мы можем реконструировать особенности социальной организации и приспособленность изучаемого населения к окружающей среде.

Материалы и методы. Исследованные антропологические коллекции получены в результате совместных археологических работ ГИМ (Государственный исторический музей), КБГУ (Кабардино-Балкарский государственный университет) и ИА РАН (Институт археологии Российской академии наук) на памятнике Заюково-3 (Кабардино-Балкарская республика) и переданы на хранение в НИИ и Музей антропологии им. Д.Н. Анучина (МГУ). Погребальный комплекс датирован в пределах X в. до н.э. – IX в. н.э. [Кадиева, Демиденко, 2025]. В комплексе обнаруживаются захоронения доскифской (VIII–VII вв. до н.э.) и скифской эпох (VI–V вв. до н.э.) – этап включает погребения представителей западной кобанской археологической культуры; среднесарматского (I–II вв. н.э.) и позднесарматского времени (III в. н.э.) – этап включает погребения представителей культурной группы Подкумок-Хумара, а также погребения представителей аланской археологической культуры раннего средневековья (V–IX вв.) [Кадиева, Демиденко, 2017]. Общее число исследованных индивидов составило 133 (см. табл. 1). Половозрастные определения выполнены согласно классическим палеоантропологическим рекомендациям [Алексеев, 1966; Алексеев, Дебец, 1964] с применением методик, учитывающих морфофункциональное состояние посткраниального скелета и зубочелюстной системы [Ubelaker, 1978; Rose et al., 1991; Bass, 1995]. Детская часть выборки в анализ не вошла, расчет частот патологий для мужских и женских подгрупп проводился совместно в связи с малочисленностью выборки. По тем же соображениям в работе не использовалось разделение подгрупп на возрастные когорты.

Для оценки качества жизни, состояния здоровья и особенностей палеодиеты древнего населения различных археологических культур и эпох был применен учет зубных патологий по Шульцу [Schultz, 1988], переведенный и адаптированный Н.Я. Березиной. Методика включает общие характеристики зубной системы: описание комплектности зубного ряда и его прижизненные изменения: степень изношенности зубной эмали по 7-балльной системе стертости согласно методике В.Р.К. Перизониуса и Т.Дж. Пота [Perizonius, Pot, 1981]

и Д.Р. Бротвелла [Brothwell, 1981], развитие вторичного дентина, прижизненная утрата зубов. Кроме этого, фиксировались маркеры, которые принято считать отражением средового воздействия: степень выраженности пародонтопатии, наличие травматических повреждений зубной системы, эмалевая гипоплазия, зубной камень, абсцессы. Фиксация кариозных поражений проводилась по методике У.Дж. Мура и Э. Корбетта [Moore, Corbett, 1971] в модификации М. Шульца [Schultz, 1988].

Для обозначения положения зуба в зубном ряду использовалась система Международной федерации стоматологов (FDI), в которой каждый зуб обозначен двузначным числом, где первая цифра – номер квадранта, а вторая – номер зуба в квадранте (например, мезиальный резец верхней челюсти справа будет 11, а слева – 21).

Проверка достоверности различий в степени стертости зубной системы, а также степени выраженности пародонтита проведена при помощи критерия Краскела-Уоллиса для представителей трех групп. В работе представлены наиболее значимые различия. Частоты остальных признаков (кариес, зубной камень, эмалевая гипоплазия, травмы) рассчитывались двумя способами: на количество индивидов с признаком по группе, а также из расчета частоты признака на общее количество зубов в конкретной выборке.

Фотофиксация зубочелюстных патологий проводилась на цифровом видеомикроскопе высокого разрешения (Nigox-2000) на базе НИИ и Музея антропологии МГУ.

Результаты. *Стертость зубов и пародонтопатии.* Изучение характера распределения степени стертости зубов, распространенности вторичного дентина, а также уровня развития пародонтопатии позволяет определить основные векторы различий на межгрупповом уровне, охарактеризовать наиболее вероятный тип питания и состояние здоровья древнего населения.

Стертость зубов верхней челюсти представителей кобанского этапа составляет около 4 баллов, стертость зубов нижней челюсти выше и достигает 4,5 балла. Наиболее стертыми являются первые моляры, наименее стертими – третьи моляры в каждой из четвертей, что вполне естественно в связи

с особенностями пережевывания пищи и очередностью прорезывания зубов.

Для представителей сарматского этапа могильника Заюково-3 характерны схожие закономерности, однако зубы верхней и нижней челюсти стертты равномерно. Наибольшая нагрузка приходится на центральные резцы и первые моляры, при этом нагрузка на премоляры ниже, чем у носителей кобанской культуры. В целом значение стертости на каждый зуб не превышает 4,3 балла, что несколько меньше, чем средний балл стертости зубной системы у представителей кобанского этапа. Примечательно, что практически идентичная степень стертости наблюдается у центральных резцов и первых моляров верхней и нижней челюстей. Это явление необычно и может говорить о нарушениях прикуса.

У представителей аланского этапа наблюдается закономерность, не свойственная каждой из вышеупомянутых культур. Отмечается повышенная стертость третьего моляра, причем как для верхней, так и нижней челюсти. При этом степень стертости зубной системы у алан превышает 4,5 балла, что является самым высоким показателем среди обсуждаемых групп. Наименее стертты являются вторые моляры верхней и нижней челюсти.

Таким образом, уже на этапе сравнения общего состояния зубной системы по степени ее стертости нами зафиксированы некоторые различия между группами (рис. 1). Наименее изношенный профиль зубной системы наблюдается у представителей сарматского этапа. Население аланского этапа характеризуется повышенной стертостью третьих моляров на верхней и нижней челюстях. У носителей кобанской археологической культуры отмечается повышенная стертость всей зубной системы. Общей для всех групп тенденцией является высокая степень стертости резцов, что, с одной стороны, может быть связано с очередностью прорезывания постоянных зубов, с другой стороны – с потреблением необработанной, жесткой или волокнистой пищи, которую необходимо откусывать.

Со степенью стертости зубной системы ассоциирована частота вторичного дентина. Развитие вторичного дентина и гиперцементоза корня зуба – это патологические проявления, которые возникают в качестве компен-

саторной реакции на чрезмерную нагрузку. В тех случаях, когда коронка зуба сильно стертта, подобные изменения позволяют удержать зуб в альвеоле и защитить пульпу зуба от внешних воздействий.

У представителей кобанского этапа частота вторичного дентина варьирует от 15 до 100 %. Так, вторичный дентин встречается на всех центральных резцах и первых молярах левой половины нижней челюсти. С частотой более 80 % вторичный дентин зафиксирован на латеральных резцах и клыках нижней челюсти, в том числе на центральном резце правой половины нижней челюсти. Значения частоты вторичного дентина на верхней челюсти не превышают отметки в 60 %, за исключением премоляров и первого моляра правой половины, а также резцов и первого моляра левой половины. В целом наблюдаемые особенности довольно стандартны и являются следствием возрастных дегенеративных процессов.

У представителей сарматского этапа наблюдаются очень высокие показатели встречаемости вторичного дентина на центральном резце правой половины верхней челюсти, а также на первом моляре левой половины нижней челюсти, достигая значения в 75 %. Реже всего образование вторичного дентина отмечается на третьих молярах как верхней, так и нижней челюсти, что совпадает с общими биологическими закономерностями.

У представителей аланского этапа нами выявлен тренд к увеличению частот вторичного дентина в постклыковой области, а именно – на молярах. Так, частота вторичного дентина на втором моляре верхней челюсти с левой стороны достигает значения в 75 %, практически аналогичные значения наблюдаются у первого и второго моляров нижней челюсти левой стороны. Наименьший процент вторичного дентина был обнаружен у второго премоляра левой половины верхней челюсти, а также его антагониста с нижней челюсти, эти значения лежат в пределах 10–15 %.

Степень развития пародонтопатии у населения кобанского этапа колеблется в пределах от 0 до 2,7 балла. Показатель пародонтопатии у представителей сарматского периода в среднем колеблется в пределах 0–2 баллов, что несколько меньше по сравнению с группой предыдущего этапа. Степень прояв-

ления пародонтита в серии аланского этапа варьирует от 0 до 2,3 балла.

В целом в постклыковой зоне наиболее часто отмечается пародонтит с более высокими баллами. Наиболее низкие значения обнаруживаются в областях резцов и премоляров как на верхней, так и на нижней челюсти.

Подобные результаты (рис. 1, 2) могут говорить о различиях в прикусе у представителей археологических культур. Разумеется, степень стертости зубной системы, как и частота образования вторичного дентина, могут быть также следствием особенностей диеты, использования зубов в профессиональных занятиях и т. п. Более того, исследуемые признаки тесно связаны с наличием кариозных поражений и абсцессов. И в том случае, когда окклюзия отсутствует по причине прижизненной утраты зуба, перераспределение нагрузки при жевании может приводить к повышенной стираемости других классов зубов, что и фиксируется у населения аланского этапа (повышенные значения стертости третьих моляров при наибольшей частоте кариеса среди трех групп).

Интересно, что денто-альвеолярный профиль в отношении частоты вторичного дентина на межгрупповом уровне практически идентичен, что наводит на мысль, что данный признак является относительно стабильным и требует изучения в контексте сравнения отдельных возрастных категорий.

Кариозные поражения и апикальный периодонтит. Кариозные поражения зубной системы (рис. 3, ряд 1) являются ярким свидетельством преобладания в диете сахаров. Подобные разрушения зуба могут быть вызваны также потреблением грубого волокна [Stejić, 2001]. Распространенность кариозных поражений может быть связана как с экзогенными, так и с эндогенными факторами: с генетической предрасположенностью индивида к истончению эмали зуба, родовой активностью у женщин или же с нехваткой ряда микро- и макроэлементов в потребляемой пище и воде.

Достоверно меньшее ($p < 0,05$) количество индивидов с кариесом обнаруживается среди населения кобанского этапа (рис. 4). Отмечен лишь один случай кариозного поражения в 4 балла на 265 сохранившихся зубов,

что составляет менее одного процента. Частота кариеса, оцениваемого в 2 балла, составила всего 2 % от общего числа зубов, в остальных случаях проявление кариеса оценивалось в 1 балл. Разницы между частотой кариозных поражений в группах сарматского и аланского этапов не наблюдается. Достоверных различий по частоте кариеса не обнаруживается и при сравнении населения кобанского и аланского этапов.

Это позволяет предположить смену типа питания при переходе от кобанского этапа к сарматскому, после чего показатели выходят на плато и сохраняются вплоть до конца аланского этапа.

Кариес у представителей кобанского этапа не затрагивает доклыковую зону. В постклыковой зоне наиболее высокий процент пораженных кариесом зубов на себя берет класс моляров правой стороны верхней челюсти (от 17 до 20 %). В целом у представителей кобанского этапа кариес чаще встречается на верхней челюсти.

Аналогичная картина наблюдается у населения сарматского этапа. Так, кариес на верхней челюсти встречается чаще, чем на нижней (почти 40 % – максимальное значение частоты кариеса в первой и вторых четвертях и около 25 % – в третьей и четвертой четвертях). Чаще всего кариес встречается на втором и третьем молярах верхней и нижней челюстей. Кариес доклыковой зоны, как и у населения кобанского этапа, не отмечен. Частота поражения премоляров кариесом варьирует в пределах 8–12 %. У населения сарматского этапа на 460 наблюдений обнаружены 16 случаев кариеса в 2 балла (3,5 %), 9 случаев в 3 балла (2 %) и 10 случаев абсцесса с оценкой, равной 4 баллам или выше (2,2 %).

Группа аланского этапа отличается от двух предыдущих культур, так как отмечен кариес доклыковой зоны, уровень которого составляет 5–7 %. Около 40 % – частота поражения кариесом премоляров, что также нетипично при сравнении с другими группами обсуждаемого могильника. При этом кариес на молярах встречается значительно реже и колеблется в пределах 5 % с левой стороны верхней челюсти. Наиболее часто кариес обнаруживается в окклюзии первого и второго премоляров с их антагонистами справа.

На 445 наблюдений у представителей аланского этапа зафиксировано 5 случаев кариеса с оценкой в 2 балла (1 %), 6 случаев с оценкой в 3 балла (1 %) и 5 случаев с оценкой в 4 балла и выше (1 %).

С образованием абсцессов связана как повышенная стертость зубной системы, так и кариозные поражения, поэтому данная патология имеет большое значение, когда мы рассуждаем о качестве жизни и статусе здоровья у представителей различных археологических культур. По результатам статистического анализа обнаружены достоверные различия в частоте абсцессов между представителями кобанского и сарматского этапов ($p < 0,05$). Для кобанского этапа на 210 наблюдений насчитывается 9 случаев абсцесса с оценкой в 2 балла и один случай с оценкой в 3 балла, что составляет менее 1 %. На 349 наблюдений сарматского периода приходится 5 случаев абсцесса в 2 балла (1,4 %), 7 случаев абсцесса в 3 балла (2,1 %) и 8 случаев абсцессов с оценкой выше или равной 4 баллам (2,2 %). У представителей аланского этапа на 391 наблюдение обнаружено 11 случаев абсцесса в 2 балла (2,8 %), 4 случая в 3 балла (1 %) и 9 случаев в 4 балла и выше (2 %). Частота абсцессов на общее число зубов для каждой из культур примерно одинакова (рис. 4).

Линейная эмалевая гипоплазия (ЭГ).

Эмалевая гипоплазия – один из неспецифичных маркеров стресса детского возраста (рис. 3, ряд 1). Он отражает неблагоприятное средовое воздействие на организм в момент закладки и роста зубов. Сюда может относиться несбалансированный и обедненный рацион, инфекции и любые другие факторы, которые могут вызывать приостановку развития эмали, в то время как все ресурсы организма направлены на выживание, а не на ростовые процессы. Чаще всего эмалевая гипоплазия выглядит как поперечные борозды, однако в ряде случаев может принимать форму пятен или углублений.

Обнаружить достоверные различия в частоте эмалевой гипоплазии нам не удалось, что может быть связано как с относительно стабильными внешними условиями на всех этапах существования культур, так и с тем, что все частотные признаки довольно чувствительны к числу наблюдений. Тем не менее мы

можем наблюдать тенденцию к увеличению частоты гипоплазии эмали от эпохи раннего железного века к раннему средневековью (рис. 4).

С увеличением численности появится возможность учесть частоту и степень проявления эмалевой гипоплазии в каждом возрасте с целью последующего определения уровня стрессовой нагрузки в разных возрастах у детей древности. У населения кобанского этапа обнаружено лишь 2 случая с оценкой в 2 балла на 223 наблюдения, что составляет менее 1 % и говорит об очень слабом негативном внешнем давлении. Среди людей, проживавших в сарматское время, баллы со значением выше 2 также отсутствуют, однако частота встречаемости эмалевой гипоплазии с категорией этой оценки все же увеличивается и составляет 11 случаев на 415 наблюдений (почти 3 %). Среди населения аланской эпохи выявлен один случай эмалевой гипоплазии, оцениваемый в 3 балла, и 6 случаев с оценкой в 2 балла (1,5 %) в расчете на 400 случаев наблюдений.

В заключение стоит отметить, что между условиями жизни в различные этапы функционирования могильника Заюково-3 наблюдались некоторые расхождения с тенденцией к плавному ухудшению качества жизни.

Зубной камень. Зубной камень может быть вызван рядом факторов, в числе которых как эндогенные (генетика, определяющая состав и вязкость слюны, и пр.) [Burgess et al., 1966], так и экзогенные (например, мясомолочная диета, мягкая крахмалистая пища и специфический микробиом полости рта) [Weyrich et al., 2015; Позовская, 2018; Wei et al., 2024]. Зубной камень – патология, которая также, как и эмалевая гипоплазия, имеет балльную оценку (рис. 3, ряд 2). У носителей кобанской культуры зубной камень с оценкой в 2 балла отсутствует. Однако это может объясняться и тафономическими факторами, то есть зубной камень со временем мог раствориться в почве, а остаточные проявления данного признака мы оцениваем в качестве единичного балла. Это предположение звучит наиболее вероятно и в силу того, что и посткраниальный скелет представителей западной кобанской культуры при сравнении с остальными группами оказывается наименее сохранным

(ввиду особенности погребального обряда). В целом мы отмечаем тенденцию к повышению частоты зубного камня от кобанского этапа могильника Заюково-3 к более поздним (рис. 4). Однако достоверных различий по частотам зубного камня выявить не удалось.

Травматические повреждения зубов.

Достоверных различий в частоте травматических повреждений денто-альвеолярной системы у представителей различных культур не выявлено. Однако зафиксированы некоторые тенденции. Во-первых, частота травм зубов увеличивается от эпохи к эпохе. Так, процент индивидов со сколами эмали среди кобанцев составил 39,13 %, у представителей сарматского времени – 65,22 %, алан – 50 %. Во-вторых, несмотря на упомянутую тенденцию, мы можем видеть, что наибольшее число индивидов с травматическими повреждениями зубов приходится на сарматскую эпоху. Это наблюдение может быть связано с увеличением частоты травм лицевого отдела черепа в результате конфликтов военного и бытового характера. Помимо этого, нами было проведено исследование частоты травматических повреждений в доклыковой и постклыковой зонах зубной системы. Для каждой из культур обнаруживается, что в доклыковой зоне травмы зубов встречаются чаще, чем в постклыковой: 13,95 и 3,92 % у представителей кобанской культуры соответственно, 16,03 и 12,36 % – у населения сарматского этапа, 26,14 и 19,31 % – среди алан.

Обсуждение. По результатам исследования группа кобанского этапа демонстрирует наименьшие показатели частоты денто-альвеолярных патологий. Редко встречаются кариес и абсцессы, зубной камень и травматические повреждения зубов. Невысок процент встречаемости эмалевой гипоплазии. Тем не менее для данной группы оказывается характерна повышенная стертость зубной системы и ассоциированный с этим высокий процент образования вторичного дентина. Однако это, скорее всего, связано с наибольшей продолжительностью жизни в группе при сравнении с остальными выборками и вытекающими отсюда возрастными изменениями, нежели со спецификой палеодиеты внутри группы. В качестве сравнения можно привести результаты исследований представителей

кобанской археологической культуры могильника Клинь-Яр III. Антропологами фиксируются низкие частоты кариеса в группе, отмечается наличие такого маркера физиологического стресса, как линейная эмалевая гипоплазия, что, по мнению исследователей, может говорить о присутствии неспецифического неблагоприятного средового влияния на ранних этапах онтогенеза этих людей [Buzhilova et al., 2018]. Исходя из вышесказанного, наиболее вероятно, что пищевой рацион представителей кобанской археологической культуры был сбалансирован как с точки зрения содержания белковой пищи, так и углеводной, в связи с чем мы предполагаем, что кобанская группа, помимо продуктов животного происхождения, активно употребляла растительную пищу. К этому же выводу пришли исследователи кобанского населения могильника Клинь-Яр III [Buzhilova et al., 2018]. Полученные результаты подтверждаются и данными изотопного анализа [Higham et al., 2010; Бабенко и др., 2021]. Так, анализ коллагена костей индивидов, погребенных в пределах могильников Клинь-Яр III и Кичмалка II, показал, что представители кобанской культуры в избытке потребляли мясомолочную продукцию, использовали в пищу растения как с C3, так и с C4 типом фотосинтеза (просо).

При исследовании зубочелюстных патологий населения сарматского этапа могильника Заюково-3 наблюдаются иные закономерности. Здесь обнаружены самые высокие показатели частоты кариозных поражений, а также наибольшая частота зубного камня. По всей видимости, диетические предпочтения представителей обсуждаемой группы несколько отличались от таковых у носителей западной кобанской культуры. С другой стороны, подобные патологии могут развиваться в результате генетической предрасположенности, а также на фоне специфического микробиома ротовой полости.

Тем не менее сочетание высоких частот каждого из признаков говорит о том, что пища была преимущественно вязкой и волокнистой, с некоторым преобладанием продуктов животноводства. Важно отметить, что для данного региона широко известна культивация проса, так как именно этот злак является наиболее устойчивым к колебаниям температур

и неблагоприятным внешним условиям. Мы не исключаем возможности возрастания роли земледелия в жизни древнего населения сарматского этапа по сравнению с кобанским. Тем не менее этот вопрос остается открытым. Дело в том, что население, оставившее памятники типа Подкумок-Хумара, являлось одной из компонент, вошедших в состав аланской археологической культуры эпохи средневековья, а также ассоциируется с населением, оставившим группу памятников Чегем-Манаскент [Малашев, Маслов, 2021].

Схожий профиль зубочелюстных патологий был получен и в другой работе [Березина, 2023]. Детальное изучение трех индивидов из погребений сарматского времени Вонючка-1 (Кавказские Минеральные Воды) показало наличие зубного камня практически на всех зубах двух молодых женщин и мужчины зрелого возраста. Высокие частоты зубного камня чаще всего ассоциируются с определенным типом питания, а именно – с преобладанием продуктов животноводства в рационе группы [Позовская, 2018]. Исследование Н.Я. Березиной, посвященное индивидуальным характеристикам, согласуется с данными, полученными при изучении хронологически близких сармат соседнего региона [Перерва, 2020]. Авторы также приводят сведения о прямом прикусе у представителей сарматского времени, при котором стираются в первую очередь резцы и первые моляры [Березина, 2023; Перерва, 2020], аналогичная картина наблюдается и в нашем исследовании.

Денто-альвеолярный профиль патологий в период раннего средневековья включает в себя повышенную стертость резцов и третьих моляров, пониженную стертость первых моляров. Это явление может объясняться как различиями в прикусе у представителей двух археологических культур, так и тем, что частота кариозных поражений в аланской группе выше. Это могло приводить к выпадению зубов и увеличению нагрузки на оставшиеся. Частота зубного камня также остается в категории повышенных значений. Относительно схожий уровень частот кариеса и зубного камня у групп сарматского и аланского этапов позволяет предположить схожий тип хозяйствования и диеты. Вместе с тем для аланского времени наблюдается увеличение частоты эмалевой гипоплазии. Такие показатели свидетельствуют о

сниженном качестве условий жизни, ухудшении состояния здоровья и продолжительности жизни людей к эпохе раннего средневековья.

В дополнение хочется отметить, что наибольшая частота травматических поврежденных зубов в случае каждой из групп приходится на доклыковый сектор, то есть лежит в пределах лицевого отдела и пропорционально увеличивается от эпохи к эпохе. Это может быть связано с лицевыми травмами в ходе бытовых или военных конфликтов [Кривошеев, Перерва, 2017].

Закключение. Проведенное исследование продемонстрировало значительный потенциал данного подхода для реконструкции образа жизни, особенностей питания и состояния здоровья древних популяций. Полученные результаты выявили существенные различия в характере стертости зубов, частоте кариеса и других патологий между представителями трех этапов функционирования могильника, что свидетельствует о важных изменениях в системе жизнеобеспечения на протяжении изучаемого периода. Примененная методика анализа показала свою эффективность, однако требует дальнейшего совершенствования. В перспективных исследованиях было бы целесообразно дополнить полученные данные результатами изотопного анализа и исследованиями других маркеров физиологического стресса и разработать унифицированные подходы к классификации патологий зубочелюстной системы для обеспечения сопоставимости результатов.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 25-18-00322) с использованием оборудования ЦКП МГУ «Технологии получения новых наноструктурированных материалов и их комплексное исследование», приобретенного МГУ по программе обновления приборной базы в рамках национального проекта «Наука».

The study was supported by a grant from the Russian Science Foundation (project no. 25-18-00322) and was conducted using the equipment of the MSU Shared Research Equipment Center “Technologies for Obtaining New Nanostructured Materials and Their Complex Study,” which was purchased by Moscow State University in the framework of the equipment renewal program for the national project “Science.”

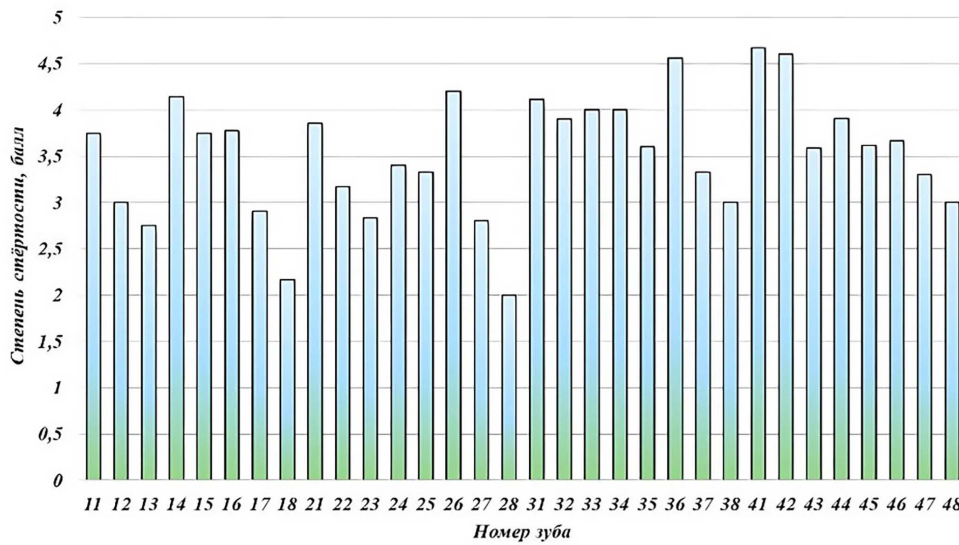
ПРИЛОЖЕНИЯ

Таблица 1. Общая численность выборки

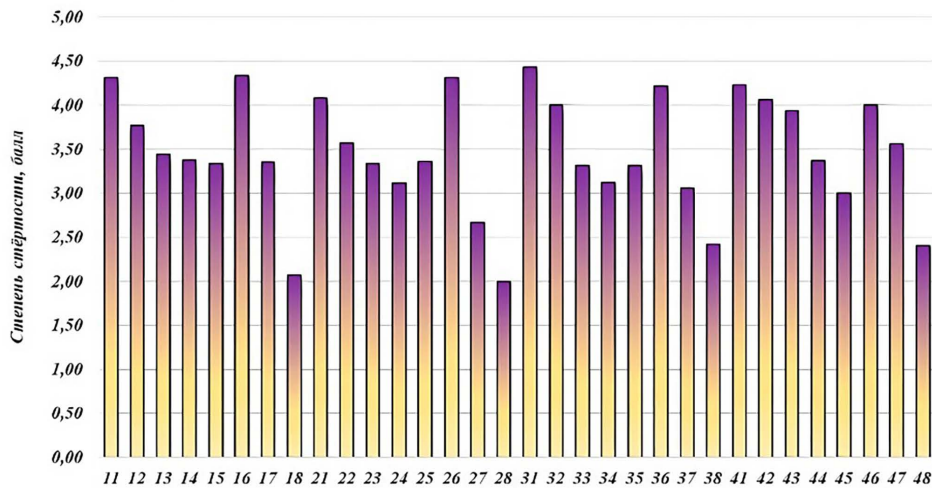
Table 1. The total number of sample

Археологическая культура	Взрослые
Западная кобанская археологическая культура	49
Культурная группа Подкумок-Хумара (сарматское время)	50
Население аланской эпохи	34
Общая численность	133

Усредненная стёртость зубной системы представителей западной кобанской культуры (на каждый зуб)

Усредненная стёртость зубной системы представителей культурной группы Подкумок-Хумара (на каждый зуб)

Усредненная стёртость зубной системы представителей аланской культуры (на каждый зуб)

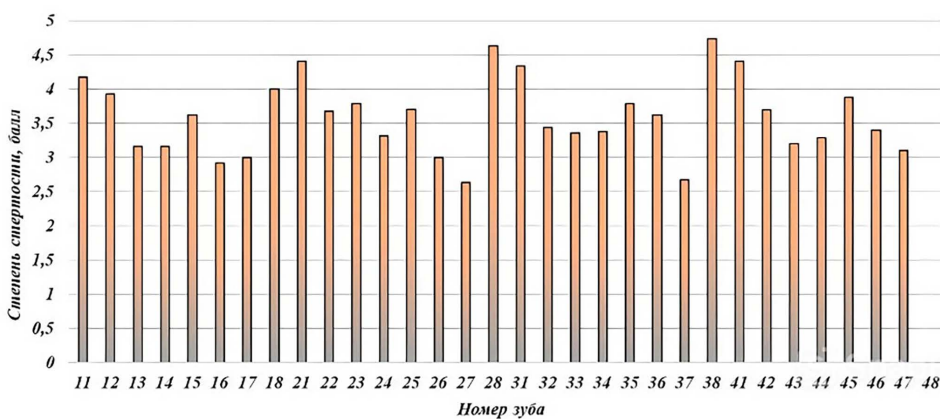

Рис. 1. Схемы распределения стёртости зубной системы представителей кобанского, сарматского и аланского этапов функционирования могильника Заюково-3 (11–28 – зубы верхней челюсти; 31–48 – зубы нижней челюсти)

Fig. 1. Diagrams of tooth wear among representatives of the Koban, Sarmatian, and Alan stages of the Zayukovo-3 burial ground (11–28 – maxillary teeth; 31–48 – mandibular teeth)

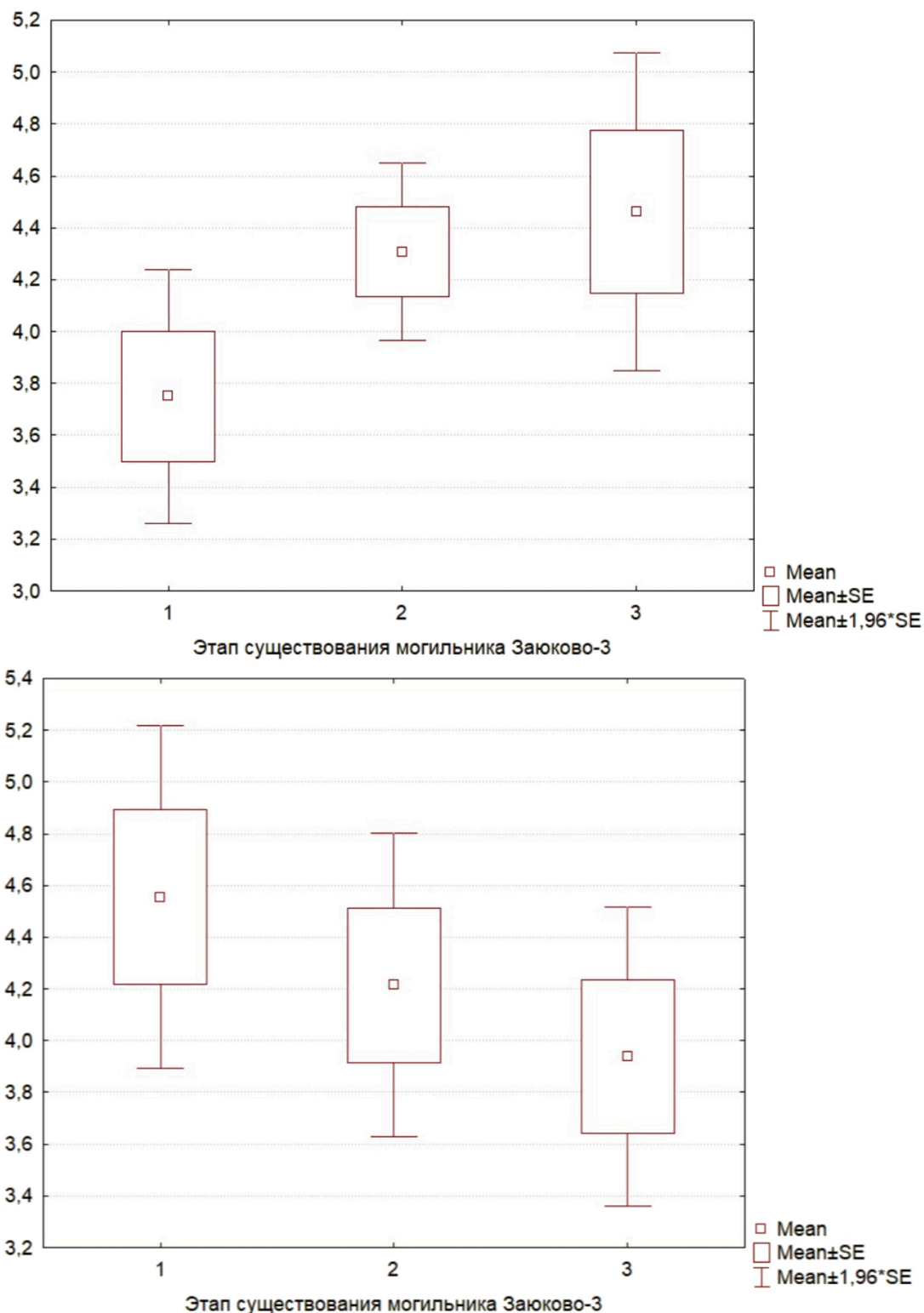

Рис. 2. Различия в степени стертости зубов у представителей трех археологических этапов могильника Заюково-3 (1 – кобанский этап, 2 – сарматский этап, 3 – аланский этап): сверху – по 11-му зубу (центральный резец верхней челюсти с правой стороны), снизу – по 36-му зубу (первый левый моляр нижней челюсти)

Fig. 2. Differences in the degree of tooth wear among three archaeological stages of the Zayukovo-3 burial ground (1 – Koban stage, 2 – Sarmatian stage, 3 – Alan stage): top – tooth 11 (right maxillary central incisor), bottom – tooth 36 (left mandibular first molar)

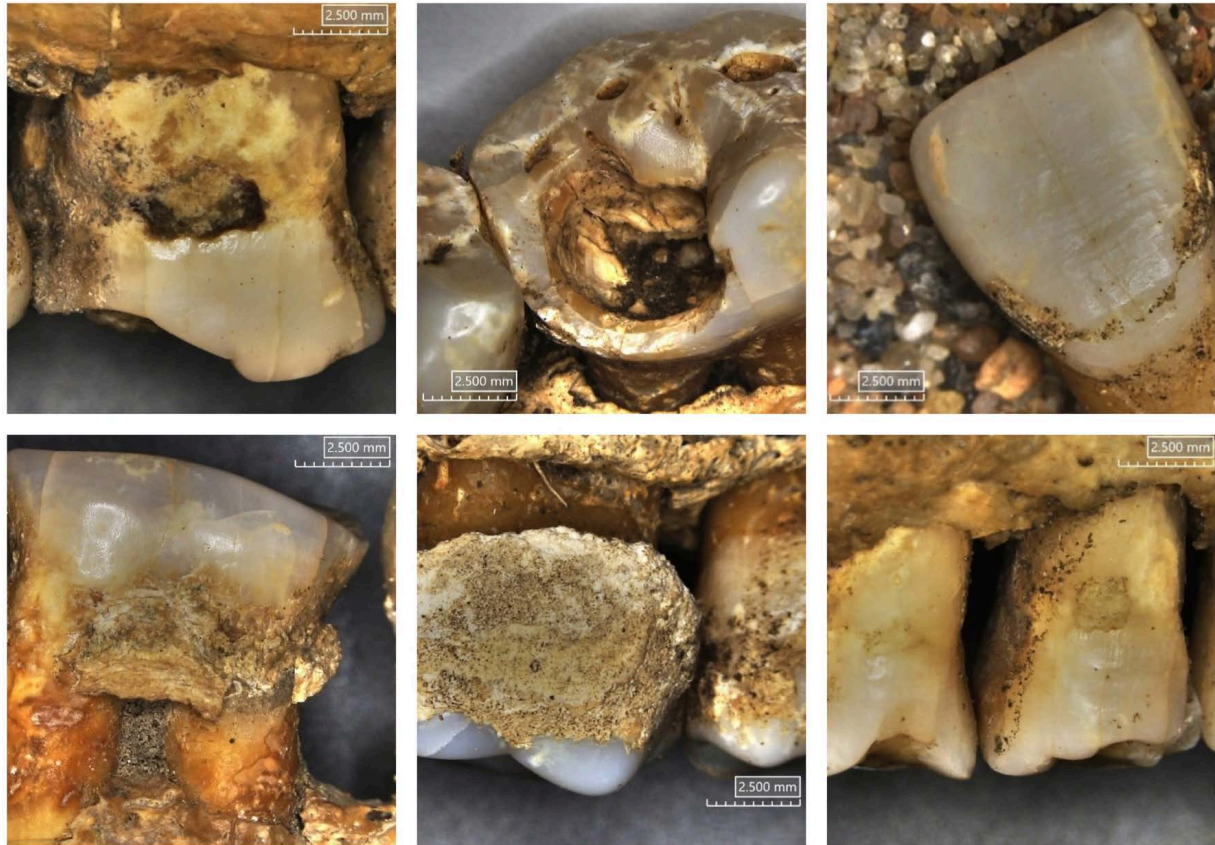
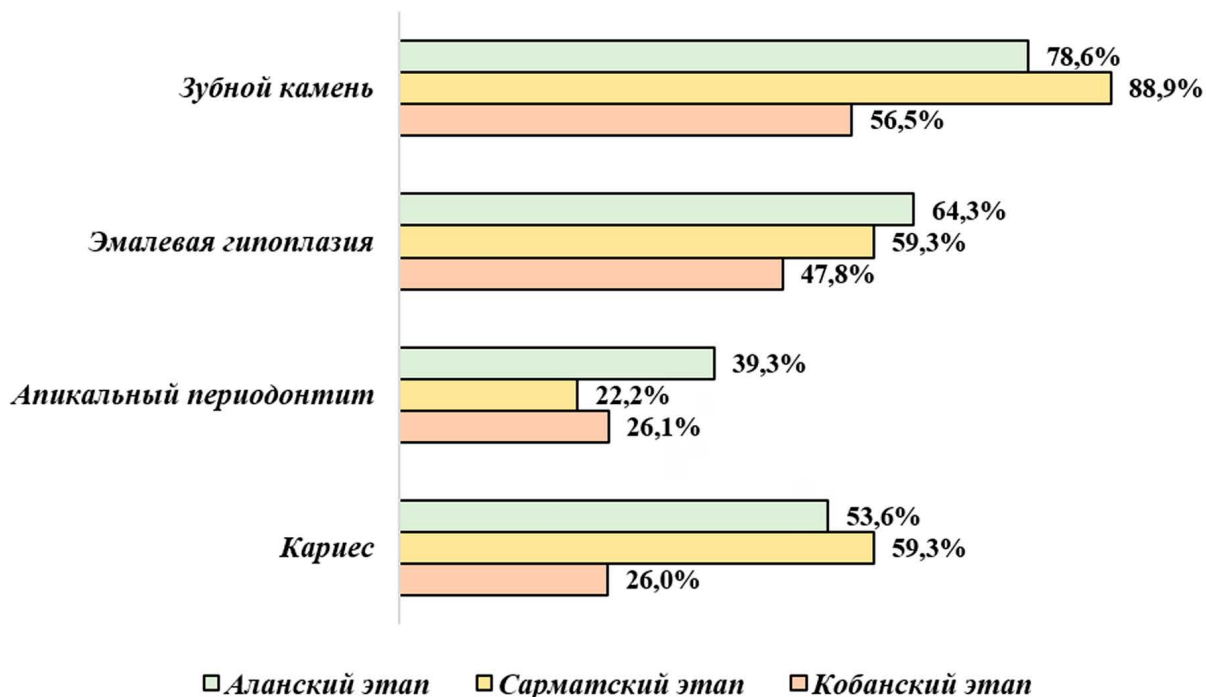

Рис. 3. Ряд 1 (слева направо): пришеечный кариес коронки зуба, кариозное поражение коронки зуба, линейная эмалевая гипоплазия; ряд 2 (справа налево): пародонтопатия; зубной камень, прижизненные сколы эмали

Fig. 3. Row 1 (left to right): cervical caries of the tooth crown, carious lesion of the tooth crown, linear enamel hypoplasia; row 2 (right to left): periodontitis, teeth calculus, ante-mortem enamel chips

Частота патологии в расчете на количество индивидов

Частота патологии в расчете на количество зубов

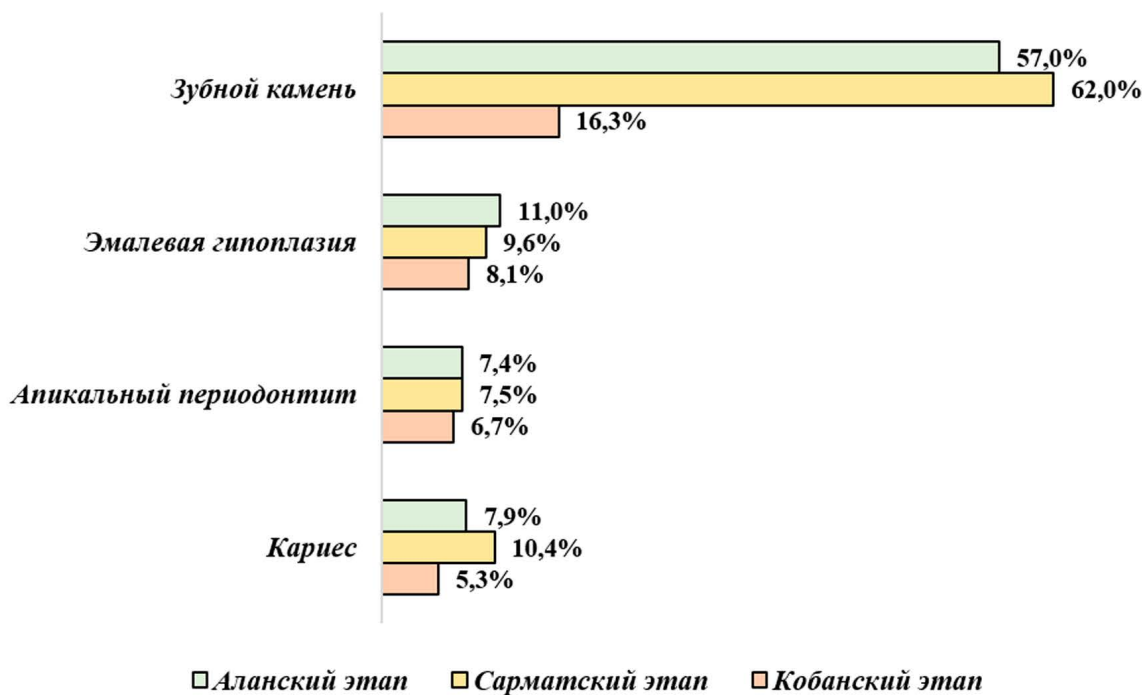

Рис. 4. Распределение частот зубных патологий у представителей разных археологических культур

Fig. 4. Dental pathologies distribution among different archaeological cultures

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алексеев В. П., Дебеч Г. Ф., 1964. Краниметрия: методика антропологических исследований. М. : Наука. 128 с.
- Алексеев В. П., 1966. Остеометрия: методика антропологических исследований. М. : Наука. 251 с.
- Афанасьев Г. Е., Добровольская М. В., Коробов Д. С., Решетова И. К., 2015. Новые археологические, антропологические и генетические аспекты в изучении донских алан // Краткие сообщения Института археологии. № 237. С. 64–79.
- Бабенко А. Н., Добровольская М. В., Васильева Е. Е., Коробов Д. С., 2021. Реконструкция питания и особенностей хозяйства населения Центрального Предкавказья I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. по данным изотопного анализа коллагена остеологических материалов из могильника Кичмалка II // Археология, этнография и антропология Евразии. Т. 49, № 4. С. 80–90. DOI: <https://doi.org/10.17746/1563-0102.2021.49.4.080-090>
- Березина Н. Я., 2010. Демографические особенности раннесредневекового населения Северной Осетии (по материалам могильника Мамисондон) // Вестник Московского университета. Т. 23, № 4. С. 82–87.
- Березина Н. Я., 2023. Антропологические материалы из погребальных комплексов сарматского времени (могильник Вонючка-1, Кавказские Минеральные Воды) // Вестник Московского университета. Вып. 2. С. 92–101. DOI: <https://doi.org/10.32521/2074-8132.2023.2.092-101>
- Бидеева С. М., Макоев Х. Х., 2011. Эколого-географическая оценка территории республики Северная Осетия – Алания // Вестник Регионального отделения Русского Географического общества в Республике Северная Осетия – Алания. № 14. С. 10–11.
- Вагнер-Сапухина Е. А., 2025. Палеопатологические особенности зубочелюстного аппарата населения бронзового века Сальско-Маньчских степей // Нижневолжский археологический вестник. Т. 24, № 1. С. 5–31. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2025.1.1>
- Добровольская М. В., 2013. Population Dynamics in Prehistory and Early History. New Approaches Using Stable Isotopes and Genetics / eds. E. Kaiser, J. Burger, W. Schier. Berlin; Boston, 2012. 353 p. (Topoi; V. 5). ISBN 978-3-11-026629-0 // Российская археология. № 4. С. 168–171.
- Добровольская М. В., Решетова И. К., 2014. Питание носителей традиций салтово-маяцкой культуры в Дону-Донецком междуречье по данным изотопного анализа // Российская археология. № 2. С. 39–47.
- Кадиева А. А., Демиденко С. В., 2017. Раскопки комплекса археологических памятников близ селения Заюково (Кабардино-Балкарская республика) // Вестник Российского фонда фундаментальных исследований. Гуманитарные и общественные науки. Вып. 2. С. 164–171.
- Кадиева А. А., Демиденко С. В., 2025. Браслеты доскифского и скифского периода могильника Заюково-3 (западная кобанская культура) // Кавказ и Циркумпонтийский регион в древности: материалы, исследования, гипотезы / под ред. А. А. Клещенко, М. Т. Кашуба. М. : ИА РАН. С. 94–218.
- Кривошеев М. В., Перерва Е. В., 2017. Воинственность позднесарматских кочевников по данным антропологии и археологии // Военная история России: проблемы, поиски, решения : материалы IV Междунар. науч. конф., посвящ. 75-летию победы в Сталинградской битве, Волгоград, 20–21 окт. 2017 г. В 2 ч. Ч. 2. Волгоград : Изд-во ВолГУ. С. 14–36.
- Малашев В. Ю., Маслов В. Е., 2021. Курганы-кладбища центральных и восточных районов Северного Кавказа III в. до н.э. – начала (первой половины) II в. н.э. (памятники типа Чегем-Манаскент) // Нижневолжский археологический вестник. Т. 20, № 2. С. 81–132.
- Наместникова И. В., Румянцев В. А., Егорова Е. Н., 2016. Влияние характера питания на кислотно-щелочной баланс в полости рта и риск развития стоматологических заболеваний // Экспериментальная и клиническая гастроэнтерология. № 5. С. 12–15.
- Перерва Е. В., 2020. Ранние сарматы IV–III вв. до н.э. с территории Нижнего Поволжья по данным палеопатологии // Нижневолжский археологический вестник. Т. 19, № 2. С. 74–91. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2020.2.4>
- Позовская Е. В., 2018. Вариативная изменчивость зубочелюстной системы человека // Современные проблемы науки и образования. № 4. С. 242.
- Шишлина Н. И., 2015. Идентификация сезонных и длительных миграций населения южнорусских степей и Северного Кавказа в бронзовом веке по данным геохимического анализа // Кавказ как связующее звено между Восточной Европой и Передним Востоком: диалог культуры, культура диалога (к 140-летию Александра А. Миллера). СПб. : ИИМК РАН : Евразийское отд-ние ДАИ : Нев. кн. тип. С. 182–186.

- Bass W. M., 1995. Human Osteology: A Laboratory and Field Manual the Human Skeleton. Missouri : Missouri Archaeological Society. 361 p.
- Brothwell D. R., 1981. Digging up Bones: The Excavation, Treatment, and Study of Human Skeletal Remains. N. Y. : Cornell University Press. 208 p.
- Burgess R. C., Connell G. E., MacLaren C. M., Williams T. A., 1966. Genetic Control of Salivary Protein Composition // Journal of Dental Research. Vol. 45, № 3. P. 613–621. DOI: <https://doi.org/10.1177/002203456604500325>
- Buzhilova A. P., Dobrovolskaya M. V., Mednikova M. B., Bogatenkov D. V., Lebedinskaya G. V., 2018. The Human Bones from Klin-Yar III and IV // Ritual, Society and Population at Klin-Yar (North Caucasus). Excavations 1994–1996 in the Iron Age to Early Medieval Cemetery. Bonn : Rudolf Habelt GmbH. Vol. 36. P. 134–183.
- Cook D. C., Buikstra J. E., 1979. Health and Differential Survival in Prehistoric Populations: Prenatal Dental Defects // American Journal of Physical Anthropology. Vol. 51, № 4. P. 649–664. DOI: <https://doi.org/10.1002/ajpa.1330510415>
- Higham T. et al., 2010. Radiocarbon Dating, Stable Isotope Analysis, and Diet-Derived Offsets in ¹⁴C Ages from the Klin-Yar Site, Russian North Caucasus // Radiocarbon. Vol. 52, № 2. P. 653–670. DOI: <https://doi.org/10.1017/s0033822200045689>
- Holland T. D., O'Brien M. J., 1997. Parasites, Porotic Hyperostosis, and the Implications of Changing Perspectives // American Antiquity. Vol. 62, № 2. P. 183–193.
- Knipper C., Reinhold S., Gresky J. et al., 2020. Diet and Subsistence in Bronze Age Pastoral Communities from the Southern Russian Steppes and the North Caucasus // PLoS ONE. Vol. 15, № 10. P. e0239861. DOI: <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0239861>
- Lukacs J. R., 1992. Dental Paleopathology and Agricultural Intensification in South Asia: New Evidence from Bronze Age Harappa // American Journal of Physical Anthropology. Vol. 87, № 2. P. 133–150. DOI: <https://doi.org/10.1002/ajpa.1330870202>
- Moore W. J., Corbett M. E., 1971. The Distribution of Dental Caries in Ancient British Populations. 1. Anglo-Saxon Period // Caries Research. Vol. 5. P. 151–168.
- Perizonius W. R. K., Pot Tj., 1981. Diachronic Dental Research on Human Skeletal Remains Excavated in the Netherlands. I: Dorestad's Cemetery on 'the Heul' // Berichten van de Rijksdienst voor het Oudheidkundig Bodemonderzoek. Vol. 31. P. 369–413.
- Rose J. C. et al., 1991. Skeletal Database Committee Recommendations. Detroit : Paleopathology Association. 12 p.
- Schultz M., 1988. Paläopathologische Diagnostik // Handbuch der vergleichenden Biologie des Menschen. Band 1: Methoden. Stuttgart : Fischer. P. 480–496.
- Scott A. et al., 2022. Emergence and Intensification of Dairying in the Caucasus and Eurasian Steppes // Nature Ecology & Evolution. Vol. 6. P. 813–822. DOI: <https://doi.org/10.1038/s41559-022-01701-6>
- Srejić M. D., 2001. Dental paleopathology in a Serbian medieval population // Anthropologischer Anzeiger. Vol. 59. P. 113–122.
- Ubelaker D. H., 1978. Human Skeletal Remains: Excavation, Analysis, Interpretation. Chicago : Smithsonian Institution : Adline Publishing Company. 172 p.
- Wei Y., Dang G. P., Ren Z. Y., Wan M. C., Wang C. Y., Li H. B., Zhang T., Tay F. R., Niu L. N., 2024. Recent Advances in the Pathogenesis and Prevention Strategies of Dental Calculus // NPJ Biofilms and Microbiomes. Vol. 10, № 1. P. 56. DOI: <https://doi.org/10.1038/s41522-024-00529-1>
- Weyrich L. S., Dobney K., Cooper A., 2015. Ancient DNA Analysis of Dental Calculus // Journal of Human Evolution. Vol. 79. P. 119–124. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jhevol.2014.06.018>

REFERENCES

- Alekseev V.P., Debetz G.F., 1964. *Kraniometriya: metodika antropologicheskikh issledovaniy* [Cranio-metry: Methodology of Anthropological Research]. Moscow, Nauka Publ. 128 p.
- Alekseev V.P., 1966. *Osteometriya: metodika antropologicheskikh issledovaniy* [Osteometry: Methodology of Anthropological Research]. Moscow, Nauka Publ. 251 p.
- Afanas'ev G.E., Dobrovolskaya M.V., Korobov D.S., Reshetova I.K., 2015. Novye arkheologicheskie, antropologicheskie i geneticheskie aspekty v izuchenii donskikh alan [New Archaeological, Anthropological

- and Genetic Aspects in the Study of Don Alans]. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii* [Brief Communications of the Institute of Archaeology], no. 237, pp. 64-79.
- Babenko A.N., Dobrovol'skaya M.V., Vasil'eva E.E., Korobov D.S., 2021. Rekonstruktsiya pitaniya i osobennostey khozyaystva naseleniya Tsentral'nogo Predkavkaz'ya I tys. do n.e. – I tys. n.e. po dannym izotopnogo analiza kollagena osteologicheskikh materialov iz mogil'nika Kichmalka II [Reconstruction of Diet and Economy of the Population of the Central Ciscaucasia (1st Millennium BCE – 1st Millennium CE) Based on Isotopic Analysis of Collagen from Osteological Materials of the Kichmalka II Burial Ground]. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii* [Archaeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia], vol. 49, no. 4, pp. 80-90. DOI: <https://doi.org/10.17746/1563-0102.2021.49.4.080-090>
- Berezina N.Ya., 2010. Demograficheskie osobennosti rannesrednevekovogo naseleniya Severnoy Osetii (po materialam mogil'nika Mamisonndon) [Demographic Features of the Early Medieval Population of North Ossetia (Based on Materials from the Mamisonndon Burial Ground)]. *Vestnik Moskovskogo universiteta* [Moscow University Bulletin], vol. 23, no. 4, pp. 82-87.
- Berezina N.Ya., 2023. Antropologicheskie materialy iz pogrebal'nykh kompleksov sarmatskogo vremeni (mogil'nik Vonyuchka-1, Kavkazskie Mineral'nye Vody) [Anthropological Materials from Burial Complexes of the Sarmatian Period (Vonyuchka-1 Burial Ground, Caucasian Mineral Waters)]. *Vestnik Moskovskogo universiteta* [Moscow University Bulletin], iss. 2, pp. 92-101. DOI: <https://doi.org/10.32521/2074-8132.2023.2.092-101>
- Bideeva S.M., Makoev Kh.Kh., 2011. Ekologo-geograficheskaya otsenka territorii respubliki Severnaya Osetiya – Alaniya [Ecological-Geographical Assessment of the Territory of the Republic of North Ossetia – Alania]. *Vestnik Regional'nogo otdeleniya Russkogo Geograficheskogo obshchestva v Respublike Severnaya Osetiya – Alaniya* [Bulletin of the Regional Branch of the Russian Geographical Society in the Republic of North Ossetia – Alania], no. 14, pp. 10-11.
- Vagner-Sapukhina E.A., 2025. Paleopatologicheskie osobennosti zubochelestnogo apparata naseleniya bronzovogo veka sal'sko-manychskikh stepey [Dental Paleopathological Features of the Bronze Age Population of the Sal-Manych Steppes]. *Nizhnevolzhskiy arkheologicheskii vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], vol. 24, no. 1, pp. 5-31. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2025.1.1>
- Dobrovol'skaya M.V., 2013. Population Dynamics in Prehistory and Early History. New Approaches Using Stable Isotopes and Genetics / eds. E. Kaiser, J. Burger, W. Schier. Berlin; Boston, 2012. 353 p. (Topoi; V. 5). ISBN 978-3-11-026629-0. *Rossiyskaya arkheologiya* [Russian Archaeology], no. 4, pp. 168-171.
- Dobrovol'skaya M.V., Reshetova I.K., 2014. Pitanie nositeley traditsiy saltovo-mayatskoy kul'tury v Dono-Donetskom mezhdurech'e po dannym izotopnogo analiza [The Nutrition of the Tradition-Bearers of the Saltovo-Mayaki Archaeological Culture in the Don-Donetsk Interfluvial Area Based on the Isotopic Analysis Data]. *Rossiyskaya arkheologiya* [Russian Archaeology], no. 2, pp. 39-47.
- Kadieva A.A., Demidenko S.V., 2017. Raskopki kompleksa arkheologicheskikh pamyatnikov bliz seleniya Zayukovo (Kabardino-Balkarskaya respublika) [Excavations of Archaeological Sites Complex near Zayukovo Village (Kabardino-Balkar Republic)]. *Vestnik Rossiyskogo fonda fundamental'nykh issledovaniy. Gumanitarnye i obshchestvennyye nauki* [Bulletin of Russian Foundation for Basic Research. Humanities and Social Sciences], iss. 2, pp. 164-171.
- Kadieva A.A., Demidenko S.V., 2025. Braslety doskifskogo i skifskogo periodov mogil'nika Zayukovo-3 (zapadnaya kobanskaya kul'tura) [Bracelets of the Pre-Scythian and Scythian Periods from the Zayukovo-3 Burial Ground (Western Koban Culture)]. Kleshchenko A.A., Kashuba M.T., eds. *Kavkaz i Tsirkumpontiyanskiy region v drevnosti: materialy, issledovaniya, gipotezy* [The Caucasus and the Circumpontic Region in Antiquity: Materials, Studies, Hypotheses]. Moscow, IAN RAN, pp. 94-218.
- Krivosheev M.V., Pererva E.V., 2017. Voinstvennost' pozdnesarmatskikh kochevnikov po dannym antropologii i arkheologii [Militancy of the Late Sarmatian Nomads According to Anthropology and Archaeology]. *Voennaya istoriya Rossii: problemy, poiski, resheniya: materialy IV Mezhdunar. nauch. konf., posvyashch. 75-letiyu pobedy v Stalingradskoy bitve, Volgograd, 20–21 okt. 2017 g. V 2 ch.* [Military History of Russia: Problems, Research, Solutions: Materials of the IV International Scientific Conference Dedicated to the 75th Anniversary of the Victory in the Battle of Stalingrad, Volgograd, October 20–21, 2017. In 2 parts]. Part 2. Volgograd, VolSU, pp. 14-36.
- Malashev V.Yu., Maslov V.E., 2021. Kurgany-kladbishcha tsentral'nykh i vostochnykh rayonov Severnogo Kavkaza III v. do n.e. – nachala (pervoy poloviny) II v. n.e. (pamyatniki tipa Chegem-Manaskent) [Burial Mound Cemeteries of the Central and Eastern Regions of the North Caucasus from the 3rd Century BC to the Beginning

- (First Half) of the 2nd Century AD (Sites of the Chegem-Manaskent Type)]. *Nizhnevolzhskiy arkheologicheskij vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], vol. 20, no. 2, pp. 81-132.
- Namestnikova I.V., Rumyantsev V.A., Egorova E.N., 2016. Vliyanie kharaktera pitaniya na kislotno-shchelochnoy balans v polosti rta i risk razvitiya stomatologicheskikh zabolovaniy [The Influence of the Diet on the Acid-Alkaline Balance in the Oral Cavity and the Risk of Dental Diseases]. *Eksperimental'naya i klinicheskaya gastroenterologiya* [Experimental and Clinical Gastroenterology], no. 5, pp. 12-15.
- Pererva E.V., 2020. Rannie sarmaty IV–III vv. do n.e. s territorii Nizhnego Povolzh'ya po dannym paleopatologii [Paleopathology Data on the Early Sarmatians of 4th – 3rd Centuries BC from the Lower Volga Region]. *Nizhnevolzhskiy arkheologicheskij vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], vol. 19, no. 2, pp. 74-91. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2020.2.4>
- Pozovskaya E.V., 2018. Variativnaya izmenchivost' zubochelyustnoy sistemy cheloveka [Variable Variability of Human Dental System]. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya* [Modern Problems of Science and Education], no. 4, p. 242.
- Shishlina N.I., 2015. Identifikatsiya sezonnykh i dlitel'nykh migratsiy naseleniya yuzhnorusskikh stepey i Severnogo Kavkaza v bronzovom veke po dannym geokhimicheskogo analiza [Identification of Seasonal and Long-Term Migrations of Southern Russian Steppes and North Caucasus Population in Bronze Age Based on Geochemical Analysis]. *Kavkaz kak svyazyvayushchee zveno mezhdru Vostochnoy Evropoy i Perednim Vostokom: dialog kul'tury, kul'tura dialoga (k 140-letiyu Aleksandra A. Millera)* [Caucasus as Connecting Link Between Eastern Europe and Near East: Culture Dialogue, Dialogue Culture (to 140th Anniversary of Alexander A. Miller)]. Saint Petersburg, IHNC RAS, Eurasien-Abteilung DAI, Nev. kn. tip. Publ., pp. 182-186.
- Bass W.M., 1995. *Human Osteology: A Laboratory and Field Manual of the Human Skeleton*. Missouri, Missouri Archaeological Society. 361 p.
- Brothwell D.R., 1981. *Digging up Bones: The Excavation, Treatment, and Study of Human Skeletal Remains*. New York, Cornell University Press. 208 p.
- Burgess R.C., Connell G.E., MacLaren C.M., Williams T.A., 1966. Genetic Control of Salivary Protein Composition. *Journal of Dental Research*, vol. 45, no. 3, pp. 613-621. DOI: <https://doi.org/10.1177/002203456604500325>
- Buzhilova A.P., Dobrovolskaya M.V., Mednikova M.B., Bogatenkov D.V., Lebedinskaya G.V., 2018. The Human Bones from Klin-Yar III and IV. *Ritual, Society and Population at Klin-Yar (North Caucasus): Excavations 1994–1996 in the Iron Age to Early Medieval Cemetery*. Bonn, Rudolf Habelt GmbH, vol. 36, pp. 134-183.
- Cook D.C., Buikstra J.E., 1979. Health and Differential Survival in Prehistoric Populations: Prenatal Dental Defects. *American Journal of Physical Anthropology*, vol. 51, no. 4, pp. 649-664. DOI: <https://doi.org/10.1002/ajpa.1330510415>
- Higham T. et al., 2010. Radiocarbon Dating, Stable Isotope Analysis, and Diet-Derived Offsets in ¹⁴C Ages from the Klin-Yar Site, Russian North Caucasus. *Radiocarbon*, vol. 52, no. 2, pp. 653-670. DOI: <https://doi.org/10.1017/s003822200045689>
- Holland T.D., O'Brien M.J., 1997. Parasites, Porotic Hyperostosis, and the Implications of Changing Perspectives. *American Antiquity*, vol. 62, no. 2, pp. 183-193.
- Knipper C., Reinhold S., Gresky J., et al., 2020. Diet and Subsistence in Bronze Age Pastoral Communities from the Southern Russian Steppes and the North Caucasus. *PLoS ONE*, vol. 15, no. 10, p. e0239861. DOI: <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0239861>
- Lukacs J.R., 1992. Dental Paleopathology and Agricultural Intensification in South Asia: New Evidence from Bronze Age Harappa. *American Journal of Physical Anthropology*, vol. 87, no. 2, pp. 133-150. DOI: <https://doi.org/10.1002/ajpa.1330870202>
- Moore W.J., Corbett M.E., 1971. The Distribution of Dental Caries in Ancient British Populations: 1. Anglo-Saxon Period. *Caries Research*, vol. 5, pp. 151-168.
- Perizonius W.R.K., Pot Tj., 1981. Diachronic Dental Research on Human Skeletal Remains Excavated in the Netherlands: I. Dorestad's Cemetery on 'the Heul'. *Berichten van de Rijksdienst voor het Oudheidkundig Bodemonderzoek*, vol. 31, pp. 369-413.
- Rose J.C. et al., 1991. *Skeletal Database Committee Recommendations*. Detroit, Paleopathology Association. 12 p.
- Schultz M., 1988. Paläopathologische Diagnostik. *Handbuch der vergleichenden Biologie des Menschen*, Band 1: Methoden. Stuttgart, Fischer, pp. 480-496.

- Scott A. et al., 2022. Emergence and Intensification of Dairying in the Caucasus and Eurasian Steppes. *Nature Ecology & Evolution*, vol. 6, pp. 813-822. DOI: <https://doi.org/10.1038/s41559-022-01701-6>
- Srejić M.D., 2001. Dental paleopathology in a Serbian medieval population. *Anthropologischer Anzeiger*, vol. 59, pp. 113-122.
- Ubelaker D.H., 1978. *Human Skeletal Remains: Excavation, Analysis, Interpretation*. Chicago, Smithsonian Institution, Adline Publishing Company. 172 p.
- Wei Y., Dang G.P., Ren Z.Y., Wan M.C., Wang C.Y., Li H.B., Zhang T., Tay F.R., Niu L.N., 2024. Recent Advances in the Pathogenesis and Prevention Strategies of Dental Calculus. *NPJ Biofilms and Microbiomes*, vol. 10, no. 1, p. 56. DOI: <https://doi.org/10.1038/s41522-024-00529-1>
- Weyrich L.S., Dobney K., Cooper A., 2015. Ancient DNA Analysis of Dental Calculus. *Journal of Human Evolution*, vol. 79, pp. 119-124. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jhevol.2014.06.018>

Information About the Authors

Alla A. Perevozchikova, Postgraduate Student, Department of Anthropology, Lomonosov Moscow State University, Leninskie Gory St, 1, Bld. 12, 119991 Moscow, Russian Federation; Researcher, Senior Specialist, Research Institute and Museum of Anthropology, Mokhovaya St, 11, Bld. 1, 119019 Moscow, Russian Federation, allarevik@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0008-4589-3304>

Natalya N. Goncharova, Candidate of Sciences (Biology), Associate Professor, Department of Anthropology, Lomonosov Moscow State University, Leninskie Gory St, 1, Bld. 12, 119991 Moscow, Russian Federation, goncharovann@my.msu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8504-1175>

Natalia Ya. Berezina, Candidate of Sciences (Biology), Senior Researcher, Senior Specialist, Research Institute and Museum of Anthropology, Mokhovaya St, 11, Bld. 1, 119019 Moscow, Russian Federation, berezina.natalia@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-5704-9153>

Информация об авторах

Алла Александровна Перевозчикова, аспирант кафедры антропологии, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, ул. Ленинские горы, 1, стр. 12, 119991 г. Москва, Российская Федерация; сотрудник, старший специалист, НИИ и Музей антропологии им. Д.Н. Анучина (МГУ), ул. Моховая, 11, стр. 1, 119019 г. Москва, Российская Федерация, allarevik@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0008-4589-3304>

Наталья Николаевна Гончарова, кандидат биологических наук, доцент кафедры антропологии, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, ул. Ленинские горы, 1, стр. 12, 119991 г. Москва, Российская Федерация, goncharovann@my.msu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8504-1175>

Наталья Яковлевна Березина, кандидат биологических наук, старший научный сотрудник, старший специалист, НИИ и Музей антропологии им. Д.Н. Анучина (МГУ), ул. Моховая, 11, стр. 1, 119019 г. Москва, Российская Федерация, berezina.natalia@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-5704-9153>

DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2026.1.5>UDC 902.01:903.8
LBC 63.444(2)-424Submitted: 06.04.2025
Accepted: 01.09.2025

CHRONOLOGY OF THE FINAL OF THE ROMNY CULTURE “POSEMYE” BASED ON NUMISMATIC MATERIALS

Vladimir V. Enukov

Kursk State University, Kursk, Russian Federation

Abstract. This article examines the hypothesis linking late hoards of dirhams from “Posemye,” the regions of the Seversk land, with the decline of the Romny culture resulting from the spread of the Old Russian culture. This territory is characterized by a significant concentration of hoards containing round cut-outs from Arabic coins, which has been confirmed through mapping. In the first stage of the study, a compact chronological group of hoards (974/975–990/991 AD), comprising 14 out of the 30 recorded complexes, was identified based on the latest coins (t.p.q.). The hoard concentration within such a narrow time frame supports the hypothesis of a military cataclysm that accompanied the incorporation of this “tribal” territory into Rus’. The second stage was dedicated to the analysis of the metrological characteristics of the round cut-outs. It has been established that in circulation, the size of a coin took priority over its weight. This indicates the existence of a monetary system oriented towards piece-by-piece acceptance. Large payments were presumably conducted by weighing batches of coins. The chronological significance of the placement of the cut on the coin has been revealed: if initially they were made only from the central part of the coin field, then from the 970s onwards, cut-outs from the edges became predominant. The study of their dimensions made it possible to determine the rate of their reduction. The identification of modal diameter values within the complexes, combined with numismatic dating, contributed to the refinement of the hoards’ chronology. The peak of their deposition falls in the 980s; by the end of that decade, this original monetary system rapidly disappears. The violent nature of these events finds confirmation in archaeological data: all investigated Romny hillforts show evidence of fire at their final stage of existence. Life at these sites either ceased for a long period or was never revived. Among the known chronicle accounts, the situation described finds the closest correspondence in the campaign of Vladimir Svyatoslavich against Volga Bulgaria in 985 AD.

Key words: Romny culture, Old Russian culture, “Posemye”, round cut-outs of dirhams, chronology.

Citation. Enukov V.V., 2026. Hronologiya finala romenskoj kul'tury «Posem'ya» po materialam numizmatiki [Chronology of the Final of the Romny Culture “Posemye” Based on Numismatic Materials]. *Nizhnevolzhskij Arkheologicheskij Vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], vol. 25, no. 1, pp. 100-122. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2026.1.5>

УДК 902.01:903.8
ББК 63.444(2)-424Дата поступления статьи: 06.04.2025
Дата принятия статьи: 01.09.2025

ХРОНОЛОГИЯ ФИНАЛА РОМЕНСКОЙ КУЛЬТУРЫ «ПОСЕМЬЯ» ПО МАТЕРИАЛАМ НУМИЗМАТИКИ

Владимир Васильевич Енуков

Курский государственный университет, г. Курск, Российская Федерация

Аннотация. В статье проверяется гипотеза о связи поздних кладов дирхемов одной из областей Северной земли – «Посемья» с финалом роменской культуры в результате распространения древнерусской. Для этой территории характерна значительная концентрация кладов с круглыми вырезками из арабских монет, что подтверждено картографированием. На первом этапе исследования по младшим монетам выделена компактная хронологическая группа кладов (974/975–990/991 гг.), включающая 14 комплексов из 30 учтенных. Скопление кладов в узком временном интервале служит аргументом в пользу гипотезы о военном катаклизме, сопровождавшем вхождение «племенной» территории в состав Руси. Второй этап посвящен анализу

метрологических характеристик круглых вырезок. Установлено, что в обращении размер монеты имел приоритет над весом. Это свидетельствует о существовании денежной системы, ориентированной на поштучный прием. Крупные платежи предположительно осуществлялись посредством взвешивания партий монет. Выявлена хронологическая значимость места вырезки: если в начальный период их изготавливали только из центральной части монетного поля, то с 970-х гг. господствующими становятся краевые вырезки. Изучение размеров дало возможность определить темпы их уменьшения. Выделение в комплексах модальных значений диаметров в сочетании с нумизматическими датировками способствовало уточнению хронологии кладов. Пик их сокрытия приходится на 980-е гг.; к концу этого десятилетия оригинальная денежная система быстро исчезает. Насильственный характер событий находит подтверждение в данных археологии: все исследованные роменские городища на финальном этапе несут следы пожаров. Жизнь на них либо надолго прерывается, либо так и не возрождается. Наиболее близким к описанной ситуации из летописных сообщений представляется поход Владимира Святославича на Волжскую Булгарию в 985 году.

Ключевые слова: роменская культура, древнерусская культура, «Посемье», круглые вырезки из дирхемов, хронология.

Цитирование. Енуков В. В., 2026. Хронология финала роменской культуры «Посемья» по материалам нумизматики // Нижневолжский археологический вестник. Т. 25, № 1. С. 100–122. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2026.1.5>

Среди восточнославянских археологических культур предгосударственного периода роменская стоит в ряду крупнейших как по количеству памятников (около 950), так и по территории. В ареале роменских древностей выделяются три основные зоны концентрации (рис. 1), которые традиционно связываются с северянами, вятичами и радимичами, хотя историко-археологические свидетельства локализации последних сегодня вызывают сомнения [Енуков, 2023, с. 90, 91]. Нередко финал роменской культуры обобщенно датируется концом X – началом XI в., причем к этому же периоду обычно относят и начало древнерусской культуры [Енуков, Раздорский, 2015, с. 51–53]. В настоящее время ясно, что в разных регионах этот переход, отражающий включение «племенных» территорий в состав Руси, был асинхронным и колебался от конца IX в. [Григорьев, 1988, с. 73, 74; 1993] в Черниговском Подесенье (ниже устья Сейма) до первой половины XII столетия в Москворечье [Гоняный, 1999]. Однако для большей части роменского ареала вопросы региональной хронологии остаются дискуссионными. Идеальным полигоном для такого рода исследований является «Посемье» летописей, занимавшее междуречье Сейма с притоками и Псла и представлявшее собой в «племенную» эпоху один из наиболее развитых регионов Северской земли [Енуков, 2005, с. 51–306]. Его отличает нигде более не отмеченная концентрация памятников (более 300), специфическая система расселения, неплохая изученность и

большое количество кладов дирхемов. Переход от роменской культуры к древнерусской сопровождался гибелью в пожарах городищ и их последующим запустением, резкой сменной поселенческой структуры и погребального обряда, появлением нового комплекса украшений. Мысль о том, что поздние клады являются следствием катаклизма, высказывалась давно [Енуков, 2008а, с. 131–135; Шпилев, 2008, с. 194–195]. Появилось и оппозиционное мнение. А.В. Зорин и Г.Ю. Стародубцев * пришли к выводу о невозможности использовать для хронологических выводов нумизматику, так как в X в. 15 учтенных ими кладов имеют разброс в 40 лет и хронологически не концентрируются. К числу недостатков нумизматики отнесены плохая сохранность по разным причинам части монет и неполный состав дошедших до нас комплексов [Зорин, Стародубцев, 2021, с. 80–82].

Оставим в стороне последние возражения, так как те или иные недостатки обычны для источников любых наук, а также детальный разбор погрешностей (пробелы в перечне кладов, отнесение Погребного 876 г. к 970-м гг., неверное t.p.q. Шпилевки, его отсутствие в Шеховцово и т. д.). Сегодня назрела необходимость нового обращения к этой теме ввиду увеличения базы данных и совершенствования методики анализа. Целью работы является проверка гипотезы о связи поздних кладов «Посемья» с финалом роменской культуры.

Рассмотрим клады X в. с учетом хронологии младших монет. В «Посемье» известен

31 комплекс этого времени (рис. 1, табл. 1)¹, однако был опущен клад из Зорино с обобщенной датой (рис. 2). Комплексы № 1–16 (910–960-е гг.) показывают практически равномерное выпадение по десятилетиям, которые, однако, в 930-х гг. имеют разрыв. Иную картину дают клады № 17–30 (середина 970-х – 980-е гг.), когда общий тренд демонстрирует довольно резкое «падение».

Обратимся к «переломным» участкам в распределении комплексов, для чего следует коснуться вопросов поступления куфических монет в Восточную Европу. В X в. дирхемы первоначально поступали в Волжскую Булгарию [Нунан, 2004], откуда через Поочье попадали в «Посемье» [Енуков, 2005, с. 146–158]. Эти три региона обладают значительной концентрацией кладов [Гомзин, 2012, рис. 3], составляя звенья логистической цепочки с дальнейшим выходом по Десне на Русь, при этом «Посемье» превратилось в мощную перевалочную базу в движении серебра на Чернигов и Киев [Фомин, 1988, с. 76–78]. Переход из Волжского бассейна в Днепровский был облегчен ввиду уникального природного явления: реки двух разных гидросистем – Оки, Сновы и Свапы – брали свое начало из обширного Самодуровского озера (рис. 1) [Чубур, Гурьянов, 2020].

В свое время А.В. Фомин отметил значительное сокращение с 930-х гг. ввоза дирхемов в Восточную Европу [Фомин, 1995, с. 67]. В свою очередь, А.А. Гомзин выделил в Поочье лагуну 930–940-х гг., хотя серебро в другие регионы продолжало поступать [Гомзин, 2011, с. 7, 8; 2013, с. 171]. Клады с t.p.q. 930-х гг. отсутствуют также в Волжской Булгарии и «Посемье» [Гомзин, 2012, рис. 3, № 25–31; Lebedev, 2021, № 79; Енуков, 2023, рис. 2]. Ответ на вопрос о верхней границе лагуны находится вне нашей темы: важнее факт ее неслучайности в «Посемье».

Известен и еще один период осложнений в денежном обращении Восточной Европы. По А.В. Фомину отложение комплексов с t.p.q. 960-е гг. сократилось в 12 раз по сравнению с 950-ми и 970-ми гг. [Фомин, 1995, с. 67]. Сегодня количество известных кладов этого времени увеличилось [Гомзин, 2012, рис. 3, № 68–70; Lebedev, 2021, № 24, 25, 61–63], однако оказывается близким к 930-м годам. В Вол-

жской Булгарии и Поочье о наличии комплексов этого времени неизвестно, что, как полагает А.А. Гомзин, стало следствием похода Святослава [Гомзин, 2013, с. 176]. В «Посемье» из кладов этого периода особое внимание своей нумизматической датой привлекает Шпилевка (№ 14), что, однако, требует пояснений. А.К. Марков суммарно датировал комплекс 904–966 гг., хотя в перечне указывал мерванидский дирхем Мумаххид ад-Даула [Марков, 1910, с. 52, 53], который не имеет к нему отношения [Енуков, Лебедев, 2011, с. 50–54; Быков, 2014, прим. 18–1]. В результате t.p.q. клада определяют саманидские дирхемы 966/967 года. Видимо, Шпилевка принадлежит к кругу указанных выше немногочисленных кладов. Что касается Коренной пустыни и Красниково 1-го, 1978, 2005 гг., то на этом этапе исследования их точное положение на общем тренде определить невозможно ввиду интервальных датировок.

Итак, клады «Посемья» по t.p.q. показывают «плавное» распределение, соотносимое с естественным выпадением на протяжении заметной части X в., которое нарушается дважды, в 930-е и 960-е – начале 970-х гг., по общим для восточноевропейского рынка причинам. Далее следует значительная группа комплексов (всего 14 или около половины учтенных) с нумизматической датировкой середина 970-х – 980-е гг. (рис. 2, 17–29), которая в дальнейшем для удобства будет определяться как «группа поздних кладов» (далее – ГПК). Столь значительная доля в рамках узкой хронологии соответствует гипотезе о катастрофическом финале роменской культуры, а отсутствие в «Посемье» кладов с t.p.q. позднее 990/991 г. служит еще одним аргументом в ее пользу.

Следующий этап изысканий необходимо предварить замечаниями. В литературе нередко круглые вырезки из дирхемов определяются как «роменские» или «северянские», однако подавляющее большинство кладов с ними располагается на ограниченной части Северной земли – в «Посемье»² (рис. 1). Связь столь специфического денежного обращения именно с «семцами» / «семечами» засвидетельствована находками на их поселениях как целого ряда кладов (Ратский, Переверзево, Воробьевка 2-я, Жидеевка, Шуклинка,

Кудеярова гора, Жерновец), так и разрозненных монет. В свою очередь, в «Посемье» вырезки отсутствуют только в самых ранних комплексах: Красниково 1-е, 2017 г., Шеховцово, 1937 г., Береза, 1974 г. (рис. 2, табл. 1).

Датировка «кругляшков» часто затруднена из-за обрезки информативной части дирхемов, а также специфики чекана подражаний, однако при этом появляются дополнительные возможности для относительных хронологических дефиниций. Метрологические параметры вырезок – вес и размер – неизбежно порождают вопрос о приоритете. Р.Р. Фасмер, первым обратившийся к метрологии, высказал предположение о большей роли последнего [Vasmer, 1929, S. 23]. В.Л. Янин основное внимание уделил весу [Янин, 1956, с. 141–152]. А.В. Назаренко, касаясь вырезок, также использовал «весовой» подход [Назаренко, 1996, с. 47–49]. П.Н. Петров и В.А. Калинин наряду с весом уделили внимание средним диаметрам. Было выделено четыре стандарта, в которых обе характеристики выступают во взаимосвязи, что определило обращение вырезок как «штучно-весовое» [Петров, Калинин, 2004, с. 209, 210]. Новый этап исследований был открыт публикациями В.П. Лебедева, который показал постепенное падение веса, оставив за ним ведущую роль, хотя анализировал и размерность (см. ссылки на статьи в табл. 1). В то же время намечается хронология диаметров вырезок [Гоглов, 2022, табл. 1], появляется вывод об ориентации на размер при производном от него весе [Лебедев и др., 2019, с. 39], что подтверждается отраженными в графиках расчетами [Енуков, Гоглов, 2025].

Наглядно это демонстрирует Шуклинский клад, выделяющийся сохранностью, привязкой к конкретному объекту селища и репрезентативностью (469 вырезок), что устраняет случайные отклонения. На графике веса краевых вырезок (рис. 3,А) имеется пик в 0,6 г, однако правое плечо растянуто, со ступеньками, заметная часть монет превышает модальный вес. Более ломаным выглядит график веса центровых вырезок: отмечаются пики в 0,6 и 0,7 г, у пятой части вес превышает 0,95 г при пике 1,0 г. График без учета места изготовления вырезок несколько сглаживается, однако имеет два пика и ступенчатое правое крыло. Теоретически отсюда должен следо-

вать вывод о том, что при ведущих «нормах» 0,6–0,7 г в клад попала серия более тяжелых и, соответственно, более ранних вырезок, в первую очередь центровых. Однако его опровергает анализ размеров: диаметры всех трех вариантов имеют выраженную моду 13,5 мм при практически нормальном распределении по закону Гаусса (рис. 3,Б). «Упорядоченный» вид этих графиков можно объяснить следующим: дирхемы по краям утоньшались, а подражания вообще были легче по сравнению с оригиналами [Гоглов, 2020, с. 40–42], поэтому вырезки одинакового размера дают разброс по весу. Пример Шуклинки показывает приоритет размера над весом, а также правомерность опоры на средний диаметр без учета места вырезки.

Обратимся к размерности вырезок, наряду с которыми учитывались отчеканенные в уменьшенном формате подражания, явно находившиеся в обороте синхронно. В целом соотношение двух видов артефактов является самостоятельной темой и не рассматривалось. Количество кладов, пригодных для анализа, сократилось из-за недостатка в ряде случаев сведений по метрологии и хронологии, при этом добавлены комплексы, явно связанные с денежным обращением «Посемья» ввиду господства в их составах «кругляшков» варианта 1 (М. Боршево, Рождественка, Шебекино, Безлюдовка) (табл. 1). В общей сложности в них насчитывается 5 016 «кругляшков» (95,6 % выборки), 83 половинки (1,7 %), 62 сегмента разной величины и бесформенных обломка (1,1 %). Отклонение от господствующей традиции составляет крайне небольшую долю (4,4 %), которая не могла влиять на облик денежного обращения.

Таблица, построенная с использованием метода сериации³, подтверждает картину, полученную на основе эталонной Шуклинки (табл. 3). При двух модах веса [Колода и др., 2014, с. 27; Лебедев и др., 2019, с. 22] мономодальность размеров отмечена, что показательно, в крупнейших кладах – Безлюдовке и Мазеповке. Естественно, при уменьшении количества наблюдений возрастает статистическая погрешность, однако похожая картина присутствует в М. Боршево, Воробьевке 2-й, Гремячке, кладе из Восточной Латвии, Жерновце, Волобуево, Кудеяровой горе. В некоторых

случаях (Рождественка, Ратский, Переверзево, Курск 1998–1999 гг.) отмечается мономодальность обоих показателей, что не противоречит выводу о большей «чувствительности» к хронологическим изменениям размерности, нежели веса.

Для проверки предположения о значимости места вырезки на примере Шуклинки сравним доли центровых и краевых вырезок в кладах (табл. 2) с размерностью (табл. 3). До 950-х гг. использовались только центровые, которые постепенно подрезались. Исключение вроде бы представляет собой только Железногорский клад с нумизматической датой 944–954 гг., однако он по своей размерности переместился в ГПК (табл. 3), справедливость чего подтверждается присутствием в его составе более половины краевых вырезок (табл. 2). Появление последних фиксируется только в середине 970-х гг. (Воробьевка 2-я), а начиная с Беседино они в основном преобладают; причем интересно отклонение от этого тренда – в одном из самых поздних по размерности кладов, Волобуево, их доля была около половины. Объяснить эти факты без постепенной «подгонки» под новые ориентиры сложно, что особенно показательно для центровых вырезок. Можно предположить, что краевые вырезки изготавливались из относительно «свежих» поступлений, когда из одной монеты можно было получить до трех вырезок, тогда как центровые сохранялись в обращении после новой обрезки. Однако сразу оговорюсь: эта гипотеза требует специального исследования. Так или иначе, на конкретных примерах монет уже выделялись признаки вторичной обрезки [Гоглов, Лебедев, 2020, с. 18, рис. 8]. В результате на уровне сегодняшней источниковой базы можно полагать, что центровые вырезки использовались на протяжении всего периода денежного обращения, а краевые характерны только для ГПК и фактически являются хронологическим признаком. В свою очередь, при анализе размерности корректнее использовать диаметр без деления по месту изготовления, но с учетом «овальности» вырезок – его среднее значение, что и было сделано.

Впервые в «Посемье» вырезки появляются в Беловском 1-м кладе, в котором отсутствуют доли разной размерности более

10 %, что, вполне вероятно, объясняется первым опытом такого рода. В двух кладах (Рождественка, М. Боршево), близких по t.p.q. к Беловскому 1-му, уже отчетливо фиксируются моды 22,5 и 22,0 мм, хотя в последнем присутствует слабовыраженный пик в 20 мм. В Шебекино преобладает диаметр 21,5 мм при дискретных колебаниях как в большую, так и в меньшую стороны, что, судя по всему, является следствием малого количества монет. Мода Безлюдовки составляет уже 20,0 мм, причем у трети монет диаметр уменьшился до 19,5–19,0 мм, что заметно сближает этот комплекс с более поздней по t.p.q. Мазеповкой. Размеры вырезок большей части кладов 940–950-х гг. известны с увеличенным шагом, но в них также наблюдается постепенное уменьшение этого параметра: в кладах 940-х гг. моды приходятся на 20,0–19,0 мм, в следующем десятилетии – на 18,0–17,0 мм.

В целом вырезки из кладов 920–950-х гг. демонстрируют постепенное уменьшение размеров со скоростью до 2 мм в десятилетие при тяготении к мономодальности, четко выраженной в представительных комплексах. «Хвост» в Мазеповке из вырезок большего размера, как и в некоторых других случаях, объясняется, вероятно, сохранившимися по каким-то причинам из предшествующего оборота монетами, причем их доли часто крайне невелики.

Далее следует многочисленная ГПК с модами от 16,5 мм и t.p.q. от середины 970-гг. до конца 980-х гг. (13 из 22 учтенных). Рассмотрим их в порядке уменьшения размерности (табл. 3). Воробьевка 2-я с модой 16,5 мм несет признаки архаичности, что проявляется в определенной близости к предшествующим комплексам Переверзево и Курска 1998–1999 гг. с модами 17,0–18,0 мм и в господстве центровых вырезок: в первом присутствовала заметная доля монет в 16,0 мм, во втором – артефакты даже в 15,0 мм (табл. 3). Это вроде бы указывает на замедление темпов обрезки, однако клады Железногорский и Гремячка «отыгрывают сданные позиции». Отмечу, что в их составе присутствовали заметные доли (более 10 %) вырезок меньшего формата, вплоть до 14,0–13,5 мм, с большими, по сравнению с Воробьевкой 2-й, долями краевых вырезок.

Размерность Красниково I-е 1978, 2005 гг. и Ратманово показывает бимодальность, что, вероятнее всего, стало следствием крайней малочисленности монет, значительно повышающим вероятность статистической погрешности. Однако в этих кладах, хотя и пунктирно, фиксируется дальнейшее уменьшение вырезок до пика в 14,0 мм, который определяет мономодальность следующего, уже представительного клада из Беседино. Его формирование было, видимо, растянуто во времени, что проявляется в небольшой серии монет диаметром 21,0–23,5 мм. Однако более четверти вырезок имели диаметр 13,5 мм, который определяет размерность следующих пяти кладов (Шуклинка, Курский-2017-1, Восточная Латвия, Жерновец, Гускарский). Некоторое исключение представляет только последний, где есть дополнительные пики в 12,0 и 11,0 мм, что явно отражает дискретный характер последних вкладов. Ведущий пик в 12,5 мм в Волобуево нарушает постепенность процесса сокращения диаметров, однако значительная часть вырезок (60,7 %) имела большие размеры со вторым пиком в 13,5 мм. Кудеярова гора демонстрирует мономодальность в 10,5 мм с заметным отрывом от предшественников.

Анализ размерности дает основание вернуться к неблагоприятным периодам в денежном обращении. Отмеченная близость по этому показателю Безлюдовки к Мазеповке с t.p.q. 944/955 г. указывает на более позднюю дату первой, что подтверждает лакуну 930-х годов. Клад Красниково I-е теперь занимает место в ГПК, поэтому 960-е гг. оказываются более «пустыми». Попутно отмечу, что Волобуево, входившее в ГПК и ранее, переместилось на позицию самых молодых комплексов.

В результате в большей части ГПК фиксируется мода 14–13,5 мм (восемь комплексов) либо вырезки такого диаметра присутствуют с долей более 10 % (два комплекса). В целом в этой группе наряду с заметной схожестью наблюдаются и определенные различия в размерности кладов, однако нужно учитывать, что в их составах вряд ли может быть полное тождество. Процесс накопления в конкретных условиях наверняка отличался темпами и объемами, при этом часть средств могла при необходимости изыматься. Надо также иметь в виду, что при несомненно ве-

дущей роли модальной основы в «размерной хронологии» значимую роль играли вырезки меньшего диаметра как более младшие.

Попытаемся спроецировать полученные результаты на абсолютную хронологию. Маркерами для этого могут служить только младшие монеты комплексов, но даты их чеканки не обязательно должны совпадать со временем выпадения кладов. Эта проблема обсуждалась с конца XIX в. [Потин, 1993, с. 180–182]. В.Л. Янин признавал существование промежутка в пять-десять лет, однако отрицал возможность механической корректировки, считая правильным принять за хронологический репер младшую монету клада [Янин, 1956, с. 67, 68]. Т. Нунан, показав быстрое поступление саманидских дирхемов в Волжскую Булгарию, допускал их возможное участие в обороте до двух десятков лет, однако все-таки опирался в своих построениях на t.p.q. кладов [Нунан, 2004, с. 275, 266, 298–300]. Обобщение случаев уточнения нумизматической хронологии привело автора к выводу о том, что временная поправка достигала 10–20 лет, с оговоркой о возможности ее сокращения до минимума [Енуков, 2008а, с. 133, 134]. В.М. Пашинский предложил методику расчета, по которой среднее минимальное время обращения монет в первой половине X в. составляло приблизительно шесть лет [Пашинский, 2018], однако при обращении ко временам Святослава оперировал t.p.q. [Пашинский, 2019].

Сегодня следует признать: обосновать некую универсальную хронологическую поправку невозможно, и в конкретных ситуациях она колебалась от значения, близкого к 0, до одного-двух десятков лет. Несомненно, сокращению разрыва между t.p.q. и реальным временем выпадения клада вплоть до самого минимального способствовала экстраординарная ситуация, при этом ее характерной чертой должна быть массовость невостребованных ценностей. Обладают ли этими признаками финальные клады «Посемья»? Формальная нумизматическая хронология уже позволила положительно ответить на этот вопрос, а обращение к размерности дает ряд уточнений. Итак, в ГПК входит 13 кладов, при этом первые три (табл. 3) как по t.p.q., так и по размерности могут быть результатом «естественного» отложения. Правда, с учетом нумизматической

даты Воробьевки 2-й (975/976 г.) и заметно меньшей по сравнению с ней размерностью Железнодорожного клада и Гремячки последние два либо вплотную приближаются к 980-м гг., либо уже «заходят» в них. Тем не менее для чистоты выводов учтем только следующие 10 комплексов ГПК с «поздней» размерностью начиная с Красниково 1-го, 1978, 2005 гг., из которых семь имеют нумизматическую датировку в пределах 980-х годов. Уже исходя из t.p.q., к ним следует добавить Курский 2017-2 (Усланка) (вторая половина 980-х гг.) и Курск – Орел (989/990 г.), а также, с большой долей вероятности, Жидеевку с интервальной нумизматической датой 977–989 гг., в составе которой 297 дирхемов из 320 имели диаметр 13–14 мм. В результате количество финальных кладов достигает 13, или 41,9 %, от всех известных на территории «Посемья» в X веке. Массовость и узкая хронология в пределах 980-х гг. вкпе с размерностью хорошо соотносятся с гипотезой о немирном окончании существования «семцев». В свою очередь, большинство кладов из числа указанных, имеющих точную территориальную привязку, локализуется в ближайшей округе Курска, маркируя эпицентр событий.

Уточняет характер финала специфического денежного обращения Жерновец с самым поздним t.p.q. Одноименное селище (изучено 5 000 кв. м), на котором он был обнаружен, имело абсолютно нетипичные для роменских памятников большие (~10 га) размеры [Енуков, 2016], заметно повышенную по сравнению с другими позднероменскими поселениями региона долю круговой древнерусской посуды [Енуков, 2005, с. 281, 282, 288, 289, табл. 12], нехарактерное для «Посемья» домостроительство [Енукова, 2007, с. 74, 75]. Это, судя по всему, была организованная сразу же с появлением древнерусской культуры «резервация», просуществовавшая очень недолго.

Клад из Жерновца сложился на пике моды 13,5 мм, но выпал уже в новых исторических условиях, причем перед этим явно пополнений не получал. Напротив, Тускарский клад с той же модой до самого отложения дополнялся вырезками меньшего размера, образующими пики в 12 и 11 мм (табл. 3), од-

нако эти вклады носили импульсивный, «рваный» характер (табл. 3), что нехарактерно для нумизматических комплексов «Посемья» [Енуков, Гоглов, 2025]. Самый поздний по метрологии и один из самых поздних по t.p.q. клад с Кудеяровой горы демонстрирует резкий переход к моде 10,5 мм, практически неизвестной в «Посемье», при этом он крайне мал по количеству монет. В его состав входила полая золотая бусина, аналоги которой известны в древнерусской культуре и отсутствуют в роменской [Енуков, Лебедев, 2011, с. 50], что, похоже, и определяет историко-археологический контекст его выпадения. Эти разные по своим проявлениям характеристики последних кладов «Посемья» с осторожностью могут быть интерпретированы как отражение нестабильности, «затухания» оригинального денежного обращения, причем окончание этого, похоже, довольно скоротечного процесса немного заходит в древнерусский период истории региона. В пользу кризиса денежного обращения свидетельствует скачкообразное уменьшение моды в самых поздних Кудеяровой горе и Волобуево, а также появление, причем нестабильное, значительной доли мелких вырезок в Тускарском кладе.

Существование какое-то время в новой историко-археологической ситуации практики использования вырезок неудивительно с учетом непосредственного участия аборигенов в формировании древнерусского населения региона, в том числе его административного центра – Курска [Енуков, 2006; 2008б; 2018]. Имеются иллюстрации этого процесса в виде нумизматических находок, правда, крайне редких. Вырезки были обнаружены в самых ранних древнерусских курганах с ингумациями в Мухино (12 мм, 1 экз.) [Енуков, 2002, с. 29] и Липино (10–12 мм, 4 экз.) [Енуков, 2005, с. 296]. В последнем присутствовал сребреник Владимира типа I, что наряду с другим инвентарем позволяет с известной степенью вероятности отнести погребение к 990-м гг. [Енуков, 2008а, с. 131, 132]. Подтверждением такой датировки служат заметные (более 10 %) доли вырезок таких же, как и в курганах, размеров, известных только в самых поздних кладах (Тускарский, Волобуево, Кудеярова гора).

После массового выпадения кладов в «Посемье» наступает новая, но уже бессрочная лакуна, причины которой позволяют понять изменения в логистике. А.А. Гомзин установил, что в Поочье монеты 990–1000-х гг. крайне редки, тогда как Волжская Булгария в это время продолжала получать восточное серебро. Это, по его мнению, стало следствием деятельности Владимира, ознаменованной его походами 980-х гг. [Гомзин, 2013, с. 178–184]. Таким образом, действовавший на протяжении большей части X в. торговый маршрут Ока – Сейм с притоками – Десна, пролежавший через «племенные» земли вятичей и северян, перестал функционировать. Показательным выглядит итог похода Владимира Святославича в 985 г., когда после победы над «серебряными болгарами» он неожиданно принимает решение о мирных переговорах. Товары теперь начали движение по новой, на этот раз сухопутной трассе Киев – Булгар, которая была уже под контролем Руси. Смена торговых маршрутов в рамках конца X – начала XI в. подтверждается анализом таких массовых материалов, как каменные и стеклянные бусы [Енуков, 2007, с. 344–350].

Подведем итоги. Связь специфического денежного обращения, базирующегося на постепенно уменьшающихся круглых вырезках⁴, с роменским населением одного из регионов Северной земли – «Посемья» сомнений не вызывает. В 980-х гг. наблюдается массовое выпадение кладов, после чего их находки, по крайней мере на сегодняшний день, неизвестны. С уверенностью можно считать, что это стало следствием бедствия, в силу которого спрятанные ценности остались невостребованными их владельцами, что коррелирует с пожарами и запустением исследованных роменских городищ на фоне появления многочисленных памятников древнерусской культуры. В новых условиях в среде остатков аборигенного населения обращение вырезок сохраняется (пример Жерновца), однако очень непродолжительное время. С позиций исторических дефиниций полученная на артефактах картина соответствует процессу колонизации Русью «племенных» территорий.

БЛАГОДАРНОСТИ

* Благодарю С.А. Гоглова, А.В. Зорина, Г.Ю. Стародубцева и И.В. Гребенникову за консультации и возможность ознакомиться с коллекциями.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В число кладов «Посемья» с долей условности включены два комплекса, которые состоят из круглых вырезок и, несомненно, связаны с денежным обращением региона. Комплекс из Восточной Латвии попал в Прибалтику, как полагал А.В. Фомин, при «посредничестве дилеров». Судя по всему, аналогичная ситуация определяет и клад Курск – Орел, который приобретался одновременно в этих городах [Фомин, 2002]. В пользу такой трактовки свидетельствует картография комплексов, имеющих точную локализацию. Во-первых, немногочисленные клады за пределами «Посемья» пока не обнаружены к северу от него. Во-вторых, клады с t.p.q. позднее 950-х гг. известны только в интересующем нас регионе (рис. 1, табл. 1).

² В статье использовались только клады с вырезками варианта 1. Немногочисленные комплексы с более крупными вырезками варианта 2 разбросаны на огромной территории далеко за пределами «Посемья» и не образуют скоплений [Енуков, 2023, рис. 2].

³ Использование шага в 0,5 мм объясняется следующим. Подавляющее большинство вырезок имели овальную форму, нередко неаккуратную, даже многоугольную. В случаях фиксации «брака обрезания» отступы от разметки составляли 0,3–0,5 мм [Колода и др., 2014, с. 8; Енуков и др., 2017, с. 22]. В этих реалиях величина в 0,5 мм весьма мала. Кроме того, в части публикаций размеры приведены с точностью до 0,5 мм (два клада) и даже 1 мм (три клада). Последние включены в таблицу 3, так как непротиворечиво вписывались в общую картину. Для проверки корректности такого подхода для кладов с детальной метрологией были построены графики (по типу рис. 2,Б) с меньшим шагом, при этом тренды, установленные при шаге 0,5 мм, сохранялись.

⁴ При завершении статьи пришла печальная весть о смерти Валентина Петровича Лебедева, который долгие годы плодотворно занимался анализом метрологии круглых вырезок. Вечная память!

ПРИЛОЖЕНИЯ

Таблица 1. Клады дирхемов X в., использованные в работе

Table 1. Hoards of dirhams from the 10th century used in the work

№ п/п	Место находки	Г.р.ч., годы	Источники и литература
1	Красниково 1-е, Курская обл., 2017	916/917	[Гоглов, Полис, 2020]
2	Шеховцово, Курская обл., 1937	919/920	[Кулешов, 2009]
3	Береза (Долбилровка), Курская обл., 1974	910–920-е	[Енуков, 2005, с. 151; Енуков, Лебедев, 2011, табл. 2]
4	Шебекино, Белгородская обл., 2015	922/923	[Гоглов, Лебедев, 2018]
5	Беловский 1-й (Корочка / Суходол), Курская обл., 2007	923/924	[Лебедев, Рисплинг, 2017]
6	Рождественка (Грайворонский), Белгородская обл., 2014	925/926	[Колосов и др., 2014]
7	Курская область, 2010	925/926	[Lebedev, 2021, № 43; Гоглов, 2022, табл. 1,5]
8	М. Боршево, 1966	927/928	[Лебедев и др., 2018]
9	Зорино, Курская обл., 2012	X в.	[Гоглов, 2022, табл. 1,6]
10	Покровка, Белгородская обл., 2013	X в.	[Гоглов, 2018, с. 53, 54]
11	Лухтовка, Сумская обл., 1982	931/932	[Сухобоков, 1990, с. 91]
12	Безлюдовка, Харьковская обл., 1930	935/936	[Колода и др., 2014]
13	Ратский, Курская обл., 1999	940/941	[Петров, Калинин, 2004, с. 184–193]
14	Курск, 1946	942/943	[Янин, 1956, с. 142; Кропоткин, 1971, № 40]
15	Мазеповка, Курская обл., 2012	944/945	[Лебедев и др., 2019]
16	Моршнево, Курская обл., 2009	946–949	[Гоглов, 2017, с. 14–16]
17	Береза, Курская обл., 1910	951/952	[Кусаков, 1927, с. 92; Янин, с. 1956, с. 117, 132, 142; Кропоткин, 1971, с. 81]
18	Железногорский, Курская обл., 2007	944–954	[Гоглов, 2022, табл. 1,22]
19	Курск, 1998–1999	954/955	[Петров, Калинин, 2004, с. 200–204]
20	Переверзево, Курская обл., 2002	958/959	[Петров, Калинин, 2004, с. 193–200]
21	Коренная пустынь, 1903	961–976	[Горохов, 1927, № 13; Кропоткин, 1971, № 39]
22	Шпилевка, Сумская обл., 1887	966/967	[Марков, 1910, с. 52, 53]
23	Хорошево, Харьковская обл., 2007	Сер. X в.	[Гоглов и др., 2023]
24	Красниково 1-е, Курская обл., 1978, 2005	969–976	[Лебедев и др., 2009]
25	Волобуево, Курская обл., 1947	974/975	[Енуков, Лебедев, 2010]
26	Воробьевка 2-я, Курская обл., 1965	975/976	[Гребенникова, Шпилев, 2009]; КОКМ № 24839, 48085–48088 *
27	Гремячка, Курская обл., 2017	975/976	[Гоглов, Лебедев, 2025]
28	Ратманово, Курская обл., 2010	976/977	[Лебедев, Стародубцев, 2014]; КГОМА № 275
29	Жидеевка-1, Курская обл., 2003	977–989	[Зорин и др., 2008, с. 245–246]
30	Курский 2017-1, Курская обл., 2017	980/981	[Гоглов, Лебедев, 2020]
31	Шуклинка, Курская обл., 2009	980/981	[Енуков и др., 2017]
32	Восточная Латвия, 1970-е	983/984	[Лебедев, Марков, 2015]
33	Беседино, Курская обл., 2012–2013	985/986	[Гоглов, Лебедев, 2025]
34	Гускарский, Курская обл., нач. 970-х.	985(8)/ 986(9)	[Енуков, Гоглов, 2025]
35	Курский 2017-2 (Усланка), 2017	2-я пол. 980-х	[Гоглов, 2020, с. 44, 45]
36	Курск – Орел, 1990	989/990	[Фомин, 2002]
37	Кудеярова гора, Курская обл., 2009	989/990	[Енуков, Лебедев, 2011]
38	Жерновец, Курская обл., 2015, 2019	990/991	[Лебедев, Стародубцев, 2016]; КГОМА № 328, 368

Примечание. * – Здесь и далее фонды музеев указываются в случаях, когда для уточнения были проведены обмеры вырезок с применением электронного штангенциркуля (КОКМ – Курский областной краеведческий музей; КГОМА – Курский государственный областной музей археологии).

Note. * – From here on, museum collections are indicated in cases where, for clarification, measurements of cuttings were taken using electronic calipers (КОКМ – Kursk Regional Museum of Local History; КГОМА – Kursk State Regional Museum of Archaeology).

Таблица 2. Распределение монет по месту вырезки (в %)

Table 2. Distribution of coins by cutting location (in %)

Клад	Центр	Край	Клад	Центр	Край
Беловский 1-й, 2007	100	0	Воробьевка 2-я, 1965	96,6	3,4
Рождественка, 2014	100	0	Железнодорожный, 2007	55,6	44,4
М. Боршево, 1966	100	0	Гремячка, 2017	80,3	19,7
Шебекино, 2015	100	0	Красниково, 1-е, 2005, 2007	95,7	4,3
Безлюдовка, 1930	100	0	Ратманово, 2010	100	0
Мазеповка, 2012	100	0	Беседино, 2012, 2013	35,7	64,3
Ратский, 1999	100	0	Шуклинка, 2009	26,0	74,0
Переверзево, 2002	100	0	Курский, 2017-1	19,0	81,0
Курск, 1998–1999	100	0	Восточная Латвия, 1970-е	22,6	77,4
			Жерновец, 2015, 2018	14,7	85,3
			Тускарский, нач. 1970-х	20,0	80,0
			Волобуево, 1947	51,8	42,2
			Кудеярова гора, 2009	0	100

Таблица 3. Распределение по размерам круглых вырезок из дирхемов

Table 3. Distribution of round dirham cut-outs by size

Д средний, мм	Клады								
	Беловский 1-й 2007	Рождественка 2014	М. Боршево 1966	Шебекино 2015	Безлюдовка 1930	Мазеповка 2012	Ратский 1999	Переверзево 2002	Курск 1998– 1999
29,5	1,3								
29,0	1,3								
28,5	1,3								
28,0	5,4					0,3			
27,5									
27,0	2,7					0,3			
26,5	9,5	1,1				0,3			
26,0	5,4	1,1	2,1			0,2			
25,5	1,3	1,1				0,4			
25,0	5,4	4,3	1,0	3,1					
24,5	2,7	4,3	1,0		0,1	0,4			
24,0	4,1	5,4	2,1	3,1	0,2	0,3			
23,5	5,4	7,4	4,1	6,3	0,3	0,2			
23,0	8,0	12,9	3,1	3,1	2,6	0,6			
22,5	6,8	15,0	16,5	15,6	2,0	2,8			
22,0	9,5	12,9	20,6	3,1	3,9	2,8	2,8		
21,5	5,4	10,8	15,5	21,9	4,9	4,2			
21,0	2,7	9,7	13,4	9,3	10,8	8,4	8,8		
20,5	6,8	4,3	7,2	12,6	14,2	13,3	–		
20,0	4,1	4,3	10,3	12,6	20,3	18,1	26,5	0,3	3,3
19,5	4,1	3,2	3,1	9,3	18,7	17,9	–	–	–
19,0	2,7	2,2			14,9	17,7	38,8	12,2	10
18,5	4,1				6,1	10,5	–	–	–
18,0					0,8	2,8	22,1	41,6	34,4
17,5					0,2	0,3	–	–	–
17,0							0,6	32,6	34,4
16,5								–	–
16,0								12,7	8,9
15,5								–	–
15,0								0,6	6,8
14,5								–	–
14,0									2,2
13,5									
13,0									
12,5									
12,0									
11,5									
11,0							0,3		
10,5									
10,0									
т.р.ч., гг.	923/ 924	925/ 926	927/ 928	922/ 923	935/ 936	944/ 945	940/ 941	958/ 959	954/ 955
Кол-во вырезок	74	93	98	32	979	1401	317	377	90

Примечание. Выделения цветом: красный – максимальные значения, зеленый – значения более 10.

Note. Colored: red – maximum values, green – values over 10 %.

Окончание таблицы 3

End of Table 3

Д. средний, мм	Клады												
	Воробьевка 2-я 1965	Железногорский 2007	Гремячка 2017	Красниково 1-е 1978, 2005	Ратматово 2010	Беседино 2012, 2013	Шуклинска 2009	Курский 2017-1	Восточная Датвия 1970-с	Жерновец 2015, 2018	Тускарьский нач. 1970-х	Волобуево 1947	Кудярова гора 2009
29,5													
29,0													
28,5													
28,0													
27,5													
27,0													
26,5													
26,0													
25,5													
25,0													
24,5													
24,0													
23,5						0,8							
23,0	0,6					0,8							
22,5						1,6							
22,0						1,6							
21,5						0,8							
21,0						0,8		0,4					
20,5													
20,0													
19,5													
19,0								0,4					
18,5	1,3												
18,0	3,2												
17,5	7,0			4,4						0,6			
17,0	14,6			4,4		0,8		0,4					
16,5	21,0		1,5	8,7		1,6							
16,0	19,7	11,1	3,0	4,4		1,6	0,2	0,4	0,7	1,2			
15,5	12,1	11,1	9,1	26,0	5,9	6,3	1,1	1,3	0,7		1,7	1,8	
15,0	9,6	33,3	34,9	13	23,5	15,6	4,1	6,5	5,8	2,5	3,4	1,8	
14,5	3,2	22,2	33,4	8,7	17,6	19,7	11,6	12,5	4,3	3,7	6,7	8,9	
14,0	2,5	5,6	13,6	26,0	41,2	21,3	26,3	19,8	18,7	16,7	8,3	14,3	
13,5	0,6	11,1	3,0	4,4	5,9	17,3	36,5	22,9	25,9	32,1	23,3	17,8	
13,0		5,6	1,5		5,9	7,8	14,4	18,5	18,7	24,7	8,3	16,1	
12,5						1,6	5,6	12,1	5,8	14,2	8,3	21,4	
12,0							0,2	3,9	7,9	4,3	18,3	16,1	4,3
11,5								0,9	7,2		8,3	1,8	13,1
11,0									3,6		11,7		30,4
10,5									0,7		1,7		34,8
10,0													17,4
т.р.г. гг.	975/ 976	944 - 954	975/ 976	969 - 976	976/ 977	985/ 986	980/ 981	980/ 981	983/ 984	990/ 991	985(8)/ 986(9)	974/ 975	989/ 990
Ко-во вырезок	157	18	66	23	17	127	469	232	139	168	60	56	23

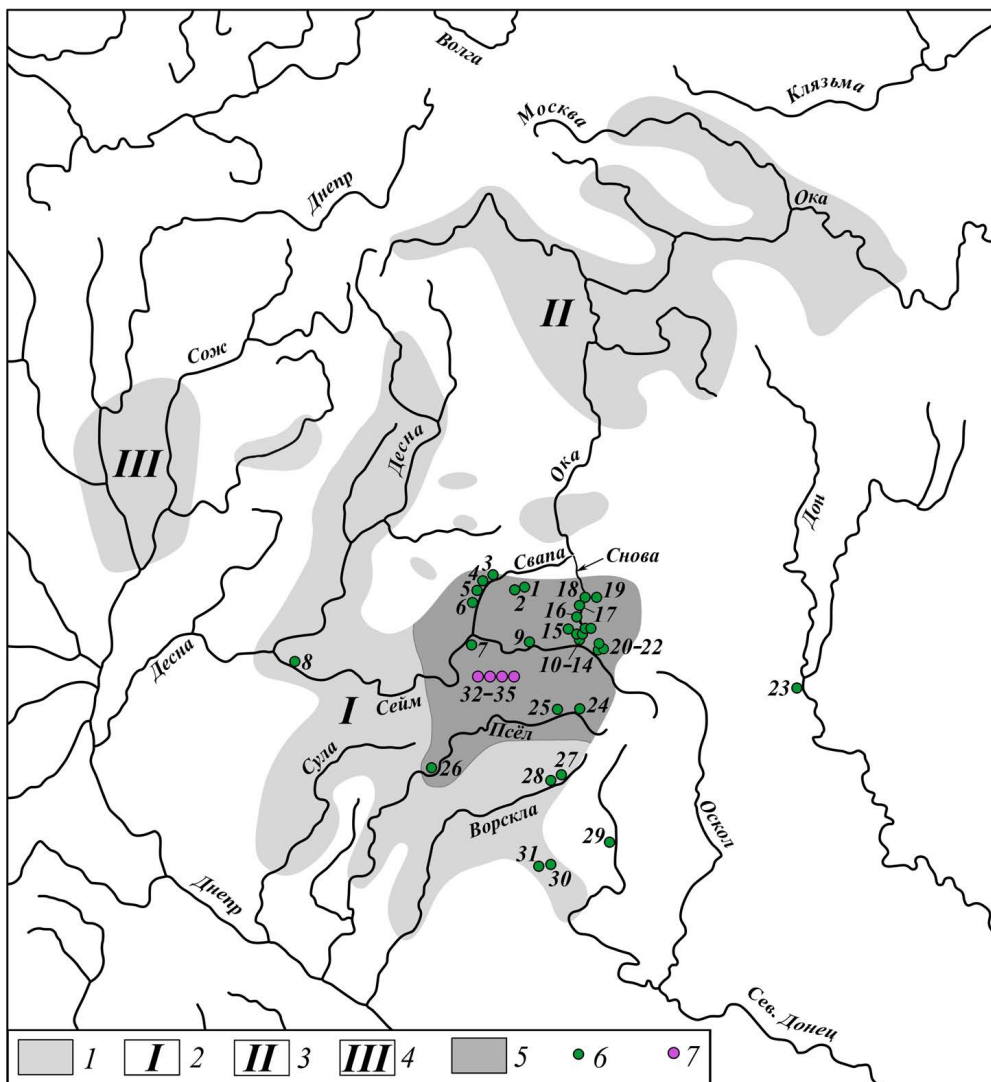

Рис. 1. Клады с круглыми вырезками из дирхемов варианта 1:

- 1 – Зорино, 2012; 2 – Жидеевка-1, 2003; 3 – Железнодорожный, 2007; 4 – Ратманово, 2010; 5 – Моршнево, 2009;
 6 – Береза, 1910; 7 – Мазеповка, 2012; 8 – Лухтовка, 1982; 9 – Кудеярова гора, 2009; 10–14 – Курск, 1946;
 Курск, 1998–1999; Шуклинка, 2009; Жерновец, 2015, 2019; Волобуево, 1947; 15 – Гремячка, 2017;
 16 – Переверзево, 2002; 17 – Коренная Пустынь, 1903; 18 – Воробьевка 2-я, 1965; 19 – Тускарский, нач. 1970-х;
 20–22 – Красниково 1-е, 1978, 2005; Беседино, 2012–2013; Ратский, 1999; 23 – М. Боршево, 1966;
 24 – Курский-2017-2 (Усланка), 2017; 25 – Беловский 1-й (Корочка / Суходол), 2007; 26 – Шпилевка, 1987;
 27 – Покровка, 2013; 28 – Рождественка (Грайворонский), 2014; 29 – Шебекино, 2015; 30 – Безлюдовка, 1930;
 31 – Хорошево, 2007; 32–35 – Курская область, 2010; Курский 2017-1, 2017; Восточная Латвия, 1970-е;
 Курск – Орел, 1990. Условные обозначения: 1 – территории распространения памятников роменской культуры;
 2 – Северская земля; 3 – земля вятичей; 4 – земля радимичей (?); 5 – «Посемяе»; 6 – клад;
 7 – клад с локализацией в пределах территории Курской области

Fig. 1. Hoards with variant 1 round cut-outs of dirhams:

- 1 – Zorino, 2012; 2 – Zhideyevka-1, 2003; 3 – Zheleznogorskiy, 2007; 4 – Ratmanovo, 2010; 5 – Morshnevo, 2009;
 6 – Bereza, 1910; 7 – Mazepovka, 2012; 8 – Luhtovka, 1982; 9 – Kudayarova gora, 2009; 10–14 – Kursk, 1946;
 Kursk, 1998–1999; Shuklinka, 2009; Zhernovets, 2015, 2019; Volobuyev, 1947; 15 – Gremyachka, 2017;
 16 – Pereverzevo, 2002; 17 – Korennaya Pustyn, 1903; 18 – 2nd Vorobyevka, 1965; 19 – Tuskarskiy, early 1970s;
 20–22 – 1st Krasnikovo, 1978, 2005; Besedino, 2012–2013; Ratskiy, 1999; 23 – Small Borshevo, 1966;
 24 – Kurskiy-2017-2 (Uslanka), 2017; 25 – 1st Belovskiy (Korochka/Suhodol), 2007; 26 – Shpilevka, 1987;
 27 – Pokrovka, 2013; 28 – Rozhdestvenka (Grayvoronskiy), 2014; 29 – Shebekino, 2015; 30 – Bezlyudovka, 1930;
 31 – Horoshevo, 2007; 32–35 – Kursk region, 2010; Kurskiy 2017-1, 2017; Eastern Latvia, 1970s; Kursk – Orel, 1990.
 Legend: 1 – territories of distribution of monuments of the Romny culture;
 2 – Seversk land; 3 – Land of the Vyatichi;
 4 – Land of the Radimichi (?); 5 – “Posemye”; 6 – hoard; 7 – hoard localized within the territory of the Kursk region

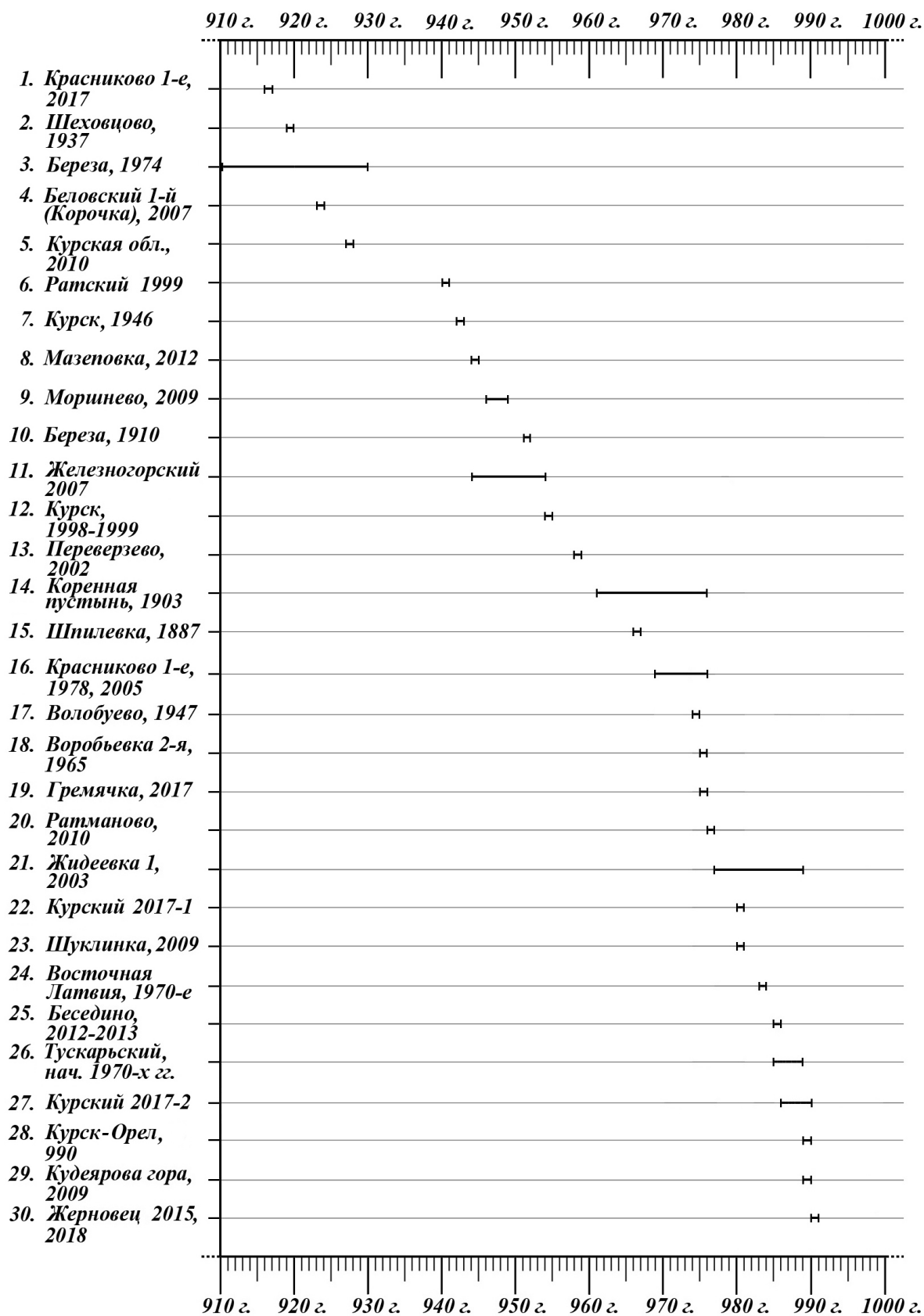

Рис. 2. Нумизматическая хронология кладов X в. на территории «Посемья»
 Fig. 2. Numismatic chronology of 10th-century hoards in the territory of “Posemye”

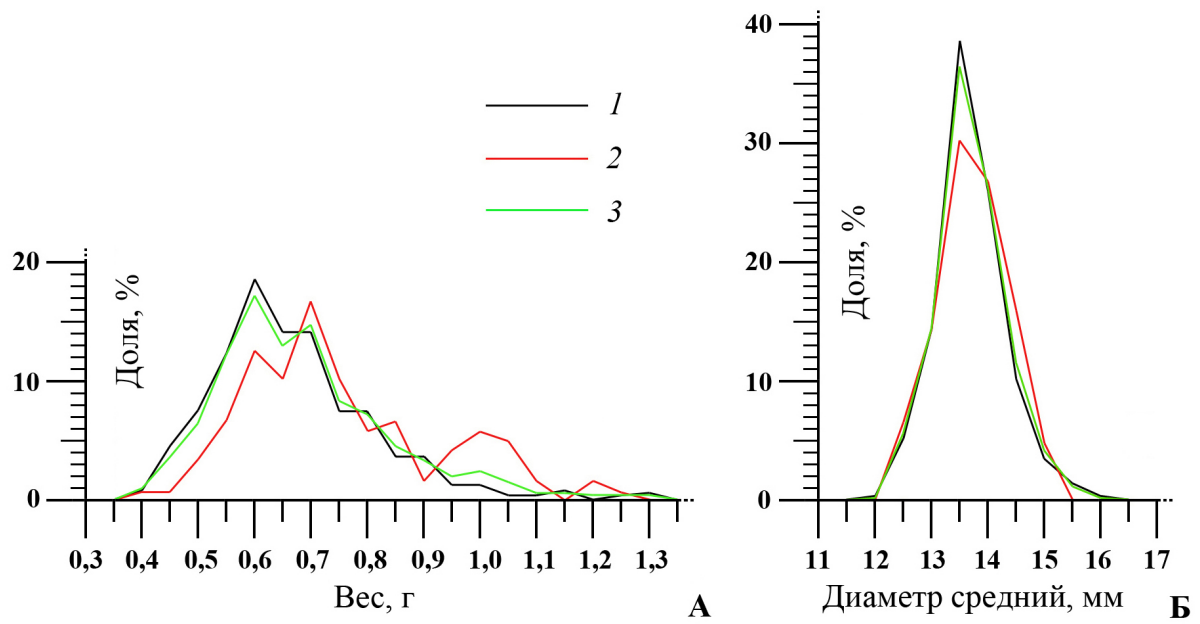

Рис. 3. Клад из Шуклинки:

А – графики веса; Б – графики размеров. 1 – краевые вырезки; 2 – центровые вырезки; 3 – общий тренд

Fig. 3. Hoards from Shuklinka:

A – weight graphs; B – size graphs. 1 – edge cuts; 2 – center cut-outs; 3 – general trend

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Быков А. А., 2014. Безлюдовский клад (по материалам описания монет, выполненного Р.Р. Фасмером) // Безлюдовский клад X в.: материалы и исследования. Казань : Отечество. С. 275–288.
- Гоглов С. А., 2017. О северянских подражаниях куфическим монетам // Средневековая нумизматика Восточной Европы. Вып. 6. М. : РИА Внешторгиздат. С. 13–32.
- Гоглов С. А., 2018. О фальшивых куфических монетах X века из восточноевропейских находок // Средневековая нумизматика Восточной Европы. Вып. 7. М. : РИА Внешторгиздат. С. 52–64.
- Гоглов С. А., 2020. К вопросу о поздней северянской подражательной чеканке X в. // Средневековая нумизматика Восточной Европы. Вып. 8. СПб. : Контраст. С. 39–61.
- Гоглов С. А., 2022. Клад X в. с обрезанными куфическими монетами из Железногорского района Курской области // Русь, Литва, Орда в памятниках нумизматики и сфрагистики. Вып. 11. Минск : РИФТУР ПРИНТ. С. 26–38.
- Гоглов С. А., Лебедев В. П., 2018. Клад монет X в. с окраины города Шебекино Белгородской области // Средневековая нумизматика Восточной Европы. Вып. 7. М. : РИА Внешторгиздат. С. 38–51.
- Гоглов С. В., Лебедев В. П., 2020. Денежно-вещевой клад с обрезанными куфическими монетами последней четверти X в. из Курской области // Средневековая нумизматика Восточной Европы. Вып. 8. СПб. : Контраст. С. 10–38.
- Гоглов С. А., Лебедев В. П., 2025. Два комплекса второй половины X в. с обрезанными куфическими монетами из Курского района Курской области // Русь, Литва, Орда в памятниках нумизматики и сфрагистики. Т. 15. Эпоха викингов и Древняя Русь. Минск. С. 114–135.
- Гоглов С. А., Полис А. Ю., 2020. Куфические подражания клада 1-й четверти X в. из деревни Красниково 1-е Курской области // Средневековая нумизматика Восточной Европы. Вып. 9. СПб. : Контраст. С. 61–84.
- Гоглов С. А., Шапошник В. Г., Овсянников О. В., 2023. Монетно-вещевой клад X в. с подражаниями куфическим дирхемам из Харьковской области // Русь, Литва, Орда в памятниках нумизматики и сфрагистики. Вып. 12. М. : ЭмБиАй. С. 11–23.
- Гомзин А. А., 2011. К вопросу об особенностях монетных кладов последней четверти X в. в Поочье // Российский научный журнал. № 3 (22). С. 3–15.
- Гомзин А. А., 2012. Карта восточноевропейских кладов куфических монет X в. и кладов XI–XII вв., содержащих исламские монеты // Русь в IX–X веках: археологическая панорама. М. ; Вологда : Древности Севера. С. 390–393.
- Гомзин А. А., 2013. Восточное монетное серебро IX – начала XI в. в Среднем и Нижнем Поочье : дис. ... канд. ист. наук. М. 499 с.
- Гоняный М. И., 1999. Археологические памятники начального этапа славянской колонизации среднего течения р. Пахры в Подмосковье // Археологический сборник. Памяти Марии Васильевны Фехнер. М. : ГИМ. С. 128–145.
- Горохов Т. А., 1927. Монетные клады Курской губернии // Известия Курского губернского общества краеведения. № 4. С. 33–44.
- Гребенникова И. В., Шпилев А. Г., 2009. Денежно-вещевой клад третьей четверти X в. из с. 2-я Воробьевка Курской области // Верхнее Подонье: Археология. История. Тула : Гос. музей-заповедник «Куликово поле». С. 34–44.
- Григорьев А. В., 1988. О роменской культуре в Среднем Подесенье // Чернигов и его округа в IX–XIII вв. Киев : Наукова Думка. С. 65–74.
- Григорьев А. В., 1993. О границе Руси и Севера в Подесенье // Слов'яни і Русь у науковій спадщині Д.Я. Самоквасова : матеріали іст.-археол. семінару, присвч. 150-річчю від народження Д.Я. Самоквасова. Чернігів : Сіверянська думка. С. 34–39.
- Енуков В. В., 2002. Посемье и семичи (по данным письменных, археологических и нумизматических источников) // Очерки феодальной России. Вып. 6. М. : Едиториал УРСС. С. 3–46.
- Енуков В. В., 2005. Славяне до Рюриковичей. Курск : Учитель. 352 с.
- Енуков В. В., 2006. Роменское население Посемья в древнерусское время // Археология Юго-Востока Руси : материалы IV науч. конф., 23–25 мая 2005 г. Елец. С. 78–108.

- Енуков В. В., 2007. История Посемья – Курской волости на рубеже эпох (IX–XI века) : дис. ... д-ра ист. наук. Курск. 587 с.
- Енуков В. В., 2008а. Возникновение древнерусского Курска в контексте историко-археолого-нумизматических реалий региона // Древности эпохи Средневековья Евразийской лесостепи. Воронеж : Изд-во Воронеж. гос. ун-та. С. 123–148.
- Енуков В. В., 2008б. Липинские курганы в контексте вопроса о «роменских ингумациях» // Славяно-русские древности Днепровского Левобережья : материалы конф., посвящ. 75-летию со дня рождения К.Ф. Сокола. Курск : Курский гос. ун-т. С. 39–69.
- Енуков В. В., 2016. К вопросу о «больших» селищах роменской культуры // Археология восточноевропейской лесостепи : материалы II Междунар. науч. конф., Воронеж, 18–20 дек. 2015 г. Воронеж : Воронеж. гос. пед. ун-т. С. 287–291.
- Енуков В. В., 2018. Русь и судьбы северян (по материалам раскопок Курска) // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. № 3 (47). URL: <http://scientific-notes.ru/magazine/archive/number/52>
- Енуков В. В., 2023. Круглые вырезки из дирхемов в денежном обращении X в.: историко-археологический антураж // Краткие сообщения Института археологии. № 270. С. 84–98.
- Енуков В. В., Гоглов С. А., 2025. Клад дирхемов X в. на р. Тускарь в Курской области // Поволжская археология. № 2 (25). С. 233–247.
- Енуков В. В., Енукова О. Н., Лебедев В. П., 2017. Шуклинский клад дирхамов X века и его археологический контекст // Археология евразийских степей. № 6. С. 14–36.
- Енуков В. В., Лебедев В. П., 2010. Волобуевский клад куфических дирхемов X в. из Курского Посемья // Российская археология. № 1. С. 94–103.
- Енуков В. В., Лебедев В. П., 2011. Клад дирхемов с городища Кудярова гора // Stratum plus. № 6. С. 49–58.
- Енуков В. В., Раздорский А. И., 2015. О времени основания и первого упоминания древнерусского Курска // Российская история. № 2. С. 39–59.
- Енукова О. Н., 2007. Домостроительство населения междуречья Сейма и Псла в IX–XIII вв. Курск : Курский гос. ун-т. 220 с.
- Зорин А. В., Стародубцев Г. Ю., Шпилев А. Г., Щеглова О. А., 2008. Очерки истории Курского края с древнейших времен до XVII в. Курск : Славянка. 622 с.
- Зорин А. В., Стародубцев Г. Ю., 2021. К вопросу о соотношении археологических и письменных источников (на примере проблемы времени присоединения Северской земли и основания Курска) // Славянские древности VIII–XI веков на территории лесной и лесостепной зон Восточной Европы. К 60-летию со дня рождения А.В. Григорьева. Тула : Гос. музей-заповедник «Куликово поле». С. 76–85.
- Колода В. В., Лебедев В. П., Енуков В. В., 2014. Безлюдовский клад и его место в денежной системе Северской земли // Безлюдовский клад X в.: материалы и исследования. Казань : Отечество. С. 6–160.
- Колосов И. А., Калинин В. А., Гоглов С. А., 2014. Комплекс второй четверти X века с обрезанными куфическими дирхамами и подражаниями из Грайворонского района Белгородской области // V Международная нумизматическая конференция «Эпоха викингов в Восточной Европе в памятниках нумизматики VIII–XI вв.», Санкт-Петербург, Старая Ладога, 18–20 апр. 2014 г. СПб. : ЗнакЪ. С. 83–112.
- Кропоткин В. В., 1971. Новые находки сасанидских и куфических монет в Восточной Европе // Нумизматика и эпиграфика. Т. 9. М. : Наука. С. 76–97.
- Кулешов В. С., 2009. Шеховцовский клад куфических монет (предварительное сообщение) // Средневековый город Юго-Восточной Руси: предпосылки возникновения, эволюция, материальная культура : материалы Междунар. науч. конф., посвящ. 100-летию начала археол. исслед. Гочев. археол. комплекса. Курск : Курский гос. обл. музей археологии. С. 214–218.
- Кусаков О. А., 1927. Находка клада в с. Береза // Известия Курского губернского общества краеведения. № 6. С. 92–94.
- Лебедев В. П., Гоглов С. А., Никитин А. П., Яблоков А. Г., 2018. Боршевский клад обрезанных дирхемов и подражаний из Воронежской области // Средневековая нумизматика Восточной Европы. Вып. 7. М. : РИА Внешторгиздат. С. 6–37.
- Лебедев В. П., Марков Д. Б., 2015. Клад обрезанных в круг дирхемов начала 980-х гг. // Нумизматика и эпиграфика. Вып. XIX. М. : Памятники ист. мысли. С. 106–121.

- Лебедев В. П., Орлов А. С., Гоглов С. А., Климов А. М., 2019. Крупный Мазеповский клад обрезанных дирхемов середины X в. из Курской области // Русь, Литва, Орда. Вып. 7. Тула : Борус-Принт. С. 15–69.
- Лебедев В. П., Рисплинг Г., 2017. Беловский клад куфических дирхамов первой четверти X в. из Курской области // Археология евразийских степей. № 6. С. 51–64.
- Лебедев В. П., Сотников А. В., Шпилев А. Г., 2009. Клад арабских и византийских монет 70-х годов X в. из деревни 1-е Красниково Курской области // Средневековая нумизматика Восточной Европы. Вып. 3. М. : Дрвлекхранилище. С. 6–16.
- Лебедев В. П., Стародубцев Г. Ю., 2014. Кошелек с Северянскими резанами X в. из Курской области // Верхнедонской археологической сборник. Вып. 6. Липецк : ЛГПУ. С. 397–402.
- Лебедев В. П., Стародубцев Г. Ю., 2016. Клад обрезанных дирхемов с Жерновецкого селища Курской области // III Международная нумизматическая конференция «Эпоха викингов в Восточной Европе в памятниках нумизматики VIII–XI вв.», Санкт-Петербург, Старая Ладога, 22–24 апр. 2016 г. СПб. : Знакъ. С. 7–23.
- Марков А. К., 1910. Топография кладов восточных монет (сасанидских и куфических). СПб. : Тип. Имп. акад. наук. 148 с.
- Назаренко А. В., 1996. Происхождение древнерусского денежно-весового счета // Древнейшие государства Восточной Европы. 1994 г. Новое в нумизматике. М. : Археогр. центр. С. 5–79.
- Нунан Т. С., 2004. Торговля Волжской Булгарии с саманидской Средней Азией в X в. // Археология, история, нумизматика, этнография Восточной Европы. СПб. : Изд-во СПбГУ. С. 256–313.
- Пашинский В. М., 2018. Метод определения минимального среднего времени обращения монет на рынке (на примере куфических дирхамов в Восточной Европе X в.) // Восточная Европа в древности и Средневековье : материалы XXX юбил. чтений памяти чл.-кор. АН СССР Владимира Терентьевича Пашуто, Москва, 17–20 апр. 2018 г. М. С. 224–229.
- Пашинский В. М., 2019. Экономические и политические последствия борьбы князя Святослава за доминирование в Восточной Европе (по данным о кладах куфических дирхамов) // Российская история. № 4. С. 54–65.
- Петров П. Н., Калинин В. А., 2004. Обрезанные куфические дирхемы X в. // Древности Поволжья и других регионов. Нумизматический сборник. Т. 4. М. : Нумизмат. лит. С. 181–210.
- Потин В. М., 1993. Монеты. Клады. Коллекции. Очерки нумизматики. СПб. : Искусство-СПб. 302 с.
- Сухобоков О. В., 1990. Древнерусский Путивль и его округа (по материалам археологических исследований). Путивль. 152 с.
- Фомин А. В., 1988. Топография куфических монет междуречья Днепра и Десны // Чернигов и его округа в IX–XIII вв. Киев : Наукова думка. С. 74–80.
- Фомин А. В., 1995. Древнерусские денежно-монетные рынки в 70–80-х годах X в. // Древнейшие государства Восточной Европы. Материалы и исследования. 1992–1993 г. М. : Наука. С. 63–73.
- Фомин А. В., 2002. Южнорусский клад куфических дирхамов конца X в. // X Всероссийская нумизматическая конференция, Псков, 15–20 апр. 2002 г. М. : ГИМ. С. 55–56.
- Чубур А. А., Гурьянов В. Н., 2020. К вопросу о северянско-вятичском пограничье и природных фронтах // Восточнославянский мир Днепро-Донского междуречья в эпоху средневековья : материалы Междунар. науч. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения А.Н. Москаленко (1918–1981) и 90-летию исследований памятников донских славян экспедицией ГАИМК 24–26 окт. 2018 г. Тула : Гос. музей-заповедник «Куликово поле». С. 229–237.
- Шпилев А. Г., 2008. Лучевые и лопастные височные кольца Курского края (IX – начало XIII в.) // Славяно-русские древности Днепровского Левобережья : материалы конф., посвящ. 75-летию со дня рождения К.Ф. Сокола. Курск : Курский гос. ун-т. С. 189–201.
- Янин В. Л., 1956. Денежно-весовые системы русского средневековья. М. : Изд-во Моск. ун-та. 206 с.
- Lebedev V. P., 2021. Hoards with Tenth-Century Dirhams Found or Published in Eastern Europe in 1990–2014 // Rus, Lithuania, Horde: Journal of Numismatics and Sigillography. Vol. 9. Vilnius : Petro ofsetas. P. 14–42.
- Vasmer R., 1929. Ein im Dorfe Staryi Dedin in Weissrussland Gemachter Fund Kufischer Münzen. Stockholm. 45 S.

REFERENCES

- Bykov A.A., 2014. Bezlyudovskiy klad (po materialam opisaniya monet, vpolnennogo A.A. Fasmerom) [Bezlyudovsky Hoard (Based on the Description of Coins by A.A. Fasmer)]. *Bezlyudovskiy klad X v.: materialy i issledovaniya* [Bezlyudovsky Hoard of the 10th Century: Materials and Research]. Kazan', Otechestvo Publ., pp. 275-288.
- Goglov S.A. 2017. O severyanskih podrazhaniyah kuficheskimi monetami [On the Severyansk Imitations of Kufic Coins]. *Srednevekovaya numizmatika Vostochnoy Evropy* [Medieval Numismatics of Eastern Europe], iss. 6. Moscow, RIA Vneshtorgizdat Publ., pp. 13-32.
- Goglov S.A., 2018. O falshivnykh kuficheskimi monetami X veka iz vostochnoevropeyskikh nahodok [On Fake Kufic Coins of the 10th Century from Eastern European Finds]. *Srednevekovaya numizmatika Vostochnoy Evropy* [Medieval Numismatics of Eastern Europe], iss. 7. Moscow, RIA Vneshtorgizdat Publ., pp. 52-64.
- Goglov S.A., 2020. K voprosu o pozdney severyanskoj podrazhatelnoj chekanke X v. [On the Question of the Late Northern Imitative Coinage of the 10th Century]. *Srednevekovaya numizmatika Vostochnoy Evropy* [Medieval Numismatics of Eastern Europe], iss. 8. Saint Petersburg, Kontrast Publ., pp. 39-61.
- Goglov S.A., 2022. Klad X v. s obrezannymi kuficheskimi monetami iz Zheleznogorskogo rayona Kurskoj oblasti [A 10th Century Hoard of Clipped Kufic Coins from the Zheleznogorsk District of the Kursk Region]. *Rus', Litva, Orda v pamyatnikah numizmatiki i sfragistiki* [Rus, Lithuania, Horde in Numismatic and Sphragistic Monuments], iss. 11. Minsk, RIFTUR PRINT Publ., pp. 26-38.
- Goglov S.A., Lebedev V.P., 2018. Klad monet X v. s okrainy goroda Shebekino Belgorodskoj oblasti [A Hoard of Coins from the 10th Century from the Outskirts of the Town of Shebekino in the Belgorod Region]. *Srednevekovaya numizmatika Vostochnoy Evropy* [Medieval Numismatics of Eastern Europe], iss. 7. Moscow, RIA Vneshtorgizdat Publ., pp. 38-51.
- Goglov S.V., Lebedev V.P., 2020. Denezhno-veshchevoj klad s obrezannymi kuficheskimi monetami posledney chetverti X v. iz Kurskoj oblasti [A Monetary and Material Hoard with Clipped Kufic Coins of the Last Quarter of the 10th Century from the Kursk Region]. *Srednevekovaya numizmatika Vostochnoy Evropy* [Medieval Numismatics of Eastern Europe], iss. 8. Saint Petersburg, Kontrast Publ., pp. 10-38.
- Goglov S.A., Lebedev V.P., 2025. Dva kompleksa vtoroy poloviny X v. s obrezannymi kuficheskimi monetami iz Kurskogo rayona Kurskoj oblasti [Two Complexes of the Second Half of the 10th Century with Clipped Kufic Coins from the Kursk District of the Kursk Region]. *Rus', Litva, Orda v pamyatnikah numizmatiki i sfragistiki. T. 15. Epoha vikingov i Drevnyaya Rus'* [Rus, Lithuania, Horde in Numismatic and Sphragistic Monuments. Vol. 15. The Viking Age and Ancient Rus']. Minsk, pp. 114-135.
- Goglov S.A., Polis A.Yu., 2020. Kuficheskie podrazhaniya klada 1-y chetverti X v. iz derevni Krasnikovo 1-e Kurskoj oblasti [Kufic Imitations of the Hoard of the 1st Quarter of the 10th Century from the Village of Krasnikovo 1-e, Kursk Region]. *Srednevekovaya numizmatika Vostochnoy Evropy* [Medieval Numismatics of Eastern Europe], iss. 9. Saint Petersburg, Kontrast Publ., pp. 61-84.
- Goglov S.A., Shaposhnik V.G., Ovsyannikov O.V., 2023. Monetno-veshchevoj klad X v. s podrazhaniyami kuficheskimi dirhemami iz Har'kovskoj oblasti [A 10th Century Coin and Item Hoard with Imitations of Kufic Dirhams from the Kharkov Region]. *Rus', Litva, Orda v pamyatnikah numizmatiki i sfragistiki* [Rus, Lithuania, Horde in Numismatic and Sphragistic Monuments], iss. 12. Moscow, EmBiAy Publ., pp. 11-23.
- Gomzin A.A., 2011. K voprosu ob osobennostyah monetnykh kladov posledney chetverti X v. v Pooch'e [To the Question about the Peculiarities of Coin Hoards of the Last Quarter of the 10th Century in Poochye]. *Rossiyskiy nauchnyy zhurnal* [Russian Scientific Journal], no. 3 (22), pp. 3-15.
- Gomzin A.A., 2012. Karta vostochnoevropeyskikh kladov kuficheskimi monetami X v. i kladov XI–XII vv., sodержashchih islamskie monety [Map of Eastern European Hoards of Kufic Coins of the 10th Century and Hoards of the 11th–12th Centuries Containing Islamic Coins]. *Rus' v IX–X vekah: arheologicheskaya panorama* [Rus' in the 9th–10th Centuries: An Archaeological Panorama]. Moscow, Vologda, Drevnosti Severa Publ., pp. 390-393.
- Gomzin A.A., 2013. *Vostochnoe monetnoe srebro IX–nachala XI v. v Srednem i Nizhnem Pooch'e: dis. ... cand. ist. nauk* [Eastern Coin Silver of the 9th–Early 11th Centuries in the Middle and Lower Poochye. Cand. hist. sci. diss.]. Moscow. 499 p.
- Gonyany M.I., 1999. Arheologicheskie pamyatniki nachalnogo etapa slavyanskoj kolonizatsii srednego techeniya r. Pahry v Podmoskov'e [Archaeological Sites of the Initial Stage of Slavic Colonization of the Middle Reaches of the Pakhra River in the Moscow Region]. *Arheologicheskij sbornik. Pamyati Marii Vasil'evny Fekhner* [Archaeological Collection. In Memory of Maria Vasilievna Fekhner]. Moscow, SHM, pp. 128-145.

- Gorohov T.A., 1927. Monetnye klady Kurskoy gubernii [Coin Hoards of Kursk Province]. *Izvestiya Kurskogo gubernskogo obshchestva kraevedeniya* [News of the Kursk Provincial Society of Local History], no. 4, pp. 33-44.
- Grebennikova I.V., Shpilev A.G., 2009. Denezhno-veshchevoy klad tret'ey chetverti X v. iz s. 2-ya Vorob'evka Kurskoy oblasti [A Monetary and Material Hoard from the Third Quarter of the 10th Century from the Village of 2-ya Vorobyovka, Kursk Region]. *Verhnee Podon'e: Arheologiya. Istoriya* [Upper Don: Archaeology. History]. Tula, The State Museum-Reserve "Kulikovo pole", pp. 34-44.
- Grigor'ev A.V., 1988. O romenskoy kulture v Srednem Podesen'e [About the Romny Culture in the Middle Podesenye]. *Chernigov i ego okrug v IX–XIII vv.* [Chernigov and Its Surroundings in the 9th – 13th Centuries]. Kiev, Naukova Dumka Publ., pp. 65-74.
- Grigor'ev A.V., 1993. O granitse Rusi i Severa v Podesen'e [About the Border of Rus' and the North in Podesenye]. *Slov'yani i Rus' u naukoviy spadshchiny D.Ya. Samokvasova: materialy ist.-arheol. seminaru, prisvich. 150-richchyu vid narodzhennya D.Ya. Samokvasova* [Slavs and Rus in the Scientific Heritage of D.Ya. Samokvasov. Proceedings of the Historical and Archaeological Seminar Dedicated to the 150th Anniversary of the Birth of D.Ya. Samokvasov]. Chernigiv, Siveryans'ka dumka Publ., pp. 34-39.
- Enukov V.V., 2002. Posem'e i semichi (po dannym pismennyh, arheologicheskikh i numizmaticheskikh istochnikov) [Posemye and Semichi (According to Written, Archaeological and Numismatic Sources)]. *Ocherki feodalnoy Rossii* [Essays on Feudal Russia], iss. 6. Moscow, Editorial URSS Publ., pp. 3-46.
- Enukov V.V., 2005. *Slavyane do Ryurikovichy* [Slavs Before the Rurikovichs]. Kursk, Uchitel Publ. 352 p.
- Enukov V.V., 2006. Romenskoe naselenie Posemya v drevnerusskoe vremya [Romny Population of Posemye in Ancient Russian Times]. *Arheologiya Yugo-Vostoka Rusi: materialy IV nauch. konf., 23–25 maya 2005 g.* [Archaeology of South-East of Rus'. Proceedings of 4th Scientific Conference, May 23–25, 2005]. Yelets, pp. 78-108.
- Enukov V.V., 2007. *Istoriya Posemya – Kurskoy volosti na rubezhe epoh (IX–XI veka): dis. ... d-ra ist. nauk* [History of Posemye – Kursk Volost at the Turn of Eras (9th – 11th Centuries). Dr. Hist. sci. diss.]. Kursk. 587 p.
- Enukov V.V., 2008a. Vozniknovenie drevnerusskogo Kurska v kontekste istoriko-arheologo-numizmaticheskikh realiy regiona [The Emergence of Ancient Russian Kursk in the Context of the Historical-Archaeological-Numismatic Realities of the Region]. *Drevnosti epohi Srednevekovyaya Evraziyskoy lesostepi* [Antiquities of the Middle Ages of the Eurasian Forest-Steppe]. Voronezh, VSU, pp. 123-148.
- Enukov V.V., 2008b. Lipinskie kurgany v kontekste voprosa o «romenskih ingumatsiyah» [Lipinsky Kurgans in the Context of the Question of "Romny Inhumations"]. *Slavyano-russkie drevnosti Dneprovskogo Levoberezhya: materialy konf., posvyashch. 75-letiyu so dnya rozhdeniya K.F. Sokola* [Slavic-Russian Antiquities of the Dnieper Left Bank. Proceedings of the Conference Dedicated to the 75th Anniversary of the Birth of K.F. Sokol]. Kursk, KSU, pp. 39-69.
- Enukov V.V., 2016. K voprosu o «bolshih» selishchah romenskoy kulture [On the Issue of the "Large" Settlements of the Romny Culture]. *Arheologiya vostochnoevropeyskoy lesostepi: materialy II Mezhdunar. nauch. konf., Voronezh, 18–20 dek. 2015 g.* [Archaeology of the East European Forest-Steppe. Proceedings of the 2nd International Scientific Conference, Voronezh, December 18–20, 2015]. Voronezh, VSPU, pp. 287-291.
- Enukov V.V., 2018. Rus' i sudby severyan (po materialam raskopok Kurska) [Rus' and the Fates of the Severyane (Based on Excavations in Kursk)]. *Uchenye zapiski. Elektronnyy nauchnyy zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta* [Scientific Notes. Electronic Scientific Journal of Kursk State University], no. 3 (47). URL : <http://scientific-notes.ru/magazine/archive/number/52>
- Enukov V.V., 2023. Kruglye vyrezki iz dirhemov v denezhnom obrashchenii X v.: istoriko-arheologicheskiy anturazh [Round Cutouts from Dirhams in Circulation in the 10th Century: Historical and Archaeological Entourage]. *Kratkie soobshcheniya Instituta arheologii* [Brief Communications of the Institute of Archaeology], no. 270, pp. 84-98.
- Enukov V.V., Goglov S.A., 2025. Klad dirhemov X v. na r. Tuskar' v Kurskoy oblasti [Hoard of Dirhams from the 10th Century on the River Tuskar in the Kursk Region]. *Povolzhskaya arkheologiya* [The Volga River Region Archaeology], no. 2 (25), pp. 233-247.
- Enukov V.V., Erukova O.N., Lebedev V.P., 2017. Shuklinskiy klad dirhamov X veka i ego arheologicheskiy kontekst [Shuklinsky Hoard of 10th Century Dirhams and its Archaeological Context]. *Arheologiya evraziyskikh stepey* [Archaeology of the Eurasian Steppes], no. 6, pp. 14-36.

- Enukov V.V., Lebedev V.P., 2010. Volobuevskiy klad kuficheskikh dirhemov X v. iz Kurskogo Posemya [Volobuevo Hoard of 10th Century Kufic Dirhams from the Area of the Seim River Basin in Kursk Oblast]. *Rossiyskaya arheologiya* [Russian Archeology], no. 1, pp. 94-103.
- Enukov V.V., Lebedev V.P., 2011. Klad dirhemov s gorodishcha Kudayarova gora [A Hoard of Dirhams from Kudayarova Gora Settlement]. *Stratum plus*, no. 6, pp. 49-58.
- Enukov V.V., Razdorskii A.I., 2015. O vremeni osnovaniya i pervogo upominaniya drevnerusskogo Kurska [About the Time of Foundation and First Mention of Ancient Russian Kursk]. *Rossiyskaya istoriya* [Russian History], no. 2, pp. 39-59.
- Enukova O.N., 2007. *Domostroitelstvo naseleniya mezhdu rechya Seyma i Psla v IX–XIII vv.* [House-Building of the Population Between the Seim and Psel Rivers in the 9th–13th Centuries]. Kursk, KSU. 220 p.
- Zorin A.V., Starodubtsev G.Yu., Shpilev A.G., Shcheglova O.A., 2008. *Ocherki istorii Kurskogo kraya s drevneyshih vremen do XVII v.* [Essays on the History of the Kursk Region from Ancient Times to the 17th Century]. Kursk, Slavyanka Publ. 622 p.
- Zorin A.V., Starodubtsev G.Yu., 2021. K voprosu o sootnesenii arheologicheskikh i pismennykh istochnikov (na primere problemy vremeni prisoedineniya Severskoy zemli i osnovaniya Kurska) [On the Question of Correlating Archaeological and Written Sources (Using the Example of the Problem of the Time of the Annexation of the Seversk Land and the Foundation of Kursk)]. *Slavyanskie drevnosti VIII–XI vekov na territorii lesnoy i lesostepnoy zon Vostochnoy Evropy. K 60-letiyu so dnya rozhdeniya A.V. Grigor'eva* [Slavic Antiquities of the 8th–11th Centuries in the Forest and Forest-Steppe Zones of Eastern Europe. On the 60th Anniversary of A.V. Grigoriev's Birth]. Tula, State Museum-Reserve “Kulikovo pole”, pp. 76-85.
- Koloda V.V., Lebedev V.P., Enukov V.V., 2014. Bezlyudovskiy klad i ego mesto v denezhnoy sisteme Severskoy zemli [Bezlyudovsky Hoard and Its Place in the Monetary System of the Seversk Land]. *Bezlyudovskiy klad X v.: materialy i issledovaniya* [Bezlyudovsky Hoard of the 10th Century: Materials and Research]. Kazan', Otechestvo Publ., pp. 6-160.
- Kolosov I.A., Kalinin V.A., Goglov S.A., 2014. Kompleks vtoroy chetverti X veka s obrezannymi kuficheskimi dirhamami i podrazhaniyami iz Grayvoronskogo rayona Belgorodskoy oblasti [A Complex of the Second Quarter of the 10th Century with Cropped Kufic Dirhams and Imitations from the Grayvoronsky District of the Belgorod Region]. *V Mezhdunarodnaya numizmaticheskaya konferentsiya «Epoha vikingov v Vostochnoy Evrope v pamyatnikah numizmatiki VIII–XI vv.»*, Saint Peterburg, Staraya Ladoga, 18–20 apr, 2014 g. [V International Numismatic Conference “The Viking Age in Eastern Europe in Numismatic Monuments of the 8th–11th cc.”, Saint Petersburg, Staraya Ladoga, April 18-20, 2014]. Saint Petersburg, Znak Publ., pp. 83-112.
- Kropotkin V.V., 1971. Novye nahodki sasanidskikh i kuficheskikh monet v Vostochnoy Evrope [New Finds of Sasanian and Kufic Coins in Eastern Europe]. *Numizmatika i epigrafika* [Numismatics and Epigraphy], vol. 9. Moscow, Nauka Publ., pp. 76-97.
- Kuleshov V.S., 2009. Shekhovtsovskiy klad kuficheskikh monet (predvaritelnoe soobshchenie) [Shekhovtsovsky Hoard of Kufic Coins (Preliminary Report)]. *Srednevekovyy gorod Yugo-Vostochnoy Rusi: predposylki vznikhoveniya, evolyutsiya, materialnaya kultura: materialy Mezhdunar. nauch. konf., posvyashch. 100-letiyu nachala arheol. issled. Gochev. arheol. kompleksa* [Medieval City of South-Eastern Rus': Prerequisites for Emergence, Evolution, Material Culture. Proceedings of the International Scientific Conference Dedicated to the 100th Anniversary of the Beginning of Archaeological Research of the Gochevskoe Archaeological Complex]. Kursk, Kursk State Regional Museum of Archaeology, pp. 214-218.
- Kusakov O.A., 1927. Nahodka klada v s. Bereza [Hoard Found in the Village of Bereza]. *Izvestiya Kurskogo gubernskogo obshchestva kraevedeniya* [News of the Kursk Provincial Society of Local History], no. 6, pp. 92-94.
- Lebedev V.P., Goglov S.A., Nikitin A.P., Yablokov A.G., 2018. Borshevskiy klad obrezannykh dirhemov i podrazhaniy iz Voronezhskoy oblasti [Borshevsky Treasure of Cut Dirhams and Imitations from the Voronezh Region]. *Srednevekovaya numizmatika Vostochnoy Evropy* [Medieval Numismatics of Eastern Europe], iss. 7. Moscow, RIA Vneshtorgizdat Publ., pp. 6-37.
- Lebedev V.P., Markov D.B., 2015. Klad obrezannykh v krug dirhemov nachala 980-h gg. [A Hoard of Circle-Cut Dirhams from the Early 980s.]. *Numizmatika i epigrafika* [Numismatics and Epigraphy], iss. XIX. Moscow, Pamyatniki ist. mysli Publ., pp. 106-121.

- Lebedev V.P., Orlov A.S., Goglov S.A., Klimov A.M., 2019. Krupnyy Mazepovskiy klad obrezannyh dirhemov sere diny X v. iz Kurskoy oblasti [Large Mazepavsky Hoard of Cut Dirhams from the Mid-10th Century from the Kursk Region]. *Rus', Litva, Orda* [Rus', Lithuania, Horde], iss. 7. Tula, Borus-Print Publ., pp. 15-69.
- Lebedev V.P., Rispling G., 2017. Belovskiy klad kuficheskikh dirhamov pervoy chetverti X v. iz Kurskoy oblasti [Belovsky Hoard of Kufic Dirhams Dated First Quarter of the 10th Century from the Kursk Region]. *Arheologiya evraziyskikh stepey* [Archaeology of the Eurasian Steppes], no. 6, pp. 51-64.
- Lebedev V.P., Sotnikov A.V., Shpilev A.G., 2009. Klad arabskikh i vizantiyskikh monet 70-h godov X v. iz derevni 1-e Krasnikovo Kurskoy oblasti [A Hoard of Arab and Byzantine Coins from the 970s from the Village of 1st Krasnikovo in the Kursk Region]. *Srednevekovaya numizmatika Vostochnoy Evropy* [Medieval Numismatics of Eastern Europe], iss. 3. Moscow, Drevlekhranilishche Publ., pp. 6-16.
- Lebedev V.P., Starodubtsev G.Yu., 2014. Koshelek s Severianskimi rezanami X v. iz Kurskoy oblasti [Purse with Severian Rezany of the 10th Century from the Kursk Region]. *Verhnedonskoy arheologicheskoy sbornik* [Verkhnedonskoy Archaeological Collection], iss. 6. Lipetsk, LSPU, pp. 397-402.
- Lebedev V.P., Starodubtsev G.Yu., 2016. Klad obrezannyh dirhemov s Zhernoveckogo selishcha Kurskoy oblasti [A Hoard of Cut Dirhams from the Zhernovetskoye Settlement in the Kursk Region]. *III Mezhdunarodnaya numizmaticheskaya konferentsiya «Epoха vik ingov v Vostochnoy Evrope v pamyatnikah numizmatiki VIII–XI vv.»*, Sankt-Peterburg, Staraya Ladoga, 22–24 apr. 2016 g. [3rd International Numismatic Conference “The Viking Age in Eastern Europe in Numismatic Artifacts of the 8th – 11th Centuries”, Saint Petersburg, Staraya Ladoga, April 22–24, 2016]. Saint Petersburg, Znak Publ., pp. 7-23.
- Markov A.K., 1910. *Topografiya kladov vostochnykh monet (sasanidskikh i kuficheskikh)* [Topography of Hoards of Eastern Coins (Sasanian and Kufic)]. Saint Petersburg, Tip. Imp. akad. nauk. 148 p.
- Nazarenko A.V., 1996. Proiskhozhdenie drevnerusskogo denezhno-vesovogo scheta [The Origin of the Ancient Russian Monetary-Weight Account]. *Drevneyshie gosudarstva Vostochnoy Evropy. 1994 g. Novoe v numizmatike* [The Oldest States of Eastern Europe. 1994. New in Numismatics]. Moscow, Arheogr. Tsentr Publ., pp. 5-79.
- Nunan T.S., 2004. Torgovlya Volzhskoy Bulgarii s samanidskoy Sredney Aziey v X v. [Trade Between Volga Bulgaria and Samanid Central Asia in the 10th Century]. *Arheologiya, istoriya, numizmatika, etnografiya Vostochnoy Evropy* [Archaeology, History, Numismatics, Ethnography of Eastern Europe]. Saint Petersburg, SPbSU, pp. 256-313.
- Pashinskiy V.M., 2018. Metod opredeleniya minimalnogo srednego vremeni obrashcheniya monet na rynke (na primere kuficheskikh dirhamov v Vostochnoy Evrope X v. [Method for Determining the Minimum Average Circulation Time of Coins on the Market (Using the Example of Kufic Dirhams in Eastern Europe in the 10th Century)]. *Vostochnaya Evropa v drevnosti i Srednevekove: materialy XXX yubil. chteniy pamyati chl.-kor. AN SSSR Vladimira Terent'evicha Pashuto, Moskva, 17–20 apr. 2018 g.* [Eastern Europe in Antiquity and the Middle Ages. Proceedings of the 30th Anniversary Readings in Memory of Vladimir Terentievich Pashuto, Corresponding Member of the USSR Academy of Sciences. Moscow, April 17–20, 2018]. Moscow, pp. 224-229.
- Pashinskiy V.M., 2019. Ekonomicheskie i politicheskie posledstviya borby knyazya Svyatoslava za dominirovanie v Vostochnoy Evrope (po dannym o kladah kuficheskikh dirhamov) [Economic and Political Consequences of Prince Svyatoslav's Struggle for Dominance in Eastern Europe (Based on Data on Kufic Dirham Hoards)]. *Rossiyskaya istoriya* [Russian History], no. 4, pp. 54-65.
- Petrov P.N., Kalinin V.A., 2004. Obrezannye kuficheskie dirhemy X v. [Clipped Kufic Dirhams of the 10th Century]. *Drevnosti Povolzhya i drugih regionov. Numizmaticheskoy sbornik* [Antiquities of the Volga Region and Other Regions. Numismatic Collection], vol. 4. Moscow, Numizmat. lit. Publ., pp. 181-210.
- Potin V.M., 1993. *Monety. Klady. Kollektzii. Ocherki numizmatiki* [Coins. Treasures. Collections. Essays on Numismatics]. Saint Petersburg, Iskusstvo-SPb. Publ. 302 p.
- Suhobokov O.V., 1990. *Drevnerusskiy Putivl' i ego okrug (po materialam arheologicheskikh issledovaniy)* [Old Russian Putivl and Its Surroundings (Based on Archaeological Research)]. Putivl'. 152 p.
- Fomin A.V., 1988. Topografiya kuficheskikh monet mezhdurechya Dnepra i Desny [Topography of Kufic Coins Between the Dnieper and Desna Rivers]. *Chernigov i ego okrug v IX–XIII vv.* [Chernigov and Its Districts in the 9th – 13th Centuries]. Kyiv, Naukova dumka Publ., pp. 74-80.
- Fomin A.V., 1995. Drevnerusskie denezhno-monetnye rynki v 70–80-h godakh X v. [Old Russian Monetary and Coin Markets in the 70–80s of the 10th Century]. *Drevneyshie gosudarstva Vostochnoy Evropy. Materialy*

- i issledovaniya. 1992–1993 gg.* [The Oldest States of Eastern Europe. Materials and Research. 1992–1993]. Moscow, Nauka Publ., pp. 63-73.
- Fomin A.V., 2002. Yuzhnorusskiy klad kuficheskikh dirhamov kontsa X v. [South Russian Hoard of Kufic Dirhams from the End of the 10th Century]. *X Vserossiyskaya numizmaticheskaya konferentsiya, Pskov, 15–20 apr. 2002 g.* [The Tenth All-Russian Numismatic Conference, Pskov, April 15–20, 2002]. Moscow, SHM, pp. 55-56.
- Chubur A.A., Gur’yanov V.N., 2020. K voprosu o severiansko-vyatichskom pogranich’е i prirodnyh frontirah [To the Question of the Severian-Vyatichi Borderland and Natural Frontiers]. *Vostochnoslavianskiy mir Dnepro-Donskogo mezhdurechya v epohu srednevekovya: materialy Mezhdunar. nauch. konf., posvyashch. 100-letiyu so dnya rozhdeniya A.N. Moskalenko (1918–1981) i 90-letiyu issledovaniy pamyatnikov donskih slavyan ekspeditsiy GAIMK 24–26 okt. 2018 g.* [The East Slavic World of the Dnieper-Don Interfluvium in the Middle Ages. Proceedings of the International Scientific Conference Dedicated to the 100th Anniversary of the Birth of A.N. Moskalenko (1918–1981) and the 90th Anniversary of the Research of Don Slavic Monuments by the GAIMK Expedition, October 24–26, 2018]. Tula, The State Museum-Reserve “Kulikovo pole”, pp. 229-237.
- Shpilev A.G., 2008. Luchevye i lopastnye visochnye koltsa Kurskogo kraya (IX – nachalo XIII v.) [Radial and Lobate Temporal Rings of the Kursk Region (9th – Early 13th Century)]. *Slavyano-russkie drevnosti Dneprovskogo Levoberezhya: materialy konf., posvyashch. 75-letiyu so dnya rozhdeniya K.F. Sokola* [Slavic-Russian Antiquities of the Dnieper Left Bank: Proceedings of the Conference Dedicated to the 75th Anniversary of the Birth of K.F. Sokol]. Kursk, KSU, pp. 189-201.
- Yanin V.L., 1956. *Denezhno-vesovye sistemy russkogo srednevekovya* [Monetary-Weight Systems of the Russian Middle Ages]. Moscow, MSU. 206 p.
- Lebedev V.P., 2021. Hoards with Tenth-Century Dirhams Found or Published in Eastern Europe in 1990–2014. *Rus’, Lithuania, Horde: Journal of Numismatics and Sigillography*, vol. 9. Vilnius, Petro ofsetas, pp. 14-42.
- Vasmer R., 1929. *Ein im Dorfe Staryi Dedin in Weissrussland Gemachter Fund Kufischer Münzen*. Stockholm. 45 S.

Information About the Author

Vladimir V. Enukov, Doctor of Sciences (History), Director of the Research Institute of Archaeology of South-Eastern Rus’, Kursk State University, Radishcheva St, 33, 305000 Kursk, Russian Federation, vyenukov@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0002-5603-1386>

Информация об авторе

Владимир Васильевич Енуков, доктор исторических наук, директор НИИ археологии юго-востока Руси, Курский государственный университет, ул. Радищева, 33, 305000 г. Курск, Российская Федерация, vyenukov@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0002-5603-1386>

DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2026.1.6>

UDC 902.2
LBC 63.4(2)

Submitted: 10.10.2024
Accepted: 06.11.2024

MULTI-ROOM HOUSES OF THE SAMOSDELSKOYE SETTLEMENT (BASED ON THE MATERIALS OF THE 1st EXCAVATION)

Emma D. Zilivinskaya

N.N. Miklouho-Maclay Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation;
Tatishchev Astrakhan State University, Astrakhan, Russian Federation

Abstract. The article is devoted to the publication of materials from the excavations of the Samosdelskoye settlement, a multi-layered archaeological monument that existed from the Khazar period (9th – 10th centuries) until the first half of the 14th century in the Lower Volga region. In the lower (Khazar) layers of the monument, residential buildings were represented by yurt-shaped dwellings, semi-dugouts, and single-room houses made of turluk. Researchers associate layers from the 11th to the first half of the 13th century with the city of Saksin, known from written sources. At this time, multi-room houses built from adobe and recycled fired brick appeared in the settlement. The article takes a detailed look at one such house; in it there are at least five rooms. This layout was not original but arose as a result of combining separate rooms into one. The building had two construction periods. In the first period, its walls were built mainly of adobe bricks. Some walls had a shell-like structure, and their outer facades were made of small fragments of fired brick. In the second period, all the walls were built from the outside using whole fired bricks and their large fragments. The filling between the shells was made of clay with small brick fragments. During the reconstruction, the general layout of the house did not change. A special feature of this building is the presence of a strip foundation under some rooms, which is completely uncharacteristic for this time. An analysis of the reconstructions suggests that the house of the first period perished as a result of some catastrophic event that affected the entire city. Subsequently, the building was restored to its original volume.

Key words: Lower Volga region, Middle Ages, city of Saksin, house building, multi-room houses, adobe brick, fired brick, cased walls, foundation.

Citation. Zilivinskaya E.D., 2026. Mnogokomnatnye doma Samosdel'skogo gorodishcha (po materialam I raskopa) [Multi-Room Houses of the Samosdelskoye Settlement (Based on the Materials of the 1st Excavation)]. *Nizhnevolzhskiy Arkheologicheskiy Vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], vol. 25, no. 1, pp. 123-143. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2026.1.6>

УДК 902.2
ББК 63.4(2)

Дата поступления статьи: 10.10.2024
Дата принятия статьи: 06.11.2024

МНОГОКОМНАТНЫЕ ДОМА САМОСДЕЛЬСКОГО ГОРОДИЩА (ПО МАТЕРИАЛАМ I РАСКОПА)

Эмма Давидовна Зиливинская

Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, г. Москва, Российская Федерация;
Астраханский государственный университет им. В.Н. Татищева, г. Астрахань, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена публикации материалов раскопок Самосдельского городища, многослойного памятника, существовавшего с хазарского времени (IX–X вв.) по первую половину XIV в. в Нижнем Поволжье. В нижних (хазарских) слоях памятника жилые постройки были представлены юртообразными жилищами, полуземлянками и однокомнатными турлучными домами. Слои XI – первой половины XIII в. исследователи связывают с городом Саксином, известным по письменным источникам. В это время на городище возникают многокомнатные дома, построенные из сырца и обожженного кирпича вторичного использования. В статье подробно рассматривается один из таких домов, в котором было не менее пяти помещений. Такая планировка не была изначальной, а возникла в результате соединения отдельных комнат воедино. Здание имело два строительных

периода. В первом периоде стены его были сложены преимущественно из сырцового кирпича. Некоторые стены имели панцирное строение, и внешние фасады их были сложены из мелких обломков обожженного кирпича. Во втором периоде все стены были сложены с внешних сторон из целых обожженных кирпичей и их крупных обломков. Забивка между панцирями была из глины с мелкими обломками кирпича. При перестройке общая планировка дома не изменилась. Особенностью этой постройки является наличие ленточного фундамента под некоторыми помещениями, что совершенно не характерно для этого времени. Анализ перестроек позволяет предположить, что дом первого периода погиб в результате какого-то катастрофического события, затронувшего весь город. Впоследствии здание было восстановлено в первоначальном объеме.

Ключевые слова: Нижнее Поволжье, средневековье, город Саксин, домостроительство, многоквартирные дома, сырцовый кирпич, обожженный кирпич, панцирные стены, фундамент.

Цитирование. Зиливинская Э. Д., 2026. Многокомнатные дома Самосдельского городища (по материалам I раскопа) // Нижневолжский археологический вестник. Т. 25, № 1. С. 123–143. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2026.1.6>

Введение

Самосдельское городище является довольно известным памятником, расположенным в низовьях Волги, в самом центре ее дельты. Обнаружение его в 90-е гг. XX в. стало своеобразной сенсацией, так как оно явилось первым открытым поселенческим памятником домонгольского периода в Нижнем Поволжье. До этого считалось, что города и более мелкие поселения возникают на этой территории только в период господства Золотой Орды. Самосдельское городище является многослойным памятником. Самые ранние слои его датируются IX–X вв. (хазарский период), затем следуют постхазарские слои (XI – первая половина XIII в.), и наконец, городище доживает до золотоордынского периода (вторая половина XIII – первая половина XIV в.), а затем погибает в результате трансгрессии Каспийского моря [Зиливинская и др., 2003; 2006]. Поселение хазарского времени исследователи связывали со столицей Хазарского каганата Итилем [Зиливинская, Васильев, 2008; Васильев, Зиливинская, 2011], однако доказать эту гипотезу достоверно пока не удалось, и она вызвала множество возражений (например, [Флеров, 2011, с. 107–119]). Кроме того, в последние годы в том же районе Астраханской области было найдено еще несколько памятников хазарского времени [Котеньков и др., 2020; Соловьев и др., 2021; Котеньков, Соловьев, 2022], которые также стали рассматриваться в качестве потенциальных «претендентов» на статус столицы Хазарии. По крайней мере, таковыми их объявили средства массовой информации. Что касается поселения более позднего, пост-

хазарского времени на Самосдельском городище, то его исследователи считают городом Саксином, известным ранее только по письменным источникам [Васильев, Зиливинская, 2011; Васильев, 2015].

За более чем 20 лет раскопок были исследованы десятки сооружений, прежде всего жилищ, причем в разное время эти жилища отличались друг от друга. В самых нижних слоях находились юртообразные постройки, чуть позже появляются полуземлянки и турлучные дома [Зиливинская и др., 2009; Болдырева и др., 2020; Зиливинская, 2021]. В слоях XI – первой половины XIII в., то есть саксинский период, возникают наземные дома, построенные из сырца и обожженного кирпича вторичного использования. Причем дома эти большие и часто многокомнатные. Данная работа является публикацией одного такого дома, найденного на I раскопе Самосдельского городища.

Описание сооружения

Контуры стен большого многокомнатного дома на I раскопе появились на уровне IV пласта. Полностью здание было расчищено на уровне V–VI пластов. Впоследствии выяснилось, что это второй строительный период постройки, которая получила условное название «сооружение 9». Так как сначала был исследован II строительный период, а потом уже I период и фундамент, представляется целесообразным дать описание сооружения в таком же порядке.

Сооружение № 9 было прямоугольным в плане, ориентировано точно по сторонам све-

та (рис. 1). Размеры дома по оси С – Ю составляют 9,3–9,7 м. По оси З – В размеры дома неизвестны, так как западная и восточная части разрушены более поздними постройками и ямами. В сооружении выделяются два строительных периода с отдельными перестройками внутри помещений.

II строительный период (рис. 1–3). Северная внешняя стена сооружения была сложена из обломков обожженных кирпичей на глиняном растворе. С внешней стороны стены обломки кирпичей повернуты торцевой стороной наружу, а середина стены забита мелким кирпичным боем, то есть она сложена панцирной кладкой (рис. 4А). Ширина стены 60–70 см, в высоту она сохранилась на 7–8 слоев кладки. Южная внутренняя сторона стены с западного конца перерезана ямой № 9. Кладка южного фасада стены была не регулярной. В средней части ее в кладке встречаются целые кирпичи, поставленные на ребро, и две «стопки» из 5 целых кирпичей, положенных друг на друга без перевязки. В верхней части кладки на уровне 5-го слоя обломки кирпичей положены наклонно, с заходом друг на друга.

Восточная стена, ограничивающая помещение 1, также была сложена панцирной кладкой. В средней части она разрушена поздним погребением. Северный конец в нижней части состоял из стены I периода. В кладке II периода встречаются целые кирпичи размерами $22 \times 22 \times 4$ см и $25 \times 25 \times 5$ см и обломки больших кирпичей толщиной 6–7 см. Южный конец стены имел ширину 90 см и высоту – 5 слоев кладки. Стена стоит на подсыпке из глины с угольками и турлуком толщиной 20 см. Далее к югу стена разрушена.

Западная стена помещения 1 также была сложена панцирной кладкой, она имела ширину 60–70 см. Лучшее состояние стены сохранилось в центральной части, до 11 слоев кладки. В 1,7 м от северо-западного угла в стене находился проход шириной 108 см, западный край которого выложен обломками кирпичей, обращенными торцевой частью к проходу. Кирпичи закопчены. С запада к порогу ведет черная закопченная поверхность, которая повышается к уровню порога, то есть образует своеобразный пандус. Впоследствии порог был заложен сырцом и обожженными кирпичами ($22 \times 24 \times 5$ см).

В 107–115 см от южной стенки прохода в кладке стены просматривался вертикальный шов. К югу от этого шва характер кладки меняется: нижние 3 слоя кладки сложены из целых кирпичей и половинок, а выше идет нерегулярная кладка из целых кирпичей, обломков и глиняной забивки. На трех нижних слоях кладки прослеживалась прослойка золы. Все это позволяет предположить наличие в этом месте заложенного прохода.

Помещения 1 и 2 разделены стеной, идущей в широтном направлении. Стена сложена из половинок кирпичей размерами $24 \times 24 \times 5$ см. Основание стены находится на 20 см ниже уровня пола в помещениях 1 и 2. Стена насчитывает 10 слоев кладки из кирпичей, положенных горизонтально, выше следует слой из обломков кирпичей, положенных наклонно, с заходом друг на друга на большом количестве глиняного раствора (рис. 4Б). Стена сложена не в перевязку с восточной и западной внешними стенами дома. К западному концу этой стены с южной стороны вплотную пристроена стенка из половинок кирпичей. Длина ее 120 см, высота 6 слоев кладки над уровнем пола помещения 2. Кладка уходит под уровень пола еще на 3 слоя. Размеры кирпичей: $22 \times 22 \times 4$ –5 см, $25 \times 25 \times 4$ –5 см, $36 \times (?) \times 5$ см.

Помещение 1 находилось в северной части здания. Его размеры $3,6 \times 3,6$ м. В нем выделяются две перестройки. Изначально (период IIa) вдоль восточной стены помещения была сделана суфа шириной 120–125 см (рис. 1). Стенка ее сложена из крупных обломков обожженных кирпичей в 3 слоя. Позднее (период IIb) к прямоугольной суфе были пристроены два участка, примыкавшие к южной и северной стенам, в результате чего суфа приобрела П-образную форму (рис. 2–3). Размеры северного участка суфы 100×114 см. Высота стенок 3–4 слоя. Южный участок суфы имел размеры 96×170 см, с высотой стенок 3–4 слоя. Возможно, первоначально северная стенка этой части суфы шла до стены комнаты.

Северо-западный угол помещения 1 был отделен стенкой из 2 рядов кирпичей, поставленных на ребро. Стенка отгораживала пространство размерами 100×160 см. Возможно, здесь находился очаг, так как внутренняя поверхность, отгороженная стенкой, носит следы закопченности. Точно это определить

невозможно, так как угол помещения перерезан более поздней ямой № 9.

В северо-восточном углу помещения 1 находилась яма № 24 (85 × 100 см, глубина 20 см), заполненная перекаленной глиной с углями. Яма, возможно, более поздняя.

Помещение 2 находилось в южной части дома. Северная стена его была южной стеной помещения 1 (рис. 4Б).

Западная стена помещения 2 сложена из сырцов и обожженных кирпичей (рис. 4В). Ширина ее 66–70 см, в высоту кладка сохранилась от трех до двенадцати слоев. В 105 см от юго-западного угла помещения в западной стене был сделан проем шириной 90 см. Порог проема являлся продолжением кладки трех нижних слоев стены. Он был выложен обломками обожженных кирпичей и находился на 12–15 см выше уровня пола помещения 2. Северный край проема был сложен из обожженных кирпичей в 12 слоев. Далее шел участок стены длиной 2 м, состоящий с внутренней стороны помещения 2 из сырцового кирпича, с наружной стороны – из половинок обожженных кирпичей. Общая высота кладки на этом участке – 9 слоев. К северу от этого участка в стене был сделан еще один проем шириной 75–85 см. Боковины проема сложены из обожженных кирпичей, кладка их сохранилась на высоту 6–10 слоев. Со стороны помещения 2 имелся порог из обломков обожженных кирпичей шириной 25 см, высотой – 3 слоя кладки. У южной боковины проема было видно место крепления дверного косяка. Здесь в кладке была сделана выемка шириной 12 см и высотой 16 см. С южной стороны косяк был придавлен камнем.

В 3,4 м от юго-западного угла с внешней стороны к западной стене помещения 2 в перевязку с ней была пристроена стена, идущая в западном направлении. Длина ее 145 см, ширина 65 см. Она была сложена комбинированной кладкой из сырцового и обожженного кирпича и сохранилась на высоту до 14 слоев кладки. В юго-восточном углу, образованном этой широтной стеной и западной стеной помещения 2, находилась кладка из обломков обожженных кирпичей в 2 слоя. Ширина ее 30 см, длина – 45 см. Таким образом, пространство к западу от помещения 2 также представляло собой внутреннюю часть дома.

Здесь, предположительно, находились два помещения (помещения 3 и 4), разделенные широтной стеной. Каждое из них соединялось проходом с помещением 2.

Восточная стена помещения 2 сложена панцирной кладкой. Толщина ее 90–92 см. Западный фас стены состоит из половинок обожженных кирпичей, обращенных торцом наружу (рис. 4Г). Кладка сохранилась на длину 155 см от северо-восточного угла помещения. Стена стоит на подсыпке из глины с угольками, обломками сырцов и турлука толщиной 20 см от уровня пола II периода и 35 см от уровня пола I периода. Высота кладки западного фаса – 3 слоя, кладка восточного фаса сохранилась на высоту 1 слоя.

Южная стена помещения панцирная (рис. 4Д). Северный ее фас сохранился на 3 слоя кирпичей, южный – на 6–7 слоев. Забивка состояла из сырцов и мелких обломков обожженных кирпичей. Ширина стены 80 см, общая длина 2,9 м. В 2,45 м от юго-западного угла помещения 2 стена была разрушена. К востоку от восточной стены помещения 2 отходил участок панцирной стены длиной 135 см, который по направлению являлся продолжением южной стены помещения 2. Северный край имел высоту до 6 слоев кладки, причем нижний слой сложен из сырца. Стена лежала на глиняной подушке толщиной 10 см. В кладке прослеживались кирпичи размерами 23 × 23 × 4 см и 32 × 34 × 8 см. Таким образом, пространство к востоку от помещения 2, вероятнее всего, также представляет собой одно из помещений дома (помещение 5).

Общие размеры помещения 2 составили 3,8–4,3 м по оси С – Ю и 3,0–3,4 м по оси 3 – В. Пол комнаты был глинобитным. В северо-западном углу на полу находилась кладка из целых кирпичей размерами 23–24 × 23–24 × 5 см. Длина кладки 47 см (2 кирпича). Кирпичи лежат друг на друге без перевязки в 3 слоя над уровнем пола.

Внутри комнаты от восточной стены отходила стенка длиной 90 см и шириной 30 см. Она шла параллельно южной стене сооружения на расстоянии 90 см от нее. Кладка не в перевязку с восточной стеной сохранилась на высоту двух слоев. Западный край стенки разрушен. Возможно, она осталась от каких-либо внутренних конструкций (суфы?). Основание

этой стенки лежит выше пола I периода, то есть она относится ко II периоду. В юго-западном углу помещения в полу была обнаружена хумча с четырьмя ручками, вкопанная в пол дном вниз. Дно сосуда не было отбито, следовательно, он использовался для хранения каких-то продуктов, а не в качестве тошны.

I строительный период (рис. 5–8). После разборки стен и полов II строительного периода было обнаружено здание I строительного периода, которое получило условное название «сооружение 9А». Здание имело почти такую же планировку: в нем можно с уверенностью выделить три помещения (№ 1, 2, 4), сохранившихся полностью. Еще два (№ 3 и 5) частично разрушены.

Помещение 1 имело внутренние размеры $3,2 \times 3,2$ м. Северная внешняя стена сооружения была сложена из обломков обожженных кирпичей панцирной кладкой на глиняном растворе. Ширина ее 70 см. В полную ширину стена сохранилась только у северо-восточного угла помещения. Высота кладки в этом месте составляла 6–7 слоев. Внешний ряд обломков кирпичей, образующий северный фас стены, сохранился только у ее северо-восточного угла. Внутренний южный фас также прослеживался фрагментарно у восточного конца стены и в ее средней части. Ближе к западному концу стены южный фас стены образовывали два целых кирпича ($24 \times 24 \times 4$ см), положенных один на другой «стопочкой». Середина стены между двумя «панцирями» из обломков обожженных кирпичей была заложена сырцовыми кирпичами и мелкими обломками обожженных. Кладка сохранилась на высоту трех слоев. В кладке стены в ее северо-западном углу был положен большой ($40 \times 38 \times 15$ см) плоский серый камень без следов обработки.

Восточная стена помещения 1 сооружения 9А была сложена панцирной кладкой из целых обожженных кирпичей и их обломков на глиняном растворе. Размеры целых кирпичей $22 \times 22 \times 4$ см и $25 \times 25 \times 5$ см. В кладке присутствовали также обломки больших кирпичей толщиной 6–7 см. Ширина стены 60 см. Она сохранилась на высоту до 14 слоев кладки. На этом уровне стояла стена сооружения 9, восточный край которой выступал от края нижней стены к востоку на 15–25 см.

Южная стена также была панцирной. Ширина ее составляла 120–130 см. Южный фас ее сложен из мелких обломков обожженных кирпичей, обращенных торцом к югу. Северный фас сложен из обломков обожженных кирпичей и сильно расплывшихся сырцов, кладка сохранилась на высоту 1–3 слоев. Массив стены был забит глиной, но в нем встречаются обрывки кладок из мелких обломков обожженных кирпичей, которые образуют поперечные перегородки в массиве стены. В углу, образованном южной и восточной стенами помещения 1, был положен массивный обломок жернова. В основании юго-западного угла, образованного северным панцирем южной стены и западной стеной помещения, лежат массивные обломки большеформатных кирпичей (толщиной 6 см). Южный фас обкладки стены был использован в более позднем сооружении 9 в качестве тонкой (20–30 см) перегородки между помещениями 1 и 2. Средняя и северная части стены были срублены и на них была поставлена южная суфа помещения 1 сооружения 9. Ширина ее как раз составляла 1 м.

Западная стена сохранилась фрагментарно. Скорее всего, она тоже была панцирной. От нее остался восточный фас, сложенный из мелких обломков обожженных кирпичей, обращенных торцами к востоку. Кладка сохранилась в 1 слой. Кирпичи лежат на глиняной подушке толщиной 5–10 см. Толщина стены составляла не более 50 см, так как на этом расстоянии находится тандыр в помещении 3. Западный панцирь стены не сохранился. Середина стены, вероятнее всего, была забита глиной с примесью очень мелких обломков кирпичей. Остатки этой забивки были видны в северной части стены.

Северная часть южной стены положена в перевязку с западной стеной помещения 1, а южная ее часть примыкает к участку западной стены, который идет от юго-западного угла помещения 1 до северо-восточного угла помещения 4. Этот кусок стены имеет другое строение. Он сложен из целых обожженных кирпичей и крупных обломков в 2 ряда. Кроме того, он не совпадает по направлению ни с западной стеной помещения 1, ни с восточной стеной помещения 4. Скорее всего, эти помещения были сначала построены

отдельно, а потом соединены, и в результате возникло помещение 2. Во время существования сооружения 9 позднего периода дом уже был единым.

Пол помещения 1 сооружения 9 был глинобитным и находился на отметке -180. После снятия пола на отметке -190 в южной части помещения в 30–35 см от южной стены был найден скелет человека без головы и ног (рис. 6, 1–2). Остальные кости скелета лежали в анатомическом порядке с небольшим смещением отдельных частей. Кости торса лежали в положении «на спине» – головой на запад, ногами на восток. Плечевые кости вытянуты вдоль тела, локтевые суставы согнуты под прямым углом, кости предплечья обеих рук лежат на поясе. В районе шейных позвонков лежала берцовая кость. На левой ключице погребенного сохранилась красноглиняная гончарная крышка. У пояса, с левой стороны, была найдена медная пряжка с круглой рамкой из прута круглого сечения с железным язычком. Погребенный лежал не в яме, а в засыпи между полами сооружения 9А и сооружения 9. Скорее всего, это санитарное погребение, которое может свидетельствовать о том, что дом раннего периода (сооружение 9А) погиб в результате какого-то катаклизма, возможно, вражеского набега. Впоследствии на его обломках с частичным использованием сохранившихся стен было построено здание более позднего периода (сооружение 9). Подобная картина наблюдается на II раскопе Самосдельского городища, где были найдены санитарные погребения прямо среди жилых построек, а также прослежено возведение новых домов на остатках старых, причем планировка зданий раннего и позднего периодов сохранялась.

Глинобитный пол сооружения 9А находился на 20–30 см ниже пола сооружения 9. В юго-западном углу помещения находилась глинобитная суфа прямоугольной формы (рис. 8, 1). Она была вытянута по меридиональной оси. Размеры суфы 160 × 70 см, высота – 35–40 см. На суфе находился тандыр, который прослеживался по прокаленному до красного цвета дну диаметром 50 см. Сохранилась южная стенка тандыра высотой 3–4 см, а также остатки обкладки тандыра из сырцов и мелких обломков обожженных кирпичей.

В юго-восточном углу комнаты была найдена нижняя часть вкопанной в пол хумчи диаметром 50 см. Возможно, этот сосуд представлял собой тошну, однако, трудно сказать, к какому периоду она относится.

Помещение 2 примыкало к помещению 1 с юга. Оно имело трапециевидную форму. Длина его в восточной части составляла 3,8 м, в западной – 4,4 м. Ширина по оси 3–В – 2,8 м. Северная стена помещения 2 являлась южной стеной помещения 1. С запада помещение было ограничено восточной стеной помещения 4 и участком стены, соединяющим стены помещения 4 и помещения 1. От восточной стены сохранился небольшой участок в южной части. Здесь прослеживалось основание стены из глины с примесью обломков кирпичей. Длина участка 1,2 м, ширина стены в этой части 70 см. Южная стена, вероятно, была панцирной. В нижней части ее сохранился участок обкладки северного фаса стены из мелких обломков обожженных кирпичей (рис. 4И). Высота этой кладки 1–2 слоя. Середина стены была забита глиной. Обкладка южного фаса стены не сохранилась.

После снятия пола помещения 2 сооружения 9 появился земляной пол помещения в сооружении № 9А. В полу было обнаружено несколько ям. Яма в юго-западном углу помещения осталась от хумчи, которая была вкопана в пол помещения сооружения 9. Рядом с ней была обнаружена яма № 124, которая относилась к раннему сооружению 9А. Яма круглая в плане диаметром 65–70 см. Заполнение ее состояло из серой золистой супеси с кусочками угольков и сырцов. Яма № 125 находилась у середины западной стены помещения. Яма подквадратная с сильно закругленными углами, размеры ее 70 × 70 см, глубина 23–25 см. Заполнение состояло из сырцовой массы с обломками кирпичей.

В северо-западной части помещения прослеживалось большое пятно овальной формы, вытянутое в меридиональном направлении. Размеры его 1,6 × 2 м. Пятно состояло из расплывшейся сырцовой массы с обломками сырцов, обожженных кирпичей и сгоревших обуглившихся досок. Доски шириной 10–15 см лежали беспорядочно, в разных направлениях. У северной стены помещения находилось скопление лежащих горизонтально обломков

обожженных кирпичей. Примерно у середины стены, в 30 см к югу от нее, они образовывали что-то вроде вымостки размерами 50×35 см из крупных обломков кирпичей. У юго-восточного угла пятна в полу находилась столбовая ямка диаметром 15 см. После того как скопление кирпичей и обгорелых досок было снято, под ними было выявлено пятно ямы № 157. Яма имела овальную форму и была ориентирована по оси С – Ю (рис. 7, 1–2). Размеры в верхней части $2,6 \times 2,0$ м, у дна – $2,2 \times 1,4$ м, глубина – 80–85 см. Возле ямы на земляном полу была найдена железная лопата (рис. 8, 3). Эта яма, скорее всего, являлась погребком в помещении 2 или же во дворе при помещениях 1 или 4 еще до того, как они были соединены и возникло помещение 2. В этом случае обгорелые доски – это остатки крыши, закрывавшей этот погребок.

Помещение 4 находилось к западу от помещения 2. Помещение было трапециевидным в плане: южная стена не была перпендикулярна западной и восточной стенам. Размеры помещения 3,0 м по оси З – В и 2,6–3,2 м по оси С – Ю. Южная стена сложена из сырцов, целых и обломков, положенных в 3 ряда. Размеры наиболее сохранившихся сырцов $27\text{--}28 \times 27\text{--}28 \times 5\text{--}6$ см. Кладка на глиняном растворе сохранилась в высоту на 1 слой. На западном конце стены сохранилось несколько обломков обожженных кирпичей, которые образовывали второй слой кладки стены. Ширина стены 65 см. Западная стена имела строение, аналогичное южной стене. Ширина ее 60 см, она также сохранилась на высоту 1 слоя кладки. Западная стена не доходила до южной. Между ними оставался проем шириной 90 см. Возможно, здесь находился скользящий проход, который вел в помещение 4. Восточная стена являлась западной стеной помещения 2 (рис. 4Ж). В ней находился проход, соединяющий помещения 2 и 4. Нижний слой кладки стены был сделан из сырцов. На нем лежали три слоя кладки из целых обожженных кирпичей и крупных обломков. Данная часть стены, скорее всего, относилась к раннему сооружению 9А, так как на этом уровне хорошо видно, что к северо-западному углу помещения пристроен участок стены, соединяющий его с помещением 1. В более позднем

сооружении 9 выше этого уровня шла сплошная кладка западной стены помещения 2, и шов между изначальной стеной и пристроенной к ней не прослеживался. Северная стена также относилась к сооружению 9А в нижней части (слой сырцов и 3–4 слоя обожженных кирпичей), выше она была выложена в более позднем периоде. Ширина стены 65–70 см. Никаких внутренних конструкций в помещении 4 обнаружено не было.

К западу от помещений 2 и 1, вероятно, находилось *помещение 3*, которое было почти полностью разрушено более поздней землянкой № 1. Южная стена помещения 3 являлась северной стеной помещения 4, а восточная стена – западной стеной помещений 2 и 1. В ней находились проходы, которые соединяли эти комнаты с помещением 3 (рис. 4Е). При расчистке помещения 3 более позднего сооружения 9 у южной стенки прохода в помещение 1 были обнаружены остатки кладки из обломков обожженных кирпичей, которые уходили под основание стены. Когда западная стена помещения 2 сооружения 9 была разобрана, удалось проследить эту стенку полностью. Она шла в широтном направлении и имела длину 110 см и ширину 30 см. Стенка сложена из обломков обожженных кирпичей на глиняном растворе, в высоту сохранилась на 2–4 слоя. Скорее всего, эта стенка являлась стенкой какой-либо внутренней конструкции – суфы, или обкладки тандыра, который был пристроен к ней с южной стороны (рис. 8, 2). Тандыр был обнаружен после разборки западной стены сооружения 9: он находился прямо под ней. Тандыр имел расширяющиеся книзу стенки, которые сохранились на высоту 10–15 см. В верхней части стенок диаметр его составлял 45 см, в нижней – 55 см. Дно тандыра и нижняя часть его стенок по периметру были обложены обломками обожженных кирпичей. В заполнении обнаружена зола. Пол помещения был глинобитным.

Помещение 5 находилось к востоку от помещений 1 и 2. Восточная стена помещений 1 и 2 являлась западной стеной помещения 5. Она сохранилась фрагментарно на высоту 1–4-х слоев кладки (рис. 4К). От восточной стены помещения 2 отходил участок стены шириной 75–80 см, который по направлению являлся продолжением его южной стены.

Стена сохранилась на длину 2,9 м (рис. 4И, 4З). В нижней части кладка стены состояла из обломков сырца на глиняном растворе. К северу от южной стены помещения находилось пятно сырцово-красной массы размерами 1,9 × 1,0–1,4 м, которое имело только один ровный край – восточный. В 120 см от северного края южной стены помещения 5 на этом пятне были видны остатки тандыра в виде бесформенного пятна белой плотной придонной золы и рухнувших красных стенок, которые перекрывали зольное пятно. Вероятно, сырцовое пятно является остатками глинобитной суфы, на которой стоял тандыр. Остатки еще одного тандыра были обнаружены в юго-западном углу помещения. Здесь был найден участок стенки тандыра, встроенный в угол. Северная и восточная части помещения разрушены современной силосной ямой.

После полной разборки стен помещения 9А на зачистке VII штыка были прослежены пятна плотного мелкокомковатого пестрого суглинка с включением угольков и турлучной крошки (перемешанного до однородного состояния культурного слоя). Этот слой залегал широкими полосами точно под восточной и южной стенами помещения 2 и под всеми четырьмя стенами помещения 4. Первоначально предполагалось, что он представляет собой нивелировочную подсыпку под стены. После повторной зачистки эти пятна не исчезли, а только четче оконтурились. Стало ясно, что под стенами находились траншеи, заполненные мешаным культурным слоем. Заполнение траншей было выбрано с оставлением поперечных бровок и прослежено строение траншей фундамента под стенами сооружения 9А (рис. 9). Исследования кладок сооружения 9А привели к выводу, что первым было построено помещение 4. Оно имело наиболее глубокие траншеи фундамента. Северная траншея имела ширину 70–75 см и глубину 69–75 см, восточная траншея – ширину 85–90 см и глубину 66–76 см. Южная траншея была прокопана не под прямым углом к восточной, ее ось имела отклонение к югу. Ширина составляла 60–70 см, глубина – 77 см. Западная траншея частично оказалась за пределами раскопа, поэтому ширину ее измерить не удалось. Глубина западной траншеи 75–80 см.

Южная траншея фундамента помещения 2 по своей оси совпадала с траншеей южной стены помещения 4, но восточный край ее отстоял на 38–40 см от западного края траншеи помещения 4. Вероятно, ее копали несколько позже, когда стены помещения 4 уже были возведены, и к ним не стали подкапываться вплотную. Ширина траншеи 80–82 см, глубина – 50–65 см. Траншея фундамента восточной стены помещения 2 была направлена под прямым углом к южной траншее. Ширина ее 80 см, длина – 5,65–5,7 м. Глубина – 42–52 см. Остальные стены сооружения 9 фундамента не имели.

Все траншеи имели ровные отвесные стенки и ровное плоское дно. Заполнение их было однородным и состояло из мелкокомковатого пестрого суглинка с включением угольков, кирпичной и турлучной крошки, мелких обломков кирпичей, костей животных и небольшого количества керамики. Вероятно, траншеи были специально забиты тщательно перемешанным культурным слоем. Заполнение траншей было довольно плотным, но хорошо отходило от стенок траншей. Тем не менее, когда заполнение было вынуто, оказалось, что стенки траншей помещения 4 состоят из такого же пестрого суглинка, что казалось странным, так как траншеи на глубину 60–70 см перерезали культурный слой. Дальнейшие исследования показали, что вертикальные стенки траншей были оштукатурены мешаным культурным слоем. На стенках он был более плотным и держался довольно хорошо. Толщина этой «штукатурки» 3–8 см. После того как она была снята с бортов траншей, стало ясно, зачем вообще был нужен этот примитивный фундамент. В бортах траншей видно, что ниже того уровня, с которого возводились стены, находится довольно мощный и рыхлый горелый слой. Если бы стены возводились непосредственно с поверхности, то они непременно перекошились бы и просели. Сооружение фундамента из однородного грунта должно было препятствовать этому. Для того чтобы стенки траншей, состоящие из рыхлого слоя золы и саж, не осыпались, их даже покрыли слоем раствора из того же культурного слоя. Траншеи фундамента помещения 1 были выкопаны в более плотных слоях, и их стенки не нужно было укреплять.

Выводы

Таким образом, изучение сооружения 9 на I раскопе Самосдельского городища позволяет сделать ряд наблюдений и выводов как о домостроительстве в XI–XII вв., так и о некоторых этапах существования города Саксина. Прежде всего следует отметить невысокий уровень мастерства строителей, возводивших это здание. Это выражается как в довольно нерегулярной системе кладки, так и в том, что не все стены перпендикулярны и параллельны друг другу. В то же время проходы в помещения и фасы стен отделаны достаточно аккуратно. Изначально здание не имело единого плана. Оно возникло в результате объединения нескольких отдельных комнат. Так, первоначально были возведены помещения 4 и 1, а затем их объединили в одну постройку, и между ними образовалось помещение 2. Об очередности постройки других комнат судить сложно, так как они почти полностью разрушены. В связи с этим абсолютно бессмысленно искать какие-либо истоки планировки у других народов и на других памятниках. Такое механическое соединение отдельных помещений встречается достаточно часто там, где нет устойчивых традиций домостроительства. Что касается приемов кладки, в которой присутствуют участки из целых кирпичей, положенных друг на друга «стопочкой», и рядов кирпичей, лежащих наклонно с заходом друг на друга, то такая система встречается в Средней Азии в кладках как из сырцового, так и обожженного кирпича (см., например: [Хмельницкий, 1992, с. 150; 2000, с. 35]). Однако уверенно говорить о среднеазиатском влиянии пока преждевременно.

Совершенно уникальным является наличие фундамента в двух помещениях сооружения. Ни в Хазарском каганате, ни в золотоордынских городах Поволжья стены жилых построек фундаментов не имели. Здесь же, чтобы избежать просадки стен, саксинские строители сделали в рыхлом грунте своеобразный ленточный фундамент

из тщательно перемешанного однородного культурного слоя. И это оригинальное решение как раз свидетельствует о наличии некоторого мастерства и опыта в возведении зданий.

Сооружение 9 имело два строительных периода. В первом периоде стены здания состоят преимущественно из сырца, хотя некоторые из них сложены панцирной кладкой, и внешняя обкладка сделана из мелких обломков обожженного кирпича. Здание второго периода имело точно такую же планировку, и стены его были поставлены на стены дома первого периода, иногда с небольшим смещением. Однако стены позднего здания все панцирные и кирпичная кладка их внешних фасов состоит из крупных обломков обожженных кирпичей. В ней достаточно часто встречаются целые кирпичи, среди которых найдено несколько лекальных. Наличие санитарного погребения между полами I и II периодов позволяет предположить, что первоначальный дом, построенный из сырца, погиб в результате какой-то катастрофы, возможно, вражеского набега. Впоследствии люди вернулись на обжитое место, разровняли остатки стен и построили на них новый дом привычной для них планировки. Однако стены нового жилища были сложены из обожженных кирпичей вторичного использования. А это означает, что в результате каких-то событий пришли в запустение и были разобраны на кирпич неизвестные нам крупные постройки. Присутствие в кладке сооружения 9 лекальных кирпичей может косвенно свидетельствовать о сложной архитектуре этих построек. То есть можно сделать вывод о том, что в конце XI – начале XII в. происходили события, которые повлияли не только на судьбу сооружения 9 и его обитателей, но и судьбу всего города. Следует отметить, что данное предположение подтверждается материалами II раскопа, где также были найдены санитарные погребения прямо в жилищах [Васильев и др., 2025]. Причем некоторые из погребенных явно умерли насильственной смертью.

ПРИЛОЖЕНИЯ

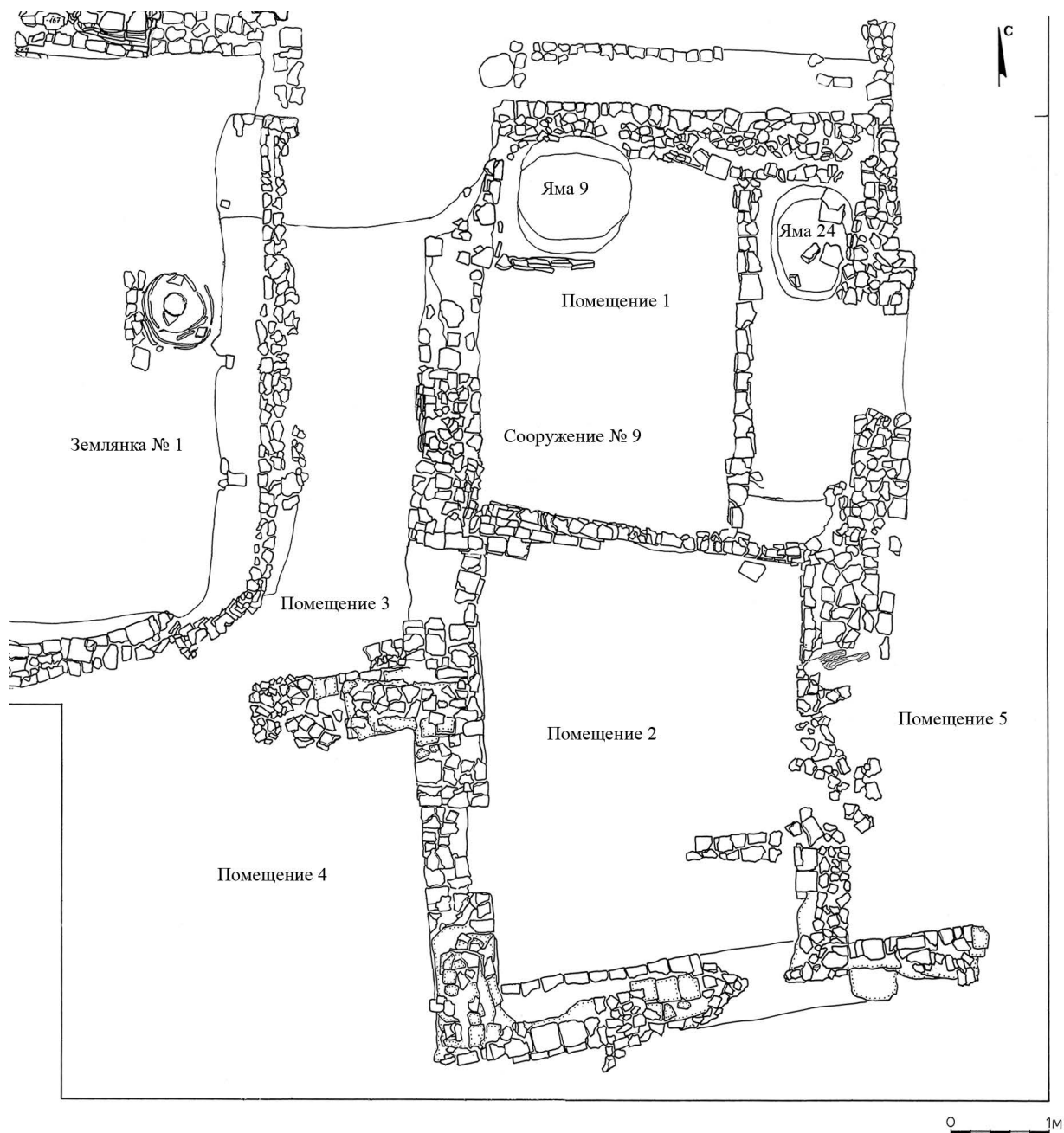

Рис. 1. Сооружение 9, II строительный период, первый период в помещении 1, план
(чертеж из отчета автора)

Fig. 1. Building 9, the 2nd construction period, first period in room 1, plan (drawing from the author's report)

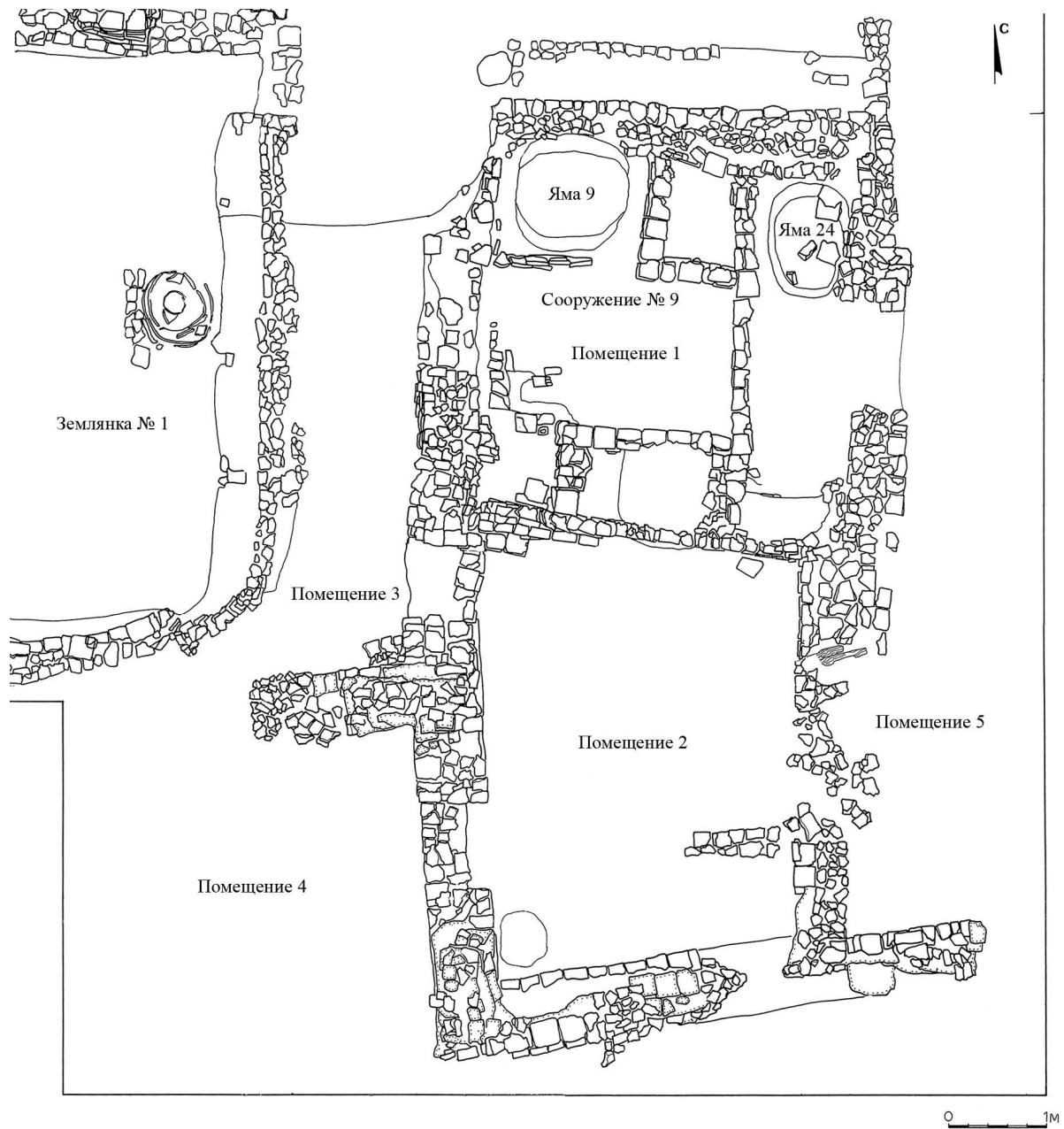

Рис. 2. Сооружение 9, II строительный период, второй период в помещении 1, план (чертеж из отчета автора)

Fig. 2. Building 9, the 2nd construction period, second period in room 1, plan (drawing from the author's report)

1

2

3

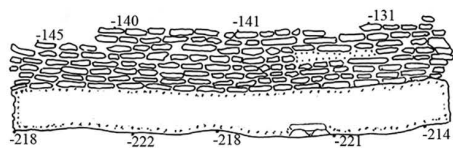
Рис. 3. Сооружение 9, II строительный период:

1 – вид с востока; 2 – вид с запада; 3 – вид с юга (фото автора)

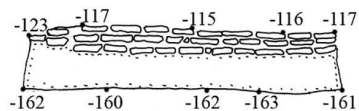
Fig. 3. Building 9, the 2nd construction period:

1 – view from the east; 2 – view from the west; 3 – view from the south (photo by the author)

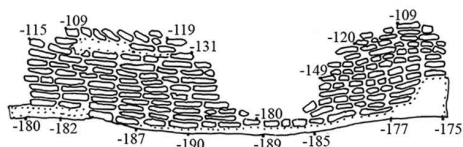
А. Фас северной стены помещения 1. Вид с С

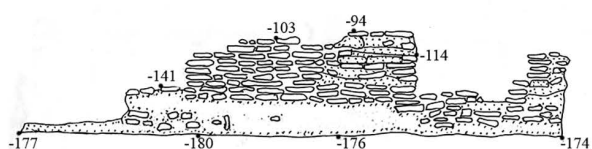
Д. Фас южной стены помещения 2. Вид с С

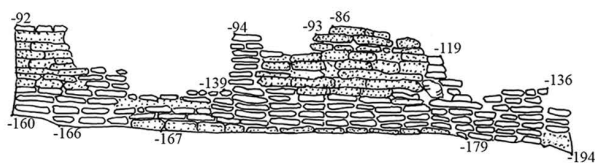
Б. Фас северной стены помещения 2. Вид с Ю

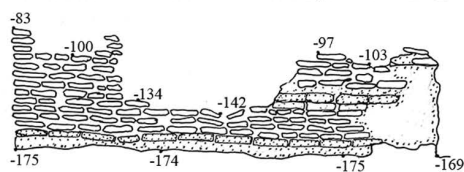
Е. Фас восточной стены помещения 3. Вид с З

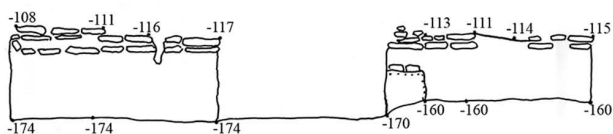
В. Фас западной стены помещения 2. Вид с В

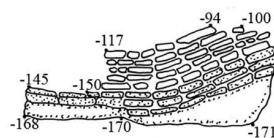
Ж. Фас восточной стены помещения 4. Вид с З

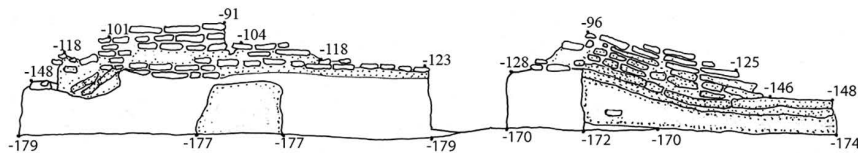
Г. Фас восточной стены помещения 2. Вид с З

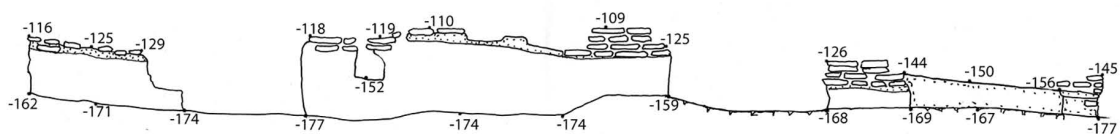
З. Фас южной стены помещения 5. Вид с Ю

И. Фас северной стены помещений 2, 5. Вид с С

К. Фас западной стены помещения 5. Вид с З

0 1м

Рис. 4. Фасы стен сооружения 9 (чертеж из отчета автора)

Fig. 4. Facades of the walls of the building 9 (drawing from the author's report)

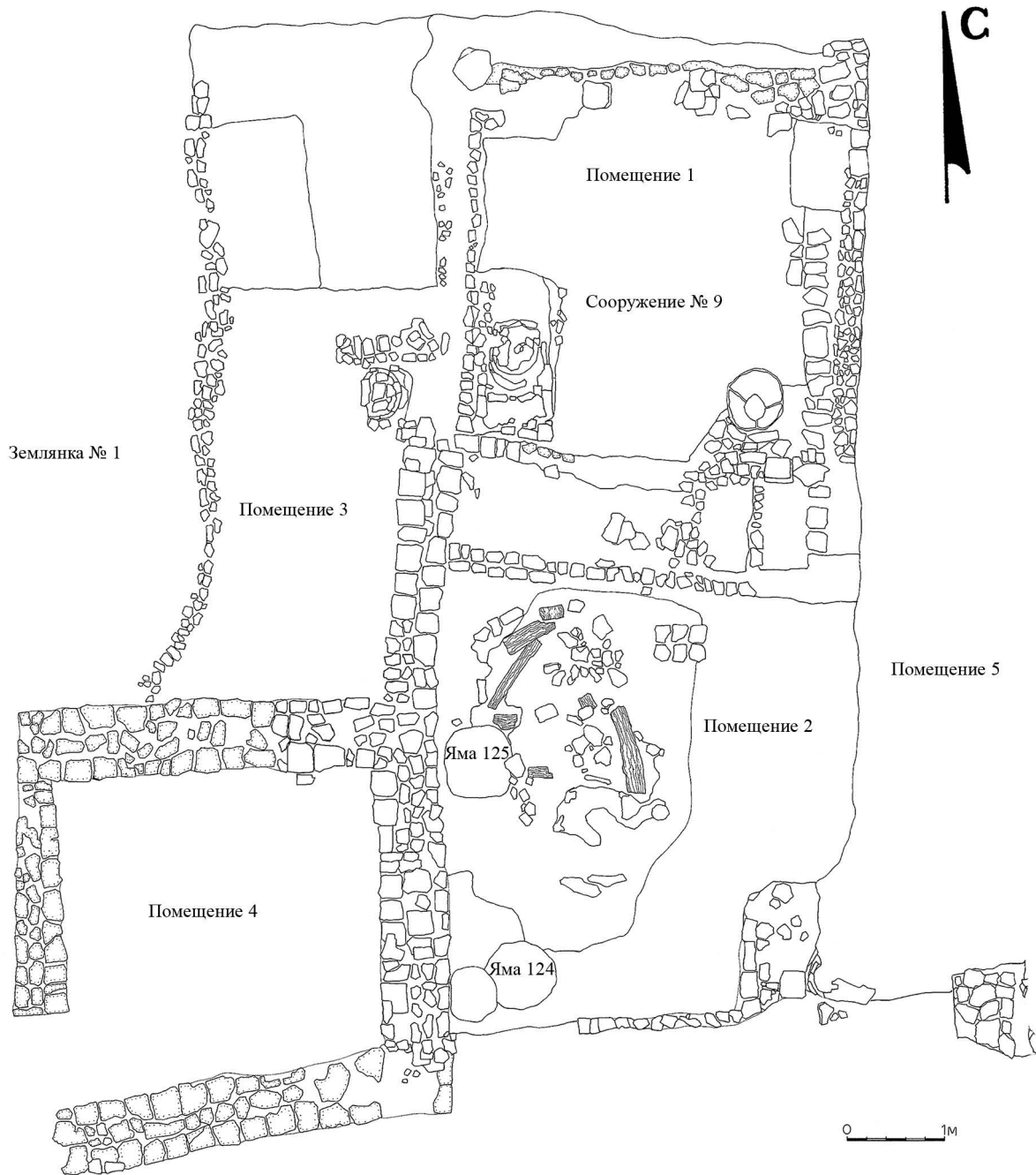

Рис. 5. Сооружение 9А, I строительный период, план (чертеж из отчета автора)
Fig. 5. Building 9A, the 1st construction period, plan (drawing from the author's report)

1

2

3

Рис. 6. Сооружение 9А I строительного периода:

1–2 – скелет между полами I и II периодов; 3 – общий вид с севера (фото автора)

Fig. 6. Building 9A, the 1st construction period:

1–2 – skeleton between the floors of the 1st and 2nd periods; 3 – general view from the north (photo by the author)

1

2

Рис. 7. Сооружение 9А I строительного периода:

1 – общий вид с востока; 2 – общий вид с севера (фото автора)

Fig. 7. Building 9A, the 1st construction period:

1 – general view from the east; 2 – general view from the north (photo by the author)

1

2

3

Рис. 8. Сооружение 9А I строительного периода:

1 – тандыр в помещении 1; 2 – тандыр в помещении 3; 3 – лопата на полу помещения 1 (фото автора)

Fig. 8. Building 9A, the 1st construction period:

1 – tandoor in room 1; 2 – tandoor in room 3; 3 – shovel on the floor of room 1 (photo by the author)

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Болдырева Е. М., Васильев Д. В., Зиливинская Э. Д., 2020. Юртообразные жилища и постройки X–XII вв. на Самосдельском городище // Нижневолжский археологический вестник. Т. 19, № 1. С. 211–229. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2020.1.12>
- Васильев Д. В., 2015. Новые данные о городе и области Саксин // Поволжская археология. № 2. С. 189–268.
- Васильев Д. В., Зиливинская Э. Д., 2011. К вопросу об интерпретации Самосдельского городища на разных этапах его существования // Самосдельское городище: вопросы изучения и интерпретации. Астрахань : Изд. Сорокин Роман Васильевич. С. 158–167.
- Васильев Д. В., Зиливинская Э. Д., Болдырева Е. М., 2025. Комплекс «брошенных» захоронений с территории городища «Самосделка» // Нижневолжский археологический вестник. Т. 24, № 2. С. 171–185. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2025.2.9>
- Зиливинская Э. Д., 2021. Землянки и полуземлянки Самосдельского городища (по материалам I раскопа) // Археология Евразийских степей. № 3. С. 240–254.
- Зиливинская Э. Д., Васильев Д. В., Гречкина Т. Ю., 2003. Городище Самосделка – памятник домонгольского периода в Низовьях Волги // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 3. Донецк : Изд-во ДНУ. С. 83–123.
- Зиливинская Э. Д., Васильев Д. В., Гречкина Т. Ю., 2006. Раскопки на городище Самосделка в Астраханской области в 2000–2004 гг. // Российская археология. № 4. С. 24–35.
- Зиливинская Э. Д., Васильев Д. В., 2008. О вероятной локализации города Итиля на Самосдельском городище в дельте Волги // Тр. II (XVIII) Всерос. археол. съезда в Суздале 2008 г. Т. II. М. : ИА РАН. С. 224–226.
- Зиливинская Э. Д., Васильев Д. В., Ермилов С. В., 2009. Жилища Самосдельского городища (предварительная типология и хронология) // Форум «Идель – Алтай» : материалы науч.-практ. конф. «Идель – Алтай: истоки евразийской цивилизации», I Междунар. конгресса средневековой археологии евразийских степей (7–11 декабря 2009 г., Казань). Казань : Ин-т истории АН РТ. С. 105–107.
- Котеньков С. А., Соловьев Д. С., Тимофеев А. А., 2020. Археологические исследования на бугре «Семибугры-I» в Камызякском районе Астраханской области в 2019 году // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. XXVI. Барнаул : АлГУ. С. 81–86.
- Котеньков С. А., Соловьев Д. С., 2022. Маршрутами Л.Н. Гумилева. Новые хазарские памятники в дельте Волги // Степные миры в зеркале археологии : сб. ст., посвящ. 70-летию ученого-археолога М.К. Хабдулиной. Нур-Султан : ИПARD-Print. С. 214–222.
- Соловьев Д. С., Котеньков С. А., Тимофеев А. А., Стукалов Г. В., Коваленко А. В., 2021. Первые результаты исследований на поселении «Семибугры» // Перекрестки истории. Актуальные проблемы исторической науки : материалы XVII Всерос. науч. конф. (г. Астрахань, 21 мая 2021 г.). Астрахань : АГУ. С. 300–306.
- Флеров В. С., 2011. «Города» и «замки» Хазарского каганата: археологическая реальность. М. : Мосты культуры ; Иерусалим : Gesharim. 260 с.
- Хмельницкий С., 1992. Между арабами и тюрками. Раннеисламская архитектура Средней Азии. Берлин ; Рига : Continent Ltd. 343 с.
- Хмельницкий С., 2000. Между кушанами и арабами. Архитектура Средней Азии V–VIII вв. Берлин ; Рига : Gamajun. 293 с.

REFERENCES

- Boldyreva E.M., Vasil'ev D.V., Zilivinskaya E.D., 2020. Yurtoobraznye zhilishcha i postroyki X–XII vv. na Samosdel'skom gorodishche [Yurta-Shaped Dwellings and Buildings of the 10th – 12th Centuries in Samosdelka Hillfort]. *Nizhnevолzhskiy arheologicheskij vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], vol. 19, no. 1, pp. 211–229. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2020.1.12>
- Vasil'ev D.V., 2015. Novye dannye o gorode i oblasti Saksin [New Data on the City and the Domain of Saksin]. *Povolzhskaya arheologiya* [The Volga River Region Archeology], no. 2, pp. 189–268.
- Vasil'ev D.V., Zilivinskaya E.D., 2011. K voprosu ob interpretatsii Samosdel'skogo gorodishcha na raznyh etapah ego sushchestvovaniya [On the Issue of Interpretation of the Samosdelskoye Settlement at Different Stages of its Existence]. *Samosdel'skoe gorodishche: voprosy izucheniya i interpretatsii* [Samosdelskoye Settlement: Issues of Study and Interpretation]. Astrahan', Sorolin Roman Vasil'evich Publ., pp. 158–167.

- Vasiliev D.V., Zilivinskaya E.D., Boldyreva E.M., 2025. Kompleks «broshennyh» zahoroneniya s territorii gorodishcha «Samosdelka» [Complex of “Abandoned” Burials from the Samosdelka Settlement Territory]. *Nizhnevolzhskiy arheologicheskiy vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], vol. 24, no. 2, pp. 171-185. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2025.2.9>
- Zilivinskaya E.D., 2021. Zemlyanki i poluzemlyanki Samosdel'skogo gorodishcha (po materialam I raskopa) [Dugouts and Semi-Dugouts of Samosdelka Settlement (Based on Materials from Excavation I)]. *Arheologiya Evraziyskikh stepey* [Archaeology of the Eurasian Steppes], no. 3, pp. 240-254.
- Zilivinskaya E.D., Vasil'ev D.V., Grechkina T.Yu., 2003. Gorodishche Samosdelka – pamyatnik domongol'skogo perioda v Nizov'yah Volgi [Samosdelka Settlement – a Monument of the pre-Mongol Period in the Lower Volga]. *Stepi Evropy v epohu srednevekov'ya* [Steppes of Europe in the Middle Ages], vol. 3. Donetsk, DNU, pp. 83-123.
- Zilivinskaya E.D., Vasil'ev D.V., Grechkina T.Yu., 2006. Raskopki na gorodishche Samosdelka v Astrahanskoj oblasti v 2000–2004 gg. [Excavations of the Samosdelka Site: the Region of Astrakhan, 2000–2004]. *Rossiyskaya arheologiya* [Russian Archaeology], no. 4, pp. 24-35.
- Zilivinskaya E.D., Vasil'ev D.V., 2008. O veroyatnoy lokalizatsii goroda Itilya na Samosdel'skom gorodishche v del'te Volgi [On the Probable Localization of the City of Itil on the Samosdelskoye Settlement in the Volga Delta]. *Tr. II (XVIII) Vseros. arheol. syezda v Suzdale 2008 g.* [Proceedings of the II (XVIII) All-Russian Archaeological Congress in Suzdal, 2008], vol. II. Moscow, IA RAS, pp. 224-226.
- Zilivinskaya E.D., Vasil'ev D.V., Ermilov S.V., 2009. Zhilishcha Samosdel'skogo gorodishcha (predvaritel'naya tipologiya i hronologiya) [Dwellings of the Samosdelskoye Settlement (Preliminary Typology and Chronology)]. *Forum «Idel' – Altay»: materialy nauch.-prakt. konf. «Idel' – Altay: istoki evraziyskoy tsivilizatsii», I Mezhdunar. kongressa srednevekovoy arheologii evraziyskikh stepey (7–11 dekabrya 2009 g., Kazan')* [Forum “Idel – Altai”. Materials of the Scientific and Practical Conference “Idel – Altai: the Origins of the Eurasian Civilization”, I International Congress of Medieval Archaeology of the Eurasian Steppes (Kazan, December 7–11, 2009)]. Kazan, IHAS RT, pp. 105-107.
- Koten'kov S.A., Solov'yov D.S., Timofeev A.A., 2020. Arheologicheskie issledovaniya na bugre «Semibugry-I» v Kamyzyakskom rayone Astrahanskoj oblasti v 2019 godu [Archaeological Research on the Semibugry-I hillock in the Kamyzyak District of the Astrakhan Region in 2019]. *Sokhraneniye i izuchenie kul'turnogo naslediya Altayskogo kraya* [Preservation and Study of the Cultural Heritage of the Altai Territory], iss. XXVI. Barnaul, ASU, pp. 81-86.
- Koten'kov S.A., Solov'yov D.S., 2022. Marshrutami L.N. Gumileva. Novye khazarskie pamyatniki v del'te Volgi [Along the Routes of L.N. Gumilev. New Khazar Monuments in the Volga Delta]. *Stepnye miry v zerkale arheologii: sb. st., posvyashch. 70-letiyu uchenogo-arheologa M.K. Khabdulinoj* [Steppe Worlds in the Mirror of Archaeology. Collection of Articles Dedicated to the 70th Anniversary of the Scientist-Archaeologist M.K. Khabdulina]. Nur-Sultan, IPARD-Print, pp. 214-222.
- Solov'yov D.S., Koten'kov S.A., Timofeev A.A., Stukalov G.V., Kovalenko A.V., 2021. Pervye rezul'taty issledovaniya na poselenii «Semibugry» [First Results of Research at the Semibugry Settlement]. *Perekryostki istorii. Aktual'nye problemy istoricheskoy nauki: materialy XVII Vseros. nauch. konf. (g. Astrakhan', 21 maya 2021 g.)* [Crossroads of History. Current Issues of Historical Science: Proceedings of the XVII All-Russian Scientific Conference (Astrakhan, May 21, 2021)]. Astrakhan, Astrakhan State University, pp. 300-306.
- Flyorov V.S., 2011. «Goroda» i «zamki» Khazarskogo kaganata: arheologicheskaya real'nost' [“Cities” and “Castles” of Khazarian Kaganate: Archaeological Reality]. Moscow, Mosty kul'tury Publ., Ierusalim, Gersharim Publ. 260 p.
- Hmel'nitskiy S., 1992. *Mezhdunarabami i tyurkami. Ranneislamskaya arhitektura Sredney Azii* [Between Arabs and Turks. Early Islamic Architecture of Central Asia]. Berlin, Riga, Continent Ltd. 343 p.
- Hmel'nitskiy S., 2000. *Mezhdunarabami i tyurkami. Arhitektura Sredney Azii V–VIII vv.* [Between the Kushans and the Arabs. Architecture of Central Asia in the 5th – 8th Centuries]. Berlin, Riga, Gamajun. 293 p.

Information About the Author

Emma D. Zilivinskaya, Doctor of Science (History), Leading Researcher, N.N. Miklouho-Maclay Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences, Prosp. Leninsky, 32a, 119334 Moscow, Russian Federation; Chief Specialist, School of Archeology of the Lower Volga Region, Tatishchev Astrakhan State University, Tatishcheva St, 20A, 414056 Astrakhan, Russian Federation, eziliv@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3485-0359>

Информация об авторе

Эмма Давидовна Зиливинская, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, просп. Ленинский, 32а, 119334 г. Москва, Российская Федерация; главный специалист Школы «Археология Нижнего Поволжья», Астраханский государственный университет им. В.Н. Татищева, ул. Татищева, 20А, 414056 г. Астрахань, Российская Федерация, eziliv@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3485-0359>

DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2026.1.7>

UDC 904(470.4)

LBC 63.444(235.4)-4

Submitted: 01.10.2024

Accepted: 06.11.2024

BONE WARES FROM BAGAEVKA SETTLEMENT¹

Leonard F. Nedashkovsky

Kazan (Volga region) Federal University, Kazan, Russian Federation

Marat B. Shigapov

Povolzhskaya arkheologiya LLC, Kazan, Russian Federation

Abstract. The article is devoted to the introduction into scientific circulation of a collection of bone wares from the excavations of the Bagaevka settlement of the Golden Horde period, located on the Volga's right bank in the Saratov region. The wares were divided on functional purpose into the following groups: tools and household articles (components of knives and other tools: handle, backplate, couplings, holder, ornamented ware); objects of arms and hunting equipment (quiver loop, ornamented facing of quiver, lash handle); toiletries and ornaments (stripe, cowrie shell with a hole); objects for games (knucklebones); and wares characterizing the technological process of production of objects from horn and bone (workpiece from the elk horn, fragment of an oyster shell). The morphological features of the artifacts are considered on the basis of typology with the involvement of a wide comparative background of materials of medieval monuments of Eurasia. The bone wares used in a large city were more diverse and numerous than those used by the villagers of the Golden Horde. The distribution of finds on groups is remarkable: tools and household articles 30%, objects of arms and hunting equipment 15%, toiletries and ornaments 10%, and objects for games 35%, wares characterizing the technological process of production of objects from horn and bone 10%. Finds of workpiece from the elk horn and a fragment of an oyster shell demonstrate the existence of bone carving craft in the Bagaevka settlement (previously, no traces of this production had been recorded in the Golden Horde rural settlements of the Lower Volga region). The products of bone carvers used by the villagers were not inferior to professional handicraft wares from the Golden Horde towns.

Key words: bone wares, bone carving craft, Golden Horde, Ulus Jochi, Bagaevka settlement.

Citation. Nedashkovsky L.F., Shigapov M.B., 2026. Kostyanye izdeliya s Bagaevskogo selishcha [Bone Wares from Bagaevka Settlement]. *Nizhnevolzhskiy Arkheologicheskiy Vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], vol. 25, no. 1, pp. 144-160. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2026.1.7>

УДК 904(470.4)

ББК 63.444(235.4)-4

Дата поступления статьи: 01.10.2024

Дата принятия статьи: 06.11.2024

КОСТЯНЫЕ ИЗДЕЛИЯ С БАГАЕВСКОГО СЕЛИЩА¹

Леонард Федорович Недашковский

Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Российская Федерация

Марат Баязитович Шигапов

ООО «Поволжская археология», г. Казань, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена введению в научный оборот коллекции костяных изделий из раскопок Багаевского селища золотоордынской эпохи, располагающегося на Саратовском Правобережье Волги. Изделия были разделены по функциональному назначению на группы, состоящие из ряда категорий: орудия труда и предметы обихода (составные части ножей и других орудий: рукоять, затыльник, муфты, обойма, орнаментированное изделие), предметы боевого и охотничьего снаряжения (колчанная петля, орнаментированная обкладка колчана, рукоять плети), предметы туалета и украшения (нашивка, раковина каури с отвер-

стием), предметы для игр (альчики), изделия, характеризующие технологический процесс изготовления предметов (заготовка из рога лося, фрагмент раковины устрицы). Морфологические особенности изделий рассматриваются на основе типологии с привлечением широкого сравнительного фона материалов средневековых памятников Евразии. Костяные изделия, использовавшиеся в крупном городе, были более разнообразными и многочисленными, чем применявшиеся сельскими жителями Золотой Орды. Примечательно распределение находок по группам: орудия труда и предметы домашнего обихода – 30 %, предметы боевого и охотничьего снаряжения – 15 %, предметы туалета и украшения – 10 %, предметы для игр – 35 %, изделия, характеризующие технологический процесс изготовления предметов из рога и кости, – 10 %. Заготовка из рога лося и фрагмент раковины устрицы доказывают наличие на Багаевском селище косторезного ремесла (ранее на золотоордынских сельских поселениях Нижнего Поволжья следов этого производства зафиксировано не было). Используемая сельскими жителями продукция косторезов не уступала профессиональным ремесленным изделиям из золотоордынских городов.

Ключевые слова: костяные изделия, косторезное ремесло, Золотая Орда, Улус Джучи, Багаевское селище.

Цитирование. Недашковский Л. Ф., Шигапов М. Б., 2026. Костяные изделия с Багаевского селища // Нижневолжский археологический вестник. Т. 25, № 1. С. 144–160. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2026.1.7>

Детальное исследование костяных предметов, использовавшихся сельскими жителями Нижнего Поволжья в эпоху Золотой Орды, представляется важной научной задачей.

В данной статье впервые публикуются костяные изделия с золотоордынского Багаевского селища, одного из наиболее изученных раскопками сельских поселений Нижней Волги. Памятник находится в Саратовской области, в округе золотоордынского города Укека на территории муниципального образования «город Саратов». Указанное поселение второй половины XIII – XIV в. было открыто в 1995 г. и раскапывалось Л.Ф. Недашковским в 2002–2003, 2006–2012, 2014–2016, 2020–2022 и 2024–2025 годах. Ранее уже были опубликованы металлические [Недашковский, 2018; Недашковский, Шигапов, 2019; 2020а; 2020б; 2022а; Семькин, Недашковский, 2023], стеклянные [Егорьков, Недашковский, 2022; Недашковский, Шигапов, 2022б] изделия, нумизматические [Недашковский, 2016], археозоологические [Недашковский, 2021; Шаймуратова и др., 2021; 2022; Яворская, Недашковский, 2020] и археоботанические [Недашковский и др., 2023] материалы.

Несмотря на активные исследования хозяйства Золотой Орды [Недашковский и др., 2018; Nedashkovskii, 2009; Nedashkovsky, 2014; 2015; Nedashkovsky, Nurkhamitov, 2019], в том числе различных ремесел и их продукции [Волков и др., 2022; Недашковский, 2019], косторезное производство джучидского государства до сих пор является одним из наименее изученных [Nedashkovsky, 2012, p. 235].

При анализе предметов из кости с Багаевского селища нами принята следующая система классификации: по функциональному назначению выделены группы, состоящие из ряда категорий, типы выделялись по конструктивным особенностям. В основу систематизации положена работа И.А. Закировой [Закирова, 1988], в которой была представлена классификация изделий из кости с Болгарского городища. Нумерация типов и видов дается с учетом специфики наших материалов по ранее опубликованной статье одного из авторов данного исследования [Недашковский, Моржерин, 2020].

Костяные изделия Багаевского селища (20 экземпляров, происходящих из исследований 2003–2020 гг.; коллекция, кроме одной нашивки, ранее не публиковалась) можно разделить по функциональному назначению на группы. I группа – орудия труда и предметы домашнего обихода (составные части ножей и других орудий: рукоять, затыльник, муфты, обойма, орнаментированное изделие). II группа – предметы боевого и охотничьего снаряжения (колчанная петля, орнаментированная обкладка колчана, рукоять плети). III группа – предметы туалета и украшения (нашивка, раковина каури с отверстием). IV группа – предметы для игр (альчики). VII группа – изделия, характеризующие технологический процесс изготовления предметов из рога и кости (заготовка из рога лося, фрагмент раковины устрицы). Группы V (культовые предметы) и VI (вещи неопределенного функционального назначения)

по И.А. Закировой в материалах с Багаевского селища отсутствуют.

I группа – орудия труда и предметы домашнего обихода.

1-я категория – рукояти ножей и других орудий (1 экз.).

I тип – односоставные, представлен видом I 1Б с ровно срезанными концами; сохранился фрагмент цилиндрической костяной рукояти со сквозным отверстием (рис. 1,1) длиной 43 мм и шириной 15 мм. Предмет украшен резным циркульным орнаментом и желобчатыми кольцевыми линиями. Сходные изделия известны из материалов Владимира XII в. [Воронин, 1949, с. 231, 238, рис. 27,17], Новгорода второй половины XIV в. [Гайдуков, 1992, с. 101, 164, рис. 73,4] и Берестья XVII в. [Лысенко, 1985, с. 242–243, рис. 158,2], более отдаленная параллель имеется из Старой Ладogi IX–XII вв. [Давидан, 1966, с. 107, 109, рис. 3,11]. Рукояти этого вида с желобчатыми кольцевыми линиями известны с Царевского (датировка 20-ми – началом 60-х гг. XIV в.) [Федоров-Давыдов, 1981, с. 80–81, рис. 12,8] и Селитренного [Федоров-Давыдов, 1994, с. 174, 177, рис. 36,5] городищ, селища Широкий Буерак [Недашковский, Шигапов, 2017, с. 120, 123, рис. 2,27], из Владимира XII в. [Воронин, 1949, с. 231, 238, рис. 27,26], а с циркульным орнаментом – с городища Сарайчик [Тасмагамбетов, Самашев, 2001, с. 292] и из Берестья XI в. [Лысенко, 1985, с. 280–281, рис. 192,3]. Обоймы и длинные орнаментированные трубочки с аналогичным нашему изделию (рис. 1,1) орнаментом известны с Увекского [Недашковский, Моржерин, 2020, с. 478, 482, рис. 2,13–14] и Царевского (датировка 20-ми – началом 60-х гг. XIV в.) [Федоров-Давыдов, 1981, с. 80–81, рис. 12,5] городищ, из курганной группы Вербовый Лог VIII золотоордынского времени [Власкин и др., 2006, с. 36, 55, рис. 13,3; Мыськов, 2015, с. 70, 72, табл. VI,1,III6], из Среднего Поволжья [Tallgren, 1918, pl. VI,16], Костромы [Фехнер, 1952, с. 102, рис. 36,4], Владимира XII в. [Воронин, 1949, с. 231, 238, рис. 27,25], Смоленска первой половины XIII в. [Асташова, 1993, с. 69–70, рис. 1,3], Москвы второй половины XIII в. [Чернов, Бойцов, 1992, с. 217–219, рис. 5,Б] и Переяславля Рязанского XIII в. [Судаков, 1996, с. 164, 167, рис. 2,19].

2-я категория – затыльники рукоятей ножей (1 экз.).

Тип II – с 2 отверстиями; он представлен видом II 2Б – семигранной пластиной с рельефным выступом (рис. 1,2). Размеры предмета 19 × 31 мм, толщина 5 мм, диаметр отверстий 4 мм. Подобные изделия известны с Увекского [Недашковский, Моржерин, 2020, с. 477, 482, рис. 2,5], Селитренного, Водянского [Федоров-Давыдов, 1994, с. 174–175, рис. 34,4; Федоров-Давыдов, Булатов, 1989, с. 217, 220–221, рис. 31,14; Fyodorov-Davydov, 1984, p. 171, fig. 92,10–12] и Болгарского [Закирова, 1988, с. 222, 224, рис. 97,11,13–14] городищ, а также из погребения 1 (датированного серебряными монетами Джанибека) кургана 71 группы Царев [Мыськов, 2015, с. 113, 115, 316, 401, табл. XVIII,3, рис. 33,5].

3-я категория – муфты ножей (2 экз.).

I тип – овальные пластинки с одним отверстием, он представлен видом I 1А (2 экз.) – с закругленным нижним концом (рис. 1,3–4). Одна муфта плоская размерами 21 × 24 мм, с толщиной и диаметром отверстия по 4 мм (рис. 1,3); другое изделие размерами 19 × 29 мм, толщиной 13 мм имеет каплевидное отверстие, углубление для лезвия ножа спереди и штриховку на оборотной стороне для лучшего склеивания с деревянной рукоятью (рис. 1,4). Подобные изделия происходят с Увекского [Недашковский, Моржерин, 2020, с. 477, 482, рис. 2,6–7], Селитренного [Федоров-Давыдов, 1994, с. 174–175, рис. 34,5], Болгарского и Билярского [Баранов и др., 2016б, с. 240, рис. 22,6,18; Закирова, 1988, с. 222, 224, рис. 97,1; Руденко, 2005, с. 73, 89, табл. 13,242,247; Яворская, Бадеев, 2019, с. 215, рис. 2,Г–Д] городищ, из Джукетау [Баранов и др., 2016б, с. 115, рис. 18.4.13–14], Азака [Дмитриенко, 2008, с. 198, рис. 5,3], Сарайчика [Тасмагамбетов, Самашев, 2001, с. 276], материалов Суздаля домонгольской эпохи [Бейлекчи, Родин, 2007, с. 212, 214, рис. 11,12], Владимира XII в. [Воронин, 1949, с. 231, 238, рис. 27,14], городища Слободка XII–XIII вв. [Никольская, 1987, с. 100–101, рис. 52,14], Берестья XII–XVI вв. [Лысенко, 1985, с. 277–278, рис. 189,9,14], Ростова Великого второй половины XIII – XV в. [Самойлович, 2007, с. 26, 78, рис. 47,2,4–9], Твери XIV–XVI вв. [Костыгина (Новикова), 1996, с. 183, 185–186, рис. 3,17,19–20], Новгорода

конца XIV – начала XV в. [Гайдуков, 1992, с. 101, 165, рис. 74,2–4], Пинска XV – начала XVI в. [Лысенко, 1974, с. 109, рис. 30,25–26], Белоозера [Захаров, 2004, с. 220, табл. 354, рис. 237,1–3,6], Переяславля Рязанского [Судаков, 1996, с. 162–165, рис. 1,12–13, 2,2–10], Волковыска [Зверуго, 1975, с. 54, рис. 17,18], селищ Каменное XII–XIV столетий в Рязанской земле [Тропин, 2001, с. 192, 202, рис. 7,10] и Малорязанское II золотоордынской эпохи на Самарской Луке [Кочкина, 2012, с. 113, 125, рис. 9,6].

4-я категория – обоймы (1 экз.).

II тип – длинные усеченно-конические, представлен экземпляр с желобчатыми кольцевыми линиями (рис. 1,5) длиной 31 мм и диаметром 8–15 мм. Имеется отверстие для крепления обоймы диаметром 2 мм. Подобные изделия известны с Увекского [Недашковский, Моржерин, 2020, с. 478, 482, рис. 2,13–14] и Болгарского [Баранов и др., 2016б, с. 241, рис. 22,6,25] городищ, из Владимира XII в. [Воронин, 1949, с. 231, 238, рис. 27,25], Смоленска первой половины XIII в. [Асташова, 1993, с. 69–70, рис. 1,3], Переяславля Рязанского XIII в. [Судаков, 1996, с. 164, 167, рис. 2,19] и Костромы [Фехнер, 1952, с. 102, рис. 36,4].

9-я категория (1 экз.) – изделие (рис. 1,10), видимо, накладка на ножны с резным орнаментом. Предмет вытянутой подтреугольной формы длиной 70 мм, шириной 28 мм и толщиной 5 мм. В центре изделия имеется сквозное круглое отверстие диаметром 5 мм. Орнамент на предмете состоит из небольших равносторонних треугольников, в центральном поле вдоль осевой линии ниже отверстия располагаются 6 точек и еще 2 точки выше отверстия. Функционально изделие предположительно могло служить в качестве накладки на ножны.

II группа – предметы боевого и охотничьего снаряжения.

Ко **2-й категории** (1 экз.) относится часть колчанной петли (рис. 1,6), в средней части имеющая 3 отверстия (по линии 2 из них предмет был обломан) диаметром 2 мм; сохранившаяся длина изделия 80 мм при ширине 18–19 мм.

3-я категория (1 экз.) – фрагмент ажурной орнаментированной обкладки колчана (рис. 1,8) размерами 16 × 42 мм со штрихов-

кой на оборотной стороне для лучшего склеивания с основой колчана; подобные изделия были широко распространены в золотоордынских древностях Восточной Европы [Малиновская, 1974], хотя точной аналогии нашему предмету не выявлено.

4-я категория – рукояти плетей (1 экз.).

Тип II – цилиндрическая рукоять со сквозным отверстием и шаровидным окончанием, орнаментированная кольцевыми желобчатыми линиями (рис. 1,7); предмет имеет высоту 34 мм, диаметр 12 мм при диаметре шаровидного окончания 21 мм и диаметре отверстия 7 мм. Подобные навершия известны с Увекского [Недашковский, Моржерин, 2020, с. 480, 483, рис. 3,5,8], Водянского [Археологическое наследие ... , 2013, с. 190, 281, № 407], Царевского [Федоров-Давыдов и др., 1974, с. 98, 118–119, табл. II,18], Болгарского [Баранов и др., 2016а, с. 44, рис. 2,91] городищ, с городища Слободка XII – первой половины XIII в. [Никольская, 1987, с. 99–100, рис. 52,1], из Сарайчика [Тасмагамбетов, Самашев, 2001, с. 295], I Большетарханского могильника, Саркела – Белой Вежи, с юга Западной Сибири из погребений VIII–X вв. [Бородовский, 1993; Казаков, 1992, с. 48–49, рис. 11,46; Флерова, 2001, с. 63, рис. 20,4], а также на соседней территории Казахстана в погребении X–XIII вв. [Арсланова, 1968, с. 110–111, рис. 90].

III группа – предметы туалета и украшения.

5-я категория (1 экз.) представлена подквадратной нашивкой (рис. 1,19), пирамидальной в сечении со сквозным отверстием в центре [Недашковский, Шигапов, 2020б, с. 178, 180–181, рис. 13]. Навершие изделия усеченно-конической формы находится на круглой подставке прямоугольного сечения, расположенной на квадратном основании с подпрямоугольными выемками в средней части всех 4 сторон. По углам выполнено 4 отверстия для крепления нашивки. Аналогичное изделие, но с циркульным орнаментом, происходит из золотоордынских напластований Болгарского городища [Баранов и др., 2016б, с. 243, рис. 22,6,35].

6-я категория (1 экз.) – раковина каури с отверстием (рис. 1,14). Раковина имеет размеры 22 × 16 × 10 мм, диаметр отверстия

2 мм; такие раковины происходят преимущественно из бассейна Индийского океана. Внутри предмета находилась желтая стеклянная бусинка, приведенная на иллюстрации в статье о стеклянных изделиях с Багаевского селища [Недашковский, Шигапов, 2022б, с. 278–279, 282, рис. 1, 11]. Судя по наличию отверстия, раковина использовалась как часть ожерелья, в состав которого помимо бусинки, найденной в раковине, входили другие, найденные в яме 30, стеклянные бусы – прозрачные синяя и желтая, непрозрачные бирюзовые и черная, а также крупная черная с белой спиралью [Недашковский, Шигапов, 2022б, с. 278–280, 282, рис. 1, 7–8, 11–13, 23]. Бусинка, найденная внутри раковины, могла как случайно попасть в нее при археологизации ожерелья, так и могла быть помещена туда в золотоордынское время преднамеренно для создания шумящего эффекта при ношении ожерелья. Раковины каури с просверленными отверстиями найдены на Увекском городище [Недашковский, 1999, с. 105–106, рис. 3, 15], в мордовском Аткарском могильнике [Ляхов, 1999, с. 96, 98, рис. 2, 18], Новохарьковском могильнике [Винников, Цыбин, 2002, с. 30, 33, 38–39, 58], кирпичном склепе на могильнике Маячный Бугор II [Недашковский, 2010, с. 141] и в погребениях нижневолжских кочевников золотоордынской эпохи [Недашковский, 2000, с. 154; 2010, с. 62].

IV группа – предметы для игр.

3-я категория (7 экз.) – альчики для игры в бабки (рис. 1, 9, 11–13, 15, 17–18). Представлены обработанные астрагалы (таранные кости) барана (рис. 1, 9, 11–13, 15, 18) и крупного рогатого скота (рис. 1, 17). Из них 3 предмета (рис. 1, 9, 11, 18) имели сквозные отверстия, один (рис. 1, 13) – 3 несквозных отверстия; 2 альчика декорированы орнаментом в виде тонких прорезных линий (рис. 1, 15, 18), на одной стороне одного из изделий линии перекрещиваются (рис. 1, 18). Наши изделия, вероятно, изготавливались непосредственно на селище из отходов скотоводства. Альчики разделяются на 2 типа:

– *тип I* – альчики без груза (рис. 1, 9, 11–13, 15, 17). Размеры изделий: 30 × 19 × 13, 32 × 20 × 17, 33 × 22 × 19, 34 × 24 × 16, 29 × 20 × 17 и 72 × 46 × 28 мм;

– *тип II* – альчик утяжеленный (рис. 1, 18); размеры предмета: 34 × 22 × 21 мм. У предмета отверстие было забито медной [Недаш-

ковский, 2018, с. 244–245, 248–249, № 225] полосой для его утяжеления (рис. 1, 18).

Альчики, иногда с утяжелением и с орнаментальной штриховкой, хорошо известны в материалах Болгарского и Билярского городищ [Закирова, 1988, с. 233–234, рис. 103, 1–3; Руденко, 2005, с. 74, 93, табл. 17, 323–343]. Альчики, в том числе с отверстиями и близкой к нашим изделиям орнаментацией, известны с Большого Горнальского, Ратского и Липинского городищ VIII–X вв. [Енуков, 2005, с. 139, 142, рис. 41, 1–13; Куза, 1981, с. 31, 36, рис. 19, 7–13], Животинного городища VIII – начала XI в. [Винников, 2011, с. 87–91, рис. 1–2], Новотроицкого городища конца VIII – начала X в. [Ляпушкин, 1958, с. 48, 51, 105–106, 115–116, 118, 134–135, 157, 159, рис. 30, 1, 69, 4–7, 76, 5–6, 89, 6, 100, 4], из Саркела – Белой Вежи [Флерова, 2001, с. 108–111, рис. 55–58], I Измерского [Казаков, 1991, с. 155, 157, рис. 50, 11–12, 15, 17] и VI Алексеевского [Руденко, 2000, с. 21, 62, табл. Е] селищ, с поселения Каменное золотоордынской эпохи на южной окраине Рязанской земли [Тропин, Чубур, 2024] и из Курска [Горбунов, 2011, с. 59–60, 68, рис. 5, 5–14]. Альчики с отверстиями происходят из материалов Новгорода второй половины XII – начала XIV в. [Гайдуков, 1992, с. 88, 138, рис. 47, 6–9] и поселения Лукашевка-V в Молдавии [Хынку, 1969, с. 22, 72, 75, рис. 19, 10, 21, 6, 4].

VII группа – изделия, характеризующие технологический процесс изготовления предметов (2 экз.).

В этой группе имеется заготовка из рога лося (рис. 1, 20), которая могла предназначаться, судя по особенностям ее предварительной обработки, для изготовления рукоятей ножей и других орудий (предполагается по подпрямоугольному сечению более широкого конца) или затыльников рукоятей ножей (предполагается по семигранному сечению более узкого конца), подобных багаевскому (рис. 1, 2) и увекским [Недашковский, Моржерин, 2020, с. 476–477, 482, рис. 2, 3, 5] изделиям.

Помимо заготовки, к группе VII относится фрагмент раковины устрицы (рис. 1, 16), происходящей с берегов Черного или Средиземного морей; раковины устриц служили для получения перламутра, шедшего на изготовление украшений.

Рукоять ножа была найдена в хозяйственной яме 37; обойма и изделие с резным орнаментом – в яме 9, представляющей собой природное понижение, в южной части которого была оборудована полуземлянка; колчанная петля обнаружена в хозяйственной яме 3; обкладка колчана – в хозяйственной яме 44, соединенной с более глубоким колоколовидным в сечении погребом. Рукоять плети обнаружена в яме 12 (хозяйственная в створе ямы 9); раковина каури с отверстием – в хозяйственной яме 30; альчики – в яме 9 (3 экз.), хозяйственной яме 31, соединенной с более глубоким колоколовидным в сечении погребом, зерновой яме 39 и погребу 42; заготовка из рога лося – в хозяйственной яме 45, соединенной с более глубоким колоколовидным в сечении погребом. Остальные изделия (затыльник и муфты ножей, нашивка, альчик, фрагмент раковины устрицы) происходят из культурного слоя. Налицо относительно равномерное размещение костяных изделий по сооружениям раскопа I.

Представленную коллекцию костяных изделий золотоордынского времени, происходящую с Багаевского селища, можно сравнить с изделиями тех же категорий, происходящими с Увекского городища.

С Увекского городища, на месте которого располагался близлежащий крупный золотоордынский город Увек, наиболее значительный городской памятник Саратовского Поволжья, происходит разнообразная коллекция костяных изделий [Недашковский, Моржерин, 2020], включающая в себя, помимо проанализированных в данной статье категорий изделий, игольники, «юрок», ложку, печать, наконечник стрелы, пуговицу, бусину, накладку, поясную обойму, шашки, игральный кубик и пластину с отверстиями. Обращает на себя внимание многократное преобладание в материалах Увекского городища составных частей ножей и других орудий (рукоятей, затыльников, муфт, обойм), колчанной петлей и обкладок, рукоятей плетей. Напротив, отмечается наличие в материалах Багаевского селища щитовидного изделия с резным орнаментом и альчиков, отсутствующих на Увекском городище. В целом на основании этих данных можно полагать, что костяные изделия, получившие распространение в крупном городе,

были более разнообразными и многочисленными, чем использовавшиеся сельскими жителями (на селище Широкий Буерак, расположенном недалеко от Багаевского, были найдены лишь фрагмент костяной рукояти ножа и астрагал с отверстием, залитым сплавом свинца с оловом [Недашковский, Шигапов, 2017, с. 120, 123, рис. 2,26–27]).

Примечательно распределение находок с Багаевского селища (20 экз.) по группам: I группа, орудия труда и предметы домашнего обихода, – 6 экз., 30 %; II группа, предметы боевого и охотничьего снаряжения, – 3 экз., 15 %; III группа, предметы туалета и украшения, – 2 экз., 10 %; IV группа, предметы для игр, – 7 экз., 35 %; VII группа, изделия, характеризующие технологический процесс изготовления предметов из рога и кости, – 2 экз., 10 %. Налицо преобладание на Багаевском селище предметов для игр (в бабки), представленных альчиками.

Сравнимы с нашей по тем же группам в процентном отношении и более многочисленные коллекции костяных изделий. Для Увекского городища распределение имеющихся находок (49 экз.) по выделенным группам следующее [Недашковский, Моржерин, 2020, с. 485]: I группа (32 экз., 65,3 %), II группа (8 экз., 16,3 %), III группа (5 экз., 10,2 %), IV группа (3 экз., 6,1 %), VII группа (1 экз., 2,1 %). Для Болгарского городища [Закирова, 1988] предметы (391 экз.) распределяются таким образом: I группа (195 экз., 49,9 %), II группа (57 экз., 14,6 %), III группа (46 экз., 11,7 %), IV группа (25 экз., 6,4 %), V группа (5 экз., 1,3 %) и VII группа (63 экз., 16,1 %). Для Саркела [Флерова, 2001, с. 36, 118, табл. 2, 7] определяемые предметы (987 экз.) представлены по группам так: I группа (247 экз., 25 %), II группа (232 экз., 23,5 %), III группа (97 экз., 9,9 %), IV группа (13 экз., 1,3 %), V группа (26 экз., 2,6 %) и VII группа (372 экз., 37,7 %). Доля предметов для игр на Багаевском селище (табл. 1) значительно больше, чем на городских памятниках, что связано с количественным преобладанием альчиков в публикуемой коллекции.

Что касается сырья, использованного для изготовления предметов с Багаевского селища, то они были сделаны из плотного рога (рис. 1,1–8,10,19–20) – 55 %, из астрагалов

барана (рис. 1,9,11–13,15,18) и крупного рогатого скота (рис. 1,17) – 35 % или раковин моллюсков (рис. 1,14,16) – 10 %.

При изготовлении муфты ножа и обкладки колчана (рис. 1,4,8) использовалась штриховка стыковочных поверхностей для лучшего склеивания костяных деталей с основой. Ряд изделий несет следы обработки на токарном станке (рис. 1,1,5,7), отпиливания (рис. 1,1–5,7,19–20) и обстругивания (рис. 1,2,10,19–20). На многие изделия наносилась разнообразная орнаментация (рис. 1,1,5,7–8,10,15,18), в том числе циркульная (рис. 1,1). На заключительном этапе изготовления все изделия из кости были отполированы с внешних, оставшихся видимыми сторон.

Уровень навыков косторезов, создавших рассмотренную нами продукцию, не уступал уровню золотоордынского косторезного ремесла в целом (не зафиксированы лишь изделия с сохранившимися следами окрашивания), а также ремесла других средневековых государств. Изделия, произведенные с использованием токарного станка, а также имеющие циркульный орнамент (рис. 1,1,5,7), можно уверенно относить к продукции специализированного ремесленного производства [Флерова, 2001, с. 132]; все остальные изделия, однако, не следует однозначно считать кустарными, поскольку их изготовление все равно требовало существенных ремесленных навыков.

Заготовка из рога лося и фрагмент раковины устрицы четко доказывают наличие на Багаевском селище косторезного ремесла (ранее на золотоордынских сельских поселениях Нижнего Поволжья следов этого производства зафиксировано не было).

Формы костяных изделий средневековой эпохи очень традиционны, большинство из них датируется широко, поэтому приведенные аналогии (несмотря на наличие среди них достаточно узкодатированных) чаще всего имеют широкий хронологический диапазон, иногда относящийся как к более раннему, так и к более позднему времени, чем золотоордынское.

Аналогии изделиям с Багаевского селища указывают на салтово-маяцкие и болгарские истоки ремесленных традиций (судя по сырью, технологии изготовления и орнаментации) золотоордынского косторезного ремесла и на прямые и опосредованные связи с центрами Нижнего Поволжья, Нижнего Подонья, Приуралья, Молдавии и Древней Руси.

Рассмотренные изделия из кости с Багаевского селища характеризуют материальную культуру крупного села Нижнего Поволжья эпохи Золотой Орды. Исходя из них, использовавшаяся сельскими жителями продукция косторезов не уступала профессиональным ремесленным изделиям из золотоордынских городов: в коллекции сельского памятника представлены те же основные категории предметов, сырье и технологии обработки материала.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-00024, <https://rscf.ru/project/24-28-00024/>.

This research was supported by the Russian Science Foundation (RSF), grant no. 24-28-00024, <https://rscf.ru/en/project/24-28-00024/>.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Рис. 1. Костяные изделия с Багаевского селища (из фондов Саратовского областного музея краеведения):
рукоять (1), затыльник (2) и муфты (3–4) ножей, обойма (5), колчанная петля (6), рукоять плети (7),
обладка колчана (8), изделие (10), нашивка (19), альчики (9, 11–13, 15, 17),

альчик с забитой в отверстие медной полосой (18), раковина каури с отверстием (14), фрагмент раковины устрицы (16), заготовка из рога лося (20). Раскоп I-2014: 1 – яма 37 (№ 13, -69 см), 14 – яма 30 (№ 18, -45 см). Раскоп I-2009: 2, 16 – культурный слой (№ 14, -47 см), 10 – яма 9 (№ 50, -110 см). Раскоп I-2008: 3, 19 – культурный слой (№ 67, -43 см; № 46, -24 см), 7 – яма 12 (№ 133, -166 см). Раскоп I-2020: 4, 11 – культурный слой (№ 5, +14 см), 8 – яма 44 (№ 22, -21 см), 20 – яма 45 (№ 35, -88 см). Раскоп I-2012: 5, 13 – яма 9 (№ 44, -19 см), 9 – культурный слой (№ 6, -9 см), 12 – яма 31. Раскоп I-2003: 6 – яма 3 (№ 6, -147 см). Раскоп I-2016: 15 – яма 42, 18 – яма 39. Раскоп I-2011: 17 – яма 9 (№ 11, -50 см)

Fig. 1. Bone wares from the Bagaevka settlement (Saratov Regional Museum of Local Lore):

handle (1), backplate (2) and couplings (3–4) of knives, holder (5), quiver loop (6), lash handle (7), quiver facing (8), ware (10), stripe (19), knucklebones (9,11–13,15,17), knucklebone with a copper strip hammered into the hole (18), cowrie shell with a hole (14), fragment of an oyster shell (16), workpiece from the elk horn (20).
Trench I-2014: 1 – pit 37 (No. 13, -69 cm), 14 – pit 30 (No. 18, -45 cm). Trench I-2009: 2, 16 – cultural layer (No. 14, -47 cm), 10 – pit 9 (No. 50, -110 cm). Trench I-2008: 3, 19 – cultural layer (No. 67, -43 cm; No. 46, -24 cm), 7 – pit 12 (No. 133, -166 cm). Trench I-2020: 4, 11 – cultural layer (No. 5, +14 cm), 8 – pit 44 (No. 22, -21 cm), 20 – pit 45 (No. 35, -88 cm). Trench I-2012: 5, 13 – pit 9 (No. 44, -19 cm), 9 – cultural layer (No. 6, -9 cm), 12 – pit 31. Trench I-2003: 6 – pit 3 (No. 6, -147 cm). Trench I-2016: 15 – pit 42, 18 – pit 39. Trench I-2011: 17 – pit 9 (No. 11, -50 cm)

Таблица 1. Распределение костяных изделий со средневековых археологических памятников Восточной Европы по группам

Table 1. Distribution of bone wares from medieval archaeological sites in Eastern Europe by groups

Группа	Багаевское селище, экз. / %	Увекское городище, экз. / %	Болгарское городище, экз. / %	Саркел, экз. / %
I	6 / 30	32 / 65,3	195 / 49,9	247 / 25
II	3 / 15	8 / 16,3	57 / 14,6	232 / 23,5
III	2 / 10	5 / 10,2	46 / 11,7	97 / 9,9
IV	7 / 35	3 / 6,1	25 / 6,4	13 / 1,3
V	0 / 0	0 / 0	5 / 1,3	26 / 2,6
VII	2 / 10	1 / 2,1	63 / 16,1	372 / 37,7

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Арсланова Ф. Х., 1968. Памятники Павлодарского Прииртышья (VII–XII вв.) // Новое в археологии Казахстана. Алма-Ата : Изд-во «Наука» Казах. ССР. С. 98–111.
- Археологическое наследие Волгоградской области. К 100-летию Волгоградского краеведческого музея, 2013. Волгоград : Издатель. 288 с.
- Асташова Н. И., 1993. Костяные изделия средневекового Смоленска // Средневековые древности Восточной Европы. М. : ГИМ. С. 69–78.
- Баранов В. С., Бугров Д. Г., Ситдилов А. Г., 2016а. Музей Болгарской цивилизации. Т. 1. Древний Болгар: жизнь города. Казань : Главдизайн. 267 с.
- Баранов В. С., Бугров Д. Г., Ситдилов А. Г., 2016б. Музей Болгарской цивилизации. Т. 2. История тюрко-болгарской цивилизации. Казань : Главдизайн. 254 с.
- Бейлекчи В. В., Родин В. В., 2007. Исследования на улицах Теремки и Пушкарская в городе Суздале // Археология Подмосквья : материалы науч. семинара. Вып. 3. М. : ИА РАН. С. 205–228.
- Бородовский А. П., 1993. Плетки и стеки в экипировке раннесредневекового всадника юга Западной Сибири // Военное дело населения юга Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск : Наука, Сиб. изд. фирма. С. 179–189.
- Винников А. З., 2011. Костяные амулеты со славянского Животинного городища VIII – начала XI века // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. № 1. С. 87–94.
- Винников А. З., Цыбин М. В., 2002. Материалы Новохарьковского могильника // Новохарьковский могильник эпохи Золотой Орды. Воронеж : Изд-во Воронеж. гос. ун-та. С. 14–105.
- Власкин М. В., Гармашов А. И., Доде З. В., Науменко С. А., 2006. Погребения знати золотоордынского времени в междуречье Дона и Сала. М. : Памятники ист. мысли. 232 с.
- Волков И. В., Недашковская Н. И., Недашковский Л. Ф., Ситдилов А. Г., 2022. К юбилею Марины Дмитриевны Полубояриновой // Археология евразийских степей. № 6. С. 344–347. DOI: <https://doi.org/10.24852/2587-6112.2022.6.344.347>
- Воронин Н. Н., 1949. Оборонительные сооружения Владимира XII в. // Материалы и исследования по археологии СССР. № 11. М. ; Л. : Изд-во АН СССР. С. 203–239.
- Гайдуков П. Г., 1992. Славянский конец средневекового Новгорода. Нутный раскоп. М. : Эвтектика. 197 с.
- Горбунов Д. Н., 2011. Косторезное дело населения древнего Курска // Ученые записки : электрон. науч. журн. Курского гос. ун-та. Т. 2, № 3 (19). С. 57–71.
- Давидан О. И., 1966. Староладожские изделия из кости и рога (по раскопкам Староладожской экспедиции ИИМК АН СССР) // Археологический сборник. Вып. 8. Л. ; М. : Сов. художник. С. 103–115.
- Дмитриенко М. В., 2008. Итоги спасательных раскопок в г. Азове в 2006 году // Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 2006 г. Вып. 23. Азов : Изд-во Азов. музея-заповедника. С. 193–200.
- Егорьков А. Н., Недашковский Л. Ф., 2022. Химический состав стеклянных изделий с золотоордынских селищ Саратовского Поволжья // Краткие сообщения Института археологии. Вып. 268. С. 325–338. DOI: [10.25681/IARAS.0130-2620.268.325-338](https://doi.org/10.25681/IARAS.0130-2620.268.325-338)
- Енуков В. В., 2005. Славяне до Рюриковичей. Курск : Учитель. 352 с.
- Закирова И. А., 1988. Косторезное дело Болгара // Город Болгар: Очерки ремесленной деятельности. М. : Наука. С. 220–243.
- Захаров С. Д., 2004. Древнерусский город Белоозеро. М. : Индрик. 592 с.
- Зверугу Я. Г., 1975. Древний Волковыск X–XIV вв. Минск : Наука и техника. 143 с.
- Казаков Е. П., 1991. Булгарское село X–XIII веков низовий Камы. Казань : Татар. кн. изд-во. 176 с.
- Казаков Е. П., 1992. Культура ранней Волжской Болгарии (Этапы этнокультурной истории). М. : Наука. 335 с.
- Костыгина (Новикова) Л. А., 1996. К изучению косторезного ремесла древней Твери // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Вып. 1. Тверь. С. 181–188.
- Кочкина А. Ф., 2012. Малорязанское II селище – русский поселок золотоордынского времени на Самарской Луке (предварительные результаты) // Среднее Поволжье в контексте средневековой российской истории: на перекрестке культур (конец XIII – XVI в.) : материалы науч.-практ. конф. Самара : Офорт. С. 107–128.

- Куза А. В., 1981. Большое городище у с. Горналь // Древнерусские города. М. : Наука. С. 6–39.
- Лысенко П. Ф., 1974. Города Туровской земли. Минск : Наука и техника. 200 с.
- Лысенко П. Ф., 1985. Берестье. Минск : Наука и техника. 399 с.
- Ляпушкин И. И., 1958. Городище Новотроицкое. О культуре восточных славян в период сложения Киевского государства. МИА. № 74. М. ; Л. : Изд-во АН СССР. 328 с.
- Ляхов С. В., 1999. Охранные раскопки в Саратовском Правобережье // Археологическое наследие Саратовского края. Охрана и исследования в 1997 году. Вып. 3. Саратов : Изд-во Саратов. пед. ин-та. С. 94–100.
- Малиновская Н. В., 1974. Колчаны XIII–XIV вв. с костяными орнаментированными обкладками на территории евразийских степей // Города Поволжья в средние века. М. : Наука. С. 132–175.
- Мыськов Е. П., 2015. Кочевники Волго-Донских степей в эпоху Золотой Орды. Волгоград : Изд-во Волгогр. фил. РАНХиГС. 484 с.
- Недашковский Л. Ф., 1999. Разведочные исследования золотоордынских памятников Саратовского района в 1993–1997 гг. // Археологическое наследие Саратовского края. Охрана и исследования в 1997 году. Вып. 3. Саратов : Изд-во Саратов. пед. ин-та. С. 100–107.
- Недашковский Л. Ф., 2000. Золотоордынский город Укек и его округа. М. : Вост. лит. РАН. 224 с.
- Недашковский Л. Ф., 2010. Золотоордынские города Нижнего Поволжья и их округа. М. : Вост. лит. РАН. 351 с.
- Недашковский Л. Ф., 2016. Интенсивность экономического развития Нижнего Поволжья золотоордынской эпохи (по материалам округа крупнейших городов) // *Stratum Plus*. № 6. С. 151–162.
- Недашковский Л. Ф., 2018. Химический состав изделий из цветных металлов с золотоордынских поселений северных районов Нижнего Поволжья // *Stratum Plus*. № 6. С. 243–254.
- Недашковский Л. Ф., 2019. Керамика с Увекского городища по архивным данным // Археология евразийских степей. № 6. С. 283–299. DOI: <https://doi.org/10.244.11/2587-6112-2019-00094>
- Недашковский Л. Ф., 2021. Крупные золотоордынские города Нижнего Поволжья и их округа // История. Т. 12, вып. 9 (107). DOI: <https://doi.org/10.18254/S207987840017097-5>
- Недашковский Л. Ф., Кочанова М. Д., Алешинская А. С., Спиридонова Е. А., 2023. Археоботанические материалы с золотоордынских селищ Саратовского Поволжья // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. Т. 28, № 4. С. 94–106. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.4.7>
- Недашковский Л. Ф., Моржерин К. Ю., 2020. Костяные изделия из Укека // Золотоордынское обозрение. Т. 8, № 3. С. 472–503. DOI: <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2020-8-3.472-503>
- Недашковский Л. Ф., Ситдинов А. Г., Асылгараева Г. Ш., 2018. Памяти А. Г. Мухамадиева (1933–2018) // Поволжская археология. № 2 (24). С. 348–353. DOI: <https://doi.org/10.24852/pa2018.2.24.348.353>
- Недашковский Л. Ф., Шигапов М. Б., 2017. Находки с селища Широкий Буерак // Нижневолжский археологический вестник. Т. 16, № 2. С. 116–130. DOI: <http://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2017.2.7>
- Недашковский Л. Ф., Шигапов М. Б., 2019. Вооружение и конское снаряжение с Багаевского селища // *Stratum Plus*. № 5. С. 167–177.
- Недашковский Л. Ф., Шигапов М. Б., 2020а. Металлические изделия с Багаевского селища // Поволжская археология. № 4 (34). С. 185–198. DOI: <https://doi.org/10.24852/PA2020.4.34.185.198>
- Недашковский Л. Ф., Шигапов М. Б., 2020б. Металлические украшения с Багаевского селища в Нижнем Поволжье // Российская археология. № 2. С. 177–189. DOI: <https://doi.org/10.31857/S086960630008260-5>
- Недашковский Л. Ф., Шигапов М. Б., 2022а. Железные изделия с Багаевского селища // Археология евразийских степей. № 3. С. 288–294. DOI: <https://doi.org/10.24852/2587-6112.2022.3.288.294>
- Недашковский Л. Ф., Шигапов М. Б., 2022б. Стекланные изделия с Багаевского селища // Мир Средневековья. Проблемы вещеведения : материалы науч. конф. к 70-летию отд. средневековой археологии. М. : Ин-т археологии РАН. С. 276–283.
- Никольская Т. Н., 1987. Городище Слободка XII–XIII вв. К истории древнерусского градостроительства в Земле вятичей. М. : Наука. 185 с.
- Руденко К. А., 2000. VI Алексеевское селище. Казань : Репер. 154 с.

- Руденко К. А., 2005. Булгарские изделия из кости и рога // Древности Поволжья: эпоха средневековья (исследования культурного наследия Волжской Булгарии и Золотой Орды) : материалы II Всерос. конф. «Поволжье в средние века», 25–28 сент. 2003 г., Казань, Яльчик. Казань : Школа. С. 67–97.
- Самойлович Н. Г., 2007. Конюшенный раскоп в Ростове Великом. М. : ТАУС. 88 с.
- Семыкин Ю. А., Недашковский Л. Ф., 2023. Новые данные о технологии изготовления кузнечной продукции сельских поселений Золотой Орды по результатам металлографических анализов изделий с селищ Багаевское и Широкий Буерак // Нижневолжский археологический вестник. Т. 22, № 1. С. 222–257. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2023.1.12>
- Судаков В. В., 1996. Изделия из кости из Переяславля Рязанского // Археологические памятники Окского бассейна. Рязань. С. 159–186.
- Тасмагамбетов И. Н., Самашев З. С., 2001. Сарайчик. Алматы : Berel. 319 с.
- Тропин Н. А., 2001. Орудия труда, предметы быта и украшения из раскопок сельских поселений XII–XIV вв. южных районов Рязанской земли // Верхнедонской археологический сборник. Вып. 2. Липецк : Успех-Инфо. С. 185–204.
- Тропин Н. А., Чубур А. А., 2024. Скопление альчинок в жилище второй половины XIII – XIV вв. на поселении Каменное на Верхнем Дону // Археология евразийских степей. № 3. С. 211–219. DOI: <https://doi.org/10.24852/2587-6112.2024.3.211.219>
- Федоров-Давыдов Г. А., 1981. Исследование большой аристократической усадьбы на Царевском городище // Вестник Московского государственного университета. Серия 8, История. № 1. С. 64–84.
- Федоров-Давыдов Г. А., 1994. Золотоордынские города Поволжья. М. : Изд-во МГУ. 228 с.
- Федоров-Давыдов Г. А., Булатов Н. М., 1989. Керамическая мастерская Селитренного городища // Сокровища сарматских вождей и древние города Поволжья. М. : Наука. С. 133–248.
- Федоров-Давыдов Г. А., Вайнер И. С., Гусева Т. В., 1974. Исследования трех усадеб в восточном пригороде Нового Сарая (Царевского городища) // Города Поволжья в средние века. М. : Наука. С. 89–131.
- Фехнер М. В., 1952. Раскопки в Костроме (К вопросу о времени возникновения Костромы и ее первоначальном местоположении) // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры АН СССР. Вып. XLVII. С. 101–108.
- Флерова В. Е., 2001. Резная кость юго-востока Европы IX–XII веков. Искусство и ремесло. По материалам Саркела – Белой Вежи из коллекции Государственного Эрмитажа. СПб. : Алетейя. 352 с.
- Хынку И. Г., 1969. Поселения XI–XIV веков в Оргеевских кодрах Молдавии. Кишинев : Ред.-изд. отд. АН Молдав. ССР. 115 с.
- Чернов С. З., Бойцов И. А., 1992. Раскопки в Историческом проезде и изучение Великого посада Москвы XIII–XIV вв. // Советская археология. № 1. С. 211–230.
- Шаймуратова Д. Н., Аськеев И. В., Недашковский Л. Ф., 2021. Археохитологические исследования селищ периода Золотой Орды Саратовского Поволжья // Поволжская археология. № 4 (38). С. 191–204. DOI: <https://doi.org/10.24852/PA2021.4.38.191.204>
- Шаймуратова Д. Н., Аськеев И. В., Недашковский Л. Ф., 2022. Значение птиц на золотоордынских сельских поселениях Нижнего Поволжья (на примере Багаевского селища) // Золотоордынское обозрение. Т. 10, № 4. С. 851–867. DOI: <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2022-10-4.851-867>
- Яворская Л. В., Бадеев Д. Ю., 2019. Косторезные мастерские в торгово-ремесленном районе средневекового Болгара: критерии выявления // Поволжская археология. № 4 (30). С. 210–225. DOI: <https://doi.org/10.24852/ra2019.4.30.210.225>
- Яворская Л. В., Недашковский Л. Ф., 2020. Археозоологические материалы Багаевского селища // Краткие сообщения Института археологии. Вып. 261. С. 393–402. DOI: <https://doi.org/10.25681/IARAS.0130-2620.261.393-402>
- Fyodorov-Davydov G. A., 1984. The Culture of the Golden Horde Cities. Oxford : BAR International Series 198. 278 p.
- Nedashkovskii L. F., 2009. Economy of the Golden Horde Population // Anthropology & Archaeology of Eurasia. Vol. 48, № 2. P. 35–50. DOI: <https://doi.org/10.2753/AAE1061-1959480203>
- Nedashkovsky L. F., 2012. Golden Horde Antiquities: The Development of Research Ideas // Acta Archaeologica. Vol. 83, № 1. P. 225–255. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1600-0390.2012.00690.x>

- Nedashkovsky L. F., 2014. Agriculture, Cattle Breeding and Trade in the Golden Horde Based on Data from Written Sources // *Terra Sebus: Acta Musei Sabesiensis. Special Issue : Russian Studies. From the Early Middle Ages to the Present Day*. P. 291–303.
- Nedashkovsky L. F., 2015. Trade in the Golden Horde Volga Region // *Journal of Sustainable Development*. Vol. 8, no. 7. P. 199–206. DOI: <https://doi.org/10.5539/jsd.v8n7p199>
- Nedashkovsky L. F., Nurkhamitov M. R., 2019. Historical Characteristics of the Golden Horde City // *Opcion. Ano 35, especial no. 23*. P. 288–302.
- Tallgren A.-M., 1918. *Collection Zaoussailov au Musée National de Finlande a Helsingfors. II. Monographie de la section de l'âge du fer et l'époque dite de Bolgary*. Helsingfors : Commission des collections antell. 59 p.

REFERENCES

- Arslanova F.Kh., 1968. Pamyatniki Pavlodarskogo Priirtysh'ya (VII–XII vv.) [Monuments of Pavlodar Irtysh Region (7th – 12th Centuries)]. *Novoe v arkhologii Kazakhstana* [New in Archaeology of Kazakhstan]. Alma-Ata, Nauka Kazakh. SSR Publ., pp. 98-111.
- Arkheologicheskoe nasledie Volgogradskoy oblasti. K 100-letiyu Volgogradskogo kraevedcheskogo muzeya* [Archaeological Heritage of Volgograd Region. To 100-Anniversary of Volgograd Museum of Local Lore], 2013. Volgograd, Izdatel Publ. 288 p.
- Astashova N.I., 1993. Kostyanye izdeliya srednevekovogo Smolenska [Bone Articles from Medieval Smolensk]. *Srednevekovye drevnosti Vostochnoy Evropy* [Medieval Antiquities of the Eastern Europe]. Moscow, SHM, pp. 69-78.
- Baranov V.S., Bugrov D.G., Sitdikov A.G., 2016a. *Muzey Bolgarskoy tsivilizatsii. T. 1. Drevniy Bolgar: zhizn' goroda* [Museum of Volga Bulgarian Civilization. Vol. 1. Ancient Bolgar: Life of City]. Kazan, Glavdizayn Publ. 267 p.
- Baranov V.S., Bugrov D.G., Sitdikov A.G., 2016b. *Muzey Bolgarskoy tsivilizatsii. T. 2. Istoriya tyurko-bolgarskoy tsivilizatsii* [Museum of Volga Bulgarian Civilization. Vol. 2. History of Turk-Bolgar Civilization]. Kazan, Glavdizayn Publ. 254 p.
- Beylekchi V.V., Rodin V.V., 2007. Issledovaniya na ulitsakh Teremki i Pushkarskaya v gorode Suzdale [Researches on the Streets Teremki and Pushkarskaya in Suzdal City]. *Arkheologiya Podmoskov'ya: materialy nauch. seminara* [Archaeology of the Moscow Region. Proceedings of Research Seminar], iss. 3. Moscow, Institute of Archaeology RAS, pp. 205-228.
- Borodovskiy A.P., 1993. Pleti i steki v ekipirovke rannesrednevekovogo vsadnika yuga Zapadnoy Sibiri [Lashes and Stacks in Equipment of Early Medieval Horsemen of the South of Western Siberia]. *Voennoe delo naseleniya yuga Sibiri i Dal'nego Vostoka* [Military Business of Population of the South of Siberia and Far East]. Novosibirsk, Nauka, Sib. izd. firma, pp. 179-189.
- Vinnikov A.Z., 2011. Kostyanye amulety so slavyanskogo Zhivotinnogo gorodishscha VIII – nachala XI veka [Bone Amulets from Slavic Zhivotinnoe Hillfort of 8th – Early 11th Century]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya. Politologiya. Sotsiologiya* [Bulletin of Voronezh State University. Series: History. Political Science. Sociology], no. 1, pp. 87-94.
- Vinnikov A.Z., Tsybin M.V., 2002. Materialy Novohar'kovskogo mogil'nika [Materials of the Novokharkovsky Burial Ground]. *Novohar'kovsky mogil'nik epohi Zolotoy Ordyy* [Novokharkovsky Burial Ground of the Golden Horde Epoch]. Voronezh, Voronezh State University, pp. 14-105.
- Vlaskin M.V., Garmashov A.I., Dode Z.V., Naumenko S.A., 2006. *Pogrebeniya znati zolotoordynskogo vremeni v mezhdurechye Dona i Sala* [Burials of Nobility of the Golden Horde Time in the Interfluves of Don and Sal]. Moscow, Pamyatniki ist. mysli. 232 p.
- Volkov I.V., Nedashkovskaya N.I., Nedashkovsky L.F., Sitdikov A.G., 2022. K yubileyu Mariny Dmitrievny Poluboyarinovoy [To the Anniversary of Marina Dmitrievna Poluboyarinova]. *Arheologiya evraziyskih stepey* [Archaeology of Eurasian Steppes], no. 6, pp. 344-347. DOI: <https://doi.org/10.24852/2587-6112.2022.6.344.347>
- Voronin N.N., 1949. Oboronitel'nye sooruzheniya Vladimira XII v. [Fortifications of Vladimir of 12th Century]. *Materialy i issledovaniya po arkhologii SSSR* [Materials and Researches on the Archaeology of the USSR], no. 11. Moscow, Leningrad, USSR Academy of Sciences, pp. 203-239.

- Gaydukov P.G., 1992. *Slavenskiy konets srednevekovogo Novgoroda. Nutnyy raskop* [Slavensky Konets of Medieval Novgorod. Nutnyy Trench]. Moscow, Evtektika Publ. 197 p.
- Gorbunov D.N., 2011. Kostoreznoe delo naseleniya drevnego Kurska [Bone Carving of the Population of Ancient Kursk]. *Uchenye zapiski: elektron. nauch. zhurn. Kurskogo gos. un-ta* [Research Notes. Electronic Research Journal of Kursk State University], vol. 2, no. 3 (19), pp. 57-71.
- Davidan O.I., 1966. Staroladozhskie izdeliya iz kosti i roga (po raskopkam Staroladozhskoy ekspeditsii IIMK AN SSSR) [Staraya Ladoga Wares from Bone and Horn (on the Excavations of Staraya Ladoga Expedition of the Institute of History of Material Culture of Academy of Sciences of USSR)]. *Arkheologicheskiy sbornik* [Archaeological Collection of Articles], iss. 8. Leningrad, Moscow, Sov. khudozhnik Publ., pp. 103-115.
- Dmitrienko M.V., 2008. Itogi spasatel'nykh raskopok v g. Azove v 2006 godu [Results of Rescue Excavations in Azov City in 2006]. *Istoriko-arkheologicheskie issledovaniya v g. Azove i na Nizhnem Donu v 2006 g.* [Historical-Archaeological Researches in Azov City and on Lower Don in 2006], iss. 23. Azov, Azov Museum-Reserve, pp. 193-200.
- Egor'kov A.N., Nedashkovsky L.F., 2022. Himichesky sostav steklyannykh izdeliy s zolotoordynskikh selishch Saratovskogo Povolzh'ya [Chemical Composition of Glassware from Golden Horde Settlements in the Saratov Volga Region]. *Kratkie soobshcheniya Instituta arheologii* [Brief Communications of the Institute of Archaeology], iss. 268, pp. 325-338. DOI: 10.25681/IARAS.0130-2620.268.325-338
- Enukov V.V., 2005. *Slavyane do Ryurikovichy* [Slavs Before Ryurikovichy]. Kursk, Uchitel Publ. 352 p.
- Zakirova I.A., 1988. Kostoreznoe delo Bolgara [Bone Carving Craft of Bulgar]. *Gorod Bolgar: Ocherki remeslennoy deyatel'nosti* [City Bulgar: Sketches of Craftsmen Activity]. Moscow, Nauka Publ., pp. 220-243.
- Zakharov S.D., 2004. *Drevnerusskiy gorod Beloozero* [Old Russian City Beloozero]. Moscow, Indrik Publ. 592 p.
- Zverugo Ya.G., 1975. *Drevniy Volkovysk X–XIV vv.* [Ancient Volkovysk of the 10th – 14th Centuries]. Minsk, Nauka i tekhnika Publ. 143 p.
- Kazakov E.P., 1991. *Bulgarskoye selo X–XIII vekov nizovy Kamy* [Bulgar Village of the 10th – 13th Centuries in the Low Kama Region]. Kazan, Tatar. kn. izd-vo. 176 p.
- Kazakov E.P., 1992. *Kul'tura ranney Volzhskoy Bulgarii (Etapy etnokul'turnoy istorii)* [Culture of the Early Volga Bulgaria (Stages of the Ethno-Cultural History)]. Moscow, Nauka Publ. 335 p.
- Kostygina (Novikova) L.A., 1996. K izucheniyu kostoreznogo remesla drevney Tveri [To the Study of Bone Carving Craft in Ancient Tver]. *Tver', Tverskaya zemlya i sopredel'nye territorii v epokhu srednevekov'ya* [Tver, Tver Land and Neighbouring Territories in the Middle Ages], iss. 1. Tver, pp. 181-188.
- Kochkina A.F., 2012. Maloryazanskoe II selishche – russkiy poselok zolotoordynskogo vremeni na Samarskoy Luke (predvaritel'nye rezul'taty) [Maloryazanskoe 2nd Settlement – Russian Settlement of the Golden Horde Time in Samarskaya Luka]. *Srednee Povolzh'e v kontekste srednevekovoy rossiyskoy istorii: na perekrestke kul'tur (konets XIII – XVI v.): materialy nauch.-prakt. konf.* [Middle Volga Region in the Context of Medieval Russian History: On the Crossroad of Cultures (End of 13th – 16th Centuries)]. Samara, Ofort Publ., pp. 107-128.
- Kuza A.V., 1981. Bol'shoe gorodishche u s. Gornal' [Big Hillfort at Gornal Village]. *Drevnerusskie goroda* [Old Russian Cities]. Moscow, Nauka Publ., pp. 6-39.
- Lysenko P.F., 1974. *Goroda Turovskoy zemli* [Cities of Turov Land]. Minsk, Nauka i tekhnika Publ. 200 p.
- Lysenko P.F., 1985. *Berest'e* [Berest'e]. Minsk, Nauka i tekhnika Publ. 399 p.
- Lyapushkin I.I., 1958. *Gorodishche Novotroitskoe. O kul'ture vostochnykh slavyan v period slozheniya Kievskogo gosudarstva* [Hillfort Novotroitskoe. On the Culture of the Eastern Slavs During the Period of Formation of the Kyiv State]. *Materialy i issledovaniya po arheologii SSSR*, no. 74. Moscow, Leningrad, USSRAS. 328 p.
- Lyahov S.V., 1999. Ohrannye raskopki v Saratovskom Pravoberezh'ye [Rescue Excavations in the Saratov Right Bank]. *Arheologicheskoe nasledie Saratovskogo kraya. Ohrana i issledovaniya v 1997 godu* [Archaeological Legacy of Saratov Region. Rescue and Researches in 1997], iss. 3. Saratov, Saratov. ped. in-t, pp. 94-100.
- Malinovskaya N.V., 1974. Kolchany XIII–XIV vv. s kostyanyimi ornamentirovannymi obkladkami na territorii evraziyskikh stepey [Quivers of the 13th – 14th Centuries with Bone Ornamented Facings in the Territory of the Eurasian Steppes]. *Goroda Povolzh'ya v srednie veka* [Cities of the Volga Region in the Middle Ages]. Moscow, Nauka Publ., pp. 132-175.
- Myskov E.P., 2015. *Kochevniki Volgo-Donskih stepey v epokhu Zolotoy Ordy* [Nomads of the Volga-Don Steppes in the Epoch of the Golden Horde]. Volgograd, Volgograd Branch of RANEP. 484 p.

- Nedashkovsky L.F., 1999. Razvedochnye issledovaniya zolotoordynskikh pamyatnikov Saratovskogo rayona v 1993–1997 gg. [Exploring Researches of the Golden Horde Sites of the Saratov Region in 1993–1997]. *Arheologicheskoe nasledie Saratovskogo kraya. Ohrana i issledovaniya v 1997 godu* [Archaeological Legacy of Saratov Region. Rescue and Researches in 1997], iss. 3. Saratov, Saratov. ped. in-t, pp. 100–107.
- Nedashkovsky L.F., 2000. *Zolotoordynsky gorod Ukek i ego okruga* [The Golden Horde City Ukek and Its Regions]. Moscow, Vost. lit. RAS Publ. 224 p.
- Nedashkovsky L.F., 2010. *Zolotoordynskie goroda Nizhnego Povolzh'ya i ih okruga* [The Golden Horde Cities of the Low Volga Region and Their Periphery]. Moscow, Vost. lit. RAS Publ. 351 p.
- Nedashkovsky L.F., 2016. Intensivnost ekonomicheskogo razvitiia Nizhnego Povolzhya zolotoordynskoi epokhi (po materialam okrugi krupneishikh gorodov) [Intensity of the Economic Development of the Lower Volga Region during the Golden Horde Epoch (By the Materials of the Cities' Environs)]. *Stratum Plus*, no. 6, pp. 151-162.
- Nedashkovsky L.F., 2018. Khimicheskii sostav izdelii iz tsvetnykh metallov s zolotoordynskikh poselenii severnykh raionov Nizhnego Povolzhia [Chemical Composition of Non-Ferrous Artifacts from the Golden Horde Settlements of the Northern Areas of the Lower Volga Region]. *Stratum Plus*, no. 6, pp. 243-254.
- Nedashkovsky L.F., 2019. Keramika s Uvekskogo gorodishcha po arhivnym dannym [Ceramics from Uvek Settlement on the Basis of Archival Materials]. *Arheologiya evraziyskikh stepey* [Archaeology of Eurasian Steppes], no. 6, pp. 283-299. DOI: <https://doi.org/10.244.11/2587-6112-2019-00094>
- Nedashkovsky L.F., 2021. Krupnye zolotoordynskie goroda Nizhnego Povolzh'ya i ih okruga [Large Golden Horde Cities of the Lower Volga Region and Their Periphery]. *Istoriya* [History], vol. 12, iss. 9 (107). DOI: <https://doi.org/10.18254/S207987840017097-5>
- Nedashkovsky L.F., Kochanova M.D., Aleshinskaya A.S., Spiridonova E.A., 2023. Arheobotanicheskie materialy s zolotoordynskikh selishch Saratovskogo Povolzh'ya [Archaeobotanical Materials from the Golden Horde Settlements of the Saratov Volga Region]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4, Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], vol. 28, no. 4, pp. 94-106. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.4.7>
- Nedashkovsky L.F., Morzherin K. Yu., 2020. Kostyanye izdeliya iz Ukeka [Bone Wares from Ukek]. *Zolotoordynskoe obozrenie* [Golden Horde Review], vol. 8, no. 3, pp. 472-503. DOI: <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2020-8-3.472-503>
- Nedashkovsky L.F., Sitdikov A.G., Asylgaraeva G.Sh., 2018. Pamyati A.G. Muhamadieva (1933–2018) [Ad Memoriam A.G. Mukhamadiev (1933–2018)]. *Povolzhskaya arkheologiya* [The Volga River Region Archaeology], no. 2 (24), pp. 348-353. DOI: <https://doi.org/10.24852/pa2018.2.24.348.353>
- Nedashkovsky L.F., Shigapov M.B., 2017. Nakhodki s selishcha Shiroky Buerak [Finds from Shiroky Buerak Settlement]. *Nizhnevolzhskiy Arkheologicheskii Vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], vol. 16, no. 2, pp. 116-130. DOI: <http://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2017.2.7>
- Nedashkovsky L.F., Shigapov M.B., 2019. Vooruzhenie i konskoe snariazhenie s Bagaevskogo selishcha [Arms and Horse Harness from Bagaevka Settlement]. *Stratum Plus*, no. 5, pp. 167-177.
- Nedashkovsky L.F., Shigapov M.B., 2020a. Metallicheskie izdeliia s Bagaevskogo selishcha [Metallic Wares from Bagaevka Settlement]. *Povolzhskaya arkheologiya* [The Volga River Region Archaeology], no. 4 (34), pp. 185-198. DOI: <http://dx.doi.org/10.24852/PA2020.4.34.185.198>
- Nedashkovsky L.F., Shigapov M.B., 2020b. Metallicheskie ukrasheniia s Bagaevskogo selishcha v Nizhnem Povolzhye [Metallic Wearing-Apparel Components from the Bagaevka Settlement in the Low Volga Region]. *Rossiyskaya arkheologiya* [Russian Archaeology], no. 2, pp. 177-189. DOI: <http://dx.doi.org/10.31857/S086960630008260-5>
- Nedashkovsky L.F., Shigapov M.B., 2022a. Zheleznye izdeliya s Bagaevskogo selishcha [Iron Objects from Bagaevka Settlement]. *Arheologiya evraziyskikh stepey* [Archaeology of Eurasian Steppes], no. 3, pp. 288-294. DOI: <https://doi.org/10.24852/2587-6112.2022.3.288.294>
- Nedashkovsky L.F., Shigapov M.B., 2022b. Steklyannye izdeliya s Bagaevskogo selishcha [Glass Wares from Bagaevka Settlement]. *Mir Srednevekov'ya. Problemy veshchevedeniya: materialy nauch. konf. k 70-letiyu ot srednevekovoy arkheologii* [The World of the Middle Ages. The Problems of Material Culture Studies. Proceedings of the Scientific Conference to the 70th Anniversary Medieval Archaeology Department]. Moscow, Institute of Archaeology of RAS, pp. 276-283.

- Nikol'skaya T.N., 1987. *Gorodishche Slobodka XII–XIII vv. K istorii drevnerusskogo gradostroitel'stva v Zemle vyatichey* [Slobodka Hillfort of 12th – 13th Centuries. To the History of Old Russian Town Building in the Land of Vyatichi Tribe]. Moscow, Nauka Publ. 185 p.
- Rudenko K.A., 2000. *VI Alekseevskoe selishche* [VI Alekseevskoe Settlement]. Kazan, Reper Publ. 154 p.
- Rudenko K.A., 2005. Bulgarskie izdeliya iz kosti i roga [Volga Bulgarian Wares from Bone and Horn]. *Drevnosti Povolzh'ya: epokha srednevekov'ya (issledovaniya kul'turnogo naslediya Volzhskoy Bulgarii i Zolotoy Ordy): materialy II Vseros. konf. «Povolzhye v srednie veka», 25–28 sent. 2003 g., Kazan', Yal'chik* [Antiquities of the Volga Region: Middle Ages Epoch (Researches of Cultural Heritage of the Volga Bulgaria and Golden Horde). Proceedings of the 2nd All-Russian Conference “The Volga Region in the Middle Ages”, September 25–28, 2003, Kazan, Yalchik]. Kazan, Shkola Publ., pp. 67–97.
- Samoylovich N.G., 2007. *Konyushennyi raskop v Rostove Velikom* [Konyushennyi Trench in Rostov Veliky]. Moscow, TAUS Publ. 88 p.
- Semykin Yu.A., Nedashkovsky L.F., 2023. Novye dannye o tekhnologii izgotovleniya kuznechnoy produktsii sel'skikh poseleniy Zolotoy Ordy po rezul'tatam metallograficheskikh analizov izdeliy s selishch Bagaevskoe i Shirokiy Buerak [New Data on the Technology of Manufacturing Blacksmith Products of the Golden Horde Rural Settlements Based on Metallographic Analyses Results of Items from Bagaevka and Shiroky Buerak Settlements]. *Nizhnevolzhskiy Arkheologicheskii Vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], vol. 22, no. 1, pp. 222–257. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2023.1.12>
- Sudakov V.V., 1996. Izdeliya iz kosti iz Pereyaslavlya Ryazanskogo [Wares from Bone from Pereyaslavl Ryazansky]. *Arkheologicheskie pamyatniki Okskogo basseyna* [Archaeological Monuments of Oka Basin]. Ryazan, pp. 159–186.
- Tasmagambetov I.N., Samashev Z.S., 2001. *Saraychik* [Saraychik]. Almaty, Berel Publ. 319 p.
- Tropin N.A., 2001. Orudiya truda, predmety byta i ukrasheniya iz raskopok sel'skikh poseleniy XII–XIV vv. yuzhnykh rayonov Ryazanskoy zemli [Tools, Objects of Daily Life and Ornaments from Excavations of Rural Settlements of 12th – 14th Centuries of the Southern Regions of Ryazan Land]. *Verkhnedonskoy arkheologicheskiiy sbornik* [Upper Don Archaeological Collection of Articles], iss. 2. Lipetsk, Uspek-Info Publ., pp. 185–204.
- Tropin N.A., Chubur A.A., 2024. Skoplenie al'chikov v zhilishche vtoroy poloviny XIII – XIV vv. na poselenii Kamennoe na Verhnem Donu [Cluster of Alchiks in the Dwelling of the Second Half of the 13th – 14th Centuries on the Kamennoye Settlement on the Upper Don]. *Arheologiya evraziyskikh stepey* [Archaeology of Eurasian Steppes], no. 3, pp. 211–219. DOI: <https://doi.org/10.24852/2587-6112.2024.3.211.219>
- Fyodorov-Davydov G.A., 1981. Issledovanie bol'shoy aristokraticheskoy usad'by na Tsarevskom gorodishche [Investigation of Large Aristocratic Manor on Tsarevskoe Site]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 8, Istoriya* [Bulletin of Moscow State University. Series 8. History], no. 1, pp. 64–84.
- Fyodorov-Davydov G.A., 1994. *Zolotoordynskie goroda Povolzh'ya* [The Golden Horde Cities of the Volga Region]. Moscow, MSU. 228 p.
- Fyodorov-Davydov G.A., Bulatov N.M., 1989. Keramicheskaya masterskaya Selitrennogo gorodishcha [Ceramic Workshop of Selitrennoe Site]. *Sokrovishcha sarmatskikh vozhdov i drevnie goroda Povolzh'ya* [Treasures of Sarmatian Chiefs and Ancient Cities of the Volga Region]. Moscow, Nauka Publ., pp. 133–248.
- Fyodorov-Davydov G.A., Vayner I.S., Guseva T.V., 1974. Issledovaniya trekh usadeb v vostochnom prigorode Novogo Saraya (Tsarevskogo gorodishcha) [Investigations of Three Manors in Eastern Suburb of New Saray (Tsarevskoe Site)]. *Goroda Povolzh'ya v srednie veka* [Cities of the Volga Region in the Middle Ages]. Moscow, Nauka Publ., pp. 89–131.
- Fekhner M.V., 1952. Raskopki v Kostrome (K voprosu o vremeni vozniknoveniya Kostromy i ee pervonachal'nom mestopolozhenii) [Excavations in Kostroma (To the Question about Time of Foundation of Kostroma and Its Initial Location)]. *Kratkie soobshcheniya o dokladakh i polevykh issledovaniyakh instituta istorii material'noy kul'tury AN SSSR* [Brief Communications of Reports and Field Investigations of the Institute of History of Material Culture of Academy of Sciences of USSR], iss. XLVII, pp. 101–108.
- Flerova V.E., 2001. *Reznaya kost' yugo-vostoka Evropy IX–XII vekov: Iskusstvo i remeslo. Po materialam Sarkela – Beloy Vezhi iz kolleksii Gosudarstvennogo Ermitazha* [Carved Bone of the South-East of Europe of 9th – 12th Centuries: Art and Craft. On the Materials of Sarkel – Belaya Vezha from the Collection of State Hermitage]. Saint Petersburg, Aleteya Publ. 352 p.
- Khynku I.G., 1969. *Poseleniya XI–XIV vekov v Orgeevskikh kodrakh Moldavii* [Settlements of 11th – 14th Centuries in Orhei Kodry of Moldavia]. Kishinev, Editor and Publishing Department of AS Moldavien SSR. 115 p.

- Chernov S.Z., Boytsov I.A., 1992. Raskopki v Istoricheskom proезде i izuchenie Velikogo posada Moskvy XIII–XIV vv. [The Excavations in the Istorichesky Proezd and the Investigations of Veliky Posad in Moscow in the 13th – 14th Centuries]. *Sovetskaya arheologiya* [Soviet Archaeology], no. 1, pp. 211-230.
- Shaymuratova D.N., Askeyev I.V., Nedashkovsky L.F., 2021. Arheoihtologicheskie issledovaniya selishch perioda Zolotoy Ordy Saratovskogo Povolzh'ya [Archaeoichthyological Research of Settlements of the Golden Horde Period of the Saratov Volga Region]. *Povolzhskaya arheologiya* [The Volga River Region Archaeology], no. 4 (38), pp. 191-204. DOI: <https://doi.org/10.24852/PA2021.4.38.191.204>
- Shaymuratova D.N., Askeev I.V., Nedashkovsky L.F., 2022. Znachenie ptits na zolotoordynskikh sel'skikh poseleniyah Nizhnego Povolzh'ya (na primere Bagaevskogo selishcha) [The Importance of Birds on the Golden Horde Rural Settlements of the Lower Volga Region (Using the Example of the Bagaevka Settlement)]. *Zolotoordynskoe obozrenie* [Golden Horde Review], vol. 10, no. 4, pp. 851-867. DOI: <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2022-10-4.851-867>
- Yavorskaya L.V., Badeev D.Yu., 2019. Kostoreznye masterskie v torgovo-remeslennom rayone srednevekovogo Bolgara: kriterii vyyavleniya [Bone Carving Workshops in the Trade and Craft District of Medieval Bolgar: Criteria for Identification]. *Povolzhskaya arheologiya* [The Volga River Region Archaeology], no. 4 (30), pp. 210-225. DOI: <https://doi.org/10.24852/pa2019.4.30.210.225>
- Yavorskaya L.V., Nedashkovsky L.F., 2020. Arheozoologicheskie materialy Bagaevskogo selishcha [Archaeozoological Remains from the Bagaevka Settlement]. *Kratkie soobshcheniya Instituta arheologii* [Brief Communications of the Institute of Archaeology], iss. 261, pp. 393-402. DOI: <https://doi.org/10.25681/IARAS.0130-2620.261.393-402>
- Fyodorov-Davydov G.A., 1984. *The Culture of the Golden Horde Cities*. Oxford, BAR International Series 198. 278 p.
- Nedashkovskii L.F., 2009. Economy of the Golden Horde Population. *Anthropology & Archaeology of Eurasia*, vol. 48, no. 2, pp. 35-50. DOI: <https://doi.org/10.2753/AAE1061-1959480203>
- Nedashkovsky L.F., 2012. Golden Horde Antiquities: The Development of Research Ideas. *Acta Archaeologica*, vol. 83, no. 1, pp. 225-255. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1600-0390.2012.00690.x>
- Nedashkovsky L.F., 2014. Agriculture, Cattle Breeding and Trade in the Golden Horde Based on Data from Written Sources. *Terra Sebus: Acta Musei Sabesiensis*. Special Issue. Russian Studies. From the Early Middle Ages to the Present Day, pp. 291-303.
- Nedashkovsky L.F., 2015. Trade in the Golden Horde Volga Region. *Journal of Sustainable Development*, vol. 8, no. 7, pp. 199-206. DOI: <https://doi.org/10.5539/jsd.v8n7p199>
- Nedashkovsky L.F., Nurkhamitov M.R., 2019. Historical Characteristics of the Golden Horde City. *Opcion*, ano 35, especial no. 23, pp. 288-302.
- Tallgren A.-M., 1918. *Collection Zaoussailov au Musée National de Finlande a Helsingfors*. II. Monographie de la section de l'âge du fer et l'époque dite de Bolgary. Helsingfors, Commission des collections antell. 59 p.

Information About the Authors

Leonard F. Nedashkovsky, Doctor of Sciences (History), Professor, Department of Archaeology and Ethnology, Kazan (Volga region) Federal University, Kremlyovskaya St, 18, 420008 Kazan, Russian Federation, Leonard.Nedashkovsky@kpfu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7453-9960>

Marat B. Shigapov, Candidate of Sciences (History), Archaeologist-Researcher, Povolzhskaya arheologiya LLC, Nekrasova St, 28, 420012 Kazan, Russian Federation, maratshigapov@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-8465-8840>

Информация об авторах

Леонард Федорович Недашковский, доктор исторических наук, профессор кафедры археологии и этнологии, Казанский (Приволжский) федеральный университет, ул. Кремлевская, 18, 420008 г. Казань, Российская Федерация, Leonard.Nedashkovsky@kpfu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7453-9960>

Марат Баязитович Шигапов, кандидат исторических наук, археолог-исследователь, ООО «Поволжская археология», ул. Некрасова, 28, 420012 г. Казань, Российская Федерация, maratshigapov@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-8465-8840>

DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2026.1.8>

UDC 902.01

LBC 63.444(235.54)-416

Submitted: 29.10.2025

Accepted: 01.12.2025

**MEDIEVAL SILK TEXTILE FROM THE NORTHWESTERN CASPIAN
AND THE LOWER DON REGIONS: TECHNOLOGICAL ANALYSIS,
¹⁴C DATA, THE ¹⁵N AND ¹³C ISOTOPIC COMPOSITION OF ANCIENT CLOTHS¹**

Natalia I. Shishlina

State Historical Museum, Moscow, Russian Federation;
Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of the Russian Academy of Sciences,
Saint Petersburg, Russian Federation

Olga V. Orfinskaya

Centre for Egyptological Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Nadezhda V. Leonova

State Historical Museum, Moscow, Russian Federation

Anna A. Mamonova

State Historical Museum, Moscow, Russian Federation

Ivan A. Blinov

South Ural Federal Scientific Center of Mineralogy and Geoecology
of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Miass, Russian Federation

Olga V. Kuznetsova

Vernadsky Institute of Geochemistry and Analytical Chemistry of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation

Abstract. Textile is a unique source of information on technology and production stages from raw material cultivation to fabric manufacture, as well as on the people who produced the raw material, spun it into threads, and wove it into cloth; sewed garments and textile accessories; or transported them via trade routes from the place of production to the place of consumption. The paper contains technological analysis of 16 fragments of medieval textile from Golden Horde graves in the northwestern Caspian region and the Lower Don region. Traditional methods of optical microscopy were applied, along with advanced techniques of scanning electron microscopy and determination of nitrogen and carbon isotope ratios in silk textiles. The isotopic composition ($\delta^{13}\text{C}$) of mulberry leaves, which is the primary food source for silkworms, is correlated with regional temperature data and precipitation rate and is affected by exposure to light, moisture, and the “canopy effect.” This information provides an opportunity to narrow down the geochemical areas where raw silk may have been produced. Six types of cloth were singled out, namely, lampas, taffeta, lancé, protolampas, damask, and samite. The ^{14}C AMS dating put these cloths back to the 13th century. Based on the results of the nitrogen and carbon stable isotope composition of the silk cloths, we singled out three groups of cloths most likely related to different geographical areas where mulberry trees grow that provide the primary food source for silkworms. One of the groups is characterized by the highest $\delta^{15}\text{N}$ value, which means that the potential mulberry growing region can be described as arid. These data, which are the first of this kind to be published, will be complemented by the results of the isotopic studies of other medieval silk cloths, therefore making it possible to specify the routes used to transport raw silk from the production centers to the consumption sites.

Key words: Northwestern Caspian region, Lower Don region, silk textile, Golden Horde, technological analyses, ^{14}C AMS dating, stable isotopes ^{13}C и ^{15}N .

Citation. Shishlina N.I., Orfinskaya O.V., Leonova N.V., Mamonova A.A., Blinov I.A., Kuznetsova O.V., 2026. Shelkovyy srednevekovyy tekstil' Severo-Zapadnogo Prikaspiya i Nizhnego Podon'ya: tekhnologicheskii analiz, ^{14}C daty i izotopnyy sostav azota i ugleroda [Medieval Silk Textile from the Northwestern Caspian and the Lower Don Regions: Technological Analysis, ^{14}C Data, the ^{15}N and ^{13}C Isotopic Composition of Ancient Cloths]. *Nizhnevolzhskiy Arkheologicheskii Vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], vol. 25, no. 1, pp. 161-183. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2026.1.8>

УДК 902.01
ББК 63.444(235.54)-416

Дата поступления статьи: 29.10.2025
Дата принятия статьи: 01.12.2025

**ШЕЛКОВЫЙ СРЕДНЕВЕКОВЫЙ ТЕКСТИЛЬ
СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО ПРИКАСПИЯ И НИЖНЕГО ПОДОНЬЯ:
ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ, ^{14}C ДАТЫ И ИЗОТОПНЫЙ СОСТАВ
АЗОТА И УГЛЕРОДА¹**

Наталья Ивановна Шишлина

Государственный исторический музей, г. Москва, Российская Федерация;
Музей антропологии и этнографии (Кунсткамера) РАН, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Ольга Вячеславовна Орфинская

Центр египтологических исследований РАН, г. Москва, Российская Федерация

Надежда Викторовна Леонова

Государственный исторический музей, г. Москва, Российская Федерация

Анна Андреевна Мамонова

Государственный исторический музей, г. Москва, Российская Федерация

Иван Александрович Блинов

Южно-Уральский федеральный научный центр минералогии и геоэкологии Уральского отделения РАН,
г. Миасс, Российская Федерация

Ольга Витальевна Кузнецова

Институт геохимии и аналитической химии им. В.И. Вернадского РАН, г. Москва, Российская Федерация

Аннотация. Текстиль – это уникальный источник, позволяющий получить важную информацию о технологических этапах его производства, от выращивания сырья до изготовления полотна, а также о людях, которые такое сырье производили, затем превращали в нити и ткани, шили одежду и текстильные аксессуары, или по торговым путям транспортировали от места производства до места потребления. В статье представлен технологический анализ 16 фрагментов средневекового текстиля из золотоордынских погребений Северо-Западного Прикаспия и Нижнего Подонья. Применены традиционные методы оптической микроскопии, а также новейшие методы растровой электронной микроскопии и определения изотопных соотношений азота и углерода в шелковом текстиле. Изотопный состав $\delta^{13}\text{C}$ листьев шелковицы – основного корма шелкопряда, соотносится с региональными температурными данными, количеством осадков, зависит от воздействия солнца и использования воды, «эффекта полога». Это позволяет очертить геохимические ареалы, где могли производить шелк-сырец. Выделено шесть типов ткани – лампас, тафта, лансе, протолампас, камка и самит. ^{14}C УМС-датирование позволило отнести шелковые ткани к XIII веку. На основании исследования изотопного состава азота и углерода шелковых тканей выделено три группы, которые, вероятно, связаны с разной географической локализацией ареалов произрастания кормового сырья – шелковицы. Для одной из групп определена высокая величина изотопа азота, что позволяет охарактеризовать регион происхождения сырья как аридный. Впервые полученные данные в будущем будут дополнены результатами изотопного исследования других шелковых тканей, что позволит конкретизировать маршруты транспортировки шелкового сырья от места производства до места потребления.

Ключевые слова: Северо-Западный Прикаспий, Нижнее Подонье, шелковый текстиль, Золотая Орда, технологический анализ, ^{14}C УМС-датирование, стабильные изотопы ^{13}C и ^{15}N .

Цитирование. Шишлина Н. И., Орфинская О. В., Леонова Н. В., Мамонова А. А., Блинов И. А., Кузнецова О. В., 2026. Шелковый средневековый текстиль Северо-Западного Прикаспия и Нижнего Подонья: технологический анализ, ^{14}C даты и изотопный состав азота и углерода // Нижневолжский археологический вестник. Т. 25, № 1. С. 161–183. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2026.1.8>

Введение

Текстиль является уникальным историческим источником, позволяющим получить важную информацию как о технологических этапах его производства, от выращивания сырья до изготовления полотна, так и о людях, которые такое сырье производили, затем превращали в нити и ткани, шили одежду и текстильные аксессуары, их носили и использовали, или по торговым путям транспортировали от места производства до места потребления. Однако текстиль – крайне редкая в археологическом и историческом контексте находка, сохраняется не в первоначальном виде, имеет малые размеры, часто деформирован, с утраченными технологическими структурами и красочным колоритом. Более того, редкость особо ценных тканей, например, шелковых, с золотными нитями, еще при жизни их владельцев приводила к тому, что ткани распускали и вторично использовали старые нити для изготовления новых изделий. Ткани из культурного слоя средневековых стоянок, поселений, городов степной зоны Евразии практически неизвестны. Главный источник для исследования – это текстиль (фрагменты одежды, головных уборов, отдельных тканей) из захоронений. Часто такие изделия многокомпонентны, включают сложные конгломераты органических и неорганических материалов (кожу, древесину, изделия из металлических сплавов, пигменты, лаки и т. д.) и нуждаются в последовательном изучении каждой детали с привлечением не только традиционных стандартных методик, но и новейших технологических методов и оборудования. Примером такого исследования является комплексный технологический и химико-физический анализ одного из фрагментов шелковой ткани из могильника Манджикины-2, позволивший уточнить детали технологического цикла изготовления ткани красного цвета с вытканым золотным орнаментом в виде птиц и цветов [Шишлина и др., 2024].

Основным методом технологического анализа тканей по-прежнему остается метод оптической микроскопии, позволяющий проводить достоверную оценку природы текстильных волокон, метрических параметров нитей и определения типа ткани. Такие работы стали классикой текстильных исследований, базой для многочисленных исторических реконструкций [Calament, Durand, 2013; Davidson, Pigozne, 2010; Cybulska, 2010]. Новые методы исследования – растровая электронная микроскопия, прямое радиоуглеродное датирование фрагментов нитей и тканей или других сопутствующих углеродсодержащих образцов методом ускорительной масс-спектрометрии (УМС-датирование), геохимические методы (определение изотопного состава азота и углерода волокна; вариации изотопных отношений стронция, кислорода) значительно расширяют возможности интерпретации археологических и исторических текстильных сюжетов [Knaller, Ströbele, 2014; Ströbele, Boner, 2015; Федотова и др., 2019], кроме того, позволяют обсудить проблему провенанса тканей, что в будущем поможет точнее определить локализацию текстильных центров.

Задача данного исследования – технологический анализ фрагментов шелковых тканей из средневековых захоронений Северо-Западного Прикаспия и Нижнего Подонья, позволяющий выделить несколько типов ткацких переплетений; проведение тестового прямого радиоуглеродного датирования одного фрагмента шелковой ткани и фрагмента костной ткани из этого же погребения, а также анализ первых результатов исследования изотопного состава азота и углерода шелкового текстиля. Синтез таких традиционных данных с новейшими результатами исследования позволят в будущем обсудить более детально маршруты передвижения представителей средневековой знати и рядовых воинов, а также локализацию торговых путей этого времени.

Объекты исследования и методы

Благодаря особым аридным условиям погребенных почв и близкому расположению к металлическим изделиям в захоронениях средневековых кочевников исследуемого региона обнаруживается текстиль, а его сохранность и первичная реставрация позволяют провести полноценный технологический анализ. В рамках исследовательского проекта было отобрано 16 фрагментов из 6 погребений, частично входящих в состав сложных изделий, сохранившихся в виде конгломератов из ткани, дерева, жил и кожи. Они были найдены в курганах Северо-Западного Прикаспия и Нижнего Подонья (рис. 1, табл. 1).

Все погребения по типу обряда и инвентарю относятся к эпохе Золотой Орды.

При исследовании текстиля были применены следующие методы. На первом этапе работы отобраны отдельные фрагменты текстиля; многослойные объекты разделены на элементные компоненты разного происхождения. Для этого конгломераты на сутки были помещены в контейнеры с удаленным увлажнением. Ткани стали более пластичными, что позволило отделить их от дерева и кожи.

Далее микропробы волокон отбирались с минимальным уроном для материала с целью последующего изучения. Исследования производились методом микроскопии в проходящем неполяризованном и поляризованном свете при увеличении от $\times 40$ до $\times 600$ на поляризационном микроскопе Olympus BX51. Отбор, подготовка образцов и измерение метрических параметров производились при помощи стереомикроскопа Hund Wiloskop в отраженном свете при увеличении от $\times 6,7$ до $\times 45$. Природа волокон определялась по морфологическим признакам. Для работы были приготовлены постоянные иммерсионные препараты в пихтовом бальзаме, для сравнения использовалась эталонная коллекция волокон. Цвет волокон определялся визуально в процессе микроскопии. Исследования проводились в Центре египтологических исследований РАН и Реставрационных мастерских ГИМ.

Для более детального изучения типа волокон был применен метод растровой электронной микроскопии (РЭМ). Исследования прове-

дены в лаборатории ЮУ ФНЦ МиГ УрО РАН (г. Миасс) по апробированной методике [Шишлина и др., 2025].

Для радиоуглеродного датирования методом ускорительной масс-спектрометрии отобран фрагмент шелковой ткани из кургана 3 погребения 30 могильника Улан-4 и фрагмент кости лошади из погребения 3 кургана 20 могильника Песчаный IV, где был найден фрагмент шелковой ткани, малые размеры которого не позволили провести его прямое радиоуглеродное датирование. Образцы были продатированы в Лаборатории DirectAMS, США (фрагмент шелковой ткани) и в ЦКП «Лаборатория радиоуглеродного датирования и электронной микроскопии» Института географии РАН и Центре прикладных изотопных исследований Университета Джорджии, США (фрагмент кости лошади). Полученные радиоуглеродные даты калибровались при помощи программы OxCal 4.4 [Bronk Ramsey, 2017] и калибровочной кривой IntCal20 [Reimer et al., 2020].

Были также проведены тестовые геохимические исследования. Мы исходили из того, что в основной рацион питания шелкопряда, бабочки из семейства настоящие шелкопряды (*Bombix mori*), на стадии жизненного цикла, когда из яйца вылупляются гусеницы (шелковичные черви), входят свежие листья тутового дерева или шелковицы – род растений семейства Тутовые (*Morus Alba*). Шелковица относится к растениям СЗ и толерантна к засушливым условиям, высокой засоленности почв и высоким температурам [Liu et al., 2022; Li et al., 2023]. Древнейшие ареалы разведения гусениц и появления шелководства связаны с регионами, где такое дерево произрастало, в первую очередь с Китаем [Sharma et al., 2021]. Позднее шелководство распространяется вместе с тузовыми деревьями за пределы Китая в другие экологические и геохимические регионы [Schäfer et al., 2020]. Изотопный состав $\delta^{15}\text{N}$ в листьях деревьев определен среднегодовой температурой, годовым количеством осадков и содержанием питательных веществ в почве. Изотопный состав $\delta^{13}\text{C}$ листьев соотносится с региональными температурными данными, количеством осадков, зависит от воздействия солнца и использования воды, «эффекта полога»

[Bonafini et al., 2013]. Таким образом, изотопные отношения азота и углерода в шелковом волокне могут отражать не только источник пищи, но и региональные климатические особенности тех географических мест, где произрастал тутовник, листья которого использовались как корм шелкопряда [Li et al., 2023]. Исследования шелковых тканей из Храма Фамен Си Империи Тан (618–907 гг.) в провинции Шэньси в Китае, основанные на анализе вариаций изотопных отношений азота, углерода и кислорода, позволили обсудить их провенанс [Knaller, Ströbele, 2014]. Лабораторные тестовые работы других ученых были направлены на изучение экосистемы тутовника – шелкопряд – кокон и влияния «фактора голодания» на фракционирование и вариации изотопного состава, связанных с процессами преобразования строения организма и физиологическими процессами на разных этапах жизненного цикла *Bombix mori* [Li et al., 2023].

Задача данного исследования заключалась в проверке рабочей гипотезы о предполагаемой различной географической локализации ферм по производству шелка-сырца и, возможно, ткацких мастерских по производству шелковых тканей, которая могла отразиться на изотопном составе азота и углерода шелкового волокна.

Для определения изотопного состава азота и углерода было отобрано 7 образцов шелковой ткани. Измерения изотопного состава азота и углерода проводились в Институте геохимии и аналитической химии им. В.И. Вернадского РАН, Москва, на изотопном масс-спектрометре DeltaPlus, соединенном с элементным анализатором Flash 1112 посредством интерфейсного блока ConFlo 3 (производство ThermoScientific, Германия).

Результаты

Анализ природы и параметров волокна, технологический анализ тканей. В богатом захоронении 1 кургана 17 могильника Манджикины-2 были найдены фрагменты нескольких текстильных изделий. Технологический анализ детали в виде полосы красного цвета с тканым золотным узором в виде птиц и цветов (образцы 1.1, 5.1 и 6.1) был представлен в статье Н.И. Шишлиной с со-

авторами [Шишлина и др., 2024]. Отметим, что эта ткань относится к типу лампас и, скорее всего, являлась внешним краем отделки ворота женского шелкового халата.

К этой отделке была пришита шелковая подкладка из двух полос (образцы 1.2, 6.2). Ее характеристики: основа – шелковые волокна без крутки, толщиной 0,2 мм; уток – шелковые волокна без крутки толщиной 0,2 мм; плотность 36–40/34–40 нити на 1 см²; переплетение – полотняное, тип ткани – тафта (рис. 2).

К декору этого же халата можно отнести и текстильный фрагмент в виде пятиугольника с четырьмя закрытыми краями, на изнаночной стороне которого сохранились остатки подкладки и шивные нити (образец 4.2) (рис. 3,1). Предположительно, это клапан, пришитый на правую полу женского халата. Подкладка относится к тканям типа тафты, близкой по технологическим характеристикам шелковой подкладки отделки. Ткань самого клапана (образец 4.1) изготовлена в технике лансе на основе полотняного переплетения (рис. 3,2а). Ее технологические характеристики: основа – шелковые парные нити слабой Z-крутки толщиной 0,20 мм, плотность 44 нити на 1 см²; уток – базовый: шелковая нить без крутки толщиной 0,40–0,50 мм, дополнительный: пряденная золотная нить, состоящая из шелкового сердечника и плоской золотной нити на органической подложке, навитой на сердечник в Z направлении; шаг навивки 0,5–0,8 мм; сердечник: шелк, светло-красный, диаметр 0,3–0,5 мм; плоская золотная нить: ширина полосы 0,4–0,6, толщина не определяется; проброс: 1 уток базовый к 1 утку дополнительному (1 : 1).

Сверху и снизу черепа скелета из этого же захоронения был найден многослойный конгломерат из тканей и дерева. Скорее всего, это фрагменты женского монгольского головного убора – бокки. Один из его элементов сделан из шелковых тканей двух типов: протолампас (образцы 2.1 и 3.1) и тафты (образец 2.2). Ткань с золотным узором (протолампас) была украшена орнаментом в виде маленьких 4-лепестковых цветков, о чем свидетельствует отпечаток, оставленный золотными нитями на подкладочной ткани (рис. 3,3). В формировании ткани участвует одна система нитей основы и три различных

утка: базовый и два дополнительных – золотных, формирующих узор. Технологические параметры ткани: основа – одиночные и/или парные шелковые нити со слабой Z-круткой (на 1 участке зафиксировано 3 нити, работающие вместе), толщина одиночной нити 0,10 мм; базовый уток – шелковая нить без крутки толщиной 0,20 мм, дополнительный уток 1 – плоская золотная нить, вероятно, на кожаной подложке, шириной 0,4–0,5 мм, второй дополнительный уток – пряденая золотная нить со слабой Z-круткой, толщиной 0,10 мм; плотность – 10 нитей базового утка к 18 дополнительным нитям утка на 1 см². Базовое переплетение – полотняное; боковая кромка усилена двумя крайними нитями.

В погребении 3 кургана 14 могильника Манджикины-1 найден фрагмент ткани (образец 8.1) (рис. 3, 4–5) и кожи. Шелковая ткань относится к типу камки, созданной на базе двух переплетений – сатин (раппорт 5, шаг 2) и атлас (раппорт 5, шаг 2). Ее технологические характеристики: основа – шелк без крутки, толщина нити 0,1 мм, плотность нитей основы 64 нити на 1 см²; уток – шелк без крутки, толщина нитей от 0,1 до 0,4 мм; плотность нитей утка 48 нитей на 1 см².

Фрагмент текстиля из погребения 3 кургана 2 могильника Манджикины-1 состоит из двух плотно прижатых друг к другу тканей: ткань 1 (образец 9.2) прижата к изнаночной стороне ткани 2 (образец 9.1) (рис. 4).

Образец 9.1 имеет размеры 4,5 × 4,0 см и относится к шелковой ткани типа лампас на основе саржевого (3 : 1) и дополнительного полотняного (1 : 1) переплетений. Ее технологические характеристики: основа базовая – шелковая нить слабой Z-крутки, толщина волокон 0,1 мм, плотность нитей базовой основы 72 нити на 1 см; основа дополнительная – шелковая нить без крутки толщиной 0,2–0,3 мм, плотность 18 нитей на 1 см², отношение базовой и дополнительной основы 4 : 1; уток базовый: шелковая нить без крутки, толщина нитей 0,2–0,3 мм, плотность 20 нитей на 1 см²; уток дополнительный – пряденая золотная нить, где на шелковый сердечник в Z-направлении навита полоска золотной нити на органической подложке; характеристики плоской нити не определяются из-за плохой сохранности; сердечник – шелк Z-крутки, толщина нити

0,2–0,3 мм; плотность нитей дополнительного утка – 20 нитей на 1 см².

Образец 9.2 имеет размеры 1,2 × 1,5 см и относится к типу шелковой тафты. Технологические характеристики нитей: основа – плоские шелковые нити без крутки толщиной 0,10–0,5 мм, плотность 36 нитей на 1 см; уток – плоские шелковые нити без крутки толщиной 0,15–0,25 мм, плотность 24 нити на 1 см².

Из погребения 1 кургана 6 могильника Улан-4 происходит фрагмент ткани размерами 3,4 × 1,8 см (образец 10.1) со следами золотных нитей. Ткань имеет подогнутый край, по которому фиксируются проколы от шва (рис. 5), который соединял ее с полностью утраченной тканью. Эта шелковая ткань относится к типу лампас с базовым переплетением саржи 2 : 1 (рисунок саржи Z) и дополнительного переплетения – саржи 1 : 3 (рисунок саржи S). Ее технологические характеристики: базовая основа – шелк слабой крутки, толщина нитей 0,10–0,15 мм, плотность 48 нитей на 1 см²; дополнительная основа: шелк почти без крутки, толщина нитей 0,8–0,1 мм, плотность 24 нити на 1 см²; отношение 2 : 1; базовый уток – шелк без крутки, толщина нитей 0,3–0,5 мм, отдельные нити имеют утолщения из спутанных волокон, плотность 14 нитей на 1 см²; дополнительный уток, предположительно, плоская золотная нить на органической подложке с золотым покрытием с двух сторон, плотность 14 нитей на 1 см²; отношения базового утка к дополнительному 1 : 1; в одном ряду два проброса – уток базовый и уток дополнительный.

В погребении 30 кургана 3 могильника Улан-4 сохранилось много текстильных фрагментов. В данной работе рассматривается фрагмент ткани темно-красного цвета (образец 11.1), сотканной в технике лансе (рис. 6). Ее технологические характеристики: основа – нить шелковая со слабой Z-круткой, толщиной 0,1–0,15 мм, нити работают парами; плотность нитей основы 50 пар на 1 см²; уток базовый – шелк без крутки толщиной 0,3–0,35 мм. Плотность нитей базового утка – 20 нитей на 1 см²; уток дополнительный – пряденая золотная нить, где на шелковый сердечник в Z-направлении навита плоская золотная нить, характеристики которой не определяются из-за плохой сохранности; сердечник –

светло-бежевый шелк с Z-круткой толщиной 0,3–0,4 мм; плотность нитей дополнительного утка – 20 нитей на 1 см²; отношение базового к дополнительному утку – 1 : 1. Базовое переплетение – полотняное.

На черепахе индивида из погребения 3 кургана 20 могильника Песчаный IV сохранился фрагмент (образец 12.1), предположительно, налобной повязки или шапочки – узорная шелковая полихромная ткань сложного переплетения – самит [Леонова и др., 2023] (рис. 7). Ее технологические характеристики: основа внутренняя и основа связующая имеют одинаковые характеристики: шелк с Z-круткой толщиной 0,10–0,25 мм; нити утка – шелковые без крутки толщиной 0,20–0,42 мм; плотность ткани около 28 × 60 на 1 см². Для изготовления ткани было использовано минимум 4 утка разного цвета: светлый желтоватый, красный, зеленовато-синий и коричневый.

Таким образом, проанализированные шелковые ткани представлены шестью типами: *лампас* (образцы 1.1, 5.1, 6.1, 9.1, 10.1); *тафта* (образцы 1.2, 2.2, 4.2, 6.2, 9.2); ткань в технике *лансе* (образцы 4.1, 11.1); *протолампас* (образцы 2.1 и 3.1); *камка* (образец 8.1); *самит* (образец 12.1).

Результаты радиоуглеродного датирования методом ускорительной масс-спектрометрии. Методом ускорительной масс-спектрометрии был продатирован фрагмент шелковой камки из погребения 30 кургана 3 могильника Улан-4 (образец 11.1) и фрагмент кости лошади из Песчаного-IV, курган 20, погребение 3, где был найден фрагмент шелковой ткани типа самит (образец 12.1). Как видно из таблицы 2, оба комплекса относятся к первой половине XIII века.

Результаты определения изотопного состава азота и углерода фрагментов шелковой ткани. При анализе изотопного состава азота и углерода также использовались данные, полученные по вспомогательной выборке – фрагменту шелкового текстиля из погребения 30 кургана 3 могильника Улан-4 (тафта), Ростовская область, Ремонтненский район; шелковой ткани могильника Зунда-Толга-6, курган 5, погребение 1, Республика Калмыкия, Ики-Бурульский район. Предположительно, образец шелкового лампаса из погребения 1 кургана 17 могильника Манджикины-2

[Шишлина и др., 2024] был загрязнен, соотношение C : N намного ниже допустимого порога, данные по этому образцу исключены из анализа. В таблице 3 и на рисунке 8 представлены результаты изотопных отношений азота и углерода в шести образцах шелковой ткани.

Обсуждение

Проанализированные образцы тканей представлены шестью типами с разными технологическими характеристиками. Они могли изготавливаться в разных текстильных центрах, попадая в степи Восточной Европы разными торговыми маршрутами или вместе с людьми, которые были одеты в шелковые одежды.

Одна из ¹⁴C УМС дат демонстрирует, что в начале XIII в. в половецкой среде циркулировали престижные цветные шелковые ткани высокого качества. Они шли на изготовление одежды или ее деталей, например, налобной повязки или головного убора из цветного шелкового текстиля. Такой головной убор выделял воина из захоронения 3 кургана 20 могильника Песчаный IV. Согласно изотопным данным, мужчина родился в Сальских степях [Леонова и др., 2023], где с XI в. проживали группы половцев, взаимодействовавшие как с русскими княжествами, так и с Византийской империей. Именно в Византии с VI в. стали изготавливать на особом вытяжном ткацком станке (*draw-loom*) сложные тканые цветные полотна, которые позднее распространились в Средиземноморье, а по восточным маршрутам дошли до Центральной Азии и Китая. В Половецком словаре (*Codex Cumanicus*) XIII–XIV вв. перечисляются такие ткани, как германское, русское льняное полотно, тонкая тафта, шелк, а также упомянуты мастера, в том числе и головных уборов, ткачи, детали одежды – шапка, тюрбан, пояс [Гаркавец, 2005].

После падения Киевской Руси в результате монгольского нашествия 30-х гг. XIII в. в степные регионы Северо-Западного Прикаспия и Нижнего Подонья пришли представители монгольской знати, аксессуары и одежда которых также отличалась высоким качеством шелкового текстиля. Это подтверждает ¹⁴C УМС дата из золотоордынского погребения

30 кургана 3 Улана-4. В этом захоронении найдены фрагменты разных шелковых тканей; в данной статье представлен анализ текстиля в технике лансе. Монголы подчинили многие восточные регионы, включая государства Центральной Азии и Китай, где производство шелковых тканей имело древние традиции. А сами такие ткани быстро вошли в моду на огромном пространстве северной Евразии; в Западной Европе появился новый термин – «*Panni Tartarici*» [Rosati, 2020].

Для выяснения вероятного провенанса проанализированных шелковых тканей был проведен тестовый анализ изотопного состава азота и углерода.

Методы определения соотношений стабильных изотопов азота и углерода в разных природных элементах, включая листья деревьев, применяются при характеристике экосистем [Zeller et al., 2007]. Как уже было отмечено выше, основной корм шелкопряда – листья шелковицы. На ее рост и развитие, и, соответственно, общий объем кормовой массы особое влияние оказывают такие климатические факторы, как температура воздуха и влажность. Хотя в целом это дерево хорошо адаптируется к разным климатическим условиям, тем не менее, высокие температуры и засухи отрицательно влияют на его развитие [Nikolova, Jekova, 2017]. Разные климатические показатели, стрессовые ситуации могли отразиться на изотопных отношениях азота и углерода как листьев, так и шелкопряда, и, соответственно, шелковых нитей. Эксперименты по изучению фракционирования стабильных изотопов азота и углерода на разных уровнях развития шелкопряда *Bombyx mori* (яйцо, личинка, куколка, кокон, взрослая особь) под воздействием стрессовых ситуаций показали, что различий в изотопном составе углерода практически не было, зато выявлены вариации изотопного состава азота в зависимости от рациона, что приводило к фракционированию азота в процессе развития личинок [Li et al., 2023].

Вариации изотопного состава углерода в проанализированных шелковых тканях из Северо-Западного Прикаспия и Нижнего Подонья практически одинаковы: $\delta^{13}\text{C}$: от -24,56 до -22,85 ‰, в отличие от изотопных отношений азота: $\delta^{15}\text{N}$: от 11,40 до 15,13 ‰. Соотноше-

ние C : N варьировало от 2,6 до 3,6. Таким образом, можно выделить пока три условные изотопные группы, различающиеся изотопными отношениями азота: 1) шелковая ткань из Зунда-Толга-6, для которой характерна самая низкая величина изотопных отношений азота $\delta^{15}\text{N}$: 11,4 ‰; 2) самит из Песчаный IV, тафта из Манджикины-2 и лампас из Улан-4 с изотопными отношениями азота $\delta^{15}\text{N}$: от 12,3 до 12,8 ‰; 3) камка из Улан-4 и тафта из Манджикины-2 с самыми высокими вариациями отношений азота $\delta^{15}\text{N}$: от 14,1 до 15,1 ‰. Поскольку соотношения стабильных изотопов элементов, которые составляют все биологические ткани, зависит от многих факторов, в том числе и от их географического происхождения, то можно высказать предположение, что полученные данные указывают на аридные условия одного из центров произрастания шелковицы и, косвенным образом, производства тканей.

Это позволяет высказать предположение о разной географической локализации ферм по выращиванию шелкопряда и мастерских по изготовлению шелковых тканей в первой половине XIII века. Вполне возможно, что шелк-сырец мог распространяться по торговым путям от места производства до места расположения текстильных шелкопрядных мастерских, ткачи которых поставляли ткани для изготовления одежды и текстильных аксессуаров для монгольской знати. Расширение данных по средневековым шелковым тканям из разных регионов позволит в будущем вернуться к определению географического происхождения шелка-сырца и шелковых тканей.

Заключение

Проведенное технологическое исследование 16 фрагментов шелкового текстиля из средневековых погребений Северо-Западного Прикаспия и Нижнего Подонья продемонстрировало, что для изготовления средневековой одежды, которую носили половцы и представители Золотой Орды в XIII–XIV вв., использовали разные шелковые ткани. Полученные ^{14}C УМС даты вписываются в этот интервал. Было выделено шесть типов ткани: *лампас*, *тафта*, *лансе*, *протолампас*, *камка* и *самит*. Ткачи высокого уровня исполь-

зовали традиционные приемы крутки шелкового волокна, вводя в некоторые ткани золотные нити для создания дополнительного узора. Они ткали простые ткани полотняного переплетения с одной системой основы и утка (тафта, саржа), более сложные (камка), где узор формируется сменой главных (полотняное, саржевое, атласное) переплетений; сложные двухслойные ткани, в формировании которых участвуют две системы нитей основы: базовая и дополнительная, и две или более систем нитей утка: базовый и дополнительные (лампас, протолампас); ткани, в формировании которых участвует одна система нитей основ и две или более систем нитей утка (лансе), а также сложные двухслойные яркие ткани, в формировании которых участвуют две системы нитей основ и несколько цветных нитей утка (самит).

Очевидно, что такие полотна не могли производиться только в одном текстильном центре или мастерской. Результаты тестового геохимического исследования шести образцов шелкового текстиля позволили выделить как минимум три кластера, характеризующихся разными изотопными отношениями азота. Это может быть связано с разной географической локализацией основного кормового сырья для шелкопряда – шелковицы, тем более что гусеницы-шелкопряды едят свежие листья шелковицы, что предполагает расположение «ферм» по их выращиванию поблизости от таких деревьев. Можно выделить три условных региона. Отметим группу 3 (камка из Улан-4, Сальские степи, тафта из Манджикины-2, Южные Ергени), для текстиля кото-

рой характерны крайне высокие величины изотопных отношений азота, что позволяет охарактеризовать регион производства тканей как аридный. Ткань из Зунда-Толга-6 (группа 1) с самой низкой величиной изотопного отношения азота, вероятно, была произведена в более влажном климатическом регионе. Группа 2 (самит из Песчаного IV, тафта из Манджикины-2 и лампас из Улан-4) занимает промежуточное место.

Изотопные данные, полученные для тестовых образцов, нуждаются в верификации и привлечении более широкой выборки, в первую очередь древнего текстиля из регионов с предполагаемым местом производства. Дополнительные исследования определения вариаций изотопных отношений стронция в тканях также позволят в будущем очертить регионы производства разных тканей. Тем не менее следует отметить, что согласно письменным источникам предметом торговли уже на раннем этапе распространения шелкоткачества были не только сами ткани, но и шелк-сырец, который мог попадать в ткацкую мастерскую, расположенную за тысячи километров от места производства самого сырья [Zanier, 2020].

Полученные результаты детализируют исторический контекст находок средневекового текстиля Восточной Европы.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Исследование проведено при поддержке гранта Российского научного фонда № 25-18-00028.

The research was supported by the Russian Science Foundation, grant № 25-18-00028.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Таблица 1. Образцы тканей и конгломератов из средневековых погребений северо-западного Прикаспия и Нижнего Подонья

Table 1. The samples of the cloths and textile fragments included in a rigid conglomerate of various compounds from the medieval graves in the northwestern Caspian region and the Lower Don

№ п/п	Курган, погребение	Описание образца	№ фрагмента	Место находки
Манджикины-2, Ики-Бурульский район, Калмыкия				
1	Курган 17, погребение 1	Многослойный фрагмент плотно сжатых тканей	1.1. Ткань	На правом плече
			1.2. Ткань	
2		Многослойный фрагмент из плотно сжатых тканей, кожи и дерева	2.1. Ткань	За черепом
			2.2. Ткань	
			2.3. Кожа	
			2.4. Дерево	
3	Отдельные фрагменты ткани	3.1. Ткань	За / на черепе	
4	Два фрагмента ткани	4.1. Ткань	Под / на бедренной кости	
		4.2. Ткань		
		4.3. Сшивная нить		
5	Отдельные фрагменты ткани	5.1. Ткань	–	
6	Многослойный конгломерат из тканей и дерева	6.1. Ткань	На груди	
		6.2. Ткань		
		6.3. Дерево		
Манджикины-1 (М-1), Ики-Бурульский район, Калмыкия				
7	Курган 14, погребение 3	Фрагменты ткани и кожи	8.1. Ткань	На костях скелета
			8.2. Кожа	
8	Курган 2, погребение 3	Две плотно прижатые друг к другу ткани	9.1. Ткань	На костях скелета
			9.2. Ткань	
Улан-4, Ремонтненский район, Ростовская область				
9	Курган 6, погребение 1	Фрагмент текстиля	10.1. Ткань	На костях скелета
10	Курган 3, погребение 30	Фрагмент текстиля 2 (темная ткань)	11.1. Ткань	На костях скелета
Песчаный IV, Ремонтненский район, Ростовская область				
11	Курган 20, погребение 3	Фрагмент ткани	12.1. Ткань	На налобной части

Таблица 2. Результаты радиоуглеродного датирования образца шелковой ткани и кости лошади

Table 2. Radiocarbon dating of the silk cloth sample and the horse bone

№ п/п	Лаб. №	Могильник, курган, погребение	Образец	¹⁴ C возраст (BP)	Калиброванное значение (н.э.) (начало: конец) вероятность	δ ¹³ C, ‰ VPDB	δ ¹⁵ N, ‰ AIR
1	IGAN _{AMS} -10034	Песчаный IV, кург. 20, погр. 3	Кость лошади	830 ± 20	68,3 % вероятность 1 214 (68,3 %) 1260 н.э. 95,4 % вероятность 1 176 (95,4 %) 1266 н.э.	-20,4	6,1
2	D-AMS 050751	Улан-4, кург. 3, погр. 30	Шелк (камка)	781 ± 23	68,3 % вероятность 1229AD (30,4 %) 1245 н.э. 1255AD (37,9 %) 1273 н.э. 95,4 % вероятность 1224AD (95,4 %) 1276 н.э.	–	–

Таблица 3. Данные изотопных отношений азота и углерода во фрагментах шелковых тканей

Table 3. The stable isotope ratios of nitrogen and carbon of the silk cloth fragments

№ п/п	Образец	δ ¹³ C, ‰ VPDB	δ ¹⁵ N, ‰ AIR	C, %	N, %	C/N
Ростовская область, Ремонтненский район						
1	Песчаный IV, кург. 20, погр. 3, саит(образец 12.1)	-24,04 ± 0,21	12,80 ± 0,09	38,49 ± 0,11	12,05 ± 0,04	3,2
2	Улан-4, кург. 6, погр. 1, лампас (образец 10.1)	-24,41 ± 0,24	12,33 ± 0,20	40,36 ± 0,18	14,14 ± 0,18	2,9
3	Улан-4, кург. 3, погр. 30, камка (образец 11.1)	-24,56 ± 0,39	14,16 ± 0,22	37,69 ± 0,04	13,72 ± 0,18	2,8
4	Улан-4, кург. 3, погр. 30, тафта	-24,45 ± 0,23	12,51 ± 0,25	64,39 ± 0,17	20,62 ± 0,21	3,1
Республика Калмыкия, Ики-Бурульский район						
5	Манджикины-2, кург. 17, погр. 1, тафта (образец 4.2)	-22,85 ± 0,04	15,13 ± 0,16	38,45 ± 0,19	13,44 ± 0,16	2,9
6	Зунда-Толга-6, кург. 5, погр. 1, парча	-23,17 ± 0,29	11,40 ± 0,28	34,95 ± 0,12	9,70 ± 0,06	3,6

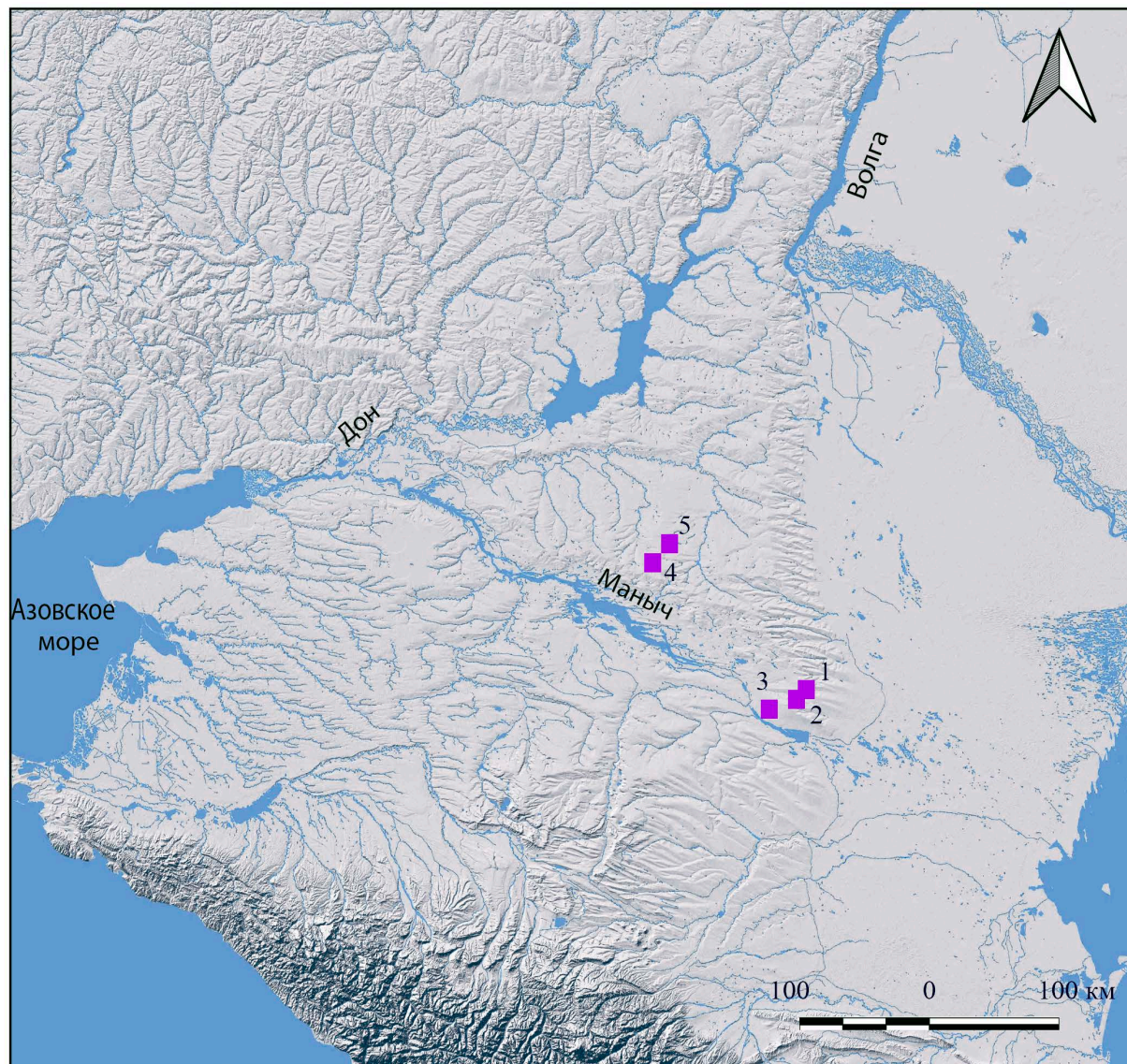

Рис. 1. Карта расположения могильников:

1 – Манджикины-1; 2 – Манджикины-2; 3 – Зунда-Толга-6; 4 – Улан-4; 5 – Песчаный IV

Fig. 1. Location of the kurgan burial grounds:

1 – Mandjikiny-1; 2 – Mandjikiny-2; 3 – Zunda-Tolga-6; 4 – Ulan-4; 5 – Peschany IV

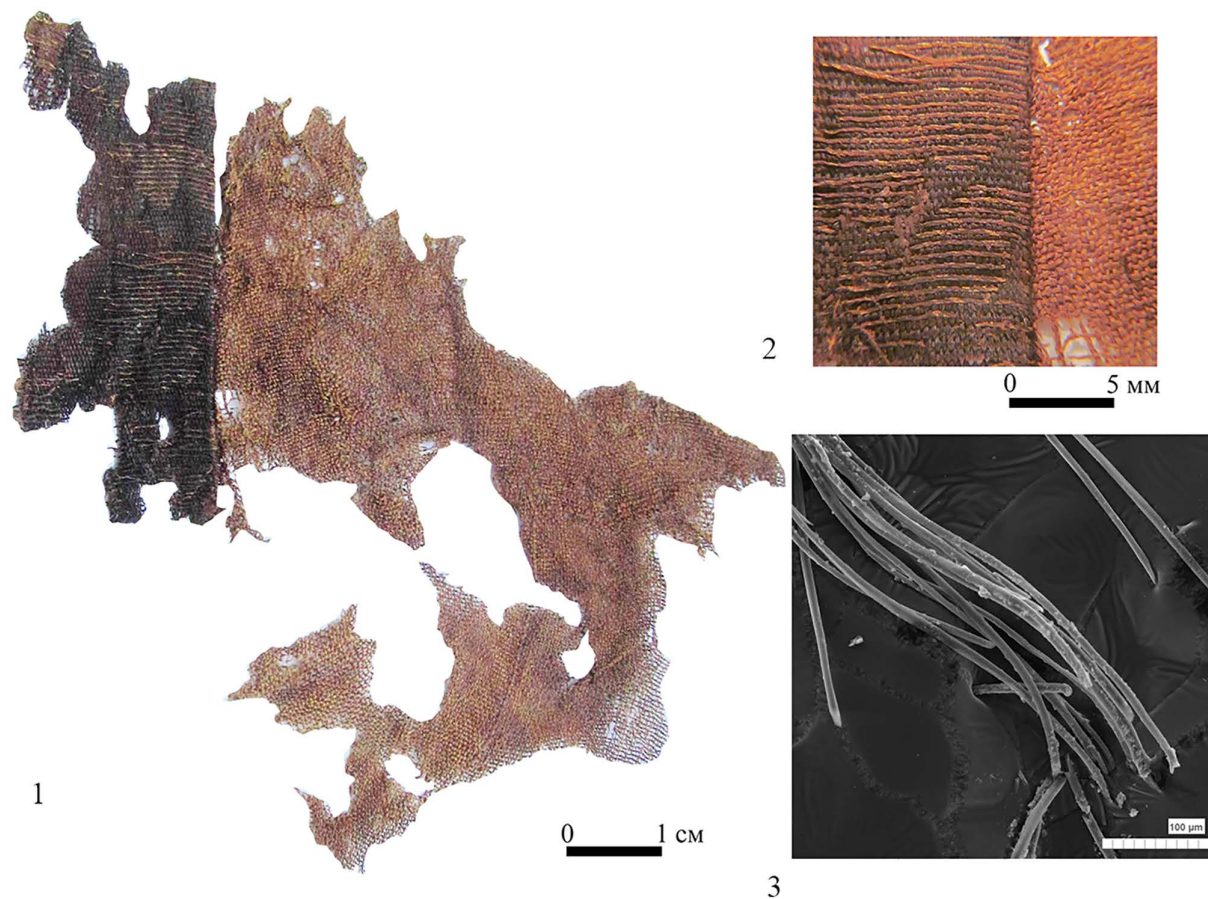

Рис. 2. Манджикины-2, курган 17, погребение 1:

1 – деталь текстиля (образец 1); 2 – участок соединения двух тканей (образец 1.1 и 1.2);
3 – РЭМ фотография шелковых волокон (образец 1.2)

Fig. 2. Manjikiny-2, kurgan 17, grave 1:

1 – textile fragment (sample 1); 2 – connecting line of two cloths (samples 1.1 and 1.2);
3 – SEM image of the silk fibers (sample 1.2)

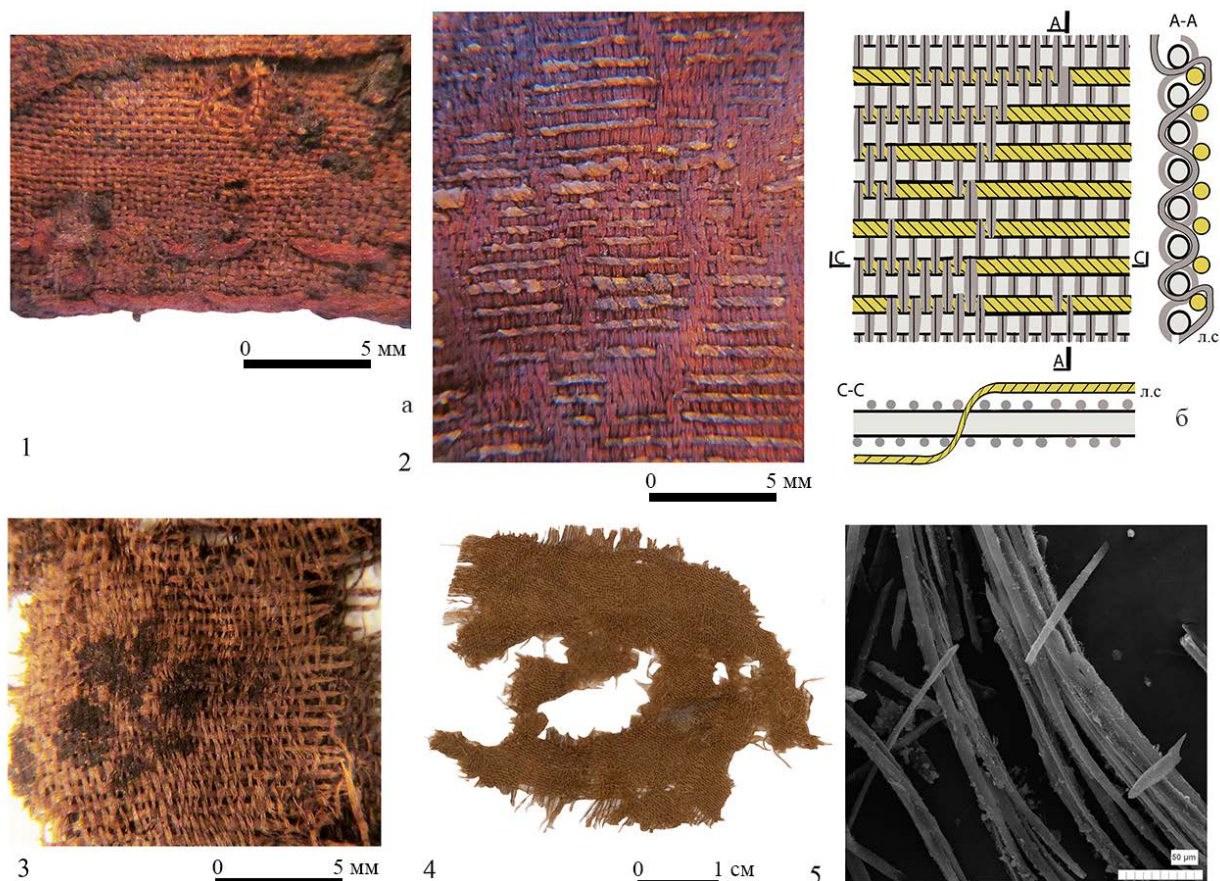

Рис. 3. Манджикины-2, курган 17, погребение 1:

1 – изнаночная сторона текстильного фрагмента (образец 4.2); *2* – фрагмент клапана (образец 4.1),
а – микрофотография ткани, *б* – схема текстильных переплетений ткани,
A-A – разрез в направлении нитей основы, *C-C* – разрез в направлении нитей утка,
л.с. – лицевая сторона ткани; *3* – фрагмент ткани (образец 2.2); Манджикины-1, курган 14, погребение 3,
 фрагмент текстиля (образец 8.1): *4* – общий вид, *5* – РЭМ фотография шелковых волокон

Fig. 3. Manjikiny-2, kurgan 17, grave 1:

1 – back of the textile fragment (sample 4.2); *2* – flap fragment (sample 4.1), *a* – microphotograph of the cloth,
б – schematic drawing of the cloth weaves, *A-A* – section along the warp threads,
C-C – section along the weft threads, *л.с.* – cloth front; *3* – cloth fragment (sample 2.2); Manjikiny-1, kurgan 14, grave 3,
 textile fragment (sample 8.1): *4* – general view; *5* – SEM image of the silk fibers

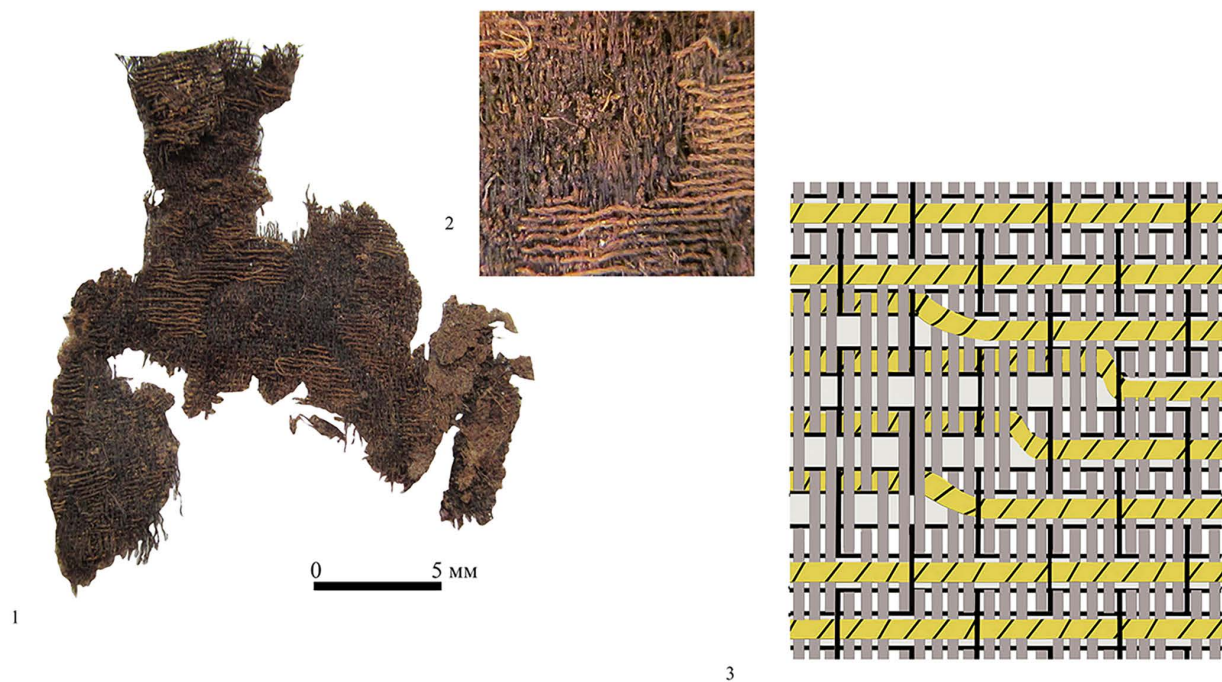

Рис. 4. Манджикины-1, курган 2, погребение 3, текстиль (образец 9.1):

1–2 – общий вид лицевой стороны; 3 – схема текстильного переплетения

Fig. 4. Manjikiny-1, kurgan 2, grave 3, textile (samples 9.1):

1–2 – general view, cloth front; 3 – schematic drawing of the cloth weave

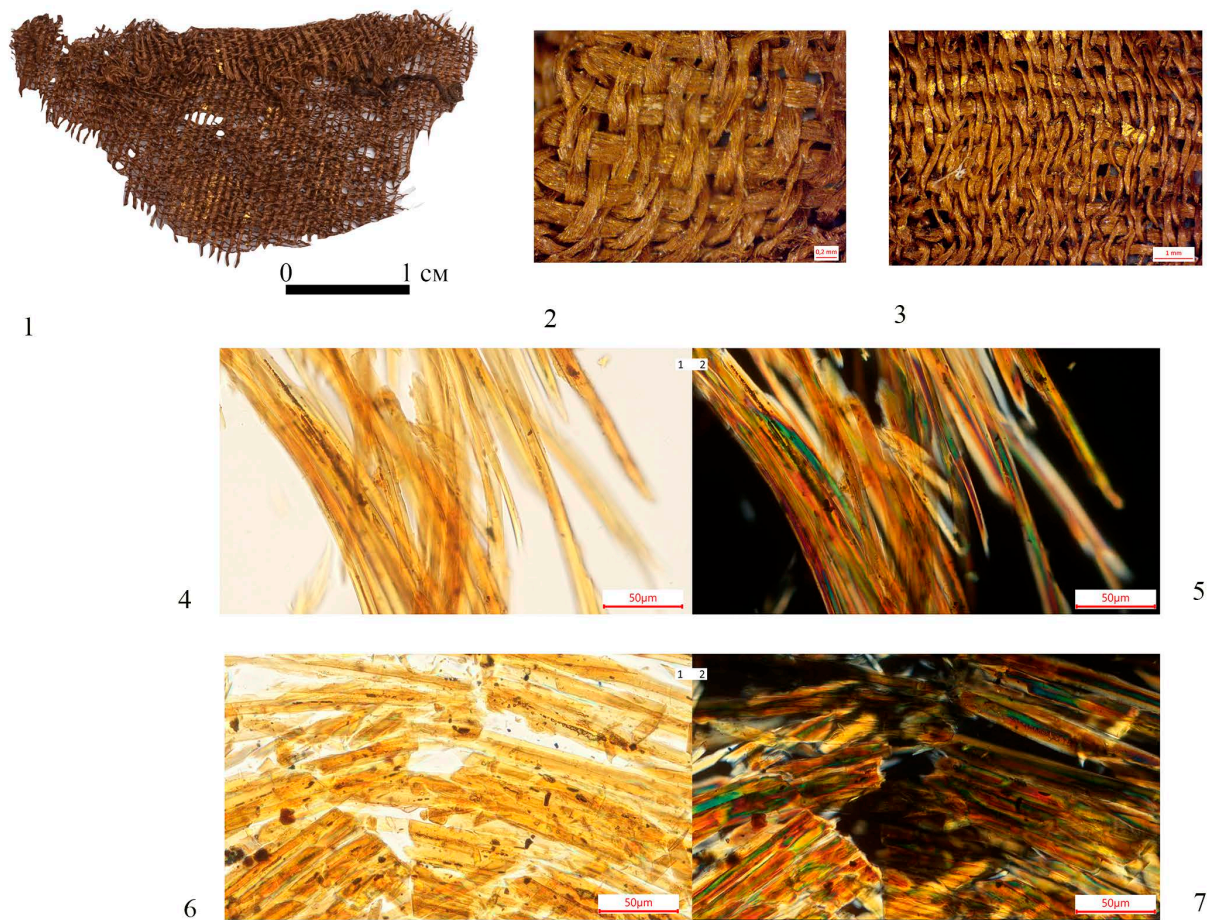

Рис. 5. Улан-4, курган 6, погребение 1, текстиль (образец 10.1):

- 1 – общий вид фрагмента с лицевой стороны; 2 – микрофотография ткани с лицевой стороны;
 3 – микрофотография ткани с изнаночной стороны; микрофотографии волокон шелка нити основы:
 4 – в светлом поле, 5 – в темном поле; микрофотографии волокон шелка нити утка:
 6 – в светлом поле, 7 – в темном поле

Fig. 5. Ulan-4, kurgan 6, grave 1, textile (sample 10.1):

- 1 – general view of the fragment front; 2 – microphotograph of the cloth front;
 3 – microphotograph of the cloth back; microphotographs of the warp silk thread fibers: 4 – in the bright field,
 5 – in the dark field; microphotographs of the weft silk thread fibers: 6 – in the bright field, 7 – in the dark field

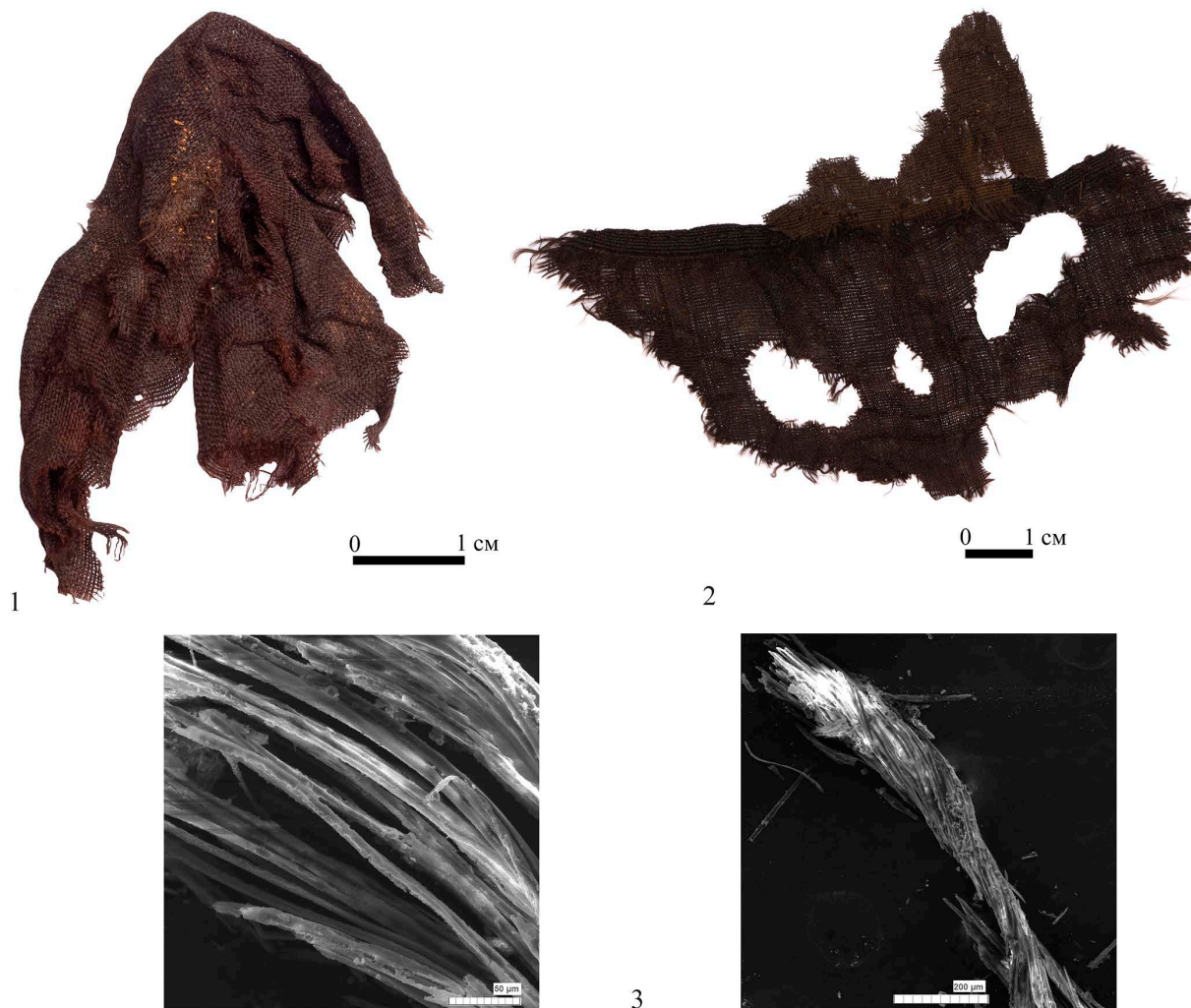

Рис. 6. Текстиль из могильника Улан-4, курган 3, погребение 30, текстиль (образец 11.1):

1 – общий вид; 2 – расправленный фрагмент; 3 – РЭМ фото шелковых волокон

Fig. 6. Ulan-4, kurgan 3, grave 30, textile (sample 11.1):

1 – general view; 2 – spread fragment; 3 – SEM image of the silk fibers

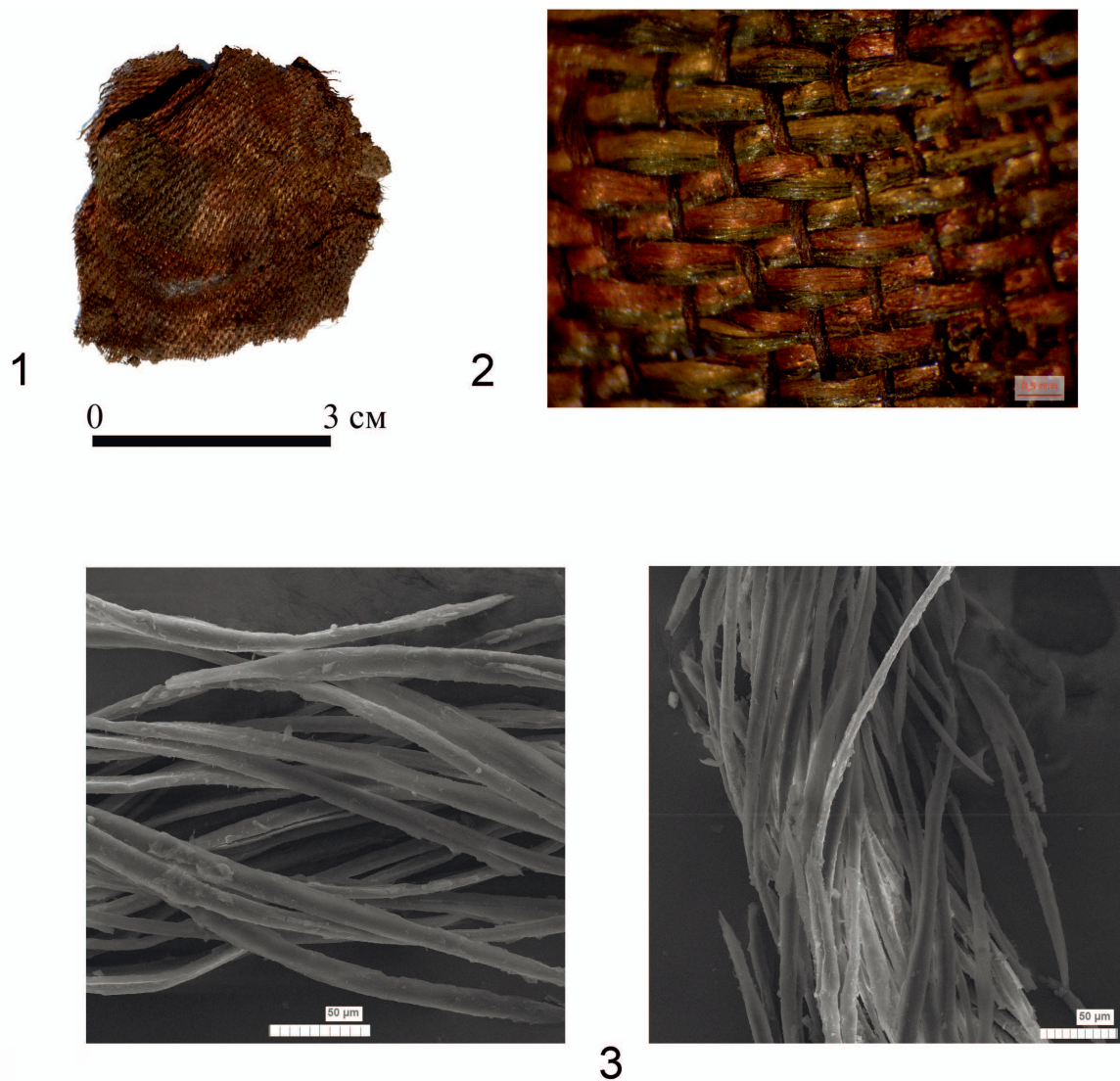

Рис. 7. Песчаный IV, курган 20, погребение 3, текстиль (образец 12.1):

1 – общий вид; 2 – микрофотография изнаночной стороны ткани; 3 – РЭМ фотографии волокон шелка

Fig. 7. Peschany IV, kurgan 20, grave 3, textile (sample 12.1):

1 – general view; 2 – microphotograph of the cloth back; 3 – SEM images of the silk fibers

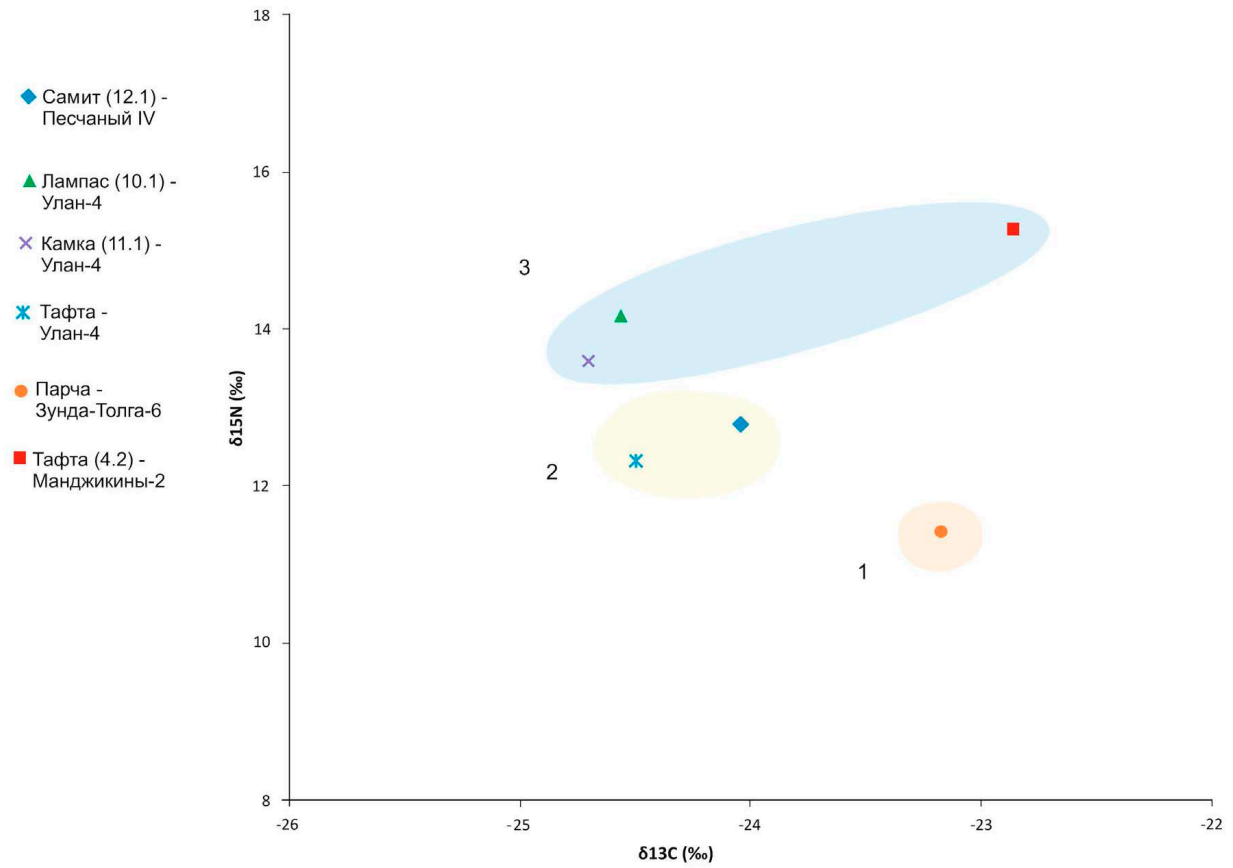

Рис. 8. Вариации изотопных отношений азота и углерода в шелковых тканях тестовой выборки

Fig. 8. Variation in nitrogen and carbon isotopic ratios in the silk cloths from the test samples

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Гаркавец А., 2005. Codex Cumanicus: половецкие мотивы, гимны и загадки XIII–XIV вв. М. : Лигалорбис. 1359 с.
- Леонова Н. В., Кузнецова В. П., Казарницкий А. А., Мамонова А. А., Малютина А. А., 2023. Погребение средневекового кочевника из могильника Песчаный IV в Ростовской области // Ресурсы аридных регионов юга России и человек в эпоху бронзы, раннего железного века и средневековья / отв. ред. Н. И. Шишлина, А. А. Казарницкий. СПб. ; М. : МАЭ РАН, ГИМ. С. 47–64.
- Федотова Ю. В., Анкушев М. Н., Блинов И. А., Шарапова С. В., 2019. Электронная микроскопия драгоценных нитей могильника Исаковка и городища Болгар // Геоархеология и археологическая минералогия-2019. Миас ; Екатеринбург : ФортДиалог-Исеть. С. 129–134.
- Шишлина Н. И., Орфинская О. В., Леонова Н. В., Лобода А. Ю., Коваленко Е. С., Гурьева П. В., Кондратьев О. А., Кожухова Е. И., Мандрыкина А. В., Терещенко Е. Ю., Яцишина Е. Б., 2024. Новые подходы к анализу средневекового текстиля методами исторического материаловедения // Краткие сообщения Института археологии. Вып. 276. С. 312–327. DOI: <http://doi.org/10.25681/IARAS.0130-2620.276.312-327>
- Шишлина Н. И., Блинов И. А., Мандрыкина А. В., Лобода А. Ю., Терещенко Е. Ю., Яцишина Е. Б., 2025. Текстильная коллекция Исторического музея: идентификация природы текстильных волокон методом растровой электронной микроскопии // Российские нанотехнологии. Т. 20, вып. 5. С. 678–683. DOI: <http://doi.org/10.56304/S1992722325600618>
- Bonafini M., Pellegrini M., Ditchfield P., Pollard A. M., 2013. Investigation of the ‘Canopy Effect’ in the Isotope Ecology of Temperate Woodlands // Journal of Archaeological Science. Vol. 40, № 11. P. 3926–3935. DOI: <http://doi.org/10.1016/j.jas.2013.03.028>
- Bronk Ramsey C., 2017. Methods for Summarizing Radiocarbon Datasets // Radiocarbon. Vol. 59, № 6. P. 1809–1833. DOI: <http://doi.org/10.1017/RDC.2017.108>
- Calament F., Durand M., 2013. Antinoé, à la vie, à la mode. Visions d’élégance dans les solitudes. Catalogue. Lyon : Fage. 440 p.
- Cybulska M., 2010. Reconstruction of Archaeological Textiles // Fibres & Textiles in Eastern Europe. Vol. 18, № 3 (80). P. 100–105.
- Davidson H., Pigozne I., 2010. Archaeological Dress and Textiles in Latvia from the Seventh to Thirteenth Centuries: Research, Results, and Reconstructions // Medieval Clothing and Textiles. Vol. 6. Lyon : Boydell & Brewer Ltd. P. 1–32.
- Knaller R., Ströbele F., 2014. The Heritage of Tang Dynasty Textile from the Famen Temple, Shaanxi, China: Tecnological and Stable Isotope Studies // Studies in Conservation. Vol. 59. P. 62–65.
- Li H., He Y., Lu J., Jia L., Liu Y., Yang D., Shao Sh., Lv G., Yang H., Zheng H., Zhou Y., Peng Z., 2023. A Pilot Study of Stable Isotope Fractionation in *Bombyx mori* Rearing // Scientific Reports. Vol. 13, № 6643. DOI: <http://doi.org/10.1038/s41598-023-33790-z>
- Liu J., Wei Y., Du H., Zhu W., Zhou Y., Yin Y., 2022. Effects of Intercropping Between *Morus Alba* and Nitrogen Fixing Species on Soil Microbial Community Structure and Diversity // Forests. Vol. 13, № 9. P. 1345. DOI: <http://doi.org/10.3390/f13091345>
- Nikolova T., Jekova I., 2017. Effect of Climatic Factors on the Sustainability of Different Varieties of Mulberry Grown on the Alley of Sofia // Bulgarian Journal of Agricultural Sciences. Vol. 23, № 6. P. 694–697.
- Reimer P. J., Austin W. E. N., Bard E., Bayliss A., Blackwell P. G., Bronk Ramsey Ch., Butzin M., Cheng H., Edwards R. L., Friedrich M., Grootes P. M., Guilderson T. P., Hajdas I., Heaton T. J., Hogg A. G., Hughen K. A., Kromer B., Manning S. V., Muscheler R., Palmer J. G., Pearson Ch., van der Plicht J., Reimer R. V., Richards D. A., Scott E. A., Southon J. R., Turney Ch. S. M., Wacker L., Adolphi F., Büntgen U., Capano M., Fahrni S. M., Fogtmann-Schulz A., Friedrich R., Köhler P., Kudsk S., Miyake F., Olsen J., Reinig F., Sakamoto M., Sookdeo A., Talamo S., 2020. The IntCal20 Northern Hemisphere Radiocarbon Age Calibration Curve (0–55 kcal BP) // Radiocarbon. Vol. 62. P. 725–757. DOI: <http://doi.org/10.1017/RDC.2020.41>
- Rosati M. L., 2020. *Panni tartarici*: Fortune, Use, and the Cultural Reception of Oriental Silks in the Thirteenth and Fourteenth Century European Mindset // Seri-Technics: Historical Silk Technologies. Berlin : Max Planck Research Library for the History and Development of Knowledge. P. 73–88.
- Schäfer D., Riello G., Molá L., 2020. Introduction. Seri-Technics: Historical Silk Technologies // Seri-Technics: Historical Silk Technologies. Berlin : Max Planck Research Library for the History and Development of Knowledge. P. 5–11.

- Sharma V., Kumari A., Thakur I. K., Chandel M., Bhatia A. K., Kumar A., 2021. Variations in Morphometric Characteristics of White Mulberry (*Morus alba* L.) // Journal of Pharmacognosy and Phytochemistry. Vol. 10, № 1. P. 312–315.
- Ströbele F., Boner M., 2015. Provenancing Silk Fibers by Using Light Stable Isotope Ratios. An Experiment // Archäometrie und Denkmalpflege. Mainz : Jahrestagung an der Johannes Gutenberg-Universität Mainz. P. 62–64.
- Zanier C., 2020. The Silk Cycle in China and Its Migration // Seri-Technics: Historical Silk Technologies. Berlin : Max Planck Research Library for the History and Development of Knowledge. P. 13–31.
- Zeller B., Brechet C., Jean-Paul Maurice J.-P., Le Tacon F., 2007. ¹³C and ¹⁵N Isotopic Fractionation in Trees, Soils and Fungi in a Natural Forest Stand and a Norway Spruce Plantation // Annals of Forest Science. Vol. 64, № 4. P. 419–429.

REFERENCES

- Garkavets A., 2005. *Codex Cumanicus: polovetskiye motivy, gimny i zagadki XIII–XIV vv.* [Codex Cumanicus: Polovtsian Motives, Hymns and Riddles of the 13th–14th Centuries]. Moscow, Lugalorbis Publ. 1359 p.
- Leonova N.V., Kuznetsova V.P., Kazarnitsky A.A., Mamonova A.A., Malyutina A.A., 2023. Pogrebeniye srednevekovogo kochevnika iz mogilnika Peschaniy IV v Rostovskoy oblasti [The Medieval Nomad Grave from Peschany IV in the Rostov Region]. Shishlina N.I., Kazarnitsky A.A., eds. *Resursy aridnykh regionov yuga Rossii i chelovek v epokhu bronzy, rannego zheleznoogo veka i srednevekovyia* [The Bronze Age, the Early Iron Age and the Middle Ages: Populations and Resources of the Arid Regions in the South of Russia]. Saint Petersburg, Moscow, MAE RAS, SHM, pp. 47-64.
- Fedotova Yu.V., Ankushev M.N., Blinov I.A., Sharapova S.V., 2019. Elektronnaya mikroskopiya dragotsennykh nitey mogil'nika Isakovka i gorodishcha Bolgar [Electronic Microscopy of Precious Threads from Bolgar Settlement and Isakovka I Burial Ground]. *Geoarheologiya i arheologicheskaya mineralogiya-2019* [Geoarchaeology and Archaeological Mineralogy-2019]. Miass, Ekaterinburg, FortDialog-Iset' Publ., pp. 129-134.
- Shishlina N.I., Orfinskaya O.V., Leonova N.V., Loboda A. Yu., Kovalenko E.S., Gurieva P.V., Kondratiev O.A., Kozhukhova E.I., Mandrykina A.V., Tereschenko E. Yu., Yatsishina E.B., 2024. Novye podkhody k analizu srednevekovogo tekstilya metodami istoricheskogo materialovedeniya [New Approaches to the Analysis of Medieval Textile Using Historical Material Science Methods]. *Kratkiye soobschenia Instituta arkhologii* [Brief Communication of the Institute of Archaeology], iss. 276, pp. 312-327. DOI: <http://doi.org/10.25681/IARAS.0130-2620.276.312-327>
- Shishlina N.I., Blinov I.A., Mandrykina A.V., Loboda A. Yu., Tereschenko E. Yu., Yatsishina E.B., 2025. Tekstilnaya kolleksiya Istoricheskogo muzeya: identifikatsia prirody tekstilnykh volokon metodom rastrovoy elektronnoy mikroskopii [The Textile Collection of the State Historical Museum: Textile Fiber Identification by Scanning Electron Microscopy]. *Rossiyskiye nanotekhnologii* [Nanobiotechnology Reports], vol. 20, iss. 5, pp. 678-683. DOI: <http://doi.org/10.56304/S1992722325600618>
- Bonafini M., Pellegrini M., Ditchfield P., Pollard A.M., 2013. Investigation of the 'Canopy Effect' in the Isotope Ecology of Temperate Woodlands. *Journal of Archaeological Science*, vol. 40, no. 11, pp. 3926-3935. DOI: <http://doi.org/10.1016/j.jas.2013.03.028>
- Bronk Ramsey C., 2017. Methods for Summarizing Radiocarbon Datasets. *Radiocarbon*, vol. 59, no. 6, pp. 1809-1833. DOI: <http://doi.org/10.1017/RDC.2017.108>
- Calament F., Durand M., 2013. *Antinoé, à la vie, à la mode. Visions d'élégance dans les solitudes.* Catalogue. Lyon, Fage. 440 p.
- Cybulska M., 2010. Reconstruction of Archaeological Textiles. *Fibres & Textiles in Eastern Europe*, vol. 18, no. 3 (80), pp. 100-105.
- Davidson H., Pīgozne I., 2010. Archaeological Dress and Textiles in Latvia from the Seventh to Thirteenth Centuries: Research, Results, and Reconstructions. *Medieval Clothing and Textiles*, vol. 6. Lyon, Boydell & Brewer Ltd, pp. 1-32.
- Knaller R., Ströbele F., 2014. The Heritage of Tang Dynasty Textile from the Famen Temple, Shaanxi, China: Technological and Stable Isotope Studies. *Studies in Conservation*, vol. 59, pp. 62-65.
- Li H., He Y., Lu J., Jia L., Liu Y., Yang D., Shao Sh., Lv G., Yang H., Zheng H., Zhou Y., Peng Z., 2023. A Pilot Study of Stable Isotope Fractionation in Bombyx mori Rearing. *Scientific Reports*, vol. 13, no. 6643. DOI: <http://doi.org/10.1038/s41598-023-33790-z>

- Liu J., Wei Y., Du H., Zhu W., Zhou Y., Yin Y., 2022. Effects of Intercropping Between *Morus Alba* and Nitrogen Fixing Species on Soil Microbial Community Structure and Diversity. *Forests*, vol. 13, no. 9, p. 1345. DOI: <https://doi.org/10.3390/f13091345>
- Nikolova T., Jekova I., 2017. Effect of Climatic Factors on the Sustainability of Different Varieties of Mulberry Grown on the Alley of Sofia. *Bulgarian Journal of Agricultural Sciences*, vol. 23, no. 6, pp. 694-697.
- Reimer P.J., Austin W.E.N., Bard E., Bayliss A., Blackwell P.G., Bronk Ramsey Ch., Butzin M., Cheng H., Edwards R.L., Friedrich M., Grootes P.M., Guilderson T.P., Hajdas I., Heaton T.J., Hogg A.G., Hughen K.A., Kromer B., Manning S.V., Muscheler R., Palmer J.G., Pearson Ch., van der Plicht J., Reimer R.V., Richards D.A., Scott E.A., Southon J.R., Turney Ch.S.M., Wacker L., Adolphi F., Büntgen U., Capano M., Fahrni S.M., Fogtmann-Schulz A., Friedrich R., Köhler P., Kudsk S., Miyake F., Olsen J., Reinig F., Sakamoto M., Sookdeo A., Talamo S., 2020. The IntCal20 Northern Hemisphere Radiocarbon Age Calibration Curve (0–55 kcal BP). *Radiocarbon*, vol. 62, pp. 725-757. DOI: <http://doi.org/10.1017/RDC.2020.41>
- Rosati M.L., 2020. Panni tartarici: Fortune, Use, and the Cultural Reception of Oriental Silks in the Thirteenth and Fourteenth Century European Mindset. *Seri-Technics: Historical Silk Technologies*. Berlin, Max Planck Research Library for the History and Development of Knowledge, pp. 73-88.
- Schäfer D., Riello G., Molá L., 2020. Introduction. *Seri-Technics: Historical Silk Technologies*. *Seri-Technics: Historical Silk Technologies*. Berlin, Max Planck Research Library for the History and Development of Knowledge, pp. 5-11.
- Sharma V., Kumari A., Thakur I.K., Chandel M., Bhatia A.K., Kumar A., 2021. Variations in Morphometric Characteristics of White Mulberry (*Morus alba* L.). *Journal of Pharmacognosy and Phytochemistry*, vol. 10, no. 1, pp. 312-315.
- Ströbele F., Boner M., 2015. Provenancing Silk Fibers by Using Light Stable Isotope Ratios. An Experiment. *Archäometrie und Denkmalpflege*. Mainz, Jahrestagung an der Johannes Gutenberg-Universität Mainz, pp. 62-64.
- Zanier C., 2020. The Silk Cycle in China and Its Migration. *Seri-Technics: Historical Silk Technologies*. Berlin, Max Planck Research Library for the History and Development of Knowledge, pp. 13-31.
- Zeller B., Brechet C., Jean-Paul Maurice J.-P., Le Tacon F., 2007. ¹³C and ¹⁵N Isotopic Fractionation in Trees, Soils and Fungi in a Natural Forest Stand and a Norway Spruce Plantation. *Annals of Forest Science*, vol. 64, no. 4, pp. 419-429.

Information About the Authors

Natalia I. Shishlina, Doctor of Science (History), Chief Researcher, State Historical Museum, Red Square, 1, 109012 Moscow, Russian Federation; Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of the Russian Academy of Sciences, Universitetskaya Emb., 3, 199034 Saint Petersburg, Russian Federation, nshishlina@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9638-0156>

Olga V. Orfinskaya, Candidate of Science (History), Senior Researcher, Center for Egyptological Studies of the Russian Academy of Sciences, Prosp. Leninsky, 29/8, 119071 Moscow, Russian Federation, orfio@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5473-805X>

Nadezhda V. Leonova, Researcher, State Historical Museum, Red Square, 1, 109012 Moscow, Russian Federation, nvleonova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7256-8381>

Anna A. Mamonova, Researcher, State Historical Museum, Red Square, 1, 109012 Moscow, Russian Federation, mcmice@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0009-0581-5800>

Ivan A. Blinov, Candidate of Science (Geology and Mineralogy), Head of the Laboratory, South Ural Federal Scientific Center of Mineralogy and Geoecology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ilmensky Nature Reserve, 456317 Miass, Russian Federation, ivan_a_blinov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7397-4760>

Olga V. Kuznetsova, Candidate of Science (Chemistry), Senior Researcher, Vernadsky Institute of Geochemistry and Analytical Chemistry of the Russian Academy of Sciences, Kosygina St, 19, Bld. 1, 119334 Moscow, Russian Federation, olga-kuznetsova0@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0426-4380>

Информация об авторах

Наталья Ивановна Шишлина, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Государственный исторический музей, Красная площадь, 1, 109012 г. Москва, Российская Федерация; Музей антропологии и этнографии (Кунсткамера) РАН, Университетская наб., 3, 199834 г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, nshishlina@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9638-0156>

Ольга Вячеславовна Орфинская, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Центр египтологических исследований РАН, просп. Ленинский, 29/8, 119071 г. Москва, Российская Федерация, orfio@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5473-805X>

Надежда Викторовна Леонова, научный сотрудник, Государственный исторический музей, Красная площадь, 1, 109012 г. Москва, Российская Федерация, nvleonova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7256-8381>

Анна Андреевна Мамонова, научный сотрудник, Государственный исторический музей, Красная площадь, 1, 109012 г. Москва, Российская Федерация, mcmice@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0009-0581-5800>

Иван Александрович Блинов, кандидат геолого-минералогических наук, руководитель лаборатории, Южно-Уральский федеральный научный центр минералогии и геоэкологии Уральского отделения РАН, Ильменский заповедник, 456317 г. Миасс, Российская Федерация, ivan_a_blinov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7397-4760>

Ольга Витальевна Кузнецова, кандидат химических наук, старший научный сотрудник, Институт геохимии и аналитической химии им. В.И. Вернадского РАН, ул. Косыгина, 19, стр. 1, 119334 г. Москва, Российская Федерация, olga-kuznetsova0@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0426-4380>

DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2026.1.9>

UDC 930.26
LBC 63.4(2)

Submitted: 08.12.2025
Accepted: 25.12.2025

**DISTRIBUTION AND PRESERVATION STATUS OF THE CULTURAL LAYER
AT THE MIDDLE PALEOLITHIC SITE CHELYUSKINETS II
(BASED ON THE RESULTS OF 2025 FIELDWORK)¹**

Aleksander K. Otcherednoy

Institute for the History of Material Culture of Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russian Federation;
Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences,
Novosibirsk, Russian Federation

Stanislav O. Remizov

Ethnographic and Architectural Museum-Preserve “Old Sarepta”, Volgograd, Russian Federation

Yaroslav D. Ivanov

Institute for the History of Material Culture of Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russian Federation;
Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences,
Novosibirsk, Russian Federation

Pavel G. Klimenko

Lower Volga Archaeological Society, Volgograd, Russian Federation

Vyacheslav A. Martin

Saint Petersburg State University Institute of Geosciences, Saint Petersburg, Russian Federation

Darya I. Verkhomova

Institute for the History of Material Culture of Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russian Federation

Redzhep N. Kurbanov

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation;
Institute of Geography of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Idris A. Idrisov

Dagestan Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences, Makhachkala, Russian Federation

Abstract. This article presents the results of fieldwork conducted by the Lower Volga Paleolithic team of the Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, as part of the 2025 Lower Volga Expedition of the Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences. During the season, the study of the Middle Paleolithic site of Chelyuskinets II, located in the Pichuga ravine of the Dubovsky District, Volgograd region, was continued. The primary objective of the 2025 research was

to establish the extent of the site's cultural deposits and determine their state of preservation. To this end, a continuous 26-meter profile was prepared between two areas discovered on the left side of the cape in previous years. This profile not only allowed for tracing the distribution and refining the position of the site's cultural layer but also for identifying its preservation characteristics. The cultural layer comprises individual blocks of dense grayish-blue loam, which in turn lie at a uniform level but with distinct, apparently rhythmic discontinuities along the strike, within a layer of highly ferruginous coarse sand. Within each individual block, the cultural layer has been preserved *in situ*. As a result of the work, the collections of stone artifacts and fauna have been expanded, and prospects for further study of Chelyuskinets II have been clarified.

Key words: Lower Volga, Chelyuskinets II, Middle Paleolithic, Micoquian/KMG, cultural layer, MIS 6e.

Citation. Otcherednoy A.K., Remizov S.O., Ivanov Ya.D., Klimenko P.G., Martin V.A., Verkholomova D.I., Kurbanov R.N., Idrisov I.A., 2026. Osobennosti rasprostraneniya i stepeni sohrannosti kul'turnogo sloya srednepaleoliticheskoy stoyanki Chelyuskinets II (po rezul'tatam rabot 2025 g.) [Distribution and Preservation Status of the Cultural Layer at the Middle Paleolithic Site Chelyuskinets II (Based on the Results of 2025 Fieldwork)]. *Nizhnevolzhskiy Arkheologicheskiy Vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], vol. 25, no. 1, pp. 184-195. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2026.1.9>

УДК 930.26
ББК 63.4(2)

Дата поступления статьи: 08.12.2025
Дата принятия статьи: 25.12.2025

ОСОБЕННОСТИ РАСПРОСТРАНЕНИЯ И СТЕПЕНИ СОХРАННОСТИ КУЛЬТУРНОГО СЛОЯ СРЕДНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКОЙ СТОЯНКИ ЧЕЛЮСКИНЕЦ II (ПО РЕЗУЛЬТАТАМ РАБОТ 2025 г.)¹

Александр Константинович Очередной

Институт истории материальной культуры РАН, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация;
Институт археологии и этнографии Сибирского отделения РАН, г. Новосибирск, Российская Федерация

Станислав Олегович Ремизов

Историко-этнографический и архитектурный музей-заповедник «Старая Сарепта»,
г. Волгоград, Российская Федерация

Ярослав Дмитриевич Иванов

Институт истории материальной культуры РАН, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация;
Институт археологии и этнографии Сибирского отделения РАН, г. Новосибирск, Российская Федерация

Павел Геннадьевич Клименко

ООО «Нижневолжское археологическое общество», г. Волгоград, Российская Федерация

Вячеслав Андреевич Мартын

Институт наук о земле Санкт-Петербургского государственного университета,
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Дарья Ильинична Верхолова

Институт истории материальной культуры РАН, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Реджеп Нурмурадович Курбанов

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, г. Москва, Российская Федерация;
Институт географии РАН, г. Москва, Российская Федерация

Идрис Абдулбутаевич Идрисов

Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, г. Махачкала, Российская Федерация

Аннотация. В статье представлены результаты полевых работ Нижневолжского палеолитического отряда ИАЭТ СО РАН в рамках комплексной Нижневолжской экспедиции ИИМК РАН в 2025 году. В течение сезона было продолжено изучение среднепалеолитического памятника Челюскинец II, расположенного в балке Пичуга Дубовского района Волгоградской области. Основной целью исследований в 2025 г. было установление площади распространения культуросодержащих отложений стоянки и определение степени их сохранности. Для этого была подготовлена сплошная двадцатиметровая расчистка между двумя участками стоянки, обнаруженными на левом борту мыса в предыдущие годы. Расчистка позволила не только проследить распространение и уточнить положение культурного слоя стоянки, но и выявить особенности его сохранности. Культурный слой вмещает отдельные блоки плотных серовато-сизых суглинков, которые в свою очередь залегают на одном уровне, но с определенными и, видимо, ритмичными перерывами по простиранию в толще сильно ожелезненных крупных песков. В пределах каждого отдельного блока культурный слой сохранился *in situ*. В результате проведенных работ были пополнены коллекции каменных изделий и фаунистических находок, а также уточнены перспективы дальнейшего изучения Челюскинца II.

Ключевые слова: Нижняя Волга, Челюскинец II, средний палеолит, микок/КМГ, культурный слой, МИС 6е.

Цитирование. Очередной А. К., Ремизов С. О., Иванов Я. Д., Клименко П. Г., Мартын В. А., Верхоломова Д. И., Курбанов Р. Н., Идрисов И. А., 2026. Особенности распространения и степени сохранности культурного слоя среднепалеолитической стоянки Челюскинец II (по результатам работ 2025 г.) // Нижневолжский археологический вестник. Т. 25, № 1. С. 184–195. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2026.1.9>

Челюскинец II относится к группе стратифицированных памятников среднего палеолита нижнего течения Волги (рис. 1) и приурочен к плейстоценовым отложениям третьей террасы правого борта разветвленной балочной системы реки Пичуга, правого притока Волги. Он расположен на южной окраине хутора Челюскинец Пичужинского сельского поселения Дубовского района Волгоградской области. Памятник был открыт в 1983 г. краеведом из г. Волжского В.И. Куфенко, выявившим в трех соседних оврагах на правом берегу Пичуги несколько зон концентрации подъемного материала. Культурный слой Челюскинца II приурочен к небольшому мысу между двумя неглубокими оврагами (рис. 2). На левом борту пичужинской овражно-балочной системы тогда же была открыта еще одна среднепалеолитическая стоянка – Заикино Пепелище. Оба памятника были изучены экспедициями под руководством Л.В. Кузнецовой во второй половине 1980-х гг. прошлого века [Кузнецова, Сергин, 1999; Кузнецова, 2006]. По заключению С.В. Хруцкого, принимавшего участие в первом этапе изучения Челюскинца, на правом берегу реки Пичуги можно выделить три надпойменные террасы. Первая и вторая сохранились лишь в виде фрагментов, а наиболее четкой является третья терраса, которая имеет хорошо выраженный уклон в сторону бровки, изменяющийся в пределах 2–3 градусов, и тыловой шов. Третья терраса прислонена к борту долины. Все

надпойменные террасы – цокольные. Высота цоколя, сложенного неогеновыми песками, от 3 до 5 м. На основании расположения памятника на третьей террасе был сделан вывод о его довалдайском возрасте [Кузнецова, Сергин, 1999, с. 103]. Отложения голубовато-серых тяжелых окарбонированных суглинков и слоистых средне- и крупнозернистых песков, вмещающие культурный слой Челюскинца II, расположены как раз на поверхности третьей надпойменной террасы. В течение трех полевых сезонов 1985–1987 гг. экспедиция под общим руководством Л.В. Кузнецовой изучила площадь в 117 кв. м. В 1989 г. в разрезе памятника взяты образцы на термолюминисцентный анализ, который выполнен А.И. Шлюковым на базе НПК «ГЕО». Всего были получены четыре даты: от $83,5 \pm 8,5$ т. л. (ГЕО-ТЛМ – 183) до >215 т. л. (ГЕО-ТЛМ – 186), то есть от МИС 5b до МИС 7c. При этом Л.В. Кузнецова считала, что адекватным значением, которое может отражать возраст памятника, является дата в $145\,000 \pm 18\,000$ л. н., и конкретно – ее верхний предел в 127 000 л. н. (МИС 5e) [Кузнецова, Сергин, 1999; Кузнецова, 2006]. Если принимать эти значения, то появление культуросодержащих отложений Челюскинца II может быть связано с началом верхнехазарского этапа трансгрессии Каспия [Kurbanov et al., 2024]. Сопоставление результатов первой попытки инструментального датирования памятника с данными по видовой принадлежности фаунистических остатков, обнаруженных

в слое, среди которых, по определению В.Е. Гаррута, был найден мамонт раннего типа (*Mammuthus prim.*) [Кузнецова, Сергин, 1999; с. 101], позволили предположить, что Челюскинец II старше Сухой Мечетки. На основании этого заключения, а также из-за сходства каменного инвентаря обоих памятников, Л.В. Кузнецова предположила, что памятник не выходит за рамки культурных традиций среднепалеолитических индустрий Нижней Волги [Кузнецова, Сергин, 1999, с. 103], что означает длительное существование микрококских индустрий в регионе.

Недавнее возвращение к изучению Челюскинец II уже принесло первые результаты – в 2023 и 2024 гг. отдельным отрядом ИАЭТ СО РАН в составе Нижневолжской экспедиции ИИМК РАН был найден новый участок памятника с культуросодержащими отложениями [Очередной и др., 2023; 2024], в которых обнаружена серия интересных и редких находок – мелких отдельностей красочных пигментов, сохранивших следы пребывания в виде суспензии [Желтова и др., 2025]. Два культуросодержащих горизонта, выделенных на нескольких квадратных метрах вскрытой площади, были представлены небольшим количеством каменных изделий, редкими целыми костями и большим количеством раздробленных мелких костей [Очередной и др., 2024]. Отдельно была проведена работа по изучению хроностратиграфии памятника. В течение двух лет была получена серия из пятнадцати ОСЛ датировок, удревнивших возраст культурного слоя до эпохи МИС 6е, что делает Челюскинец, вероятно, наиболее древним памятником среднего палеолита Русской равнины. Учитывая, что сильно редуцированная стратиграфия памятника мало пригодна для локальных корреляций, серии ОСЛ дат могут быть использованы в качестве необходимых корреляционных маркеров. Однако надежность таких корреляций остается достаточно низкой. Для определения хроностратиграфического положения среди индустрий Нижней Волги до получения результатов повторных палинологических исследований Челюскинец II может использовать только облик каменного инвентаря, определения фауны и полученные ОСЛ-даты. Поэтому одной из основных задач современного этапа изучения

памятника является определение степени сохранности культуросодержащих отложений. Работы сезона 2025 г. были направлены на их выявление вдоль левого борта мыса, на котором был локализован памятник. Именно вдоль этого борта развивается активный овраг, разрушающий верхнеплейстоценовые отложения, вмещающие культуросодержащие горизонты. Фактически речь идет о вскрытии разрушающегося участка стоянки.

Из-за разрушения культуросодержащих отложений и для детального изучения стратиграфии было решено соединить расчисткой участка Челюскинец II-2 и Челюскинец II-4, где были обнаружены культуросодержащие отложения в 2023–2024 годах. В результате был получен сплошной разрез длиной в 26 м, ориентированный по бровке левого борта мыса с юго-востока на северо-запад (рис. 3,1). Так как приоритетной задачей являлось изучение состояния культуросодержащих отложений между двумя расчистками 2023 и 2024 гг., а не вскрытие культурного слоя на значительной площади, расчистка не была углублена в отложения мыса. Верхняя кромка расчистки совпадает с бровкой, и с учетом отсутствия склонового чехла, разрез сразу же обнажает отложения левой части мыса (рис. 3,2). Глубина расчистки не превышает 2,5 м от дневной поверхности, а общая площадь вскрытых отложений составила около 100 кв. м.

В расчистке была выявлена последовательность отложений, в целом соответствующая стратиграфической картине, выявленной на участке Челюскинец II-2 и отчасти Челюскинец II-4. Дневная поверхность представлена маломощными легкими лессовидными светлорыжевато-бурыми суглинками, под ними начинается толща из светло-серых суглинков, разбитых вертикальными трещинами на отдельные блоки, в низах этих суглинков начинают встречаться прослои тонкозернистого серого плотного песка. Ниже следуют отложения, в которых залегает культурный слой – это чередование прослоев и линз серого плотного суглинка и в разной степени ожелезненного (в целом – очень сильно ожелезненного) грубо- и среднезернистого плохо сортированного песка; в этом же литологическом слое можно выделить крупные линзы или блоки серого плотного суглинка с единичными пятнами ожелезнения.

Культурный слой (культуросодержащий горизонт или КСГ 1 по номенклатуре 2023 и 2024 гг.) залегает в этих линзах / блоках плотного серого суглинка с тонкими песчаными прослоями грубого плохо-сортированного песка. Мощность этого суглинка составляет до 50 см, при этом находки приурочены к его верхней части. О том, что из себя представляет культурный слой Челюскинца II, можно судить по участкам, препарированным в южной и северной частях расчистки 2025 года. Еще один небольшой блок хорошо сохранившихся серых плотных суглинков с четко выраженным культурным слоем в их верхней части был вскрыт в центре расчистки. Из него была отобрана серия из четырех образцов на ОСЛ датирование. Культурный слой представлен в первую очередь значительным количеством мелкой костяной крошки, мелкими фрагментами раздробленных костей, часто полностью замещенных карбонатами, что сильно осложняет их расчистку и фиксацию, редкими мелкими угольками и мелкими комочками охры, а точнее, мелкими отдельностями красочных пигментов (рис. 4,1). Кроме того, в культурном слое иногда встречаются крупные кости. Таким образом, уровень сконцентрированного по вертикали культурного слоя достаточно хорошо читается и в плане, – при разборке отдельных блоков плотных серых суглинков, и в профиле Восточной стенки расчистки 2025 г., практически на всем ее протяжении. Ниже с четким эрозионным контактом залегают грубые крупнозернистые ожелезненные пески, в южной части расчистки переходящие в рыже-коричневый слабосцементированный опесчаненный суглинок. Отдельные находки в расчистке 2025 г. были зафиксированы на уровне эрозионного контакта между ожелезненными песками и серыми плотными суглинками с культурным слоем (с КСГ 1), что очевидно указывает на постседиментационные процессы, приводившие к транспортировке единичных изделий из своего первоначального стратиграфического контекста.

Количество каменных изделий, обнаруженных в культурном слое в 2025 г., невелико и составляет до 50 предметов, среди которых следует выделить как крупные по меркам Челюскинца II (до 10 см в поперечнике) кварцитовые и кремневые отщепы, так

и мелкие изделия – чешуйки и мелкие сколы. Пока не найдены выразительные нуклеусы, но есть несколько нуклевидных кремневых изделий. Обращает на себя внимание несколько пластинчатых форм из разных видов кремня и сильно окремененного известняка. Одна из них – мелкий проксимальный фрагмент пластинки с сохранившейся зоной расщепления и точечной ударной площадкой (рис. 4,2). Орудия представлены двумя простыми боковыми выпуклыми скреблами и отщепами с ретушью. В культурном слое по-прежнему присутствует большое количество осколков и обломков разноцветного ергенинского кремня, а также куски бежевого и палевого окварцованного песчаника и в виде щебня, и в виде отдельностей, окатанных до состояния гальки.

Среди фаунистических находок следует отметить две ветви, видимо, одной нижней челюсти крупного парнокопытного, вероятно, *megaloceros giganteus* (предварительное определение М.В. Головачева, Астраханский музей-заповедник) (рис. 5,1,2). Обращает на себя внимание расположение и, безусловно, связанная с ним степень сохранности этих находок. Ветви были обнаружены в северной части южного блока плотных серых суглинков с культурным слоем (участок Челюскинец II-2 2023–2024 гг.), именно в том месте, где блок заканчивается и серые суглинки фациально замещены слоистыми ожелезненными песками. Положение ветвей под разными углами полностью согласуется с углами расположения мелких блоков-останцов серых суглинков, которые наклонены по направлению к левому борту мыса и к современному оврагу. Ветвь, которая залегает ближе к дневной поверхности борта, сохранилась намного хуже (рис. 5,2). Обе ветви были тщательно очищены от серого суглинка, описаны на слое и зафиксированы, многократно пропитаны закрепляющими растворами и сняты монолитами для дальнейшего изучения в лабораторных условиях.

Предварительные результаты полевого сезона 2025 г. не подтверждают предыдущие наблюдения о существовании на Челюскинце II двух культуросодержащих горизонтов – то есть наблюдений, свидетельствующих о двуслойности памятника. При увеличении площади рас-

чистки стало ясно, что КСГ 2, выделенный в результате работ 2023 г. на эрозионной границе серых суглинков и подстилающих их ожелезненных песков, является результатом постседиментационного переноса отдельных находок из культурного слоя в нижележащие отложения. Причиной этого процесса могло периодически служить смещение отдельных небольших блоков с культурным слоем. Причиной постседиментационных процессов, на которые обращала внимание Л.В. Кузнецова, по мнению С.В. Хруцкого, могла стать солифлюкция «нижневалдайской эпохи», когда «стоянка была перемещена по склону с места своего первоначального залегания» [Кузнецова, Сергин, 1999, с. 100–101]. Однако состояние участков культурного слоя, запечатанных в блоки серых суглинков, вполне соответствует критериям хорошей сохранности слоя столь древнего возраста, что плохо согласуется, например, с активными солифлюкционными процессами. Поэтому результаты, полученные на Челюскинце II в 2025 г., необходимо проверить в течение сезона 2026 г. для более надежной реконструкции степени сохранности культурного слоя памятника.

БЛАГОДАРНОСТИ

Выражаем благодарность за помощь в проведении работ Комитету государственной охраны объектов культурного наследия Волгоградской области, администрации Пичужинского сельского поселения Дубовского района Волгоградской области, жителям хутора Челюскинец и первооткрывателю памятника В.И. Куфенко. Вовлечение в работы Нижневолжской экспедиции ИИМК РАН памятников Пичужинской группы стало возможным благодаря постоянной поддержке Л.В. Кузнецовой и консультациям с ней. Авторы выражают признательность И.Е. Макридину, принимавшему участие в обеспечении штатного хода работ.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Исследования выполнены при финансовой поддержке Российского научного фонда, грант № 24-18-00941 «Палеолит Понто-Каспия: изменения материальной культуры и природной среды в плейстоцене (археология, хронология, палеогеография)».

Research carried out with financial support by the Russian Science Foundation (Project № 24-18-00941) “Paleolithic of the Ponto-Caspian region: changes in material culture and natural environment during the Pleistocene (archeology, chronology, paleogeography).”

ПРИЛОЖЕНИЯ

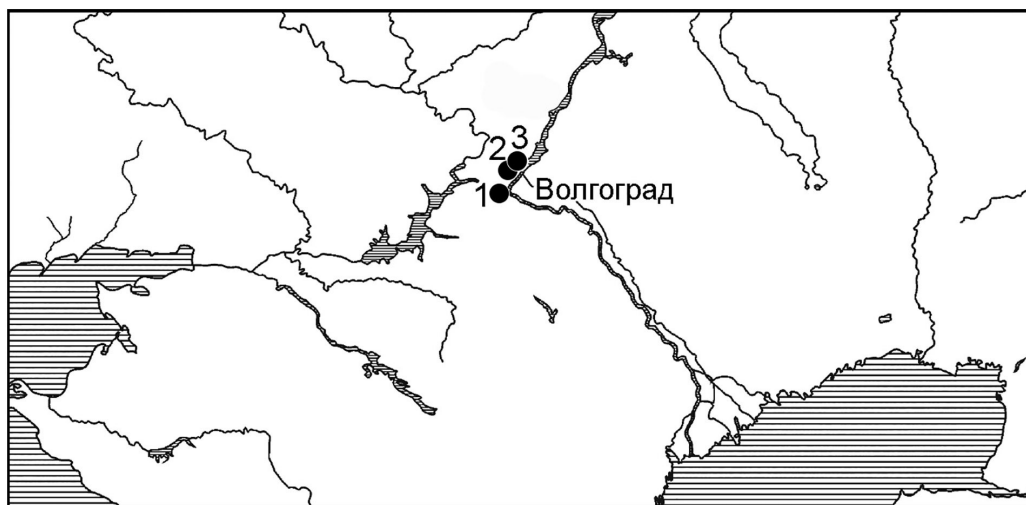

Рис. 1. Карта Нижнего Поволжья и расположение среднепалеолитических памятников Сухая Мечетка (1), Челюскинец II (2) и Заикино Пепелище (3)

Fig. 1. Map of the Lower Volga region and location of the Middle Paleolithic sites Suhaya Mechetka (1), Chelyuskinets II (2), and Zaikino Pepelische (3)

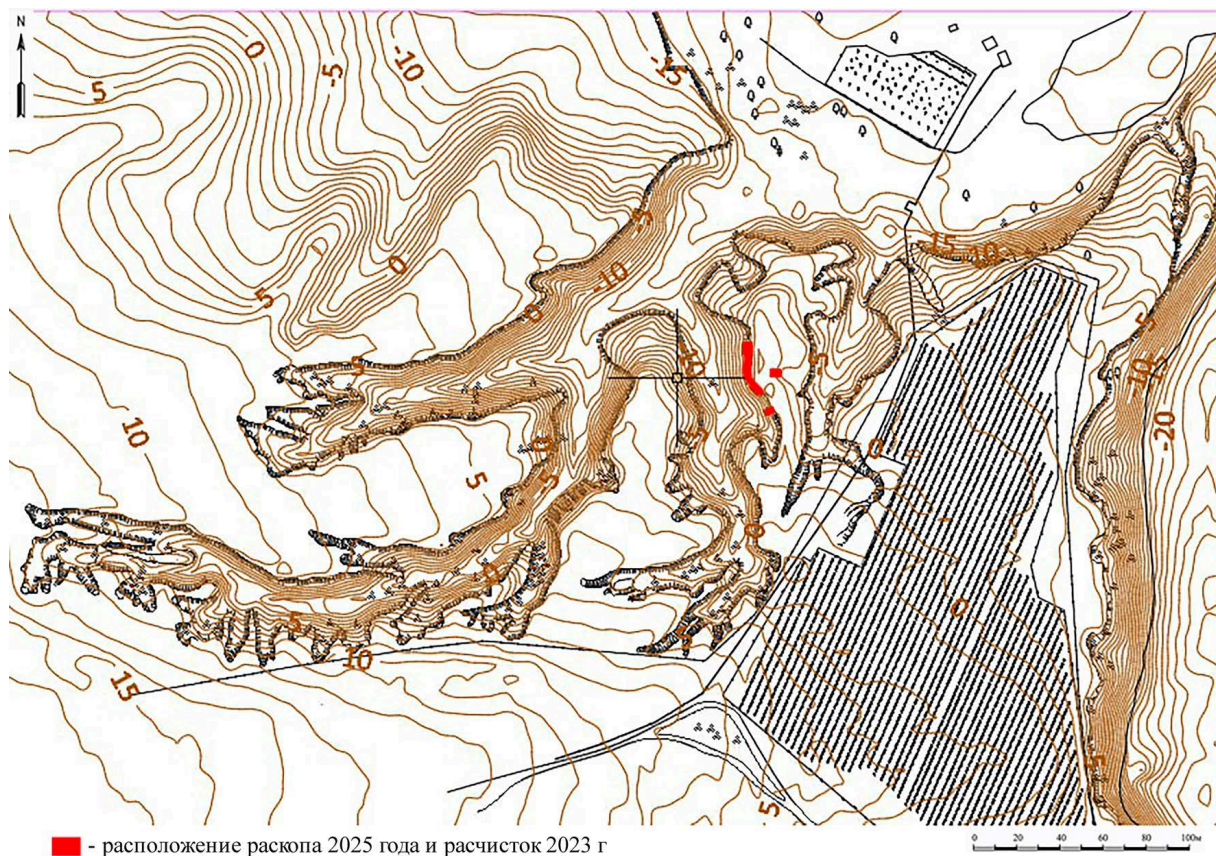

Рис. 2. Участок правого берега Пичужинской балочной системы, в пределах которого расположена группа памятников Челюскинец: изученные участки отмечены красным (съёмка: Я.Д. Иванов, В.С. Смолкина, К.Е. Князев, Е.В. Казаков; чертеж: Е.В. Казаков)

Fig. 2. Section of the right bank of the Pichuzhinskaya ravine system containing the group of sites known as Chelyuskinets: the excavated areas marked in red (survey: Ya.D. Ivanov, V.S. Smolkina, K.E. Knyazev, E.V. Kazakov; drawing: E.V. Kazakov)

Рис. 3. Овражно-балочная система правобережья р. Пичуги в районе локализации памятника Челюскинец II:

1 – расположение разреза 2025 г., вид с северо-запада;

2 – сплошной разрез, соединяющий участки Челюскинец II-2 и Челюскинец II-4, вскрытые в 2023–2024 годах

Fig. 3. Gully-ravine system of the right bank of the Pichuga River in the area of the Chelyuskinets II site:

1 – location of the 2025 trench, view from the northwest; 2 – the continuous trench connecting the Chelyuskinets II-2 and Chelyuskinets II-4 areas excavated in 2023–2024

Рис. 4. Расчищенный участок культурного слоя, сохранившегося *in situ*:

1 – положение каменных изделий, осколков кремня и кварцита, мелких фрагментов костей;

2 – проксимальный фрагмент пластинки (фото А.К. Очердного и С.О. Ремизова)

Fig. 4. Cleared section of the cultural layer in *in situ* position:

1 – position of flakes, fragments of flint and quartzite, and small bone fragments

2 – the bladelet proximal fragment (photo by A.K. Otcherednoy and S.O. Remizov)

Рис. 5. Восточная стенка расчистки 2025 г., положение культурного слоя, обозначенное красным пунктиром, и распавшаяся нижняя челюсть (?) крупного парнокопытного (*Megaloceros giganteus* – ?) в сместившемся блоке породы с культурным слоем, обнаруженном рядом с участком Челюскинец II-2 2024 г., вид с запада (фото А.К. Очередного):

1 – положение культурного слоя в Восточной стенке расчистки 2025 г.;
2 – ветви нижней челюсти в смещенном блоке серых суглинков

Fig. 5. Eastern wall of the 2025 trench with the position of the cultural layer indicated by the red dotted line and the disintegrated lower jaw (?) of a large even-toed ungulate (*Megaloceros giganteus* – ?) in a displaced block with a cultural layer discovered near the Chelyuskinets II-2 area of 2024, view from the west (photo by A.K. Otcherednoy):

1 – the position of the cultural layer in the Eastern wall of the 2025 sequence;
2 – branches of the lower jaw in a displaced block of gray loam

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Желтова М. Н., Комагорова М. А., Анисовец Ю. Д., Житенев В. С., Ульянова Д. В., Курбанов Р. Н., Степанова К. Н., Анойкин А. А., Иванов Я. Д., Смолкина В. С., Казаков Е. В., Ремизов С. О., Очередной А. К., 2025. Древнейшие свидетельства приготовления растворов и вязкопластичных масс из красочных пигментов на Русской равнине в среднем палеолите // Нижневолжский археологический вестник. Т. 24, № 3. С. 5–44. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2025.3.1>
- Кузнецова Л. В., Сергин В. Я., 1999. Местонахождение Челюскинец II // Археологический альманах. № 8. Донецк : Центр. С. 99–108.
- Кузнецова Л. В., 2006. Местонахождения Челюскинец II и Заикино Пепелище // Археология Нижнего Поволжья. Т. 1. Каменный век. Волгоград : Волгогр. науч. изд-во. С. 22–27.
- Очередной А. К., Иванов Я. Д., Кривошеев М. В., Ремизов С. О., 2023. Разведочные исследования на среднепалеолитических памятниках Нижней Волги в 2023 году // Нижневолжский археологический вестник. Т. 22, № 2. С. 333–341. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2023.2.18>
- Очередной А. К., Ремизов С. О., Иванов Я. Д., Смолкина В. С., Кезина Е. М., Курбанов Р. Н., Идрисов И. А., 2024. Новые данные о среднепалеолитическом памятнике Челюскинец II (по результатам работ 2024 г.) // Нижневолжский археологический вестник. Т. 23, № 4. С. 209–218. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2024.4.9>
- Kurbanov R., Murray A., Yanina T., Buylaert J. P., 2024. Dating the Middle and Late Quaternary Caspian Sea-Level Fluctuations: First Luminescence Data from the Coast of Turkmenistan // Quaternary Geochronology. Vol. 83, № 1. P. 101599. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.quageo.2024.101599>

REFERENCES

- Zheltova M.N., Komagorova M.A., Anisovets Yu.D., Zhitenev V.S., Ulyanova D.V., Kurbanov R.N., Stepanova K.N., Anoykin A.A., Ivanov Ya.D., Smolkina V.S., Kazakov E.V., Remizov S.O., Otcherednoy A.K., 2025. Drevneyshie svidetel'stva prigotovleniya rastvorov i vyazkoplastichnykh mass iz krasochnykh pigmentov na Russkoy ravnine v srednem paleolite [The Earliest Evidence of the Manufacturing of Solutions and Viscoplastic Mixtures from Paint Pigments on the Russian Plain in the Middle Paleolithic]. *Nizhnevolzhskiy arkheologicheskiy vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], vol. 24, no. 3, pp. 5-44. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2025.3.1>
- Kuznetsova L.V., Sergin V.Ya., 1999. Mestonakhozhdeniye Chelyuskinets II [Chelyuskinets II Locality]. *Arheologicheskii almanakh* [Archaeological Almanac], no. 8. Donetsk, Tsentr Publ., pp. 99-108.
- Kuznetsova L.V., 2006. Mestonakhozhdeniya Chelyuskinets II i Zaikino Pepelishche [Chelyuskinets II and Zaikino Pepelishche Locality]. *Arkheologiya Nizhnego Povolzh'ya. T. 1. Kamenny vek* [The Archaeology of Lower Volga Region. Vol. 1. The Stone Age]. Volgograd, Volgogr. nauch. izd-vo Publ., pp. 22-27.
- Otcherednoy A.K., Ivanov Ya.D., Krivosheev M.V., Remizov S.O., 2023. Razvedochnye issledovaniya na srednepaleoliticheskikh pamyatnikah Nizhney Volgi v 2023 godu [Exploration Studies at the Middle Paleolithic Sites of the Lower Volga River in 2023]. *Nizhnevolzhskiy arkheologicheskiy vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], vol. 22, no. 2, pp. 333-341. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2023.2.18>
- Otcherednoy A.K., Remizov S.O., Ivanov Ya.D., Smolkina V.S., Kezina E.M., Kurbanov R.N., Idrisov I.A., 2024. Novye dannye o srednepaleoliticheskom pamyatnike Chelyuskinets II (po rezul'tatam rabot 2024 g.) [New Data on the Middle Paleolithic Site Chelyuskinets II (Based on 2024 Fieldwork Results)]. *Nizhnevolzhskiy arkheologicheskiy vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], vol. 23, no. 4, pp. 209-218. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2024.4.9>
- Kurbanov R., Murray A., Yanina T., Buylaert J.P., 2024. Dating the Middle and Late Quaternary Caspian Sea-Level Fluctuations: First Luminescence Data from the Coast of Turkmenistan. *Quaternary Geochronology*, vol. 83, no. 1, p. 101599. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.quageo.2024.101599>

Information About the Authors

Aleksander K. Otcherednoy, Candidate of Sciences (History), Senior Researcher, Paleolithic Department, Institute for the History of Material Culture of Russian Academy of Sciences, Dvortsovaya Emb., 18, 191181 Saint Petersburg, Russian Federation; Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences, Prosp. acad. Lavrentieva, 17, 630090 Novosibirsk, Russian Federation, a.otcherednoy@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-7616-5686>

Stanislav O. Remizov, Researcher, Ethnographic and Architectural Museum-Preserve “Old Sarepta”, Izobilnaya St, 10, 400026 Volgograd, Russian Federation, paleostas@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9892-8058>

Yaroslav D. Ivanov, Laboratory Assistant, Paleolithic Department, Institute for the History of Material Culture of Russian Academy of Sciences, Dvortsovaya Emb., 18, 191181 Saint Petersburg, Russian Federation; Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences, Prosp. acad. Lavrentieva, 17, 630090 Novosibirsk, Russian Federation, yadivanov66@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-5582-693X>

Pavel G. Klimenko, Researcher, Lower Volga Archaeological Society, Koltsova St, 54, 400111 Volgograd, Russian Federation, serbia_1914@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2577-4144>

Vyacheslav A. Martin, First-Year Master’s Student, Saint Petersburg State University Institute of Geosciences, 10-ya Liniya V. O., 31–35 Saint Petersburg, Russian Federation, a.otcherednoy@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0007-2265-7408>

Darya I. Verkhologova, Intern, Paleolithic Department, Institute for the History of Material Culture of Russian Academy of Sciences, Dvortsovaya Emb., 18, 191181 Saint Petersburg, Russian Federation, d.verkhologova@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0006-0533-9646>

Redzhep N. Kurbanov, Candidate Sciences (Geography), Leading Researcher, Lomonosov Moscow State University, Leninskie Gory, 1, 119991 Moscow, Russian Federation; Institute of Geography of the Russian Academy of Sciences, Staromonetny Lane, 29, Bld. 4 119017 Moscow, Russian Federation, roger.kurbanov@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-6727-6202>

Idris A. Idrisov, Candidate of Sciences (Geography), Leading Researcher, Laboratory of Hydrogeology and Geoecology, Institute of Geology, Dagestan Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences, Yaragskogo St, 75, 367009 Makhachkala, Russian Federation, idris_gun@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7880-9016>

Информация об авторах

Александр Константинович Очередной, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела палеолита, Институт истории материальной культуры РАН, Дворцовая наб., 18, 191181 г. Санкт-Петербург, Российская Федерация; Институт археологии и этнографии Сибирского отделения РАН, просп. акад. Лаврентьева, 17, 630090 г. Новосибирск, Российская Федерация, a.otcherednoy@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-7616-5686>

Станислав Олегович Ремизов, научный сотрудник, Историко-этнографический и архитектурный музей-заповедник «Старая Сарепта», ул. Изобильная, 10, 400026 г. Волгоград, Российская Федерация, paleostas@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9892-8058>

Ярослав Дмитриевич Иванов, лаборант отдела палеолита, Институт истории материальной культуры РАН, Дворцовая наб., 18, 191181 г. Санкт-Петербург, Российская Федерация; Институт археологии и этнографии Сибирского отделения РАН, просп. акад. Лаврентьева, 17, 630090 г. Новосибирск, Российская Федерация, yadivanov66@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-5582-693X>

Павел Геннадьевич Клименко, научный сотрудник, ООО «Нижеволжское археологическое общество», ул. Кольцова, 54, 400111 г. Волгоград, Российская Федерация, serbia_1914@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2577-4144>

Вячеслав Андреевич Мартын, магистрант первого года обучения, Институт наук о земле Санкт-Петербургского государственного университета, 10-я линия В. О., 31–35 г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, a.otcherednoy@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0007-2265-7408>

Дарья Ильинична Верхоломова, стажер Отдела палеолита, Институт истории материальной культуры РАН, Дворцовая наб., 18, 191181 г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, d.verholomova@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0006-0533-9646>

Реджеп Нурмурадович Курбанов, кандидат географических наук, ведущий научный сотрудник, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Ленинские горы, 1, 119991 г. Москва, Российская Федерация; Институт географии РАН, пер. Старомонетный, 29, стр. 4, 119017 г. Москва, Российская Федерация, roger.kurbanov@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-6727-6202>

Идрис Абдулбутаевич Идрисов, кандидат географических наук, ведущий научный сотрудник лаборатории гидрогеологии и геоэкологии, Институт геологии, Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, ул. Ярагского, 75, 367009 г. Махачкала, Российская Федерация, idris_gun@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7880-9016>

**IN MEMORY OF OUR COLLEAGUE AND FRIEND
IVAN I. MARCHENKO (1955–2026)**

**ПАМЯТИ КОЛЛЕГИ И ДРУГА
ИВАНА ИВАНОВИЧА МАРЧЕНКО (1955–2026)**

2 марта 2026 года после продолжительной болезни на 71-м году жизни скончался Иван Иванович Марченко – видный российский археолог, профессор Кубанского государственного университета, кандидат исторических наук, известный специалист в области археологии меотов и сарматов.

Ивана Ивановича отличала безграничная преданность науке, высокий профессионализм, широчайший кругозор, редчайшая доброта, тактичность, деликатность и внимательность.

Друзья, коллеги, аспиранты и студенты отмечали его мудрость, доброжелательность и необыкновенное трудолюбие. Он всегда был тактичен, отличался рассудительностью, живым умом и тонким чувством юмора.

Особенно примечательны были его выступления на конференциях, которые всегда ждали, так как результаты скрупулезных исследований меотских древностей помогали в уточнении истории сарматов и других народов. Иван Иванович умел преподнести свои знания в доступной и изящной форме.

На протяжении многих лет И.И. Марченко являлся членом редакционного совета журнала «Нижеволжский археологический вестник», входил в состав постоянного оргкомитета конференции «Проблемы сарматской археологии и истории».

Мы глубоко скорбим и выражаем соболезнования родным и близким Ивана Ивановича Марченко, его жене, друзьям, коллегам и ученикам.

*Коллектив археологов и антропологов
Волгоградского государственного университета и редколлегия
«Нижеволжского археологического вестника»*

Миссия журнала «Нижневолжский археологический вестник» – создание благоприятных условий для научного общения, популяризации и обмена новейшими достижениями в области археологии евразийских степей и сопредельных территорий; обогащение науки новыми археологическими источниками; ознакомление широкого круга исследователей с новациями и достижениями в области теории и практики современной археологии.

Редакционная политика журнала направлена на популяризацию исторических знаний и оперативный обмен новейшими разработками в евразийской степной археологии между отечественными и зарубежными учеными и заинтересованными читателями. Степи Евразии являются важнейшим регионом, история которого непосредственно влияла на процессы культурогенеза и этногенеза как в древности, так и в средневековье, связывая цивилизации Востока и Запада. Археологические исследования на данной территории остаются ценным источником реконструкции многих исторических процессов и важным фактором для понимания современных процессов мировой интеграции в Евразийском регионе.

Журнал приветствует естественнонаучные исследования в области археологии и исторических реконструкций.

С целью обеспечения высокого качества публикуемых материалов рецензентами выступают ведущие российские и зарубежные специалисты в различных областях знаний и периодах истории. Публикация полевых исследований допускается при наличии в статье глубокого анализа материалов с учетом достижений мировой науки.

Цели журнала – освещение и обсуждение актуальных теоретических и практических проблем археологии, использование естественнонаучных методов в области археологии евразийских степей и сопредельных территорий; информирование научной общественности о достижениях в области полевой и теоретической археологии в древности и средневековье.

Задачи журнала:

- публикация аналитических научных статей, рецензий и критических обзоров;
- оперативное введение в научный оборот результатов полевых археологических исследований;
- организация дискуссий по наиболее актуальным проблемам археологии евразийских степей и сопредельных территорий;
- развитие научных контактов между специалистами в области археологии и естественнонаучных дисциплин;
- обзор прошедших и анонс предстоящих научных мероприятий по археологии и междисциплинарным исследованиям;
- поддержание высокого уровня научных публикаций.

The mission of *The Lower Volga Archaeological Bulletin* is to create favorable conditions for scientific communication, promoting and exchanging the latest achievements in the Archaeology of Eurasian steppes and adjacent territories; to enrich the science with new archaeological sources; to present the most recent advances and innovations in the contemporary Archaeology to a wide range of researchers.

The aim of the journal is to cover and discuss current research issues related to Archaeology and scientific methods applied to the Archaeology of Eurasian steppes and adjacent territories; to inform the scientific community on the achievements of field and theoretical Archaeology in ancient times and the Middle Ages.

The editorial policy of the journal is aimed at the historical knowledge popularization and rapid exchange of the latest developments in the Eurasian steppe Archaeology between Russian and foreign scholars. The Eurasian steppes are a very important region. Its history had a direct impact on the processes of culture-genesis and ethnogenesis both in ancient times and in the Middle Ages and connected Eastern and Western civilizations. Archaeological research in this territory remains a valuable source of reconstructing many historical processes and a key factor for understanding modern world integration processes in the Eurasian region.

The journal welcomes natural scientific research applied to Archaeology and historical reconstructions.

To ensure the high quality of published materials the international team of leading experts in various disciplines, fields and historical periods provide their reviews. We publish field studies only if the article contains the in-depth analysis of materials and takes into account the achievements of world science.

The objectives of the journal are to:

- publish research papers, reviews and critical notes;
- present research findings to end users in the most useful way;
- create a platform for discussing challenges related to the Archaeology of the Eurasian steppes and adjacent territories;
- develop scientific contacts between experts in Archaeology and Natural Sciences;
- review the past scientific events in Archaeology and interdisciplinary studies and announce the future ones;
- maintain the high level of academic publications.

УСЛОВИЯ И ПРАВИЛА ОПУБЛИКОВАНИЯ СТАТЕЙ В ЖУРНАЛЕ

1. Редакционная коллегия журнала принимает к печати оригинальные авторские статьи.

2. Подача, рецензирование, редактирование и публикация статей в журнале являются бесплатными. Никаких авторских взносов не предусмотрено.

3. Авторство должно ограничиваться теми, кто внес значительный вклад в концепцию, дизайн, исполнение или интерпретацию исследования. Все они должны быть указаны в качестве соавторов.

4. Статья должна быть актуальной, обладать новизной, содержать постановку задач (проблем), описание основных результатов исследования, полученных автором, выводы. Представляемая для публикации статья не должна быть ранее опубликована в других изданиях.

5. Автор несет полную ответственность за подбор и достоверность приведенных фактов, цитат, статистических и социологических данных, имен собственных, географических названий и прочих сведений, за точность библиографической информации, содержащейся в статье.

6. В случае обнаружения ошибок или неточностей в своей опубликованной работе автор обязан незамедлительно уведомить редактора журнала (или издателя) и сотрудничать с ним, чтобы отменить или исправить статью.

7. Автор обязан указать все источники финансирования исследования.

8. Представленная статья должна соответствовать **принятым журналом правилам оформления**.

9. Текст статьи представляется по электронной почте на адрес редколлегии журнала (nav@volsu.ru). Бумажный вариант не требуется. **Обязательно** наличие сопроводительных документов.

10. Полнотекстовые версии статей, аннотации, ключевые слова, информация об авторах на русском и английском языках размещаются в **открытом доступе (Open Access)** в Интернете.

Отправка автором рукописи статьи и сопроводительных документов на e-mail редакции nav@volsu.ru является формой **акцента оферты** на принятие договора (публичной оферты) предоставления права использования произведения в периодическом печатном издании «Нижеволжский археологический вестник».

Редколлегия приступает к работе со статьей после получения всех сопроводительных документов по электронной почте. Решение о публикации статей принимается после рецензирования. Редакция оставляет за собой право отклонить или отправить представленные статьи на доработку на основании соответствующих заключений рецензентов. Переработанные варианты статей рассматриваются заново.

Среднее количество времени между подачей и принятием статьи составляет восемь недель.

Подробнее о процессе подачи, направления, рецензирования и опубликования научных статей см.: <https://nav.jvolsu.com> («Для авторов»).

CONDITIONS AND RULES OF PUBLICATION IN THE JOURNAL

1. The editorial staff of *The Lower Volga Archaeological Bulletin* publishes only original articles.

2. The submission, reviewing, editing and publication of articles in the journal are free of charge. No author fees are involved.

3. Authorship should be limited to those who have made a significant contribution to the conception, design, execution, or interpretation of the reported study. All those who have made significant contributions should be listed as co-authors.

4. An article must be relevant and must include a task (issue) statement, the description of main research results and conclusions. The submitted article must not be previously published in other journals.

5. The author bears full responsibility for the selection and accuracy of facts, citations, statistical and sociological data, proper names, geographical names, bibliographic information and other data contained in the article.

6. When the author discovers a significant error or inaccuracy in his/her own published work, it is the author's obligation to promptly notify the journal editor or publisher and cooperate with the editor or publisher to retract or correct the article.

7. The author must disclose all sources of the financial support for the article.

8. The submitted article must comply with the **journal's format requirements**.

9. Articles should be submitted in electronic format only via e-mail nav@volsu.ru. The author **must** submit the article accompanied by cover documents.

10. Full-text versions of published articles and their metadata (abstracts, key words, information about the author(s) in Russian and English) are available in **Open Access** on the Internet.

Submitting an article and cover documents via the indicated e-mail nav@volsu.ru, the author **accepts the offer** of granting rights (public offer) to use the article in *The Lower Volga Archaeological Bulletin* print periodical.

The editorial staff starts the reviewing process after receiving all cover documents via e-mail.

The decision to publish articles is made by the editorial staff after reviewing. The editors reserve the right to reject or send submitted articles for revision on the basis of the relevant opinions of the reviewers. Revised versions of articles are reviewed repeatedly.

The review usually takes 8 weeks.

For more detailed information regarding the submission, review and publication of academic articles, please refer to the journal's website <https://nav.jvolsu.com/index.php/en> (section "For Author").

ISSN 2587-8123

9 772587 812260